

ИЗГНАНИЕ
НАПОЛЕОНА
ИЗ МОСКВЫ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1938

ИЗГНАНИЕ
НАПОЛЕОНА
ИЗ МОСКВЫ

С Б О Р Н И К

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

1938

Составитель сборника
Ф. А. ГАРИН

Введение написано
старшим научным сотрудником
Государственного Исторического Музея
П. Г. РЫНДЗЮНСКИМ

Именной и географический указатели составил
П. Н. МИЛЛЕР

Консультация
профессора
А. В. ШЕСТАКОВА
профессора
Е. В. ТАРЛЕ
доцента
Б. Е. СЫРОЕЧКОВСКОГО

ВВЕДЕНИЕ

В 1937 году исполнилось 125 лет со времени нашествия Наполеона на Москву и изгнания его из пределов России русским народом.

Эти крупнейшие события в истории нашей родины являются одной из ее наиболее примечательных и красочных страниц.

Наполеон шел на нашу страну под откровенным лозунгом империалистического захватничества. Он беззастенчиво рассчитывал подчинить своей воле страну с многомиллионным населением. Он выступал здесь талантливым выразителем интересов молодой французской буржуазии, стремившейся проложить для себя новый сухопутный путь в Индию и тем самым нанести сокрушительный удар конкурирующему английскому капитализму, а также принудить Россию строго выполнять правила установленной Наполеоном «континентальной блокады», то есть не торговать с англичанами.

Русский народ дал достойный отпор этому вторжению, несмотря на то, что подлинные народные чувства и устремления могли в ту эпоху жестокого крепостничества пробиваться наружу только с очень большим трудом.

Наполеоновские войны, начиная с 1805 года, успели многому научить русскую армию. Она постепенно все больше воспринимала элементы новой тактики, развитой с таким талантом и блеском Наполеоном Бонапартом в период национально-освободительных войн юной французской республики. Отдельные представители командного состава русской армии, — несмотря на то, что в высших сферах господствовали отжившие идеи немецко-доктринерской военной школы, — сумели шагнуть далеко вперед в обновлении военного искусства. К этому они бы-

ли подготовлены школой гениального и смелого реформатора русской армии А. В. Суворова.

Нетрудно проследить, как в ходе войны 1812 года все большее и большее значение приобретали свежие и гибкие приемы национально-освободительной войны, вытесняя устаревшую и неуклюжую военную тактику, которой еще недавно принадлежала решающая роль в действиях русской армии.

Оценивая обветшавшую военно-прусскую школу, К. Клаузевиц, «...один из великих писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем» (*Ленин*)¹, писал: «Все беспристрастные люди, наблюдавшие Пруссию в 1806 году и ранее этого, пришли к тому мнению, что причиной ее гибели было стремление сохранить старые формы, неумеренная и тщеславная вера в них заставила позабыть, что эти формы уже лишены живого содержания. Слышался еще шум работы машин, но никто не спрашивал, выполняют ли они действительно свою работу».²

Между тем на первых этапах войны 1812 года стратегию и тактику русской армии должен был осуществлять именно прусский генерал, офицер прусского генштаба Пфуль. Л. Н. Толстой в своей эпопее «Война и мир» дал убийственно отрицательную характеристику этому доктринеру, пламенному поклоннику военно-прусской схоластики.

Клаузевица нельзя заподозрить в каком-либо пристрастном недоброжелательстве к своему соотечественнику Пфулю, которого он считает «очень умным и образованным человеком». К. Клаузевиц пишет о Пфуле:

«...он не имел никаких практических знаний. Он давно уже вел настолько замкнутую умственную жизнь, что решительно ничего не знал о мире повседневных явлений. Юлий Цезарь и Фридрих Второй были его любимыми авторами и героями. Он почти исключительно был занят бесплодными мудрствованиями над их военным искусством, не оплодотворенным хотя бы в малейшей степени духом исторического исследования. Явления новейших войн коснулись его лишь поверхностно. Таким образом, он составил себе крайне одностороннюю и скудную систему представлений о военном искусстве, которая не могла бы выдержать ни философской критики, ни исторических сопоставлений.

...в его образовании наблюдался почти полный пробел в отношении исторической критики, а в жизни отсутствовало какое

¹ Том XVIII, стр. 249.

² К. Клаузевиц, Известия о Пруссии в ее великой катастрофе.

бы то ни было соприкосновение с внешним миром... Он был... побеждаем самыми ничтожными явлениями мира действительности... Он, подобно другим офицерам генерального штаба, занимался иллюзорной деятельностью и все время вращался исключительно в мире абстрактных идей.

...Если бы император Александр обладал большим знанием людей, он, конечно, не проникся бы особым доверием к способностям человека, который так рано покидает побежденную сторону¹ и при этом ведет себя столь нетактично».

Мы несколько подробнее остановились на характеристике Пфуля, так как именно его взгляды определяли первоначальные стратегические планы русской армии вплоть до того времени, когда они были отклонены под давлением русских генералов, стоявших гораздо выше Пфуля по своим стратегическим способностям.

Вторжение Наполеона в Россию началось переходом через Неман 24 июня (н. ст.)² без предварительного объявления войны России. Несмотря на старания французского императора скрыть готовящуюся грандиозную кампанию, Россия задолго знала о ней, так как работа секретных осведомителей была широко поставлена во всех странах.

Прусский генерал Пфуль составил оборонительный план, согласно которому и были расположены русские войска и проведена вся подготовка России к войне. Однако, этот план, разработанный одним из представителей немецкого военного окружения Александра I, оказался, не будучи даже приведенным в действие, совершенно несостоятельным. Более того, он мог бы оказаться губительным для России, поскольку 130-тысячную русскую армию он разбивал на три части с очень растянутым фронтом.

План Пфуля, последователя не выдержавшей испытания времени фридриховской тактики, мог быть действенным в борьбе с громоздкой феодальной армией. Применение его в войне с превосходящей численно армией, впитавшей в себя богатейший опыт многих передовых национально-освободительных войн, было совершенно наивной затеей.

Вместе с отказом от плана Пфуля руководство военными операциями перешло в руки лучших русских полководцев. Императорская квартира непосредственно в это дело больше не

¹ То есть свою родину — Пруссию. — *Прим. ред.*

² Все даты даны по новому стилю.

вмешивалась. Таким образом, ее необоснованное посягательство на руководство военными действиями получило второе крупное поражение после Аустерлица.

М. Б. Барклай-де-Толли сумел правильно и быстро найти нужное решение. «Он был бесспорно лучший генерал Александра, непритязательный, настойчивый, решительный и полный здравого смысла» (К. Маркс)¹. Надо было растянуть коммуникационные линии, соединяющие войска Наполеона с его тылом, не давая им решающего сражения. Этот план был тем более верен, что солдаты Наполеона, не только многочисленных национальных, но и основных французских полков, были очень мало заинтересованы в успешном исходе его необычайно сложного и изнурительного предприятия. Длительное пребывание в чужой стране и среди чужого, резко враждебного народа должно было губительно сказаться и сказалось на состоянии армии Наполеона.

Огромнейшая пятисотысячная наполеоновская армия действовала без достаточного согласования своих операций. Отставание правого крыла армии Наполеона, под командованием Евгения Богарне и Жерома Бонапарта, от левого крыла и центра, которыми руководил лично Наполеон, дало возможность русской второй армии во-время начать отступление (28 июня) для соединения с первой, которая отступила за несколько дней ранее. Соединение армий произошло, как известно, под Смоленском 3 августа. Для обороны Петербурга был выделен специальный корпус Витгенштейна, успешно действовавший против французского корпуса Удино. Но Наполеон стремился только к Москве, расценивая ее захват как решающий успех в ходе «русской кампании». Здесь, бесспорно, сказалась не только личная ошибка Наполеона, недооценившего специфических особенностей России по сравнению, например, с немецкими государствами Европы. Наполеон, как это ни удивительно для такого искусного политика, не учел огромных опасностей войны в России, с ее необъятными просторами и неисчерпаемыми людскими ресурсами, с ее народом, исполненным гневной решимости отстаивать свою национальную независимость. Повидимому, действиями Наполеона руководила также неотложная необходимость поскорее объявить своей стране и всему миру о большой новой удаче, чтобы еще более упрочить свое положение и свое правительство. «А что из себя представляло наполеоновское правительство? Буржуазное правительство, которое задушило французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной бур-

¹ Собр. соч., т. XI, ч. II, стр. 570.

жуазии» (И. Сталин)¹. Наполеон, не задерживаясь в Смоленске для планомерного закрепления своих успехов, поспешил вперед, пренебрежительно относясь ко все более крепнувшему, становившемуся с каждой неделей все более организованным сопротивлению русских крестьян и к плохой организации снабжения своей армии.

Отступление русской армии сопровождалось небольшими столкновениями с неприятелем. Сражение под Красным около Смоленска (14 августа) выделяется не только своими более крупными размерами, но и той замечательной находчивостью и упорством, которые проявила 27-я пехотная дивизия под командованием Неверовского. В очень опасную минуту, когда неприятель мог отрезать отступление и окружить почти всю русскую армию, Неверовский сумел, вопреки всем принятым правилам старой военной тактики, задержать врага своими гораздо более малочисленными силами, построенными в боевую колонну. Проводить тактику отступления, которая была в данных условиях единственно правильной, Барклаю-де-Толли было очень не легко: ему приходилось преодолевать сопротивление не только казенно-«патриотических» дворянских и купеческих кругов, но и подлинный патриотизм широких масс рядового состава армии, отражавшего настроения и помыслы большинства русского народа. «Великой заслугой Барклая-де-Толли является то, что он не уступил невежественным требованиям дать сражение, исходившим как от рядового состава русской армии, так и из главной квартиры; он выполнил отступление с замечательным искусством, непрерывно вводя в дело то ту, то другую часть своих войск, с целью дать князю Багратиону возможность выполнить свое соединение с ним и облегчить адмиралу Чичагову нападение на тыл неприятеля» (К. Маркс)².

Рядовой состав и большинство командного состава русской армии оказывали активное сопротивление дальнейшему отступлению русских. Ярким свидетельством царивших в армии настроений может служить, например, письмо неизвестного офицера в августе перед Бородинским сражением: «Наполеон обманет, если с ним воевать на маневрах, которыми он нас порядочно изнуряет. С ним надо по-суворовски — вперед и никогда назад и драться до последнего, вот тогда он мог бы погибнуть»³.

Выразителями этих настроений в высшем командном составе был Багратион, командующий 2-й западной армией.

¹ О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников, стр. 10, Партиздат, 1937 г.

² Собр. соч., т. XI, ч. II, стр. 569—570.

³ Военно-ученый архив № 3593.

29 августа в Царево-Займище прибыл в армию вновь назначенный главнокомандующий армией Кутузов. Со стороны Александра I назначение нелюбимого им Кутузова явилось вынужденным, под давлением общественного мнения. В действительности этот выбор сыграл очень положительную роль.

«Его (Кутузова — *Ред.*) организаторским способностям, военному таланту, выдержке и умению поднимать дух войск в значительной степени обязан своим неслыханным поражением Наполеон — император французов, властелин Европы.

Михаил Илларионович Кутузов был человеком суворовской школы — одним из тех, кто разделял боевую славу героя великих походов. Суворов чрезвычайно высоко оценивал Кутузова. После блистательного штурма Измаила, сильнейшей турецкой крепости, Суворов говорил про Кутузова: «Он шел у меня на левом крыле, но был правою моею рукой»...

Кутузова не любил император Александр I. Мелочной, придирчивый, коварный и завистливый, царь не жаловал старого генерала своей милостью. Любимцем царя был Аракчеев, палач солдат. Александру очень хотелось обладать военными талантами, Кутузов оценивал его таланты крайне низко и не стеснялся об этом говорить. Александр обожал парады и павловскую муштру. Кутузов относился к ним резко отрицательно. Александр больше всего на свете ценил воинскую выправку и блеск мундира. Кутузов частенько ходил в старом походном сюртуке, без эполет, Александр, подобно своему отцу Павлу и младшему брату Николаю, был тонким знатоком шагистики. Кутузов, напротив, — сторонником облегчения солдата от нелепых и тягостных условностей тогдашней военной службы. В день отъезда Кутузова в армию Александр сказал: «Публика желала назначения его, я назначил его: что касается меня лично, то я умываю руки».

Зато армия и народ с восторгом встретили назначение Кутузова главнокомандующим»¹.

Недоверие к тактике Барклая широко укоренилось в народе. Крупное сражение с неприятелем чрезвычайно укрепило бы боевое настроение и сплотило бы ряды русской армии. Багратион это отчетливо сознавал. Старый, опытный полководец Кутузов сочетал большое знание военного дела с верным пониманием народных настроений. Кутузов понял необходимость дать генеральный бой врагу.

Во время Бородинского сражения накопившаяся ненависть русских солдат — сыновей народа к врагу проявилась в огромной мере. Упорство и настойчивость русской армии поразили даже Наполеона. «Из всех моих сражений самое ужасное то, ко-

¹ «Правда» от 2 сентября 1937 г.

М. И. КУТУЗОВ.

торое я дал под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми» (Наполеон).

Русские войска оказались недостаточно подготовленными к этой исторической битве: укрепления не были сооружены до конца, а самое главное — они, как и части русской армии, были расположены на основе неправильно рассчитанного направления движения противника. Укрепления шли вдоль реки Колочи и пересекали новую Смоленскую дорогу, по которой развивалось наступление. Здесь находилось центральное укрепление русских — «батарея Раевского». Фронт кончался у деревни Шевардино, возле которой был сооружен так называемый «Шевардинский редут». Дальше укрепления обрывались, оставляя противнику возможность обойти русскую армию по старой Смоленской дороге в случае, если он свой удар направит не только на правое, но и на левое крыло русских позиций.

Наполеон и построил свой первоначальный план боя, исходя именно из этих недостатков русских позиций. Чтобы дать возможность русской армии на ходу исправить допущенные первоначальные ошибки, героические защитники Шевардинского редута, несмотря на свою малочисленность, задержали основные силы противника в бою 5 сентября. За этот срок командование успело улучшить расположение наших частей: левое крыло укрепили и повернули фронтом против движения противника, крайний его фланг пересекал старую Смоленскую дорогу у деревни Утицы.

Основные операции замечательного Бородинского сражения 7 сентября заключались в следующем. Исполняя первоначальный план Наполеона, французы с утра обрушились на левый фланг русских — на Семеновские флеши; вскоре затем польский маршал Понятовский повел наступление у деревни Утицы против корпуса Тучкова 1-го. Флеши были взяты к 12 часам дня лишь после восьми ожесточенных атак, во время последней из которых был смертельно ранен Багратион.

Сражение передвинулось к центральному бородинскому укреплению — батарее Раевского, которая к 12 часам дня уже успела отразить две безуспешные атаки французов. По пути от Семеновских флешей к этому укреплению французы встретили энергичное сопротивление у так называемого Семеновского оврага, у края которого расположена деревня Семеновская. Решающая, третья атака на батарею Раевского была задержана на два часа замечательным по смелости кавалерийским набегом в тыл французов под руководством Платова и Уварова по прямому приказу Кутузова.

Сдачей батареи Раевского после третьей атаки (к 3 часам дня) и отходом Багговута, сменившего убитого Тучкова 1-го, от

Утицкого кургана (в 4 часа дня) в основном закончилось Бородинское сражение. Русские, естественно, не могли задержать наступательный ход врага к Москве, но значительно расстроили его силы, не говоря уже об огромных потерях, которые понесла армия Наполеона (около 50 тысяч).

Русские солдаты, отстаивавшие национальную независимость своего отечества, проявляли героическую инициативу и отвагу. Это в особенности сказалось в формировании партизанских отрядов. Их методы действий взрывали рутинную тактику крепостнических армий.

«Грозная эпоха 1812 года, ознаменованная столь чрезвычайными событиями, причинила России изменение в главной части военного искусства: системы Бюлова и подобных ему мечтателей пали, и партизанская война поступила в состав предначертаний общего действия армий». Это писал один из инициаторов партизанских отрядов, известный Денис Давыдов. Его отряд и отряды других партизан состояли из небольших соединений кавалерии, главным образом казаков и войск национальных меньшинств (башкиры и др.), которым были присущи подвижность и гибкость в стычках и разведках, деморализовавшие противника. К этим отрядам впоследствии примкнули во множестве крестьяне, которые были вторым элементом, еще более мощным и многозначительным в партизанском движении.

Русская армия продолжала отступать, за ней следом шли наполеоновские армии. В результате совещания в Филях 13 сентября было решено сдать Москву без боя в целях сохранения и укрепления армии для дальнейших решающих боев.

14 сентября французская армия вступила в Москву, следуя по пятам за уходящим русским арьергардом Милорадовича.

* * *

Настоящий сборник материалов из воспоминаний, писем современников и литературных произведений поможет восстановить события замечательных дней, пережитых Москвой в 1812 году. Читатель убедится, что хотя жизнь в Москве в период пребывания и господства там французов и очень подробно освещена в мемуарах (приведенные материалы далеко не исчерпывают всех имеющихся), однако, многие чрезвычайно существенные, принципиальные вопросы остаются неосвещенными и неразрешенными.

Фактическая же сторона событий восстанавливается легко. Французы надеялись в Москве получить не только необходимый отдых и подкрепление продовольствием после длительного марша, но и некоторое официальное признание со стороны противника их побед и успехов. Но в первые же дни после всту-

пленения Наполеона в Москву у него рухнула надежда на такое признание. Мемуары передают известную сцену ожидания Наполеоном на Поклонной горе традиционной церемонии передачи города победителю, к которой он привык в Западной Европе. Однако, депутация «бояр» не явилась. И победителю первую ночь в Москве пришлось провести в небольшом трактире в Дорогомиловской слободе.

Потеряв из виду русскую армию, Наполеон вознамерился захватить ее, окружив Москву своими корпусами.

Начальнику русского арьергарда Милорадовичу маневрами и дипломатическими переговорами с Мюратом удалось задержать французские войска, и основные силы русской армии успели выйти на Рязанскую дорогу. 15 сентября Наполеон въехал в Кремль; его маршалы расположились в домах московской знати и купечества.

При этом произошло интересное событие, к сожалению, недостаточно освещенное в исторических материалах. У ворот Кремля несколько сот москвичей «низшего звания» с помощью явно негодного оружия сделали безумно смелую попытку организовать оборону Кремля, но были быстро разбиты генералом Себастьяни.

В день вступления французов в Москву уже начались пожары. Пожар Москвы распространился очень быстро, что свидетельствует о несомненно умышленной его организации.

Днем 16 сентября, спустя сутки после своего приезда, Наполеон оказался вынужденным бежать из Кремля в Петровский дворец за Тверской заставой. Подробное описание этого бегства в «Записках» Сегюра говорит о чрезвычайной силе пожара, угрожавшей жизни императора и его спутников.

После того как пожар успел обойти всю площадь города, он начал стихать к 20 сентября. К этому времени Наполеон вновь вернулся в Кремль. Французы сделали попытку восстановить порядок, прекратить пожары и царившие в Москве грабежи и разбои. 24 сентября комиссия под председательством генерала Лауера, созданная по распоряжению маршала Мортье, приговорила к смерти как поджигателей десять случайно схваченных русских граждан, главным образом мастеровых и дворовых, и 16—к тюремному заключению. Опубликованный протокол следствия и суда должен был прикрыть массовые расстрелы без суда сотен людей, обвиненных в том же.

Рядом указов о запрещении грабежа Мортье делал тщетные попытки прекратить разложение французской армии, ввести этот грабег в определенные дозволенные рамки. Именно этими заботами, осложненными тревожными известиями об окружении Москвы русскими войсками, и было главным образом заполнено месячное пребывание командиров французской ар-

мии в Москве. Начавшееся еще со времени похода на Москву разложение армии Наполеона, упадок дисциплины и грабежи прогрессировали в Москве с каждым днем. Армия «победителей» не получила здесь ожидаемого материального подкрепления, а о моральном удовлетворении победой не могло быть и речи, поскольку разноплеменный состав наполеоновской армии оставался совершенно безразличным к итогам этой злосчастной для Наполеона войны.

Чрезвычайно сложен вопрос о причинах пожара и поджогов Москвы. Исторические материалы освещают этот вопрос крайне противоречиво. Даже свидетельства современников носят в этом вопросе лишь характер догадок, и поэтому, при отсутствии объективных данных, историку очень трудно притти к бесспорным выводам. Однако, можно с вескими к тому основаниями высказать наиболее вероятное предположение, безусловно близкое к истине.

Наименее вероятно, чтобы поджигателями Москвы явились люди из армии Наполеона. В сожжении Москвы в период победоносного вторжения в нее французы были менее всего заинтересованы. Кроме того, ведь пожары стали интенсивно распространяться уже в момент вступления в Москву французской армии. В организации пожара совершенно бесспорна большая роль московского генерал-губернатора Ростопчина. О возможности и необходимости организации его он говорил еще задолго до сентября 1812 года. Перед отъездом он принял меры, которые затруднили бы ликвидацию возникшего пожара, и, может быть, дал непосредственные распоряжения своим агентам о поджоге. Французские источники единогласно указывают на Ростопчина как на организатора пожара. Разумеется, выполнение такого громадного предприятия могло быть осуществлено лишь благодаря тому, что оно отвечало настроениям московских мастеровых и дворовых. Вместе с открытым выступлением у ворот Кремля поджоги являлись несомненно, одной из форм протеста трудящихся масс, хотя и в более скрытой и пассивной форме, против беззастенчивого вторжения Наполеона в столицу и грубого насилия над русской страной и народом. Именно этот патриотический протест, сыгравший большую роль в поражении Наполеона и изгнании его армии из России, и послужил в первую очередь причиной московских пожаров. Вероятно, здесь немалое значение имела также ненависть к московским дворянам, беженцам из Москвы. В воспоминаниях современников часто сообщается, как убегавших из Москвы в своих каретах дворян окрестные крестьяне встречали с ненавистью, как предателей родины.

Таким образом, указывая на Ростопчина как на организатора поджога, следует помнить, что эту свою роль он смог вы-

поднять, лишь согласовав свои действия с народными настроениями. Интересно, что сам Наполеон истолковывал пожары как проявление народного гнева против французской армии не только в Москве, но и на всей захваченной им русской территории. «Точно так же поступают начиная с самого Смоленска, и от этого доведено до нищеты 600 тысяч семейств», — писал Наполеон в письме к Александру 21 сентября с предложением перемирия и оставления им Москвы.

В конце сентября Наполеон еще пытался наладить общественную жизнь в захваченном им городе, хотя вряд ли сам верил в действенность своих попыток. Путем насилия было сколочено некое подобие муниципального управления, начальником которого назначен был Лессепс, а в члены его завербовали нескольких русских купцов и чиновников. Городским головой был назначен купец Находкин.

Авангард наполеоновской армии под командованием Себастьяни продолжал следовать за казачьими отрядами, нарочно высланными Кутузовым на Рязанскую дорогу, чтобы сбить с толку французов. Но 22 сентября Наполеон получил донесение о том, что Себастьяни потерял из виду основные русские силы, и лишь спустя несколько дней, 26 сентября, стало известно, что русская армия сосредоточилась у Тарутина.

К этим тревожным для французского командования сообщениям прибавились также известия об активных действиях партизан из крестьян и казаков, которые окружили Москву и совершали набеги на наиболее уязвимые участки французской армии и ее коммуникации.

Офицер Брандт, доставивший донесение Себастьяни от 22 сентября, заявил, что на глазах у французского авангарда русская армия уступила место многочисленным отрядам партизан из крестьян и казаков. Спрошенный по приказанию Наполеона: «Не предполагаете ли вы, что эти вооруженные крестьяне представляют полное народное восстание?» — Брандт не ответил утвердительно, но прибавил, что «эти отряды гораздо сильнее испанских гверильясов, хотя и хуже их вооружены».

Крестьянские и казачьи партизанские отряды наносили огромный ущерб армии Наполеона. Разлагающаяся армия захватчиков оторванная от родины, была окружена резкой враждебностью основного населения России. Крестьяне, восставшие на защиту своей родины, показали образцы исключительной отваги и смелости в борьбе с неприятелем. Нередко отряды возглавлялись и даже в основном состояли из женщин.

В событиях 1812 года особенно замечательным явлением было именно активное народное патриотическое движение, охватившее нашу страну. Оно в наиболее трудный момент вой-

ны явилось ведущей силой в борьбе русских против наполеоновской армии, так как только боязнь народного возмущения заставила Александра I отказаться от каких бы то ни было шагов к примирению и сдаче позиций противнику, к которым было склонно все придворное окружение. То, что происходило во всей стране, очень ярко характеризуется, например, событиями в декабре 1812 года в городе Инсаре и нескольких других мелких городах Пензенской губернии.

В Инсаре скопилось множество ополченцев. Усердная казенно-патриотическая пропаганда, проводимая среди них, очень мало соответствовала подлинным народно-патриотическим чувствам ополченцев и ни в какой мере не мешала командному составу, дворянам и помещикам, беззастенчиво и безудержно грабить солдат. Выведенные из терпения пензенские ополченцы решили расправиться со своими начальниками. Полковник был арестован восставшими; остальные офицеры спрятались в мезонине полковничьего дома, показав образцы позорной трусости. Ополченцы выбрали из своей среды наиболее распорядительного человека, которого называли полковником. План действий восставших заключался в том, чтобы, расправившись со своим начальством, выступить самим против иностранных захватчиков. Ободренные, голодные, ограбленные офицерами и начальством пензенские ополченцы тем не менее проявили горячую и единодушную готовность сражаться за свою родину. Царское правительство жестоко расправилось с восставшими.

События в Инсаре служат замечательно ярким примером патриотизма русского народа, несмотря на те невероятно тяжелые условия, в каких он находился при крепостническом строе. Василису Кожину, Герасима Курина и других предводителей крестьянских отрядов, имена которых в большинстве случаев история не сохранила, мы причисляем к действительным героям войны 1812 года, наиболее честно, преданно и храбро выступавшим на защиту своей родины.

Надо подчеркнуть, что проявление патриотизма со стороны крестьянства чрезвычайно осложнилось основным злом, царившим в александровской России, — крепостным правом. В особенности оно осложняло участие крестьян в армии в 1812 году. Крестьянство, несмотря на это, было полно патриотической готовности вести кровопролитную борьбу с захватчиками.

Неудивительно, что в этих условиях утром 19 октября Наполеон вместе со своей армией оставил Москву. Оккупация Москвы французами длилась всего 36 дней. К этому времени неутешительные известия поступили также от других частей французской армии — Шварценберга на юго-западе и Макдональда и Сен-Сира на северо-западе. Такие же неутешительные для Наполеона известия приходили из далекой Испании.

Покинув Москву, Наполеон вместе со своей армией должен был отступать из России в окружении враждебного ему народа, преследуемый окрепнувшей русской армией. В силу этого границы России достигли только жалкие остатки «великой армии».

Сравнительно легко покорив раздробленные немецкие феодальные государства, разгромив даже и первоклассные военные державы Пруссию и Австрию, Наполеон встретил в 1812 году в Европе подлинно решительное сопротивление только в двух странах — в Испании и в России.

Отстаивая свою независимость, испанский народ показал пример героической защиты своего отечества от посягательств захватчиков. Русский народ нанес первый сокрушительный удар безраздельно господствовавшему до того в Европе империалистическому хищнику. Война 1812 года явилась мощным прогрессивным фактором в истории народов СССР. Война не могла не вскрыть загнивания крепостнического строя. Она наглядно доказала, что новый буржуазный строй, пришедший на смену феодальному крепостничеству, вызвал к жизни новые, несравненно более действенные военные методы. И, наконец, основное: война, принявшая подлинно всенародный характер, не могла не внушить ее участникам правильной мысли, что родина, которую они самоотверженно защищали ценой своей жизни и крови, должна дать им человеческие права.

«В 1812 году когда крестьян призывали записываться в ополчение, им, хотя и неофициально, но с молчаливого согласия императора, было обещано освобождение как награда за патриотизм; с людьми, защитившими святую Русь, нельзя-де дальше обращаться как с рабами» (К. Маркс)¹. Если крестьяне в 1812 году оказались грубо обманутыми в своих законных надеждах, то этот обман не мог пройти бесследно: ненависть к крепостничеству приняла гораздо более активную форму.

Контрреволюционная политика Наполеона с ее империалистическими тенденциями вызвала в Европе волну национально-освободительного движения, имевшего большое прогрессивное значение. В войну 1812 года Россия присоединилась к этому быстрому продвижению Европы вперед. Сущность и значение войн Наполеона для истории замечательно охарактеризовал В. И. Ленин:

«Империалистские войны Наполеона продолжались много лет, захватили целую эпоху, показали необыкновенно сложную сеть сплетающихся империалистских² отношений с националь-

¹ Собр. соч., т. XI, ч. I, стр. 543.

² Империализмом я называю здесь грабеж чужих стран вообще, империалистской войной — войну хищников за раздел такой добычи. — *Прим. Ленина.*

но-освободительными движениями. И в результате история шла через всю эту необычно богатую войнами и трагедиями (трагедиями целых народов), эпоху вперед от феодализма — к «свободному» капитализму» (Ленин)¹.

В юбилейные дни Бородинской битвы «Правда» писала о войне 1812 года:

«Это была народная война. Русский народ, который в своей истории не раз восставал против угнетателей, против бояр и помещиков, сознавал, что на этот раз новые угнетатели идут из-за исторических рубежей. По своей собственной инициативе, не ожидая призыва от правительства, народ начал народную, партизанскую войну... Партизанская война началась еще до отступления Наполеона, она сопровождала всю войну. Это было стихийное движение, на которое с недоумением и враждой смотрели некоторые военные профессионалы.

Партизанская война была крестьянской войной. Народ дрался за свою национальную независимость, и в подавляющем большинстве это были крестьяне, которые еще не могли сбросить с себя крепостных цепей, но которые борьбой за независимость своего государства, своей земли ясно показывали, что не примирятся никогда и со своим рабским положением.

«Дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но и с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие». Темнота и малая политическая сознательность крестьянства сказались в том, что страшная дубина народной войны, изгнавшая захватчиков с русской земли, не могла повернуться после этого против помещиков, против царя. Крестьянство не имело и не могло иметь такого союзника и руководителя, который сделал впоследствии непобедимым народную социалистическую войну против помещиков и капиталистов. Рабочего класса не было тогда. Фабричные были теми же крепостными крестьянами.

Но то сознание национального своего достоинства, своей национальной силы, которое давало возможность в течение ряда веков отбивать все иноземные нашествия на русскую землю, проявилось в полной мере и при защите России от Наполеона...

...И так же, как дрались крестьяне по своим углам, дрались какие-то неизвестные горожане, москвичи, не оставившие истории своего имени. В оставленной войсками Москве они забаррикадировали Кремль и встретили наполеоновскую армию огнем.

¹ Том XXII, стр. 287.

...Русский народ, хотя и закрепощенный тогда, хотя и темный в подавляющем своем большинстве, проявил огромное национальное сознание...

...Новая героическая эпопея разыгралась много лет спустя, когда рабочий класс в союзе с крестьянством опрокинул капиталистов и помещиков и изгнал всех иностранных захватчиков с земли, принадлежащей народам советской страны. Русскому народу принадлежит в героической социалистической революции виднейшая роль. Он создал великих людей, поднявших знамя пролетарской революции и национального освобождения, революционеров-большевиков. Он выдвинул Ленина и Сталина»¹.

История войны 1812 года, справедливо называемой Отечественной, глубоко поучительна. Она является наглядным и ярчайшим историческим примером того, на какой несокрушимый отпор способен русский народ, когда в границы его родины вторгается наглый враг, когда кто-либо покушается на его национальную независимость.

Страницы истории войны 1812 года, насыщенные примерами высокого, героического патриотизма русских граждан, принадлежат к замечательным страницам истории СССР.

В настоящем сборнике собраны материалы, характеризующие события 1812 года лишь с периода после Бородинской битвы и до изгнания Наполеона из Москвы. События предшествующие и последующие почти не отражены в сборнике.

При отборе материала из огромного количества имеющихся источников основной упор делался не на военную историю кампании 1812 года, а на те свидетельства современников, очевидцев и участников событий 1812 года, которые красочно и ярко рисуют замечательный патриотизм русского народа, его бесстрашный отпор могучему врагу, его возмущение наглым насилием.

Приведен также ряд материалов о героическом партизанском движении, которое явилось одной из решающих причин успешного бегства из России наполеоновской армии.

С достаточной полнотой освещено грабительское поведение захватчиков в «покоренной» ими стране.

Весь материал в сборнике расположен по разделам в примерном соответствии с хронологическим ходом событий: перед вступлением наполеоновской армии в Москву, русская армия и москвичи покидают Москву, наполеоновская армия в Москве,

¹ «Правда» от 8 сентября 1937 г., «Героическая поэма о 1812 годе», статья Д. Осипова.

пожар и грабежи в Москве, в окрестностях Москвы, партизанское движение, изгнание наполеоновской армии. Разумеется, такое разделение материала не может не носить условного характера. Отдельными разделами даны: народное творчество об изгнании наполеоновской армии из Москвы в 1812 году, отрывки из разного рода художественно-литературных произведений и статьи из советской печати о войне 1812 года.

Читатель, желающий воссоздать по данным источникам объективную картину событий в Москве в 1812 году, натолкнется на большие трудности; он увидит в материале многочисленные противоречия и сознательные и бессознательные недоговоренности и искажения. Они зависят от различия в социальной принадлежности и политической ориентации авторов, не говоря уже о различном уровне наблюдательности и тенденциозности, которыми отличаются многие из приведенных здесь воспоминаний.

Читателю необходимо, подходя критически к материалу, знать в основных чертах политическую физиономию того или иного автора, чтобы соответствующим образом делать «поправку» к его освещению событий.

В книге помещен материал авторов самых различных толков и направлений. Мы прежде всего укажем две основные группы источников: 1) сообщения, исходящие от крупных и мелких соратников Наполеона, представителей французской «великой армии», и 2) воспоминания и документы представителей русской армии и русского гражданского населения.

Воспоминания Сегюра, Лабома, Г. Рооса, Тириона, Де-ла-Флиза, И. Руа, Ц. Ложье, Дедема относятся к первой группе материалов. В книге приведены наиболее объективные показания французских мемуаристов, однако, за простым пересказом событий не трудно подметить эволюцию настроений «великой армии», главным образом ее командного состава, так как авторы воспоминаний принадлежали именно к нему. Радужные, восторженные настроения охватывают французских офицеров перед Москвой. Здесь отражаются настроения армии, избалованной многолетними победоносными войнами в Европе. Однако, эти радостные настроения быстро и резко сменяются совершенно противоположными. В воспоминаниях Де-ла-Флиза уже видна тревога за то положение, в которое попала армия Наполеона, только что вступившая в Москву. Наконец, в записках, в особенности Сегюра, Ц. Ложье и др., откровенно сквозят испуг и бессильное отчаяние перед мощным подъемом национально-освободительной борьбы, с которым столкнулась наполеоновская армия, в особенности начиная с момента захвата Москвы.

Таким образом, кроме передачи объективных событий, французские мемуаристы дают представление о моральном состоянии руководящей части наполеоновской армии, а это было немаловажным фактором в ходе «русской кампании».

Из мемуаров офицеров Наполеона особенное внимание привлекают мемуары голландского офицера барона Дедема. Они выгодно отличаются особенно углубленным и критическим подходом к событиям. В отличие от других французских офицеров, он не ослеплен военными успехами Наполеона и умеет оценить последствия его антинародной захватнической политики. «Император мог бы поднять восстание в русских губерниях, если бы он хотел дать волю народу, так как народ этого ожидал, — отмечает Дедем, — но Наполеон был в то время уже не генерал Бонапарт, командовавший республиканскими войсками. Для него было слишком важно упрочить монархизм во Франции и трудно проповедывать революцию в России». Так голландский офицер очень метко отмечает существенный момент политического конфликта, лежащего в основе причины разгрома армии Наполеона.

Значительную часть русских материалов составляют воспоминания рядовых свидетелей грозных событий 1812 года. Эти записки людей самого различного рода — от крепостной дворовой до дворянина — носят зачастую несколько «обывательский», внешний характер. Таковы, например, воспоминания А. П. Полуярославцевой, А. Бестужева-Рюмина, П. Кичеева, Н. Е. Митаревского, М. А. Дмитриева и др. Во всех этих рассказах наиболее существенное заключается в ярком свидетельстве глубокой любви народа к своей родине, сознании несправедливости наполеоновского захвата и твердой решимости с ним бороться, которые широко охватили самые различные круги русского общества. Описания бесчинств и грабежей империалистской армии Наполеона сменяются описаниями многочисленных примеров смелых выступлений отрядов и отдельных представителей возмущенного народа. К этой же группе примыкают воспоминания представителей русской армии — записки артиллериста И. Родожидского (И... Р...), Ф. Растковского. Особенно интересны здесь воспоминания начальника штаба А. П. Ермолова как по широте охвата, так и по проницательности, характерной для этого передового и умного русского генерала.

Наполеоновские войны предшествовали первому открытому выступлению оппозиционного дворянства — восстанию декабристов 1825 года. Это выступление показало, что дворянство уже не было единообразно в своих политических настроениях, что в его среде выделилась небольшая группа, готовая бороться, несмотря на свою малочисленность и оторванность от народа,

с оружием в руках против крепостничества и самодержавия. Этот раскол дворянства ярко отразился также на описаниях событий 1812 года, которые оказали непосредственное влияние на формирование взглядов большинства русских дворянских революционеров.

Крайнее консервативное крыло помещиков, группировавшихся вокруг царского трона, не представлено в настоящем сборнике. Между тем оно более всего проявило самую настоящую трусость, растерянность и готовность капитулировать перед вторгшимися в Россию захватчиками. К этим крайним консерваторам примыкала группа дворян, также откровенно консервативного направления, но сумевших в какой-то степени почувствовать значительность социальных и политических сдвигов в стране. Эта группа представлена в сборнике Карамзиным и Ростопчиным. Они полагали, что война 1812 года при умелой политике может не расшатать крепостнические устои, но еще больше их укрепить. Патриотические высказывания Карамзина отличаются большой напыщенностью, а насквозь фальшивый и демагогический «народный» язык Ростопчина отражает его наивное о себе представление как о «властителе народных дум», народном вожде, ни в малейшей степени, конечно, не соответствовавшее действительности.

Круг будущих декабристов и лиц, связанных с декабристским движением, представлен в сборнике воспоминаниями и письмами П. Г. Каховского, А. Бестужева, Н. И. и А. И. Тургеневых, А. С. Норова, Д. Давыдова, Якушкина, Беляева, Ф. Глинки. Многие элементы отношения декабристов к войне сквозят в письмах М. А. Волковой.

Этот наиболее передовой отряд дворянства смог увидеть в войне 1812 года наиболее прогрессивные ее стороны, именно понять и оценить значение народного патриотического подъема. Эта тема звучит по-разному у различных представителей данной группы. Писания умеренного либерала Глинки отличаются особенно напыщенным стилем, обличающим его не совсем искреннее и отдаленное отношение к подлинно народным настроениям. Неустойчивый и политически не оформившийся либерал, поэт-партизан Д. Давыдов в своем интересном дневнике дал жестокую критику старой военной системы и участия императорского двора в военных действиях. Он первый делал попытки найти организационные формы для новой тактики войны народной; однако, в этом же дневнике мы находим описания его жестокой расправы с крестьянским движением. Яркое свидетельство того, какую большую роль сыграла война 1812 года для кризиса крепостнической системы, дал умеренный либерал, декабрист Н. И. Тургенев в своем проникательном исследовании «Россия и русские». Декабрист Беляев в описании войны

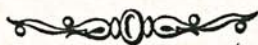
основное место отводит участию в ней крестьянства. В письмах же представителей радикального крыла Северного общества декабристов — П. Г. Каховского, А. А. Бестужева значение войны, как войны народной, звучит со всей силой. В необычайно ярких и смелых выражениях они пред'являют счет крепостническому обществу в лице самого царя Николая I от имени обманутых народных масс, защищавших в 1812 году свою родину.

В настоящем сборнике приведены также отрывки из некоторых художественных литературных произведений, где разрабатывается та же тема: борьба русского народа с наполеоновской армией. Здесь более всего выделяется, конечно, гениальный роман Л. Н. Толстого. Л. Н. Толстой в романе «Война и мир», как никто другой, с несравненной силой художественной выразительности, сумел показать мощный под'ем народных сил. Обличая с огромным талантом прогнившие устои крепостнической системы и, в частности, крепостнической армии, он тем не менее чрезвычайно преувеличил стихийность действий русской армии, не замечая успешных попыток организации военных действий наиболее передовыми и талантливыми русскими генералами, которые использовали стратегические приемы, близкие к народной войне, и тем самым пошли в разрез с правилами крепостнической фридриховской военной системы.

Своей реалистической простотой и правдивостью роман «Война и мир» является прямой противоположностью известному в свое время роману «Рославлев» одного из первых русских исторических романистов, М. Н. Загоскина, чьи произведения носили печать казенного «патриотизма».

Противопоставление этим установкам мы видим в интересной наметке драмы А. С. Грибоедова «1812 год». Написанная накануне декабристского восстания 1825 года, она по идее, в ней заложенной, очень близко подходит к взглядам радикальных декабристов на итоги и значение войны 1812 года для истории народа.

МЕМОАРАЫ
ДНЕВНИКИ
ПИСЬМА
ДОКУМЕНТЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЕРЕД ВСТУПЛЕНИЕМ НАПОЛЕОНОВСКОЙ АРМИИ В МОСКВУ

...22 августа (ст. ст.) через село Бородино войска вошли в избранную новым полководцем позицию, не доходя восьми верст до Можайска. Тут в первый раз увидели мы народное ополчение: русских мужичков с пиками и ружьями...

Пользуясь дневкою, мы на другой день с Фигнером поехали по линии, осматривать расположение войск наших. Наскоро и в ближайшем расстоянии нельзя было бы найти лучшего места. Речка Колоча протекала перед линией, выходя слева из большого леса, и, заворачиваясь около правого фланга, впадала в Москва-реку; возвышения по правому ее берегу с нашей стороны были довольно круты и командовали левым берегом; большая дорога от Смоленска в Москву пересекала реку Колочу при селе Бородине, почти в центре позиции. Высокий курган на нашем берегу, казалось, нарочно предназначен был для обозрения главнокомандующему всего пространства поля битвы. Отсюда цепь возвышений тянулась к левому флангу, закругляясь до большого леса, который покрывал весь этот фланг и тыл наш. На этом-то пространстве, от леса до устья Колочи, почти на семь верст протяжения, расположены были российские войска с резервами в три линии.

По всему фронту на высотах, для прикрытия артиллерии, поделаны были окопы; их строили при нас день и ночь пришедшие ратники ополчения. Во время объезда Фигнер заметил слабость левого фланга нашей позиции, несмотря на редуты, его прикрывающие; он припомнил, что в прошедших кампаниях мы теряли сражения от слабости наших левых флангов, на которые Наполеон всегда устремлялся; он предсказывал и здесь

то же. «Вспомни мое слово, — говорил он, — если Наполеон не бросится всеми силами на этот фланг и не припрет нас к Москва-реке».

По внимательном рассмотрении местоположения, точно, как ни казалась наша позиция крепкою, старая Смоленская дорога к Можайску, идущая через лес против левого фланга, в тыл наш, оставалась незанятою; правый же фланг был слишком растянут от центра позиции к деревне Масловой. Неприятель, следуя от села Валуева против нашей середины к Бородину, мог, по свойству местоположения, развернуться всеми силами против левого фланга и подавить его на средину, занявши старую Смоленскую дорогу; таким образом он мог бы нашу армию запереть в угол между устьем Колочи и Москва-рекою. Однако, последствия показали, что Наполеон, встретившись с русскими войсками, жаждал только решительного сражения и без стратегических тонкостей думал сокрушить нас открытою тактикою. Князь Кутузов вскоре проникнул важность занятия старой Смоленской дороги и в день сражения поставил там корпус генерала Тучкова с егерями и Московское ополчение.

24 августа французы, поднявшись от деревни Гридневой, атаковали арьергард наш, находившийся перед Колоцким монастырем, под начальством генерала Коновницына. Преследование было горячее до самой бородинской позиции. Мы с утра слышали приближающуюся к нам канонаду. Наконец, пополудни, Наполеон имел удовольствие увидеть всю армию нашу в грозном ополчении, готовую встретить его войска решительным боем. Заметив против нашего левого фланга отдельный редут, выставленный ему как бы для приманки, он тотчас приказал своим взять его, и к вечеру редут был в руках французов, хотя с большим для них уроном. Отсюда Наполеон стал развивать свои силы, избравши взятый редут центром наступательных действий.

На другой день войска обеих враждующих армий стояли в виду один против других, в таинственной тишине, какая бывает перед ужасной бурей. Вожди занимались распоряжениями для предстоящей битвы.

Легкая рота артиллерии капитана Фигнера была рассеяна в кустарнике, против Нового Сельда, которое прошедшею ночью нарочно было выжжено, чтобы не могло служить закрытием для неприятелей. Фигнер на досуге пригласил меня и поручика Нагеля съездить за цепь, посмотреть вблизи неприятельский стан. Мы переехали вброд Колочу, против обгорелых развалин сожженной деревушки. Версты за полторы впереди, на поле, увидели мы кавалерийскую цепь французских драгунов, а за нею взвод спешившихся, стоящих на пикете. Поблизости к ним находилась деревня Логинова, где множество кавалери-

стов набирали солому в большие вязанки, с которыми тащились к своим бивакам.

Мы под'ехали в ведетам почти на ружейный выстрел, так что могли разглядеть мужественные лица драгунов под огромными шишаками; они покрыты были светлыми плащами и сидели верхом, как вкопанные, на своих местах. Далее за цепью приметно было движение войск, переходивших с места на место. Насмотревшись досыта, мы от'ехали к своим пушкам благополучно, не бывши наказаны за свою дерзость никаким несчастьем. Вскоре вышел приказ от главнокомандующего, в котором, между прочим, было сказано, чтобы все роды войск во время сражения подкрепляли друг друга: кавалерия пехоту, а пехота артиллерию; чтобы по несколько здоровых не отводили одного раненого и не оставляли бы пустоты в рядах; чтобы резервы употреблялись только по его приказанию, а главнейшее, чтобы старались избегать напрасной стрельбы.

Князь Кутузов, об'езжая ряды и видя бодрость на лицах русских воинов, готовых умереть за отечество до последнего, говорят, сказал окружающим: «Французы переломают над нами свои зубы, но жаль, что, разбивши их, нам нечем будет доколачивать».

Русских сил, точно, было недостаточно: у нас считалось до 115 тысяч регулярного войска, 7 тысяч казаков, 10 тысяч ополчения и 640 пушек; у французов было 190 тысяч лучшего войска и до 1 тысячи орудий. Впрочем, наше неравенство сил заменялось любовью к отечеству и жаждою мщенья. Вспоминая прежнюю славу русского победоносного оружия, каждый солдат горел нетерпением сойтись с неприятелями, чтобы в их крови омыть нанесенное всем оскорбление. Все мы были в полном увереннии на распорядительность мудрого, поседевшего в бранях полководца.

Французы также готовились к решительному бою, только не с чувством любви к отечеству, а с жадностью к добыче и славе завоевания. Они зашли слишком далеко и для спасения себя желали восторжествовать победою, желали сохранить честь своего оружия. Два с половиною месяца они ожидали решительного боя, который довел бы их до цели предприятия. Французы понесли великие трудности, претерпели неизвестные дотоле нужды. Им представлялось два конца: если будут побеждены, то гибель их неизбежна; если же останутся победителями, то приятнейшие надежды льстили их честолюбию.

Москва лежала перед ними — за полем битвы. Им надлежало только пройти по трупам сынов ее, чтобы достигнуть добычу, чувственных наслаждений, славного мира и возвращения в отечество. Так на полях бородинских долженствовала решиться участь великой армии наполеоновой, совокупных сил почти

целой Европы. Французы, немцы, итальянцы, испанцы, поляки, все готовы были для прихоти одного необычайного человека — победить или умереть. Но они умерли вместе со славою этого гения-истребителя...

И... Р..., Походные записки артиллериста.

Москва, 20 августа (ст. ст.) 1812 года.

...Живу у графа Ф. В. Ростопчина и готов умереть за Москву... Наши стены ежедневно более и более пустеют; уезжает множество... Я рад сесть на своего серого коня и вместе с московской удалой дружиной примкнуть к нашей армии...

Из писем Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву.

...Народ волнами кипящими стекался на Красную площадь. Старцы, опираясь на костыли, матери с грудными младенцами — все шло, все спешило. Над Кремлем сияло солнце в полном блеске роскошного дня летнего... Дух русский вскипел двухвековой жизнью заветных времен гражданина Минина и князя Пожарского. На алтарь любви чистой, бескорыстной, любви пламенной народ и отечество радостно возлагали и достояние и жизнь свою. И так приносимая тогда дань, говоря словами В. А. Жуковского, была:

«Не власти, не венцу, а человеку дань!»

...Был не порыв ненависти и к французам — нет! В 1812 году мы не питали ненависти ни к одному народу; мы желали только поразить и отразить нашествие, но то был праведный голос сынов России.

...В селах и деревнях отцы, матери и жены благословляли сынов и мужей своих на оборону земли русской. Поступавших в ополчение называли жертвенниками, т. е. ратниками, пожертвованными отечеству не обыкновенным набором, но влечением душевным. Жертвенники, или ратники, в смурых полукафтаныях, с ружьями и пиками мелькали по всем улицам и площадям с мыслью о родине. Тень грусти пробегала на лицах их, но не было отчаяния. Ласка и привет сердечный везде встречали их, и дивно свыкались они с ружьями и с настроениями военными.

С. Н. Глинка, Записки о 12-м годе

...В другой зале, где было купечество, я был поражен впечатлением, которое произвело на них чтение манифеста. Вначале слушали с глубочайшим вниманием; потом стали проявлять

ся знаки нетерпения и негодования. Когда Шишков дошел до слов, «что неприятель приближается с лестью на устах и с оружием в руках», произошел взрыв негодования: били себя в голову, рвали волосы, ломали руки; слезы бешенства текли по лицам, напоминавшим древних героев. Я видел человека, который скрежетал зубами. В шуме нельзя было расслышать слов; слышны были одни вопли и крики негодования. Это было зрелище единственное в своем роде. В эту минуту русский человек выражал свои чувства свободно; он забывал, что он раб, и возмущался при мысли, что ему угрожает иноземное иго. Тут опять выступили наружу истинно русские свойства. Эти люди сохранили и одежду и характер народа; их бороды придавали им почтенный и величественный вид...

*Из записок Ф. В. Ростопчина*¹.

№ 251. 9 августа (ст. ст.). Господину полковнику и кавалеру Дмитриеву-Мамонову.

Московский комендант господин генерал-лейтенант Гессе по рапорту к нему здешнего коммерческого училища директора Кряжева доносит мне от 7 сего августа, что находящийся в оном училище штатный воспитанник Гаврила Кругликов, быв отпущен в свободное от ученья время в дом бабки его, московской купеческой жены Усачевой, без ведома училищного совета и надлежащего увольнения завербовался на службу в формируемый вашим сиятельством казачий полк. А как оный Кругликов для окончания учебного курса должен еще пребыть в училище два года... то рекомендую вашему сиятельству немедленно возвратить того Кругликова в училище и по исполнении донести мне...

Ф. Ростопчин.

*Из журнала исходящих бумаг канцелярии
московского главнокомандующего за 1812 г.*

№ 290. 15 августа. Господину генерал-лейтенанту и кавалеру графу Маркову.

Воспитанники Московского военно-сиротского отделения, уклонясь от наук, сами собою являются к полковым начальникам Московского ополчения для определения их в оное на службу... Я покорнейше прошу ваше сиятельство запретить господам

¹ Воспоминания С. Глинки и Ф. Ростопчина относятся к более раннему периоду, но приводятся как документы, ярко характеризующие патристические настроения, царившие в Москве. — *Прим. сост.*

полковым начальникам принимать воспитанников в ополчение, но отсылать таковых, буде явятся к господину московскому коменданту, также и тех, кои определены уже в полки, выключив из оных, обратиться в Московское военно-сиротское отделение. В противном же случае они за самовольное причисление воспитанников в ополчение строго будут ответственны. Ожидая на сие от вас, милостивый государь мой, уведомления, имею честь быть с истинным почтением и преданностью.

Ф. Ростопчин.

*Из журнала исходящих бумаг канцелярии
московского главнокомандующего.*

№ 342. 21 августа. Московскому обер-полицмейстеру господину генерал-майору и кавалеру Ивашкину.

Московский комендант господин генерал-лейтенант Гессе доносит мне от 18 сего августа, что московские купеческие дети Платон Павлов и Герасим Семенов, живущие Покровской части в 1-м квартале, объявили желание печь из собственной своей муки хлеба и сушить из оных сухари на продовольствие войск, да и прочие купцы в этом намерены соревновать им, если только оным от части учинена будет повестка. Предписав господину коменданту объявить купеческим детям Павлову и Семенову, что я усердное их пожертвование приемлю с удовольствием, предлагаю вашему превосходительству приказать по всем здешней столицы частям сделать повестку, что всякого звания людям позволено готовить сухари из собственного их хлеба на продовольствие войск, и сколько кем заготовлено будет, о том подавали бы в управу благочиния объявлять, по которым мною учинено быть имеет распоряжение, куда оные сухари отправить.

Ф. Ростопчин.

*Из журнала исходящих бумаг канцелярии
московского главнокомандующего.*

№ 385. 25 августа. Господину генерал-лейтенанту графу Маркову.

Московского военно-сиротского отделения воспитанник из обер-офицерских детей Никанор Бухвостов самовольно подполковником Свечиным записан здешнего ополчения в 1-й Егерский полк, и оный Бухвостов хотя неоднократно требован был попрежнему в отделение, однакоже господин Свечин, не возвратив его, взял с собою в поход. Вашему сиятельству из прежнего моего отношения уже известно, что подобными сему воспи-

танниками... распоряжаться не может; а потому еще покорнейше прошу вас, милостивый государь мой, приказать подполковнику Свечину непременно обратить воспитанника Бухвостова в здешнее военно-сиротское отделение и меня о последующем уведомить.

Имею честь быть с истинным почитанием и преданностью...

Ф. Ростопчин.

*Из журнала исходящих бумаг канцелярии
московского главнокомандующего.*

Известная история Верещагина, убитого в Москве народом, вероятно, теперь забыта. Я расскажу, что знаю.

Это было в Москве в 1812 году. Я был еще в университетском благородном пансионе и только что был произведен по экзамену... в студенты университета, но в то же время, будучи давно уже записан в Архив иностранной коллегии, по понедельникам я ездил в архив на службу. Однажды в архиве показывают мне в рукописи, в переводе на русский язык, прокламацию Наполеона, и мы все принялись читать ее. В ней были обещания русскому народу свободы и пр. В это время приезжает наш начальник... Малиновский. Увидя нас, читающих бумагу, он спросил: «Что вы, господа, читаете? Верно, эту прокламацию? Не верьте ничему этому. Советую вам не читать ее и не переписывать: вы увидите, что из этого выйдет что-нибудь нехорошее и опасное».

...Получивши звание студента, я уехал на вакацию в Симбирскую губернию. Вот что происходило без меня, пред самым уже приближением французов к Москве.

Гр. Ростопчин велел сделать об этой прокламации розыскание, тем более, что такого рода бумага, напечатанная в иностранной газете, не могла пройти через газетную цензуру: этот номер был бы запрещен.

Оказалось, что эту бумагу переводил купеческий сын Верещагин и что он получил эти газеты от сына московского почт-директора Федора Петровича Ключарева. Когда надобно было взять Верещагина к допросу, оказалось, что он укрывается в доме почтамта, на Мясницкой.

Гр. Ростопчин послал туда полицейского чиновника, но почт-директор не видал Верещагина, отвечая, что полиция не имеет права входить в ведомство почтамта и что у них есть своя полиция. Гр. Ростопчин на это послал сказать почт-директору: «А ежели бы мне надобно было взять под стражу самого вас, ваше превосходительство, кого бы я послал с этим поручением, когда я не имею права послать к вам полицию?..»

...Как бы то ни было, но Верещагина взяли. Известно, что гр. Ростопчин, перед самым выездом своим из Москвы, отдал его народу и что народ растерзал его. Но как это было и Ростопчин ли его предал, или сам народ отбил его и замучил, это оставалось тайной; мнения и слухи были разные, а теперь и со всем это забыто: прошло почти уже полвека.

Вскоре после французов (1813) я ехал на извозчике мимо дома гр. Ростопчина, бывшего на Лубянке, почти против церкви Введения. Дом этот принадлежит ныне (1853) графу Орлову-Денисову. Извозчик, указывая кнутом на дом, сказал мне: «Вот здесь, барин, убили Верещагина!» Я спросил: «Разве ты знаешь?» Он отвечал мне: «Как же! При мне и было! Граф вывел его на крыльцо и сам вышел. Народу было на дворе видимо-невидимо! Вот он и сказал народу: «Народ православный! Вот вам изменник; делайте с ним, что хотите!»

«Сказавши это, он дал знак рукой казаку. Казак ударил его саблей, по голове ли, по плечу ли, и разрубил, а потом его и бросили с крыльца народу. Граф ушел, и двери за ним затворились; а народ бросился на Верещагина и тут же разорвал его живого на части. Я сам это видел!»

Вот свидетельство очевидца.

М. А. Дмитриев, Смерть Верещагина.

...Есть одна темная страница: темная и по печальному событию, которым ознаменована, темная и по сбивчивым сведениям, сохранившимся о ходе и подробностях сего события. Каждому ясно, что мы говорим о смерти Верещагина.

Вот что сохранилось в памяти моей из этого эпизода 1812 года и что рассказывалось о нем в Москве. Купеческий сын Верещагин знаком был с сыном московского почт-директора Ключарева. Вследствие этого знакомства имел он возможность читать запрещенные цензурой нумера иностранных газет. Он переводил из них на русский язык то, что касалось до России и до намерений Наполеона. Может быть, иное и сам сочинял в этом смысле; но положительно известно то, что предосудительные, особенно по важности и смутности тогдашних обстоятельств, листки были перехвачены полицией. Граф Ростопчин не мог не обратить на это дело бдительного и строгого внимания. По легкомыслию ли поступал Верещагин, по злему ли умыслу, — он все же был виновен перед законом. Граф Ростопчин приказал задержать его и предал суду. Соучастие в этом сына Ключарева — также легкомысленное или задуманное — было, во всяком случае, не менее предосудительно, особенно же не должно терять это из виду в тогдашних обстоятельствах. Подозрения, павшие на почтовое ведомство, должны

были быть раз'яснены, ибо тайные и неблагонамеренные действия его могли иметь вредные последствия для безопасности государства. Москва не находилась действительно и законно в осадном и военном положении; но нравственно не была она в мирн х условиях обыкновенного порядка. Почт-директор Ключарев, допустивший, по малой мере, недостаточную бдительность, нарушение закона, по которому запрещенные номера газет должны оставаться тайными, был удален от своего места и отправлен в Воронеж.

Некоторые полагали, что принадлежность его к масонству была одной из причин неблаговоления к нему Ростопчина. Едва ли можно согласиться с этим предположением. Тут дело шло не о масонстве. К тому же другие масоны не были потревожены. Для пылкого и властолюбивого графа Ростопчина достаточно было, что Ключарев, ведомо или неведомо, допустил злоупотребление в своем ведомстве, и к тому же совершенное сыном его; а еще более, что присланный для производства первоначального следствия полицеймейстер Дурасов встретил сопротивление в почтамте и был допущен не иначе, как с особого разрешения почт-директора. В то же время выражение Ростопчина в одной из его афиш, что у него болел глаз, а теперь смотрит он в оба, относилось, по общему отзыву, к удалению Ключарева.

П. А. Вяземский, Воспоминания о 1812 году.

В ночь с 7 на 8 сентября (и. ст.) русская армия отступила, и притом, как мы уже упоминали, она двигалась по одной дороге четырьмя колоннами рядом. Прошла она всего лишь одну милю, а именно только за Можайск; это может служить достаточным доказательством того, что она сохраняла порядок и бое-способность, необычные после проигранного сражения. Автор также может засвидетельствовать, что он не заметил ни малейшего следа разложения в армии ¹, о котором говорит в общем весьма беспристрастный французский писатель Шамбре. Число пленных не превышало несколько тысяч, а число потерянных орудий исчисляется от 20 до 30. Следовательно, трофеи были незначительные.

Отсюда отступление до Москвы продолжалось безостановочно, но небольшими переходами. Бородино находится в 15 милях от Москвы, и это расстояние было пройдено в 7 переходов, так что через Москву армия прошла 14 сентября.

¹ Речь идет о русской армии, в рядах которой находился Клаузевиц.—
Прим. сост.

Командование арьергардом было возложено на генерала Милорадовича; арьергард состоял из 10 тысяч человек пехоты и приблизительно такого же количества кавалерии. При арьергарде находился и генерал Уваров со своим корпусом. Французы серьезно не нажимали на русский арьергард. В авангарде шел Мюрат с огромной массой кавалерии. Обе стороны обычно сталкивались только после полудня, разворачивались, начинали перестрелку, в течение нескольких часов велся артиллерийский огонь, после чего русские снова отходили на некоторое расстояние, и обе стороны становились биваком. Этот марш также носил характер известной усталости и стратегического бессилия.

Лишь один день является исключением: 10 сентября Милорадович находился на расстоянии всего полумили от армии, когда к вечеру, за час до захода солнца, перед ним появились французы в составе всех трех родов оружия. Милорадович не мог уклониться от боя, так как при этом армии пришлось бы покинуть свой лагерь. Местность была довольно благоприятная, и Милорадович решил довести дело до крайности. Русская пехота, расположившаяся в мелкой лесной заросли, на гребне небольшой возвышенности, дала энергичный отпор и, даже потеряв гребень, продолжала обороняться у подножия его еще свыше часа, несмотря на свое невыгодное расположение. Атаки французов отнюдь не имели демонстративного характера, но все же и здесь носили на себе какую-то печать бессилия. Бой продолжался до 11 часов вечера, и Милорадович удержался непосредственно у границ поля сражения.

К. Клаузевиц, 1812 год.

Русские покинули Можайск и свой лагерь около него, зато выстроились густыми рядами позади города, в стороне от дороги. На соседних полях, уже сжатых, происходила перестрелка; на большой дороге и поблизости от нее шла пальба из пушек, а перед входом в лес стояли на очень близком расстоянии друг от друга обе линии конницы. Немедленно оказались и раненые.

Окрестности Можайска и обеих сторон Московской дороги были очень плодородны. Нам досталось невероятное количество снопов, сложенных в правильные копны, несмотря на то, что казаки ревностно стремились пожечь их. Усердие их при выполнении этого приказа было столь велико, что наши часто подбирались главным образом к ним, прерывая их работу; и все-таки много уцелело на нашу долю. При частых остановках лошадям подкидывали снопы, а всадники выдергивали колосья, и часто в течение суток это была наша единственная пища. Дорога хорошо содержится, густые леса чрезвычайно богаты крупными

деревьями; и окрестные поместья, селения и дворы обнаруживали значительное благосостояние.

С этих пор происходили ежедневные стычки. Обе стороны не слезали с коней, обе линии постоянно стояли друг против друга, порою на очень близком расстоянии; однако, действовала все больше кавалерия и артиллерия, реже пехота; раненые и мертвые были ежедневно.

На равнинах русские выстраивали свои главные линии; входы в лес они обычно занимали так, что мы могли подвигаться вперед лишь очень медленно и лишь настолько, насколько это допускали они. Выходы из леса, через которые мы выступали, они обстреливали из тяжелых орудий с такою силою, что нам приходилось останавливаться на несколько часов, в то время как их ядра производили ужаснейший треск в ветвях и стволах деревьев над нашими головами и, падая, причиняли порою повреждения и даже смерть.

На третий день после битвы мы в боевом порядке ехали по огромному ровному полю, где в предыдущую ночь стояли лагерь наши противники. Мы нашли здесь недавно отрубленные лошадиные головы и объяснили себе это тем, что здесь, должно быть, стояли башкиры, про которых рассказывали, что они едят только конину. Вместо варки они, говорят, кладут ее на полдня или на день под седло и, когда она от этого станет мягче, съедают ее.

Как прежде, так и теперь мы жили, еле перебиваясь, но слышали, что дальнейшая часть армии и императорская гвардия живет еще хуже, вынуждена питаться кониной. Неудивительно, что все стремились поскорее добраться до давно желанной богатой Москвы, где каждый рассчитывал прежде всего на сытную пищу и затем на заключение мира; надежда на этот мир была очень велика, она переходила почти в уверенность, — настолько все желали мира, который был ведь обещан императором.

Самым тяжким и трудным из всех оказался предпоследний день перед нашим прибытием в старинный царственный град. Весь день мы сражались, не слезая с коней; давно приевшийся грохот орудий все время стоял в ушах; враги обнаруживали необычайную деятельность, цель была уже близка, — и все думали, что не нынче — завтра произойдет бой и во всяком случае Москву будут защищать с большой энергией. Наступила ночная тьма, а у нас еще не было места для лагерной стоянки; нам пришлось скакать по кустам и перелескам довольно далеко вправо от дороги. Наконец, скомандовали: «Стойте! Остаемся здесь в лесу». С трудом удалось развести костер из сырых сучьев; солдатская ловкость и тут оказалась на высоте. Итак, беспокойным и утомленным коням, которых нельзя было даже разнуздать, — листва и трава, а нам — терпение до завтра!

...Ранним утром 14 сентября (н. ст.) мы снова очутились на большой дороге, которая по холмам и долинам повела нас к цели. Быстро вызванные полки с артиллерией указывали на серьезность предприятия; всеобщее ожидание стало крайне напряженным. Скоро все стихло, и разнеслась быстрая весть о перемирии. Но наше ожидание оставалось напряженным, ибо перед нами, в получасе пути лежала огромная Москва, раскинувшаяся на таком протяжении, какого я еще никогда не видел ни у одного большого города.

Мы стояли теперь по левую сторону дороги, в можжевельном кустарнике. Голод вынуждал нас подкрепляться ягодами последнего, лошади пожирали его ветки. Затем мы вступили на большую дорогу и двинулись вперед...

Г. Роос, С Наполеоном в Россию.

...С 7 до 14 сентября (с 26 августа по 2 сентября ст. ст.)¹ мы продолжали преследование отступавшего противника, не видя с его стороны попыток оборонять встречавшиеся по пути позиции. Мы ожидали, что он стянет все свои силы к Москве с целью дать нам здесь решительное сражение, но этого не было. Русская армия тем более была расстроена после сражения у Бородина, что никто в этой армии не сомневался в успехе этого сражения; мало того, русские полагали, что бородинская позиция есть не только «Фермопилы», но что бородинские поля послужат могилой французской армии...

Тирион, Воспоминания офицера французского кирасирского № 2 полка.

...На следующий день (14 сентября н. ст.) мы выехали рано, желая поспеть как можно скорей в Москву. По дороге нам попадались только разрушенные и безлюдные деревни; слева, по берегам Москва-реки, тянулись великолепные дворцы-усадьбы, которые уничтожали и разоряли татары, чтобы лишить нас тех удобств, которые мы бы могли там получить; спелый хлеб еще на корню был вытоптан лошадьми, а скирды сена были подожжены на всем протяжении окрестных полей, и густой дым стлался по воздуху. Когда мы под'ехали к деревне Черепково, вице-король² поднялся на возвышенность и долго смотрел, не видать ли Москвы — цель наших общих стремлений, потому что в достижении этой цели мы видели конец нашим мучениям, нашей усталости и нашему странствованию. Москва была ко-

¹ В прошлом столетии старый стиль отличался от нового стиля на 12 дней. — *Прим. сост.*

² Мюрат.

нечной целью нашего похода. Ее еще не было видно за пригорками; нам видно было только облако пыли, которое шло параллельно нашему пути, указывая нам направление, по которому следовала великая армия. Несколько пушечных выстрелов, долетевших до нашего слуха, очень отдаленных и редких, показывали нам, что наши войска подходили к Москве без особого сопротивления. Спускаясь, мы слышали отчаянные крики: это было несколько отрядов казаков, выскочивших из соседнего леса и нападавших со свойственной им манерой на наших стрелков, порываясь остановить наш авангард. Наши храбрецы не трусили и не поддались этому неожиданному нападению, они смело отпарировали напрасные усилия орды, желавшей задержать наш въезд в столицу России. Их отчаянные усилия действительно были последними... Вдали сквозь пыльное облако мелькала длинная линия неприятельской кавалерии, идущая по направлению к Москве; она постепенно, в полном порядке, по мере того как мы приближались, скрывалась за городом. Отступление это продолжалось все утро.

Пока строили переправу через Москва-реку, к 11 часам генеральный штаб расположился на высоком пригорке. Оттуда мы вдруг увидели тысячи колоколен с золотыми куполообразными главами. Погода была величественная, все это блестело и горело в солнечных лучах и казалось бесчисленными светящимися шарами. Были купола, похожие на шары, стоящие на шпице колонны или обелиска; и тогда это напоминало висевший в воздухе аэростат. Мы были поражены красотой этого зрелища, приводившей нас еще в больший восторг, когда мы вспоминали обо всем том тяжелом, что пришлось перенести. Никто не в силах был удержаться, и у всех вырвался радостный крик: «Москва! Москва!!» Услышав так давно жданный возглас, все толпой кинулись к пригорку; всякий старался высказать свое личное впечатление, находя все новые и новые красоты в представшей нашим глазам картине, восторгаясь все новыми и новыми чудесами. Один указывал на прекрасный видный слева от нас дворец, архитектура которого напоминала восточный стиль, другой обращал внимание на великолепный собор или новый другой дворец, но все до единого были очарованы красотой панорамы этого огромного, расположенного на равнине города.

Москва-река течет по светлым лугам; омыв и оплодотворив все кругом, она вдруг поворачивает и течет по направлению к городу, прорезывает его, разделяя на две половины и отрывая, таким образом, друг от друга целую массу домов и построек; тут деревянные, и каменные, и кирпичные; некоторые построенные в готическом стиле, смешанном с современным, другие представляли из себя смесь всех отличительных признаков каждой из отдельных национальностей. Дома выкрашены в самые раз-

нообразные краски, купола церквей — то золотые, то темные, свинцовые и крытые аспидным камнем. Все, вместе взятое, делало эту картину необычайно оригинальной и разнообразной, а большие террасы у дворцов, обелиски у городских ворот и высокие колокольни на манер минаретов, все это напоминало, да и на самом деле представляло из себя, картину одного из знаменитых городов, в существование которых как-то не верится и которые, казалось бы, живут только в богатом воображении поэтов...

Е. Лабом, Отчет о кампании в России.

...Сегодня (14 сентября н. ст.) утром за деревней Черепково, при нашем приближении к Хорошеву, пока саперы перекидывали мост через Москва-реку для третьего перехода через нее, кто-то из разведчиков, прикрывающих сбоку колонны, указал на один холм... последний!

Новый мир, — так буквально говорят они, — открылся нам. Прекрасная столица под лучами яркого солнца горела тысячами цветов: группы золоченых куполов, высокие колокольни, невиданные памятники. Обезумевшие от радости, хлопая в ладоши, наши, задыхаясь, кричат: «Москва! Москва!» Я не смогу, конечно, лучше и красивее выразить наше впечатление при виде этого города, как напомнив стихи Тассо, когда он в третьей песне изображает армию Готфрида Бульонского, увидавшего впервые башни Иерусалима:

«У каждого как бы крылья выросли на сердце и на ногах; как легко стало идти. Солнце лило свои горячие лучи на бесплодные поля, оно дошло до зенита, когда Иерусалим предстал перед нами! Да, это Иерусалим, мы видим его, мы осязаем его, тысячи голосов, как один, звучат в воздухе, приветствуя Иерусалим!...»

При имени Москвы, передаваемом из уст в уста, все кучей бросаются, карабкаются по собственной охоте на холм, откуда мы слышали этот громкий крик. Каждому хочется первому увидеть Москву. Лица осветились радостью. Солдаты преобразились. Мы обнимаемся и поднимаем с благодарностью руки к небу; многие плачут от радости, и отовсюду слышишь: «Наконец-то! Наконец-то Москва!»

Мы не устаем смотреть на огромный город с его разнообразными и причудливыми формами, с куполами, крытыми свинцом или аспидом; дворцы с цветущими террасами, островерхие башни, бесчисленные колокольни заставляют нас думать, что мы на границе Азии...

Ц. Ложье, Дневник офицера великой армии.

Эта столица, справедливо называемая портами «златоглавая Москва», представляла обширное и странное собрание 295 церквей и 150 дворцов, с их садами и флигелями. Каменные дворцы и парки, чередовавшиеся с деревянными домиками и даже хижинами, были разбросаны на пространстве нескольких квадратных миль, на неровной почве. Дома группировались вокруг возвышенной трехугольной крепости, окруженной широкой двойной оградой, имеющей около полумили в окружении. Внутри одной ограды находились многочисленные дворцы и церкви и пустые, вымощенные мелким камнем пространства; внутри другой заключался обширный базар, это был город купцов, где были собраны богатства четырех частей света.

Эти здания, эти дворцы, вплоть до лавок, все были крыты полированным и выкрашенным железом...

Достаточно было одного солнечного луча, чтобы этот великолепный город засверкал самыми разнообразными красками. При виде его путешественник останавливался пораженный и восхищенный. Этот город напоминал ему чудесные описания в рассказах восточных поэтов, которые так нравились ему в детстве. Если он проникал внутрь ограды, то удивление его еще увеличивалось под влиянием наблюдения. Он видел у дворян нравы и обычаи современной Европы, слышал среди них речи на разных языках и замечал богатство и изящество их одежды. Он с удивлением смотрел на азиатскую роскошь и порядки у купцов, на греческие одеяния народа и их длинные бороды. В зданиях его поражало такое же разнообразие, и между тем все носило на себе своеобразный местный отпечаток, подчас довольно грубый, как это и приличествовало Московии.

Дворяне, принадлежащие к самым знаменитым семьям, жили там в своем кругу и как бы вне влияния двора. Они были менее царедворцами и поэтому более гражданами. Оттого-то государи так неохотно приезжали туда, в этот обширный город дворян, которые ускользали от их власти, благодаря своему происхождению, своей знатности, и которых они все-таки вынуждены были щадить...

Сегюр, Поход в Россию.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РУССКАЯ АРМИЯ И НАСЕЛЕНИЕ ПОКИДАЮТ МОСКВУ

..К Москве подошли мы в субботу 31 августа (ст. ст.), а в воскресенье расположились бивуаком в двух верстах от Драгомиловской заставы, чтобы защищать нашу столицу. Этот день, как неделю тому назад канун Бородинской битвы, был для нас днем отдыха и вместе с тем днем приготовлений к делу. Как там мы ожидали чего-то особенного, так и здесь мы все готовы были лечь, но не допустить Москву на поругание неприятелю...

Не то, однако, случилось... На следующий день, в понедельник, мы оставили Москву без боя. Проходя через город, мы на каждом шагу убеждались, что Москва была почти совсем пуста: в домах—никого и ничего; жители почти все выбрались, а запоздавшие уходили вместе с нами целыми семьями. Все казенное имущество было вывезено на подводах, а обыватели сами спасали все, что могли. Барки с хлебом и казенным имуществом на Москва-реке были сожжены и затоплены. Лавки представляли полный беспорядок. Купцы зазывали солдат и предлагали, просили брать все, что приглянется; «пусть наше добро достанется лучше вам, чем французам», — говорили они.

Все улицы завалены были различным скарбом, через который с трудом мог пробираться пешеход. При всем том проходить по городу было легче в сравнении с тем, что делалось на Москва-реке, которую надо было всем переходить по единственному мосту. Тут же был и Барклай-де-Толли для поддержания порядка в войсках. Миновав Коломенскую заставу, мы видели нашего светлейшего фельдмаршала¹ сидящим на скамейке у старообрядческого кладбища. Он о чем-то думал.

¹ М. И. Кутузова. — *Прим. сост.*

Много приводилось нам слышать речей во время перехода через Москву — всего не припомнишь; были тут всякие толки. Помню, что это было в понедельник, и многие говорили: «Не сдобровать Наполеону на понедельничном новоселье в Москве». И не ошиблись они.

...Из Москвы мы пошли сначала на Рязань, но после двух переходов по этому пути свернули проселком на старую Калужскую дорогу. Теперь стало ясно, чего хочет наш светлейший, — загородить неприятелю путь в южные, богатые хлебом губернии.

Ф. Растковский, Об Отечественной войне.

...29 числа (августа 1812 года, по новому стилю 10 сентября) я отправился в Москву. В горестном положении увидел я столицу. Повсюду плач и крик, по улицам лежали мертвые и раненные солдаты. Жители выбрались из города, в коем провались уже беспорядки; везде толпился народ.

Я прискакал в дом князя Урусова, полагая найти там отца и братьев... Дом был уже почти совсем пуст. Князь Урусов выехал с батюшкой в Нижний-Новгород, куда все московское дворянство укрылось. В доме оставалось только несколько слуг наших и те вещи, которые не могли вывезти в скорости...

...Во время пребывания нашего в Москве прибежал управитель суконной фабрики князя Урусова Василий Новиков. Он жил в селе Охлебихине, в 40 верстах от Москвы, и не ожидал французов, как вдруг пришел к нему неприятельский отряд и разграбил селение; Новикова же поколотили и разграбили... Мы рассудили, что главнокомандующий мог не знать о появлении неприятеля в той стороне, и потому я поспешил к Вистицкому с сим извещением и нашел главную квартиру в Филях, что в шести верстах от Москвы.

Начальник мой, генерал Вистицкий, приказал мне лично о том об'яснить главнокомандующему. Я пошел к Кутузову, который сидел в кресле среди комнаты, окруженный корпусными командирами. Полагаю, что у них тогда был военный совет, на коем судили о сдаче Москвы. Все говорили, один только Кутузов молчал. Когда я ему доложил, он мне отвечал только: «хорошо», и я возвратился. Видно, что ему уже известны были намерения, по которым пошел отряд французов...

Я возвратился в Москву. Слух носился, что город будут зашищать; приступили к деланию окопов для укрепленного лагеря...

...Кроме небольшой части простого народа, никого в городе не оставалось. Дворянство все почти выехало. По каретам, в то время показавшимся на улице, народ бросал камнями. Цель Ростопчина была сжечь столицу, дабы неприятелю

не достались запасы продовольствия, находившиеся в домах. Для вернейшего достижения сего вывезли из Москвы пожарные трубы.

2 сентября (14-го по новому стилю) войска наши обошли город через Воробьевы горы.

В арьергарде оставался Милорадович, которому приказано было заключить с неприятелем перемирие на 24 часа, дабы успеть вывезти раненых из столицы. Перемирие состоялось, но в госпиталях было до 25 тысяч больных и раненых, из коих часть сгорела в общем пожаре города. В Москве также оставалось еще много офицеров, которые захали в свои дома. Некоторые из них, не ожидая столь скорого появления неприятеля, были захвачены в плен. В плен попался квартирмейстерской части подпоручик Василий Перовский 2-й. Он в то время выбирал из отцовского арсенала графа Разумовского ружья и кидал их в колодезь. Французы внезапно схватили его при сем заятии и отослали с другими пленными во Францию...¹.

Я также попался бы в плен, если бы не прискакал к нам в дом товарищ наш Лукаш с известием, что неприятель уже у Дорогомиловской заставы. Я поспешил с ним к заставе, чтобы о том увериться, и, услышав французские барабаны, поспекал домой, велел заложить телегу и отправился из города. Я поехал к заставе, в которую арьергард наш прошел, и прибыл к армии; то была, кажется, Владимирская застава...

Мы никак не могли свыкнуться с мыслью, что оставляем Москву неприятелю, который будет обладать и распоряжаться в нашей древней святыне. С армией выехало из Москвы множество карет с семействами обывателей; бесконечный обоз этот остановился в первую ночь по большей части с главной квартирой и в окрестных селениях, верст на пятнадцать от города: на следующий же день укрывавшиеся от неприятеля семейства продолжали путь свой далее к востоку.

Н. Н. Муравьев, *Записки*.

...Мой ординарец возвратился и сказал мне, что Милорадович с нашим арьергардом проехал по Арбату и что за ним должен следовать неприятельский авангард. Я сел на лошадь и поехал к Рязанской заставе...

...Приехав к заставе, я с трудом мог пробраться: столько столпилось карет и войск, спешивших выйти из города. В ту минуту, когда я выезжал за заставу, раздались три пушечные

¹ Н. Н. Муравьев в 1866 году сделал к этому месту своих «Заметок» примечание, в котором указывает, что сам Перовский впоследствии иначе излагал обстоятельства своего пленения. — *Прим. сост.*

М. Б. БАРКЛАЙ-де-ТОЛЛИ.

выстрела, разгонявшие толпу. Выстрелы эти были знаком, что неприятель занял столицу, и возвестили мне, что я уже больше не градоначальник.

Ф. В. Ростопчин, Записки.

По уважению настоящих обстоятельств, я рекомендую вашему превосходительству, чтоб пожарные команды немедленно были в готовности к выступлению, единственно только с трубами, а пожарные инструменты остаются здесь; сукно же взять; равномерно и драгунские два эскадрона должны быть в готовности и находиться при мне, а сборное место пожарной и всей полицейской команде назначается у Красных Ворот. Впрочем, как та, так и другая должна немедленно быть в готовности в Рязань.

Граф Ростопчин.

Предписание графа Ф. В. Ростопчина московскому оберполицеймейстеру Ивашкину о вывозе из Москвы пожарных труб, 1 сентября (ст. ст.) 1812 года.

Мне оставалось вот еще что сделать: важное, нужное и драгоценное все уже отправлено было, но должно было потопить оставшийся порох 6 тысяч пудов, выпустить в магазине 730 тысяч ведер вина, отправить пожарные, полицейские и прочие команды, гарнизонный полк и еще два, пришедшие к 6 часам утра; все сие сделано было...

Из письма Ф. В. Ростопчина П. А. Толстому.

...С 10 часов вечера армия должна была двинуться двумя колоннами. Обе должны были идти к Рязанской заставе: одна, под командой генерал-адъютанта Уварова и с самим Кутузовым, — через Драгомиловский мост и заставу; другая, под начальством генерала Дохтурова, — через Замоскворечье и Каменный мост. Переправы, тесные улицы, большие обозы, приближенные в ожидании сражения парки, многочисленная артиллерия, толпы спасавшихся бегством жителей Москвы, — все это так затрудняло движение войск, что армия до самого полудня не могла выйти из города.

Неприятель между тем теснил арьергард, который находился уже у ворот города. Генерал Милорадович отступил скорее, нежели ожидал, ибо с этой стороны, где был отряд генерал-адъютанта барона Винценгероде, усилившийся неприятель показывал намерение ворваться в город и мог притти в тыл арьергарду. Генерал Милорадович послал сказать неприятель-

скому генералу Себастьяни, что если он будет преследовать, то испытает жесточайшее сопротивление, что будут защищаться в каждом доме и, наконец, прикажет зажечь город. В положенное по условию время неприятель вошел в город без боя, не препятствовал выходить обозам армии, не беспокоил даже жителей, занял тотчас все заставы, и Москву мы оставили в руках его...

...Тщательно наблюдал я действие, которое произвело над войсками оставление Москвы, и, сверх чаяния, заметил, что солдат не падал духом и далек был от ропота; но огорчение видно было в начальниках, и потеря древней столицы их поразила. В Москве жителей было уже весьма мало: оставались самые бедные, которым негде было искать пристанища; дома были пусты и заперты; обширные площади уподоблялись степям, и на некоторых улицах не встречалось ни одного человека.

По прежним распоряжениям, все больные и раненые провождались мимо Москвы, и, когда ей не угрожала еще опасность, от нее отклоняли неприятное зрелище нескольких тысяч страждущих. В городе Гжатске Кутузов переменял мое распоряжение о больных и раненых и разосланным от себя офицерам приказал отовсюду свозить их в Москву: их было до 26 тысяч человек. В последнюю ночь я послал к коменданту, чтобы он объявил раненым, что мы оставляем Москву и чтобы те, кто был в силах, удалились. Не на чем было вывезти их; правительство, не предупрежденное, не имело уже к тому ни малейших средств, и следствием неблагоприятного приказа Кутузова было то, что не менее 10 тысяч человек осталось в Москве.

Надо было видеть, какое впечатление произвело сие на войско! На поле сражения солдат не раз видит остающихся товарищей и извиняет иногда недостаток средств к их спасению. В Москве же — все способы успокоить раненого воина, жизнью жертвующего для спасения отечества, и между тем в Москве, где в гордых, под облака возносящихся чертогах спит сладким сном богач, в неге вкушая покой, воин, который твердой грудью своей защищал богача, кровью оmyвает последние ступени его чертогов или последние истощает силы на каменном помосте двора его!..

...Итак, армия прошла, наконец, Москву. Дорога была завалена обозами спасавшихся жителей; беспорядок ужаснейший сопровождал нас до самого ночлега, который от Москвы отстоял в 15 верстах; арьергард, сохраняя возможную твердость, остановился у самой Рязанской заставы. Отряд генерал-адъютанта барона Винценгероде занял дорогу, идущую на город Клип. На ночь передовые наши посты отошли на 3 версты от города, и неприятель не беспокоил их.

...3 сентября (ст. ст.) армия, имевши роздых, пошла чрез Москва-реку по Рязанской дороге к Боровскому перевозу. Направление на Владимир, военным министром предложенное, было отменено, и определено перейти на Тульскую дорогу, для чего надлежало предпринять фланговый марш, вблизи от неприятеля небезопасный. В продолжение всей кампании 1812 года движение сие было самое решительное и обстоятельствам наиболее соответствовавшее...

...Переправа у Боровского перевоза, по множеству обозов, была чрезвычайно затруднительна, и хотя приказано было направлять обозы на Касимов, не допуская до переправы, но средств не было удержать их, и войска, с многочисленной артиллерией, в беспорядке переходили вместе с обозами.

Неприятель не препятствовал, ибо не беспокоил арьергарда нашего; а между тем он весьма удобно мог бы возбранить нам путь на Рязанскую дорогу, перейдя речку в Москве и кратчайшим путем по правому ее берегу, предупредив нас у Боровского перевоза. Правый берег перевоза на большое расстояние имеет очень выгодные возвышения; левый чрезвычайно низкий: следовательно, не было бы возможности переправиться в присутствии неприятеля; и тогда навсегда мы были бы отрезаны от Тульской и Калужской дорог и от всех для армии приготовленных запасов...

А. П. Ермолов, Записки.

...1-го числа сентября (ст. ст.) получает он (Милорадович) отношение Ермолова, в котором, по приказанию Кутузова, извещается Милорадович о намерении сдать Москву ...Арьергард, сильно теснимый, приближался быстро к Москве. Полковники Сипягин и Потемкин, находившиеся при Милорадовиче, давали ему разные советы, каким образом дать отпор неприятелю.

Милорадович ехал молча. Вдруг приказал он адъютанту поехать к л.-гв. гусарскому полку и потребовать офицера, который объяснялся бы хорошо на французском языке. Прискакал Нащокин на прекрасном сером коне. «Поезжайте, — сказал ему Милорадович, — к королю неаполитанскому, командующему авангардом неприятельским, скажите ему, что я сдаю ему Москву с жителями ее, если он прекратит действия свои до 7 часов завтрашнего утра; в противном случае, он может взять ее не иначе, как прошед чрез тело мое».

В то же время послал Мамоновского полка майора Павлова дать ход обозам, загрозившим московские улицы, и половину улиц очистить для свободного прохода войск арьергарда. Коего пехота поспешно была направлена к городу. Кавалерия

удерживала вершину возвышений, закрывшую от взоров неприятеля необъятную Москву и беспорядок, с которым толпились чрез нее войска.

Появление Нащокина на аванпостах неприятельских тотчас приостановило их движение...

А. А. Щербинин, Записки.

...Когда мы выехали на улицу, ведущую к Рязанской заставе, то уже не имели надобности спрашивать, куда ехать. По ней тянулись частью военные фуры и подводы с ранеными, а больше ехали и ташились обыватели и в экипажах, и на возах, и пешком, с котомками за плечами, и старые, и малые. Улица была загромождена. Так как мы на хромой лошади не могли ехать скоро и обгонять толпу, то и плелись вместе не только до самой заставы, но и дальше. Дотащились мы до места расположения армии. Редко останавливались обыватели на дороге, а все почти спешили к армии, ища в ней спасения. По всей дороге была непрерывная цепь пешеходов и конных подвод.

Н. Е. Митаревский, Воспоминания о войне 1812 г.

Между тем Милорадович, нимало не расположенный жертвовать без пользы любезным телом своим, спешил догнать пехоту. Он достиг головы колонны ее, когда она приближалась к Кремлю. В это время Нащокин возвратился с известием, что король неаполитанский принимает предложение и остановил наступательное движение.

Милорадович опередил тогда пехоту и поехал со своей свитой к Драгомиловской заставе, от которой в 7 верстах назначил ночлег арьергарду. Проехав Кремль, мы увидели два батальона Московского гарнизона, оставлявшего Москву с музыкой. Милорадович обратился к командовавшему гарнизоном генерал-лейтенанту Брозину с следующими словами: «Какая каналья велела вам, чтобы играла музыка!» Брозин отозвался, что, когда гарнизон оставляет крепость по капитуляции, то играет музыка, «так сказано в уставе Петра Великого».

— А где написано в уставе Петра Великого, — возразил Милорадович, — о сдаче Москвы?..»

А. А. Щербинин, Записки.

...Говорят, когда жителей изгоняли из города, то дети запрягали себя в кресла, в которые садились их старики деды, и вывозили их вон. За недостатком лошадей, разобранных в

этом громадном бегстве, больных, параличных тащили на досках. Беременные женщины разрешались на улицах и погибали вместе с новорожденными. А если правда, что подожжены были и больницы, наполненные больными, то можете себе представить ужасы, которые затем последовали.

... С тех пор, что люди себя помнят, еще не случалось, чтобы население из 500 тысяч жителей целиком бежало из своей столицы... Все до единого, от старика до младенца, должны были бежать как были, на чем попало, не запасшись ничем. Зато тысячи... навеки простились с родной кровлей.

Де-ла-Флиз, Поход Наполеона.

... Уж давно толковали в народе, что идет на нас Наполеон и как бы в Москву не забрался, а господа все не верили, — пусть, мол, народ болтает! — да и не позаботились, чтоб на досуге-то добро свое от француза спасти. А как прошли господа пожинки, стали больше поговаривать; потом господа, зная, смекнули дело, да уже не до того было, чтоб добро спасти, а скорее самим выбираться пришлось. Барин отправил во Владимир старую барыню да молодую жену с ребенком, да еще кто при них в доме был, в двух каретах да в двух повозках с кухней да постелями. Сколько лошадей было в доме, всех запрягли; барин себе только одну лошадь оставил на всякий случай; а имение вывозить было не на чем, а добра-то было много, и что годами накоплено, и приданое молодой барыни!

Жили мы тогда в своем доме, на Вшивой Горке, и кладовая у нас была большая, отдельным строением стояла, и придумали кладовую разделить каменной стеной, благо печники свои да кирпич на перестройку лежит на дворе. И заложили стену, да и перетащили туда все барские сундуки, ящики с посудой, белье, вещи разные — чего, чего там не было! Поверх и наше имущество все поклали, а стена все выше да выше поднимается. Стали туда бросать, уже сверху, перины, пуховики, подушки со всего дома. На аршин стена была не доложена, вдруг из соседнего двора знакомый человек заглянул в кладовую и стал упрашивать, чтоб мы и его добро туда запрятали. Натаскали всякого хлама; не стоило бы прятать, да ведь всякому своего жалко, как не помочь в беде, ведь и нам самим добрые люди помогали; мы на него понадеялись, что он останется благодарен. Стену заложили доверху, немного позамазали, а то всякому в глаза бросается, что новая; в переднюю кладовую натаскали всего, что было похуже, и набили битком — пожалуй, мол, ломай да таскай; немного разживешься, француз окаянный!

... Ну вот, господа наши уехали подобру поздорову во Владимир, — там у них была какая-то родня, а они там барина поджидали. А ему-то ехать нельзя было: оставался он по делам, что ли, или по службе, уже этого не умею сказать, — только помню, что он всякий день с утра надевал мундир и ездил. куда все господа другие собирались, думу вместе подумать, как лучше французу насолить да в Москву не допустить.

Да, видно, они ничего не придумали. Прошел александров день, — вдруг барин приезжает домой, велит запрячь дрожки в одну лошадь; видит, лошадь одна не сvezет, скорее другую лошадедку купили, где-то отыскиали, да и припрягли веревками. Барин, как был в мундире поутру, так и сел в дрожки один с кучером. Я помню, как он с нами прощался, вынул последние деньги, велел купить лошадь да выезжать в Тверскую заставу, к нашей подмосковной, а кто не боится оставаться при доме, пожалуй, оставайся. Мы с ним тут распростились, и он поехал. Наши все стали думать, куда кто пойдет: человек шесть остались при доме, другие отправились в подмосковную за 80 верст. Меня матушка свекровь с ними в такую даль не пустила и в Москве не оставила. Сестра ее родная за Москвой-рекой у господ Арсеньевых жила, и они собирались в орловскую деревню; а туда, говорили, что... француз не дойдет. Матушка свекровь за меня боялась — я была молоденькая да хорошенькая. Она меня поскорее собрала, навязала узелки и благословила: «Ступай, Дуняша, к тетушке да поклонись ей в ножки, чтоб она тебя с собой захватила, а то долго ли до греха».

... У них подмосковная, Щербинки, в 25 верстах от заставы: мы кое-как туда доплелись благополучно. По дороге, кабы не такая беда, было бы весело, просто гулянье! Кто едет в карете, кто верхом, кто ребятишек в тележке за собой тащит. Тут корову ведут, тут козел рвется из рук, клетки с курами привязаны на повозках. Везут большой чан на тройке, и в чану-то народ сидит, оттуда выглядывает; кто один пробирается, кто целой семьей идет, ребятишки за мать держатся, сами ревут, что не поспевают, али проголодались и есть просят...

Рассказ дворовой женщины о двенадцатом годе¹.

...Все жители выбирались из города; наш квартал почти совсем опустел, и оставаться в своем доме одним, что среди пустыни, было невозможно. Мы знали, что из Страстного мона-

¹ Рассказчица, из дома князя Лобанова, была женой крепостного человека А. Н. Соймонова. Рассказ был записан ее дочерью. — *Прим. сост.*

стыря ушло много монахинь и что келии их пусты, и отец попросил у игуменьи позволения переселиться в монастырь. Она согласилась. Но мы отдавали внаймы одну половину нашего дома, и жильцы наши были люди ненадежные. Они видели, куда мы прятали наше добро, и мои родители боялись, как бы они им не воспользовались. Надо было тоже и их перевести в монастырь. И на это согласилась игуменья. Накануне вступления неприятелей мы все ушли на новые квартиры и заперли дом.

Я помню, как на другой день все засуетились в монастыре и закричали: «Французы идут!» Все бросились на монастырские стены, и я, разумеется, туда же влезла посмотреть. Французы шли от Тверской заставы, полк за полком, — конца им не было видно. Мне весело было слушать, как они побрякивали саблями, и я любовалась на их мундиры, а многие из старших плакали...

Из письма А. П. Полуярославцевой.

...За несколько дней до вторжения неприятеля в Москву народ был уверен, что столица сия никогда французами взята не будет; однако, что-то предчувствуя, приходили в уныние и выезжали из оной; но, невзирая на сие, нашлось более 20 тысяч жителей, кои, или по неимению способов к выезду или по любви к отечеству, остались для защиты первопрестольного града и семейств своих. 1 сентября (ст. ст.) на улицах уже не было столько народа, как прежде, а только прохаживались одни раненые солдаты, бывшие в деле под Можайском, разбивали питейные дома и лавочки на рынках. По известию, что под стенами Москвы назначено дать неприятелю сражение, оставшиеся жители приготавливали себя к оному; но в понедельник, т. е. 2 сентября, поутру удалилась из Москвы градская полиция вместе с чиновниками и пожарными трубами; везли во множестве через город пушки, и шло русское войско в большом количестве и скорым походом, имея направление от Тверской к Рогожской заставе. После полудня отдан был раненым солдатам приказ: идти по Коломенской дороге; а между тем выдали из арсенала народу ружья и сабли. В сие время слышны были близ Москвы выстрелы: все думали, что началось сражение, а потому возносили мольбы свои к богу о ниспослании победы и торопились бежать с оружием на помощь соотечественникам своим. Но вдруг появилось в самом Кремле войско, которое велело бегущему народу кидать оружие и говорить: пардон. Противящихся тому или не понимающих их языка кололи и рубили без милосердия. Тут-то до-

гадались, что это наш неприятель, и с трепетом бежали все от поражения, крича: французы в Москве.

*Из письма чиновника московского почтамта
Андрея Карфачевского 6 ноября 1812 г.*

...Французам потребовалось 12 недель для того, чтобы от Ковно до Москвы, что составляет всего только 115 миль; из выступивших из Ковно свыше 280 тысяч человек достигло Москвы не более 90 тысяч человек.

14 сентября русская армия прошла через Москву, а аррьергард получил распоряжение следовать за нею в тот же день; одновременно генералу Милорадовичу было поручено заключить с неаполитанским королем соглашение, по которому русской армии будет дано несколько часов времени для полного очищения города. В случае отказа Милорадович должен был пригрозить, что русские будут драться с полным ожесточением у застав города и на улицах его.

Генерал Милорадович послал парламентаря к французскому авангарду для передачи пожелания переговорить с неаполитанским королем, который, как было известно, командовал авангардом. Спустя несколько часов было получено уведомление, что к аванпостам прибыл генерал Себастьяни. Это не понравилось генералу Милорадовичу, тем не менее он поехал на место и имел с французским генералом довольно продолжительный разговор, присутствовать при котором не был допущен никто из нас, находившихся в свите. После этого они вместе проехали добрый конец пути по направлению к Москве, и по разговору, который они вели, автор понял, что предложение генерала Милорадовича не встретило никаких возражений. Высказанное им пожелание, чтобы Москву по возможности пощадили, генерал Себастьяни с большой живостью перебил словами: «Генерал! Император во главе армии поставит свою гвардию, чтобы сделать совершенно невозможным какие бы то ни было беспорядки и т. д.». Это заверение он повторил несколько раз. Автору эти слова показались знаменательными, так как в них выражалось величайшее желание вступить во владение Москвой в полной сохранности, а, с другой стороны, слова генерала Милорадовича, вызвавшие этот ответ, не позволяли верить в умышленное сожжение Москвы русскими.

Было около 3 часов пополудни, когда мы вступили в Москву, а между 5 и 6 часами мы уже развернулись за пределами города: Несколько сот человек из беднейших слоев населения вышли навстречу генералу Милорадовичу и просили его защитить город. На улицах то и дело попадались кучки этих людей, печальными взорами следивших за нашим прохожде-

нием. Впрочем, улицы были еще так загружены покидающими город подводами, что генералу Милорадовичу пришлось послать вперед несколько полков кавалерии, чтобы расчистить дорогу. Самое тягостное зрелище представляло множество раненых, которые длинными рядами лежали вдоль домов и тщетно надеялись, что их увезут. Все эти несчастные были обречены на смерть.

Из города мы направились по Рязанской дороге и построились на расстоянии приблизительно тысячи шагов от города.

Генерал Себастьяни обещал, что передовые части французского авангарда вступят в город лишь через день после нашего ухода. Поэтому генерал Милорадович был крайне поражен, заметив, что два полка неприятельской легкой кавалерии стали развешиваться перед нами, когда мы едва успели построиться за городом. Он немедленно послал парламентаря с просьбой переговорить с неаполитанским королем. Но и на этот раз король не появился, считая, может быть, это ниже своего достоинства, и Милорадовичу снова пришлось довольствоваться разговором с тем же генералом Себастьяни. Он сделал ему самые энергичные представления по поводу слишком спешного движения вслед за русскими французского авангарда, на что Себастьяни легко мог ответить указанием, что наше прохождение через город, задержанное различными обстоятельствами, затянулось на более долгий срок, чем то могли предполагать французы. В результате этих переговоров обе стороны продолжали стоять близко одна против другой, не предпринимая никаких враждебных действий. С этого места мы могли видеть, как через заставы, расположенные в стороне от нас, из пустеющей Москвы непрерывной вереницей тянулись небольшие русские телеги, причем в эти первые часы французы их не тревожили; наоборот, казалось, что казаки все еще продолжают быть хозяевами этих частей города, тогда как французский авангард был занят исключительно русским арьергардом. Далее, мы отсюда наблюдали, как в крайних предместьях Москвы уже в нескольких местах подымались столбы дыма, являвшиеся по мнению автора следствием господствовавшего там беспорядка...

К. Клаузевиц, 1812 год.

...Из всего этого мы можем заключить, что в материальном отношении русская армия за все 10 недель своего отступления чувствовала себя превосходно. Поэтому она таяла лишь постольку, поскольку она несла потери в боях; убыль же большими и отставшими была незначительна. Это сказалось довольно ясно в конечном счете.

Барклай и Багратион после отхода Витгенштейна располагали первоначально, не считая казаков, 110 тысячами человек. Подкрепления, которые постепенно вливались в армию во время ее отступления, можно оценить приблизительно в 30 тысяч человек. Через Москву же она прошла в составе 70 тысяч человек. Ее потери, таким образом, достигали 70 тысяч, большая часть которых падает на бой...

...Нельзя сказать, чтобы армия¹ сама утратила мужество, наоборот, в ней сохранилось солдатское чувство гордости и превосходства; такое чувство всегда укрепляет армию независимо от того, является ли оно обоснованным или нет.

К. Клаузевиц, 1812 год.

2 сентября (ст. ст.) в 3 часа пополудни армия тронулась, оставляя авангард под командою генерала Милорадовича в нескольких верстах от Москвы, по дороге к Можайску. В 5 часов пополудни неприятель вступил в город; подходя к оному, у самой заставы был встречен Милорадовичем, который требовал от генерала Себастьяни, чтобы идущие из Москвы обозы не были несколько времени беспокоиваны; в противном случае грозил сжечь Москву. Себастьяни обещал и выполнил слово. Все выезжали в тот день беспрепятственно. Армия, отошед от города 15 верст, остановилась и пребывала в сем положении трое суток. Между тем на аванпостах происходили малые сшибки, и обозы беспрестанно тянулись на Боровской перевоз. Посем отошли к селу Кулакову, переправясь через Москву-реку на Боровском перевозе. Тут светлейший решился, сделав фланговой марш, закрыть Калужскую дорогу, по которой шли к нам транспорты с продовольствием. Переход сей, несмотря на близкое расстояние неприятеля, совершен был беспрепятственно, и армия, остановясь несколько времени в Подольске, достигла Красной Пахры, принадлежащей графу Салтыкову. Тут, выбрав позиции, укрепились, имея авангард свой, разделенный на две части, под командою однакоже г-на Милорадовича; одна из оных заняла селение Мостовое на реке Десне, а другая — на Пахре, близ деревни, принадлежащей г-ну Мамонову, на дороге от Подольска. Во все время отступлений передовые наши посты беспрестанно брали пленных без малейшей с нашей стороны потери. От Красной Пахры отступила армия к Воронову и потом к Тарутину за реку Нару, где по сие время обретается. Граф Ростопчин до Тарутина следовал с армиею, когда же кончилась Московская губерния, то он поехал, как сказывал сам, в Ярославль. Оставляя Вороново, граф

¹ Русская. — Прим. сост.

Ростопчин своими руками зажег дом свой и истребил пламенем все к дому принадлежащее строение, оставя в церкви послание к французам, которым упрекает их за разорение Москвы и земли русской...

Теперешнее положение нашей армии имеет все выгоды; точка, нами занимаемая, от натуры хороша и укреплена искусством, так что неприятель не осмелится напасть на нас и нарушить нашего спокойствия, которое нужно для образования вновь поступивших людей, между тем как наши партии, беспрерывно беспокоя неприятеля раз'ездами, все дороги, от Москвы к губерниям лежащие, особливо же Боровскую и Можайскую, с сих дорог беспрестанно присылают в главную квартиру пленных сотнями, и если считать с убитыми нашими партиями и крестьянами, то урон неприятельский день в день можно полагать более пятисот человек в сутки. Продовольствием армия наша снабжена по 1 ноября, неприятель же, лишенный всех способов, терпит во всем недостаток, питается лошадьми и не имеет в виду получить хлеба ниоткуда.

Из письма Сергея Мизина.

..Русские за Москвою; полки неприятельские в Москве; Наполеон перед Москвою. Кутузов за заставой сидел на дрожках, погруженный в глубокую думу. Полковник Толь под'езжает к русскому полководцу и докладывает, что французы вошли в Москву. «Слава богу, — отвечает Кутузов, — это последнее их торжество».

Медленно проходили полки мимо вождя своего. Как переменялись лица русских воинов от утра до вечера! Вечером гневная досада пылала в глазах их, из уст исторгались громкие вопли: «Куда нас ведут? Куда он нас завел?» Облокотившись правой рукой на колено, Кутузов сидел неподвижно, как будто бы ничего не видя, ничего не слыша и соображая повестку: «Потеря Москвы не есть потеря отечества!..»

Между тем угрюмо сгушался сумрак вечерний над осиротевшею Москвою, а за ней от хода войск, от столпившихся сонмов народа и от теснившихся повозок пыль вилась столбами и застилала угасавшие лучи заходящего солнца над Москвою. Внезапно раздался громовой грохот и вспыхнуло пламя. То был взрыв под Симоновым монастырем барки с комиссариатскими вещами, а пламя несло от загоревшегося винного двора за Москва-рекой. Быстро оглянулись воины наши на Москву и горестно воскликнули: «Горит матушка Москва! Горит!» Об'ятый тяжелой гробовой скорбью, я ринулся на землю с лошади, и ручьи горячих слез мешались с прахом и пылью.

...Подмосковные отцы, поселяне спешили благословлять в ополчение жертвенное сынов своих и, прощаясь с ними, говорили: «Умирайте, а не сдавайтесь!» Подмосковного села крестьянин Никифор Михайлов трех сынов благословил на делоратное...

С. Н. Глинка, *Записки о 12-м годе.*

...Война 1812 года пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании. Все распоряжения и усилия правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся в Россию галлов и с ними двенадцать языцы, если бы народ попрежнему остался в оцепенении. Не по распоряжению начальства жители при приближении французов удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение. Не по распоряжению начальства выступило все народонаселение Москвы вместе с армией из древней столицы. По Рязанской дороге, направо и налево, поле было покрыто пестрой толпой, и мне теперь еще помнится слово шедшего около меня солдата: «Ну, слава богу, вся Россия в поход пошла!»

...Каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле...

И. Д. Якушкин, *Записки.*

ФРАНЦУЗСКАЯ АРМИЯ ПЕРЕД МОСКВОЙ.

Французская гравюра Бейера и Утвайта с картины Е. Шарпантье.
Изображен вид на Москву с Поклонной горы (на Можайской дороге).

ПОЖАР МОСКВЫ.

Французская гравюра Утвайта с картины художника А. Ивона.

Изображен расстрел поджигателей у какой-то стены. Поджигателей обычно расстреливали во рву на Красной площади.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НАПОЛЕОНОВСКАЯ АРМИЯ В МОСКВЕ

...Любопытствуя узнать, что делается на большой Арбатской улице, по которой, как я думал, неприятель должен входить, а он, напротив, вошел во все заставы, которые на стороне к городу Смоленску, то есть в Дорогомиловскую, Пресненскую, Тверскую, Миусскую и другие, я взял с собой чиновника и вышел из Кремля. В сие время на Ивановской колокольне ударил колокол к вечерней молитве. Лишь только я с чиновником вышли из Кремля, то встретили пьяного господского человека, у которого в одной руке было ружье со штыком, а в другой карабин. Сей человек был в самом безобразном виде и, покачиваясь то в ту, то в другую сторону, что-то бормотал про себя. Я, усмехнувшись, сказал бывшему со мною чиновнику довольно громко: «Вот видишь, что значит безначалие», и отошел уже от сего пьяного несколько шагов, как кинул он в меня ружье со штыком, которым, слава богу, не попал, но вслед за ним кинул и карабин, которым ушиб меня крепко в ногу. Почувствовав чрезвычайную боль в ноге, я воротился и кое-как дотащился до вотчинного департамента.

В 4 часа пополудни пушечные выстрелы холостыми зарядами по Арбатской и другим улицам возвестили вход неприятеля в московские заставы. Я считал выстрелы: их было 18; звон на Ивановской колокольне утих, и вскоре Троицкие ворота в Кремле, которые были наглухо заколочены, и только одна калитка для проходу оставлена, выломлены, и несколько польских уланов в'ехало в Кремль через оные. Место это из окон вотчинного департамента видно, ибо некоторые окна прямо против Троицких ворот. Я вскричал: «Верно, это непри-

итель!» — «Э, нет, — отвечал мой знакомый, пришедший в департамент со мною проститься: — это наш арьерград отступающий». Но увидели мы, что въехавшие уланы стали рубить стоящих у арсенала нескольких человек с оружием, которое из одного только что взяли, и уже человек десять пали окровавленные, а остальные, отбросив оружие и став на колени, просили помилования. Уланы сошли с коней своих, отбили приклады у ружей, и без того к употреблению не годящихся, забрали людей и засадили их в новостроящуюся Оружейную палату. Я запер вход и выход в вотчинный департамент, взял ключи к себе и приставил к дверям к каждой по одному инвалиду, при департаменте служащих, приказав тотчас уведомить меня, коль скоро кто будет стучаться.

Вскоре за передовыми польскими уланами стала входить и неприятельская конница: впереди ехал генерал, и музыка гремела. Когда сие войско входило в Кремль, то на стенных часах, которые в департаменте, показывало 4 с половиной часа. Это войско входило в Троицкие и Боровицкие ворота, проходило мимо сенатского здания и вышло в Китай-город через Спасские ворота: шествие этой конницы продолжалось до глубоких сумерек непрерывно. Ввезена в Кремль пушка и сделан выстрел к Никольским воротам холостым зарядом; вероятно, сей выстрел служил сигналом.

Один из инвалидов солдат, которых я поставил у входа дверей в департамент, пришел ко мне и сказал, что кто-то стучится крепко в двери. Я отпер. Это были люди мои, которые остались на квартире. Они сказали, что неприятель овладел уж совершенно Москвою и что в дом, в котором я жил, вошло около 40 человек, но что им никакой обиды сделано не было. Когда стало смеркаться, то пламя зажженного утром москательного ряда осветило комнаты департамента так, что никакой надобности не было в свечах. Круглый в сенатском здании двор занят неприятельскими солдатами, и видно было из окон департамента, что несколько человек бегало с огнем по комнатам, в которых присутствовали сенаторы, выкидывали столы и стулья на двор для бивак своих. Хотя ночь эта и была ужасная ночь для меня, но, слава богу, никто из неприятелей не входил в вотчинный департамент, и как я сам, так и все, бывшие при мне, оставались спокойны...

А. Бестужев-Рюмин, Краткое описание происшествий в Москве в 1812 году.

... Ничто не предвещало близости большого города, тем более — столицы. Мы подходили к Москве, совершенно того не замечая. 14 сентября (н. ст.) мы увидели редуты и окопы, воз-

веденные на равнине; ни один ружейный выстрел не последовал при нашем приближении, и мы без сожалений прошли мимо этих оборонительных сооружений.

Местность к городу несколько возвышалась; громадное кладбище с надгробными памятниками и мавзолеями предвещало близость большого города. Мы взобрались на небольшое возвышение, и оттуда перед нашими взорами развернулась панорама Москвы, с золотыми куполами ее многочисленных церквей.

Наконец, мы достигли Москвы, предмета наших вожделений, о котором мы говорили сто раз на день. Вид этот, который должен был преисполнить нас радостью, не произвел, однако, на нас всего ожидаемого впечатления. Вместо населения, которое должно было, казалось, жадно созерцать этих, пришедших на завоевание их страны, людей запада, нас встретило мертвое молчание; молчание, тем тяжелее нас поразившее, что легкомысленный, веселый и любезный от природы французский солдат полагал, что и другие народности обладают теми же свойствами своих характеров.

С этой возвышенности нам оставалось сделать только несколько шагов, чтобы вступить в Москву, и наши трубачи были уже на мосту у входа в город, когда крик: «Голова колонны, стой», шедший от хвоста и переходивший из уст в уста, донесся до нас. Мы остановились, и мимо нас проскакал галопом император, окруженный многочисленным штабом и конвоируемый гвардейскими конно-егерями. Он остановился в 3—4 шагах от нашей колонны, на правом ее фланге и впереди своей свиты.

Мы получили приказание стать биваком на занимаемой нами местности, и, лишь только наши лошади были стреножены, как все наши кирасиры отправились в Москву и, спустя некоторое время, вернулись обратно, нагруженные всем, что только можно было найти, в особенности же по части с'естного. Преобладали же вино и в особенности шампанское, до которого русские, видимо, большие охотники. Привезенные из столь далека вина были лучших французских сортов и крепкие, и они ударили в головы наших кирасир. Ни на одном биваке не было еще так весело, все пели, вспоминали Францию и восхваляли ее вина...

Тирион, Воспоминания офицера французского кирасирского № 2 полка.

...15 сентября (н. ст.) наш отряд снялся с места рано утром и вышел из деревни, где была последняя стоянка, направляясь в Москву. Подходя к городу, мы с удивлением замети-

ли, что не было стен. Простая земляная насыпь указывала на первоначальное его зарождение.

Ничего, казалось, не давало нам следа обитаемости города; дорога, по которой мы шли, была так пустынна, что мы не только ни одного москвича, но даже и французского солдата не встретили. В этой торжественной тишине и полном одиночестве не слышно было ни звука, ни возгласа; руководил нами один страх, увеличившийся еще более при виде густого дыма, высоким столбом поднимавшегося в центре города... Мы было подумали, что загорелось несколько магазинов, которые по своему обыкновению перед уходом зажгли русские...

Е. Лабом, Отчет о кампании в России.

...При нашествии французов на Москву первый вступил в нее Мюрат с отрядом из 600 человек и, заняв Кремль, оставил перед арсеналом, где находились русские больные и раненые. Между тем как он их расспрашивал, выстрелили из ружья неизвестно откуда, но никто не был ранен; в то же мгновение откуда ни взялся ратник московского ополчения, бросился на польского полковника, которого по богатому его мундиру почел он Мюратом, а может быть и самим Бонапартом, столкнул его с ног и, прежде нежели могли ему в том воспрепятствовать, пронзил его своею пикой. Он пал вскоре после того под ударами французов, сопровождавших Мюрата...

Русский архив, 1876 г.

...Первым проник в Драгомиловское предместье Мюрат. Многочисленная кавалерия готова уже была проникнуть в самый город, но Милорадович, командовавший арьергардом русской армии, предложил Мюрату приостановить военные действия, предупреждая его при этом, что, если французы отрежут ему отступление, он не остановится перед тем, чтобы сжечь столицу. Мюрату, считавшемуся с тем значением, какое должна иметь Москва в качестве залога будущего мира, не оставалось ничего иного, как почти без колебаний принять эти условия. Таким-то способом русские выгадали несколько часов и успели благодаря этому спасти свой обоз, который иначе должен был неминуемо достаться в добычу французскому авангарду.

Вскоре во главе французской гвардии перед Драгомиловским предместьем показался сам Наполеон. Внешний вид Москвы произвел на него, как на всех нас, радостное впечатление, которого он совершенно не пытался скрывать. Впрочем,

впечатление это было только мимолетным. Он ожидал увидеть тут же у ворот предместья депутацию русской знати с ключами города в руках и с просьбой о пощаде на устах. Он уже распорядился, чтобы принц Евгений и Понятовский заняли неприятельский город, в который Мюрат проник еще раньше, но никакой депутации не появлялось.

Между тем день стал клониться к вечеру, Москва же продолжала оставаться грустной, молчаливой и почти безжизненной. Вместе с тем увеличивалось и душевное беспокойство императора. Становилось трудным сдерживать долее нетерпение солдат. Кое-кто из офицеров рискнул проникнуть за городскую ограду: Москва оказалась покинутой.

Наполеон сперва не мог поверить такому невероятному событию; он командировал своих флигель-адъютантов удостовериться собственными глазами в истинном положении вещей; посланные не замедлили вернуться, и донесения их вполне совпадали с прежними известиями: трехсот тысяч московского населения как не бывало, а на улицах столицы, в ее дворцах и храмах царило гробовое молчание пустыни. За отсутствием представителей русской знати и дворян, которых Наполеон желал бы видеть перед собой, удалось разыскать нескольких иностранных купцов, которые не имели охоты бежать вслед за москвичами; они явились к Наполеону просить у него покровительства, а он, будучи вынужден удовлетвориться лишь этим подобием выражения покорности, отдал, наконец, приказание о вступлении в город...

И. Руа, Французы в России.

...Вправо близ дороги ехал по полю Наполеон в сером сюртуке, на белом коне; он прибыл сегодня к самой главе авангарда, в сопровождении небольшой свиты... Наполеон устремил свои взоры на столицу, лежавшую теперь еще ближе к нам.

...Мы увидели и окопы, сооруженные русскими перед нашим прибытием. Когда мы совсем подошли к первым домам города, во главе дивизии стал Мюрат, а Наполеон ускакал от дороги вправо, как бы направляя свой путь в близкую усадьбу.

Десятый польский гусарский полк... вошел в город первым, за ним — прусские уланы... затем вюртембергские конные егеря, к которым принадлежал и я. За нами шли четыре французских гусарских и егерских полка нашей дивизии; шла с нами также и конная артиллерия; дальше следовали другие дивизии.

Напряженное внимание к грядущим событиям, мысль, что мы после стольких страданий, лишений и трудов дожили до

этого дня, что мы в числе первых вошли в эти любопытные стены, — все это заставляло нас забыть о прошлом.

Всякий более или менее охвачен был гордостью победителя, а где ее не было, там всегда находился офицер или старый вояка, умевший проникновенными словами объяснить величие места и момента.

Нашей дивизии отдан был строжайший приказ, чтобы никто, под страхом неминуемой смертной казни, не смел слезать с коня или выезжать из строя. Нам, врачам, этот приказ внушен был с такой же настойчивостью, как и войскам, и мы охотно ему повиновались.

Пока мы ехали по улице до реки Москвы, не было видно ни одной обывательской души. Мост был разобран, мы поехали вброд; пушки ушли в воду до оси, а лошади — до колен. По ту сторону реки мы встретили несколько человек, стоявших у окон и дверей, но они, казалось, были не особенно любопытны. Дальше попадались прекрасные здания, каменные и деревянные, на балконах иногда виднелись мужчины и дамы.

Наши офицеры приветливо отдавали честь; им отвечали столь же вежливо; но все-таки мы видели еще очень мало жителей, а около дворцов все стояли люди, имевшие вид прислуги. Во внутренних частях города мы наткнулись на истомленных русских солдат, отсталых пеших и конных, на брошенный обоз, на серых убойных быков и т. п. Все это мы пропускали мимо.

Медленно, с постоянными поворотами продвигались мы по улицам, в которых наше внимание привлекало множество церквей с их столь для нас чуждой архитектурой, особенно многочисленностью башен и внешним их убранством, а также прекрасные дворцы и окружавшие их сады. Мы проехали через рынок; его деревянные лавки были открыты, товары, разбросанные в беспорядке, валялись и на улице...

...Шествие наше совершалось крайне медленно. Остановки были очень часты, и вот наши пронюхали, что у валявшихся по улицам отсталых и спящих русских во фляжках есть водка. Не смея слезать с коня, они ухитрились перерезывать кончиком сабли ремни, которыми фляжки привязаны были к ранцам, и подхватывать самые фляжки крючочками, выточенными на концах сабель. Этим хитроумным способом добыта была водка, которая давно уже была большой редкостью.

Мюрат проезжал взад и вперед по нашим рядам, был очень серьезен и деятелен и глядел даже туда, куда не успевал попасть сам. Он шел во главе нас, когда мы, идя между большими старыми зданиями, добрались до арсенала. Арсенал был открыт, и всякого рода люди, в большинстве, повидимому, мужики, выносили оттуда оружие, некоторые старались про-

браться внутрь. На улице и на площади, где мы теперь остановились, валялось множество всякого оружия, разного вида, по большей части нового.

В воротах арсенала возникла перебранка адъютантов короля с выносившими оружие. Несколько адъютантов в'ехало внутрь здания, перебранка стала очень громкой. Тем временем было замечено, что на площади позади арсенала собралось много народа, шумного и беспокойного. Все это заставило короля придвинуть ко входу на площадь наши пушки и дать залп. Трех выстрелов оказалось достаточно, чтобы толпа с невероятною поспешностью рассеялась по всем направлениям.

Меня очень соблазняло валявшееся под ногами моей лошади оружие, среди которого была прекрасная сабля. Некому было подать ее мне; достать ее тем способом, каким солдаты поднимали фляжки с водкой, я не мог. Тогда я проделал опасную, в силу запрета, попытку — быстро слез и опять вскочил на коня; в моих руках был прелестный сувенир о Москве.

Порядок в данном месте был восстановлен, и мы спокойно продолжали свой путь через величайший из городов, когда-либо виденных мною. Вместе и рядом с нами шли, скакали и ехали многие из русской армии, направляясь в те же ворота, к которым приближались мы.

...Всякий мирно шел своей дорогой, как и мы. Только один русский денщик, несмотря на все свои протесты, вынужден был слезть с коня и расстаться со своим великолепным серым, которого мы отобрали. У ворот, через которые мы должны были выехать, стояли два конных казака, которые сильно возражали против нашего проезда и никак не соглашались пропустить нас.

В это время заходило солнце при ясной погоде, совсем не такой, как утром, когда было пасмурно и холодно. Более трех часов продолжалось наше вступление, и с каждым шагом и каждым часом дня росла наша надежда на столь необходимый и желанный для нас мир, и мы сладко мечтали о грядущем отдыхе...

...Наступила, наконец, ночь и с нею время отдыха. Вместе с артиллерией и одной дивизией кирасир мы стали лагерем в недалеком расстоянии от города, вправо от дороги, ведущей на Владимир и Казань. Влево от нее находится огромное, широко раскинувшееся здание, которое мы принимали за монастырь. Лагерные костры наши горели необычайно ярко, а невдалеке перед нами виднелись и русские костры. Воинственный шум вокруг нас, яркое пламя костров, а в особенности наше удовлетворение, что мы дожили до этого знаменательного дня, и все еще напряженное ожидание грядущих событий, суматоха близкого города и кое-какие раздобытые припасы — все это

ободряло нас, и давно наш лагерь не был так полон оживления, при всей необходимости отдыха.

Много разного вида людей из русской армии проходило мимо нашего лагеря по Казанской дороге. Среди них были и раненые: одни—уже перевязанные, другие—окровавленные, страдающие от ран, полученных недавно при отдельных случаях насилия и близ ворот.

...Вокруг и среди нас настроение было настолько бодрое, что всякий забывал об усталости и сне; да если бы этого и не было, обстоятельства, вскоре наступившие, отняли бы всякую охоту ко сну...

Г. Роос, С Наполеоном в России.

...Москва, 15 сентября (н. ст.). С зарею мы покинули это скверное Хорошево и в парадной форме двинулись к Москве. Приближаясь, мы заметили, что город открыт. Простой земляной вал служит ему единственной защитой. В то же время мы не замечаем ни одного дымка над домами, — это плохой знак. Дорога наша идет прямо в город; мы нигде не видим ни одного русского и ни одного французского солдата.

Страх наш возрастает с каждым шагом; он доходит до высшей точки, когда мы видим вдали, над центром города, густой столб дыма.

Сначала мы все думали, что горит какой-нибудь магазин; русские приучили нас к таким пожарам. Мы уверены, что огонь скоро будет потушен солдатами и жителями. Мы приписываем казакам все эти ненужные разрушения и опустошения.

У Звенигородской заставы вместо того, чтобы идти прямо в город, мы получаем приказ двинуться вдоль окраин; мы пересеем другую, идущую в город, дорогу и начинаем уже думать, что опять наши ожидания будут обмануты, но, наконец, дойдя до С.-Петербургского шоссе, королевская гвардия получает приказ войти в город через эти ворота.

Иначе обстоит дело с дивизиями, которые, повернув налево, идут от Москвы и располагаются лагерем: 15-я — у Петровского дворца, 13-я — в Алексеевском, а 14-я — на Бутырьках. Легкая кавалерия под начальством генерала Орнано развернулась по фронту этих дивизий во Всехсвятском и Останкине. Вице-король во главе королевской гвардии въезжает в Москву по прекрасной дороге, ведущей от предместья Петровско-Рагумовского. Этот квартал, один из наиболее богатых в городе, назначен для квартирования итальянской армии. Дома, хотя большей частью и деревянные, поражают нас своей величиной и необычайной пышностью. Но все двери и окна закрыты, улицы пусты, везде молчание! — молчание, нагоняющее страх.

Молча, в порядке, проходим мы по длинным, пустынным улицам; глухим эхо отдается барабанный бой от стен пустых домов. Мы тишело стараемся казаться спокойными, но на душе у нас неспокойно: нам кажется, что должно случиться что-то необыкновенное.

Москва представляется нам огромным трупом; это — царство молчания: сказочный город, где все здания, дома воздвигнуты как бы чарами для нас одних! Я думаю о впечатлении, производимом развалинами Помпеи и Геркуланума на задумавшегося путешественника; но здесь впечатление еще более грозовое.

Мы выходим на красивую и широкую площадь и выстраиваемся в боевом порядке в ожидании новых приказов. Они скоро приходят, и мы одновременно узнаем о вступлении императора в Москву и о пожарах, начавшихся со всех сторон. При таких обстоятельствах решено, что, не имея возможности обратиться к местным властям, мы разместимся по-военному. Вице-король дает приказ полкам, и назначенные для этого офицеры пишат углем на наружных дверях каждого дома указание постоя, а также новые названия улиц и площадей, так что теперь улицы будут называться только «улицей такой-то роты», будут еще «кварталы такого-то батальона», площади Сбора, Парада, Смотра, Гвардии и т. д.

Это странное распределение дает какому-нибудь офицеру возможность занять для себя одного великолепный дворец. Он размещается, как ему заблагорассудится в этих богатых покоях, с их пышной обстановкой, не встречая никого, кто бы оспаривал его права на обладание ими или объявил бы себя хозяином.

...С самого начала мы не могли отделаться от подозрительности, когда проходили по пустынным улицам или входили в покинутые дома. Было почти невозможно поверить, что за этим не скрывается ловушка. А потом незаметно мы завладели Москвой, как будто она была построена нарочно для нас. Все розыски открывают только несколько несчастных бедняков, спрятавшихся в церквях, и раненых, которые не могли бежать. Как и в Смоленске, некоторые жители надеялись в церквях найти верное пристанище. Алтари в этих церквях украшены и свечи зажжены, как для большого праздника.

Встречаются еще некоторые отсталые русские солдаты в госпитале, несколько мародеров, привлеченных крепкими напитками и задержавшихся при разграблении погребов. При встречах с этими последними от времени до времени раздается выстрел, скорее как результат изумления, чем злобы.

Некоторых арестовывают, других оставляют бродить, чтобы не было с ними затруднений.

Французская армия, кроме избранных корпусов, кольцом окружает Москву.

Даву расположился со своим корпусом в самом городе, в той его части, которая примыкает к Смоленскому шоссе. Он охраняет все пути между Тульской и Звенигородской дорогой. Пехота императорской гвардии занимает Кремль и прилегающие к нему дома. Кавалерия держится в предместьях, чтобы легче доставать фураж. Что касается Мюрата, то он, поддерживаемый Понятовским, должен преследовать русский арбергарт. Наконец, вестфальцы для охраны сообщений между частями армии остались в Можайске...

Ц. Ложье, Дневник офицера великой армии.

...Когда оставляли Москву, то никто и ничего не думал жечь, исключая казенных запасов. Хотя излишних продовольственных запасов и нельзя было предполагать по случаю смутного времени, но, несмотря на это, во всяком доме была мука, крупа, сено, овес и пр. Если не могли вывезти дорогих товаров, дорогой мебели и экипажей, то о муке, сене и овсе подавно некогда было думать. В доме, где мы провели ночь, лошадей не было, но фураж был, и вообще заметно было довольство; старик-дворник предлагал нам какой угодно экипаж. По обывательским домам, постоянным дворам, лавкам и лабазам было довольно всякого продовольствия, а потребителей-жителей осталось очень мало; лошадей и совсем не было. Что же касается до предметов роскоши, например сахару, чаю, кофе, вина и пр., то всего было даже слишком изобильно. Если бы французы приняли меры, чтобы никто не ходил по дворам, а отряженными командами забирали продовольствие и выдавали его порядком, то можно полагать, что они не только не нуждались бы в продолжение всего прожитого ими в Москве времени, но, кажется, стало бы им и на зиму.

По занятии Москвы французы ошалели; да, кажется, и сам Наполеон, найдя Москву пустой, потерял голову и допустил грабеж. Офицеры и даже генералы начали брать что попадется под руку. Солдаты, по обычаю солдат всех времен, первоначально принялись за хлебное, а потом пустились и в грабеж; в пьяном виде они забирали нужное и ненужное; грабили и истребляли...

Н. Е. Митаревский, Воспоминания о войне 1812 г

...Наполеон думал, что сдача русской столицы совершится таким же порядком, как сдача Вены. Он ожидал у заставы депутацию с ключами города, но крайне удивился, когда увидел,

что город уже в нескольких местах горит. Войска его вступили парадом по запустелым улицам Москвы и, подошедши к Кремлю, были встречены ружейными выстрелами из арсенала...

Н. Н. Муравьев, Записки.

...Мы встретили нескольких офицеров, сопровождаемых уланами; то были парламентареры, посланные к русским генералам. Путь наш шел мимо богатых дач, окруженных тенистыми садами. Наконец, вдали Москва; подойдя ближе, увидали над нею местами столбы дыма. Тысячи куполов и колоколен отражали лучи ярко блиставшего солнца. Зрелище это было так ново, что можно было вообразить себя в Азии. Как ни радовала нас мысль, что, наконец-то, прекратятся наши бедствия вступлением в Москву, а какое-то тревожное чувство отравляло эту радость.

Едва прошли мы городские ворота, как навстречу нам на дрожках подкатил лазаретный чиновник, который имел поручение вести нас в шереметевский госпиталь, назначенный для императорской гвардии. Мы последовали за этим офицером по длинным улицам, обстроенным красивыми домами, но все это выгорело, представляя одни стены с выбитыми окнами. Наконец, вышли на большую площадь, где находится шереметевская больница: прекрасное строение с колоннами, скорее похожее на дворец. Военные врачи госпиталя тотчас же вышли принять нас. Мы передали им наших раненых, которых они и разместили по палатам, так хорошо расположенным, как нельзя ожидать лучше в первых европейских столицах.

...На ту пору барон Ларрей прислал за мной офицера, который и повел меня в Кремль. На внутренней площади этой крепости, перед арсеналом, император только что кончил смотр войскам. Войска уже прошли, но Наполеон еще оставался на месте, окруженный генералами и штабом. Заметив в группе офицеров барона Ларрея, я слез с лошади и подошел к нему. Выслушав мой рапорт о состоянии раненых, он выразил мне свое удовольствие и тотчас же пошел доложить императору, опасавшемуся за раненых, что они благополучно привезены. Я видел, как барон вступил в круг офицеров, стоявших в виду императора; как последний казался доволен докладом, даже взглянул в мою сторону, когда барон указал на меня; но я не мог расслышать, что они говорили. Все же я должен признать, что, хотя Наполеон нередко обращался с вопросами к простым солдатам и вел с ними разговор, однако, что до меня касается, никогда мне не случалось сказать хотя единое слово лично великому человеку. Барон Ларрей передал мне одобрив-

тельные слова императора, опасавшегося было для раненых встречи с казаками, и затем пригласил меня к себе обедать.

Барон помещался в прекрасном доме, очевидно знатного человека, в богато меблированных покоях. Кроме меня, приглашены были еще два линейные полковника и комендант гвардейской артиллерии. Стол уже был накрыт.

...Обед, которым угостил нас барон, был отличный, далеко не бивачный. Я не понимал, откуда достали столько разной провизии. Вин было много, и между ними и шампанское. Давно я не обедал так вкусно. К ночи я воротился в шереметевский госпиталь, где мне отвели великолепную квартиру. Товарищи мои тоже были отлично помещены.

На другое утро... когда я, проснувшись, увидел себя на богатом диване, в светлой комнате с большими окнами и картинами на стенах, я не верил, что нахожусь в Москве, что... сев на лошадь в Париже, я проехал на ней около 3 тысяч верст и слез с нее уже в столице России, в этом священном городе Русской империи.

Этой части города, где мы теперь квартировали, пожар не коснулся. После зрелища жалких городов, обстроенных деревянными домами и с немощенными улицами, в грязи которых вязли ноги, приятен был вид красивых домов, дворцов, церквей, площадей и чистых вымощенных улиц. Когда я прошелся по улицам Москвы, я нашел, что она не походит ни на один из европейских городов. Архитектура зданий представляла смесь всевозможных стилей: татарского, китайского, индийского, византийского, греческого, итальянского, готического. Улицы широкие, прямые, чистые, хорошо вымощенные. В центре города было много садов. Во многих домах окна были из цельного стекла. Бесчисленное множество церквей представляли из себя группы колоколен, башен, башенок, куполов самых пестрых цветов и самых разнообразных форм, красиво рисовавшихся на горизонте. Подле богатых домов вельмож странно было видеть деревянные невзрачные домишки, жилища их крепостных слуг. Такого рода контраст не встретишь в других европейских городах.

Де-ла-Флиз, Поход Наполеона в Россию в 1812 г.

...Провести зиму в Москве было немыслимо. Мы пробились до этого города, но ни одна из пройденных нами губерний не была нами покорена. Армия генерала Кутузова сформировалась вновь и начала обходить нас с правого фланга; так как Тула и Калуга были во власти русских, то она могла раньше нас притти в Можайск и в Вязьму. С другой стороны, мир, заключенный с Турцией, давал армии адмирала Чичагова пол-

ную возможность отрезать наши сообщения с Польшею; мы были слишком далеко от Курляндии, чтобы надеяться на какую-либо помощь со стороны корпуса герцога Тарентского¹. Так как Витебск, как показали дальнейшие события, не мог быть нами удержан, то чем долее мы оставались в сожженной или несожженной Москве, тем вернее была наша гибель; мы готовили себе приблизительно такую же судьбу, какая постигла Камбиза в Лидии или армию Александра Великого в пустыне Гедрозии.

Великая ошибка Наполеона состояла не в том, что он пошел в Москву, хотя это была неосторожность с его стороны и против этого восставали почти все его генералы в Витебске и в Смоленске, — его ошибка заключалась в том, что он остался в Москве.

Действуя осмотрительно, следовало бы остановиться в Смоленске, помешать Порте заключить мир и дать оправиться армии, в которой уже с Витебска чувствовался недостаток в припасах, и, лишь основательно подготовившись, вместе с Турцией год спустя вступить в Россию и покончить с ней. Но все это было не в характере Наполеона, который не признавал ни переговоров, ни выжидания. Все советы, даваемые когда-то нами Турции и Швеции, были теперь с презрением отброшены, что указывало на самонадеянность императора и на неспособность его министров. Одни из них не были настолько смелы, чтобы энергично восставать против его самых дорогих интересов (так, например, герцог Кадорский, герцог Фельтре, граф Монталиве), другие же были ослеплены ореолом славы, которой он был еще окружен (таковы герцог Бассано), верили в его прирожденный военный гений и потому считали его непогрешимым и непобедимым...

Вице-король предложил идти немедленно с своим полком, в сорок пять тысяч человек, на Тверь, оттуда на Петербург, между тем как остальная часть армии должна была мешать князю Кутузову. Это была та же система вторжения, но в этом проекте было что-то великое, и он, по всей вероятности, удался бы. Это внушило бы ужас в С.-Петербурге, и едва ли император Александр решился бы сжечь вторую столицу. Двадцати пяти дней было бы достаточно, чтобы быть там, но испугались дождей и непроходимых дорог в окрестностях Твери, и потому предложение вице-короля было отклонено.

Маршал Ней усиленно уговаривал двинуть войска к Смоленску после недельного отдыха, снабдив их припасами, по той же дороге, по которой мы уже прошли. Это было самое умное

¹ Макдональд.

решение; но на это возражали, что как русские, так и мы сами сожгли все по дороге и что мы не найдем фуража. Эти доводы были правдоподобны, но недостаточны при том положении, в которое мы были поставлены. Маршал Даву склонял всех напасть на русских, сжечь Тулу и Калугу и отправиться в Украину. Это был блестящий план; он казался выполнимым и давал хорошие результаты при условии выполнить его сейчас же, не давая русской армии организовать вновь и соединиться с подкреплениями, стекавшимися к ней со всех сторон, особенно не давая ей соединиться с кавалерией, которая впоследствии во время нашего несчастного отступления нас так тревожила...

Император Наполеон был озадачен, как человек, не привыкший быть обманутым в своих расчетах. Он заперся в Кремле, как будто выжидая время, тогда как при тогдашних обстоятельствах каждый момент становился драгоценнее. Он все еще хотел заблуждаться. Вообразив, что Александр будет просить мира, он был уверен, что русский император поспешит, по крайней мере, принять этот мир, если он будет ему предложен...

Дедем, Мемуары.

...В числе оставшихся при нашествии неприятеля чиновников Московского почтамта находился и г. Н.... Он принадлежал к героической эпохе суворовского времени. Храбрым гренадером участвовал он во всех италийских битвах и был действующим лицом при блистательном... переходе нашей армии через швейцарские Альпы. На стоянке в Богемии он обабил (как говорил) и, возвратившись на родину, поступил в Московский почтамт, в котором с честью служил в разных чинах более 50 лет. Вот эта-то достойная личность осталась в Москве с целью отомстить во что бы то ни стало врагам. Рассказом моим не желал бы я уменьшить достоинство того чувства, которое, зародясь в благородном сердце суворовского витязя, разрешилось неудачей, а потому подернулось смешным оттенком.

Злобно посматривал на врагов отечества г. Н. Узнав однажды, что сам Наполеон собирается навестить почтамт, в который насажал он своих пришельцев, г. Н. возымел мысль убить французского императора. Обдумывая свой план, он сообразил, что явное нападение невозможно, способного оружия у него не было, добыть его было трудно, а еще труднее было подойти к лицу, окруженному свитою, не возбуждая подозрения. Долго соображал он; наконец, обдумав, что император войдет, вероятно, в дом, решил сторожить его и поразить его сверху. Так как все этажи дома были заняты французами, то, улучив время, обманув бдительность стражей и взяв ловкое полено, он пробрался с ним безопасно на чердак и стал наблю-

дать. Три дня, голодный и трепещущий, сидел он над гипсовым орлом, который под самым чердаком украшал тогда здание почтамта, и выжидал счастливой минуты. Наконец, заслышавшая суматоха. С улицы повертывала толпа всадников, часовые, поставленные у ворот, отдавали честь; г. Н. воодушевился, зорко принаравливаясь долбануть господчика, которого признал он за Бонапарта, и бросил в него смертоносный снаряд свой. Полено слетело в ту минуту, когда предполагаемый Бонапарт всходил на крыльцо; но, к крайнему сожалению г. Н., полено ни в кого не попало, а только возбудило внимание французов, собравшихся, что таковое чудо не могло совершиться без пособника. Пошли поиски, от которых герой наш, изучивший занятую местность, ловко прятался. Неприятель был близок, но не нашел его. Прodeжура два дня, после поисков, осторожно пробрался он с чердака и, отделившись голодом, невредимо примкнул к товарищам.

Впоследствии часто трунили над г. Н., уверяя его, что Наполеон не приезжал на двор почтамта, но он с досадой утверждал, что Бонапарт приезжал, что он угадал его, что полено бросил верно и если пролетело оно, не размозжив головы, то разве чудом. Что стало бы с войною и миром, если бы умысел его удался.

Вл. Бр—н, Рассказы из истории 1812 г.

...Я по глупости часто бегала за ворота посмотреть, что там делается, и на какие я страсти нагляделась! Стою я раз и вижу: из угольного дома, где теперь аптека Губицкого, идет женщина, и с ней француз. Вдруг из того же дома выбегает русский и погнался за ними. Он поднял среди площади большой камень и пустил во француза. Камень ударил в его голову, и бедняк упал весь в крови; я помню, как он застонал, а наш на него бросился и придушил его.

Из рассказа А. П. Полуярославцевой.

...Очевидцы рассказывают, что в Москве французы ежедневно ходили на охоту—стрелять ворон и не могли нахвалиться своим *soupe au corbeaux*¹. Теперь можно дать отставку старинной русской пословице: попал, как кур во щи, а лучше говорить: попал, как ворона во французский суп!

«Русский архив», 1876 г.

¹ Вороний суп.

...Обширна, богата была Москва; но Москва не есть целая Россия. Кажется, что провидению благоугодно показалось пожурить нас за нашу приверженность к отчизне и доказать нам, что народ, столько лет нами безрассудно боготворимый, очень, очень далек от просвещения, благонравия, воинских доблестей и чистой совести прямого россиянина. Будучи ежедневно между и около врагов наших, мог я удобно сравнивать характер их и наших; у них злодей, варвар, убийца без причины; у нас злодею—вилы, доброму, кроткому—гостеприимство. Я сам был свидетелем, сколь сострадательны были наши мужички, когда голодный, по 14, 15 и 16 дней не видавший сухаря и картофеля, француз просил учтиво себе пропитания у них; сам видел, как отважно мстили они бесчеловечным грабителям. При моих глазах зарыто несколько французских трупов в земле или затоплено в болоте... Быть может, что и между ними есть добрые люди, по крайней мере, я не нашел в них ничего, кроме презрения к тем, коих могущество они уже почувствовали, чувствуют и будут чувствовать. А что они трусы, то могу уверить вас, что два-три казака одним слухом о своем прибытии разгоняли большие отряды конной гвардии и жандармов. При слове «казак» цепенел каждый парижанин. Грубость нижних чинов неописанна; подчиненности не бывало; уважения к начальству нет никакого... Словом, глупы и немцы, но таких невежд, таких варваров, неопрятных скотов вы не сыщите... Их офицеры не брезговали месить хлебы в том корыте, в коем только что вымыта была исподница его рядового, хотя русские и уверяли, что корыто погано.

Спросите вы о их опрятности и щегольстве; я видел некоторых, кои не умывали хари своей от самого выхода из Парижа. А что от них терпят их союзники: немцы, итальянцы и поляки, того описать невозможно. Нас величали они «варвары, дьяволы», а тех — «проклятая собака» и дразнили или ругали их прямо по-собачьи. Бедные союзники, опасаясь сабли или нагайки, брели, оглядываясь назад с трепетом. Немцы и поляки не получали ни фуража, ни хлеба, ни мяса, ни вина, а зажиточнейшие из итальянцев должны были платить по талеру на день императору. Вообще гости московские жили между собою так дружно, что ежели рядовой 2-й роты крадывал у офицера 1-й роты ковшик муки, то офицер, догнавши рядового, разрубал его у крестца надвое саблею. Это было на нашей улице. Ежели камраду разрубали пузо надвое, то другой камрад искать его не ворочался. Это была саранча, сама себя пожиравшая... Французы упрекали недовольных, что они перед Можайском кушали ветчину кобылью. Теперь я познакомил вас с нашими гостями...

Из письма москвича Сокольского.

1812 ГОД. МОСКВІЧИ ПОКИДАЮТ ГОРОД.

Рисунок художника Н. Е. Сверчкова.

РУССКИЕ ПОКИДАЮТ МОСКВУ.
С картины В. Донера. Нюрнберг. 1814 г.

ПОЖАР МОСКВЫ.
С немецкой гравюры неизвестного автора.
Вид с Берсеневской набережной на Б. Каменный мост и Кремль, направо Замоскворечье в море огня. Изображение зданий в Замоскворечье фантастично.

...Со 2 сентября по 12 октября в Москве никаких торгов не было; а потому жители, лишены будучи от ограбления запасенного хлеба, претерпевали ужаснейший голод...

*Из письма чиновника московского почтамта
Андрея Карфачевского 6 ноября 1812 г.*

...Очевидцы рассказывали, что на улицах, где стояли бивуаком французские войска, они видели странную смесь роскоши с нуждою. У костров, сложенных из дорогих мебели, разбитых зеркал, разорванных книг и картин... кипели котлы, в которых, за недостатком говядины или другого мяса, варилась конина; под голым небом, без всякого присмотра, валялись головы сахара, мешки с кофе, а хлеба почти ни у кого не было.

Полки французские терпели от неурядицы большую нужду: в иных много было рису и круп, но нечем было приправить их, а в других, фуражиры которых имели счастье найти погреб с отличными винами, не было ни мяса, ни других съестных припасов. Лошади от недостатка фуража были совершенно изнурены и падали. Говорили, помнится, что Наполеон был очень недоволен сожжением Москвы: он был уверен, что, найдя там все в изобилии и остановившись в этом городе, он заключит славный для себя мир, как это удавалось ему делать в других государствах. Но за такую самоуверенность он был жестоко наказан...

Ф. Растковский, Об Отечественной войне.

...Французов везде бьют, и после взятия Москвы, верно, до 20 тысяч истреблено. Одних пленных отправлено из армии с 4 до 20-го числа 9 300, да из Калуги 3 100 человек; сочтите—что побито. В Москве нет колодезя, где бы несколько тел не было кинуто...

Из письма Ф. В. Ростопчина П. А. Толстому.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОЖАРЫ И ГРАБЕЖИ В МОСКВЕ

...Около вечера раздалось в Москве два взрыва пороха, и пожар ужаснейший далеко осветил окрестности. Исполнил обещание свое граф Ростопчин, и Москва стыд поругания скрыла в развалинах и пепле: собственными руками нашими был разнесен истребивший ее пламень.

Напрасно многие ищут оправдаться в этом и слагают вину на неприятеля: не может быть преступления в том, что возвышает честь всего народа. Россиянин, каждый частью, народ весь вообще великодушно жертвуют всем для пользы общей. Неприятель покорением столицы мнит поколебать твердость россиян, мнит достигнуть славного для себя мира — и не находит столицы, а вместо мира видит народную войну, под ужасающими признаками возгорающуюся. Мнит стяжать сокровища — награду воинам за понесенные труды, но их не обретает. Исчезает мечта, обольщавшая их; предстоят бедствия неизбежные: в добровольном разрушении Москвы усматривают враги предстоящую им гибель. За что отнимать у себя славу пожертвования столицей, когда справедливый неприятель у нас ее не похищает! Ни один народ из всех, в продолжение двадцати лет пред счастьем Наполеона смиравшихся, не явил подобного примера: судьба сберегла его для славы россиян. Двадцать лет побеждая все сопротивлявшиеся народы, в торжестве неоднократно проходил Наполеон столицы их; через Москву единую лежал ему путь к вечному стыду и сраму; в первый раз уstraшенная Европа осмелилась узреть в нем человека!

Неприятель успел спасти от пожара некоторое количество съестных припасов, весьма много вина и других предметов ро-

скоши. Город был предан разграблению. Гвардия Наполеона расположилась в уцелевших частях города; все прочие войска стали вокруг лагерем...

А. П. Ермолов, Записки.

Вечером 14 сентября (н. ст.), т. е. накануне выступления Наполеона в Кремль, пожар вспыхнул зараз в нескольких местах: на Солянке, около Воспитательного дома, в окрестностях Кузнецкого Моста и во многих домах по сию сторону Яузы. С наступлением дня пожар страшно усилился. В то время как старались затушить огонь в первой из этих частей, неаполитанский король быстрыми и энергичными мерами совершенно погасил его около Кузнецкого Моста. Принц этот жил очень близко отсюда, в доме Баташева. Едва успели потушить здесь, как огонь снова показался на Покровке, в доме князя Трубецкого, на Арбатской улице и на всей линии, ведущей к Смоленской заставе. Французы сперва не обращали на это большого внимания. Они приписывали пожар случайностям, которых нельзя предупредить в городе, покинутом жителями.

Между тем пожары усиливались и распространялись с ужасающею быстротою. Стали подозревать, что причина стольких несчастий — дело злоумышленников. Как только внимание было обращено на это, ужасная истина не замедлила обнаружиться. Поджигателей хватили на месте преступления. Многие были тут же убиты, другие предавались военному суду. Разумеется, энергическая деятельность французских войск в соединении с усилиями оставшихся благонамеренных граждан была бы достаточна для того, чтобы остановить распространение бедствия. Но, как мы уже видели, главная часть войск стояла биваком у разных застав. Что же могли сделать несколько сот солдат, рассеянных в громадном городе и, надобно прибавить, занятых еще обереганием и защитой собственных жилищ? Сделавшись хозяевами удобного дома или великолепно-го дворца, они все вообще думали, что купили эту минуту отдыха слишком дорогою ценою для того, чтобы идти на новые опасности. «Пусть себе другие возятся, — говорили они, — это нас не касается...»

Пользуясь этим роковым равнодушием, поджигатели удвоили смелость и деятельность в ночь с 15-го на 16-е число сентября. Пожар распространялся с невероятной быстротой. Утром в среду 16 сентября само небо, казалось, приняло участие в этом ужасном разрушении. Около девяти часов, когда поднялся порывистый равноденственный ветер, большой пожар вспыхнул с яростью на всех пунктах одновременно. Мы говорим — большой пожар потому, что пожар Москвы может быть

разделен на три периода: сначала горели предместья, затем город, наконец, Кремль, когда месяц спустя последние французы покинули столицу.

Менее чем в один час огонь появился в ста различных местах.

«С крыши нашего дома, где мы сторожили день и ночь (рассказывала нам одна из жертв этого бедствия), мы увидели, что пожар начался внезапно позади комиссариата и расстился по ветру, подобно свирепому потоку, пожирая и преодолевая на своем пути все препятствия. Скоро вся часть Земляного города, находящаяся по эту сторону Москва-реки, представляла глазам огненное море, волны которого колебались в воздухе. В центре города и всюду, где потушили в предшествующие дни, пожар начался с новою силою.

Китай-город подвергся также ужасному опустошению. Там был базар. Сила пламени, поддерживаемая множеством товаров, тесное пространство между лавками и ярость бури делали всякую помощь бесполезною и потери невознаграждаемыми. Другие кварталы города также не избежали бедствия. Пречистенка, Арбат, Тверская и оттуда вдоль вала Красных ворот и Воронцова поля до Яузы было все зажжено добровольно.

Было два часа пополудни. Великий боже, какое зрелище представлялось нашим глазам! Небо исчезло за красноватым сводом, прорезываемым во всех направлениях искрящимися головнями. Над нашими головами, под ногами, всюду кругом — ужасно ревущее пламя. Сила ветра, разряженность воздуха, происходящие от жара, производили ужасный вихрь. Нас чуть не снесло с террасы: надо было скорей сойти и позаботиться о бегстве».

В эту-то минуту пожар приближался к Кремлю и грозил его безопасности. В полдень огонь показался в дворцовых конюшнях и в башне, прилегающей к арсеналу. Несколько искр упало на двор арсенала, в паклю, которую употребляли русские артиллеристы, и на ящики французской артиллерии. Опасность была очевидна. Бросились предупредить императора, который явился на место происшествия. В ту минуту, когда он находился внизу большой лестницы, ему представили одного поджигателя, схваченного под окнами на месте преступления. Наполеон обратился с вопросом к этому человеку.

— Мы исполняем священный долг, — отвечал русский фанатик.

К опустошению пожара, которому способствовали сильные порывы ветра, вскоре присоединилась адская тактика. Русские добивались до самого дворца императора: пожар, как огромный огненный пояс, мало-помалу охватывал Кремль со всех сторон.

Попы, будочники, агенты полиции, наконец, несколько дворян, надев парики, накладные бороды и мужицкие кафтаны, руководили шайками в их разрушительных действиях. Смешавшись с народом, благодаря своим костюмам, они сначала скрывались от мщения французов, но скоро, узнавшие по походке и принужденным манерам, они и их гнусные подчиненные погибли почти все от рук наших раздраженных солдат. Последние кидали их в огонь, резали, вешали без сострадания, и долго еще после пожара на изящных фонарях, украшающих Тверской бульвар, висели обезображенные группы поджигателей.

Император Наполеон, стоя у одного из окон Кремля, следил печальным взором за распространением пожара. Не опасность обращала на себя его внимание, но гибель города, который он обещал, как награду, своей доблестной армии. Коммуникационные пути легко могли быть прерваны, положение с каждой минутой становилось опаснее, но все это бледнело перед сокрушительной мыслью, занимавшею императора. Оторванный от своего грустного созерцания просьбами окружающих, Наполеон заметил, наконец, опасность, ему угрожавшую; но величие духа, возрастая соразмерно опасности, не позволяло отступать перед нею. Все настояния генералов разбивались о настойчивость императора оставаться в Кремле.

Вдруг являются офицеры с известием, что они тщетно старались проложить себе путь через горящий город. При мысли о том, что сообщение с армией может быть прервано, Наполеон, наконец, решился. Но чего ему стоил этот первый шаг отступления! Тем не менее, благодаря присутствию духа, которое никогда не покидало его в опасностях, он приказал взять одного из агентов московской полиции, бродивших в Кремле. Этот человек должен был знать путь. Действительно, оставался еще единственный выход, и Наполеон во-время им воспользовался и перенес свою главную квартиру в Петровский дворец, находящийся на расстоянии полулье от Тверской.

Домерг, Россия во время войн 1805—1815 гг.

...Неприятельская армия вошла в Москву в понедельник, и тою же ночью начался пожар и все разгорался. А в среду поднялась с утра страшная буря, и закипел по всему городу настоящий ад. Около нас горело везде, и мы того и глядели, что наш дом вспыхнет. Дед говорил: «Уйдемте к Божедомке, там безопаснее будет». У Божедомки был большой, с высокою оградой, сад, чей — не помню, и мы думали до него добраться... Мы и вышли из дома с пустыми руками, и брать-то было нечего. Дед шел впереди со мною, мать вела бабушку, а за ними — наша работница. Отошли мы несколько шагов от дому и огля-

нулись, а работницы нет. Мы остановились и принялись ее выкликать в четыре голоса, а кругом все трещит и рушится, а буя так и вост. Подождали мы немножко и пошли своею дорогой. Так и не узнали, куда девалась наша бедная Маланья: бросилась ли она в другую сторону, или ей удалось спастись, или она погибла...

...Приходим в сад. Там много народа сидело и стояло много добра; чего, чего тут не было: сундуки, узелки, кузовочки и разная посуда. Сад был большой, и все сидели кучками, недалеко одни от других, человек по пятнадцати и по двадцати, кто к кому приютится. Спали вповалку на траве... Бродили по огородам, ели овощи, иной раз удавалось отыскать какую-нибудь провизию в погребках, а редко когда приходилось досыта наесться...

...Приходили к нам иногда французы. Обойдут всех и что им попадется, то отымут, и все отдавали свое добро, лишь бы голова на плечах осталась. Ведь они с ружьями да саблями, а мы с голыми руками. Опять же у нас все почти женщины, да старики, да дети, так уж приходилось терпеть. Ну, а уж когда они к нам в одиночку заглядывали, либо человека два придут, так мы их принимали тоже по-своему. Помню я раз, вижу — идет молодец, бравый такой, поживы тоже искал. Нас он не тронул, а пошел дальше, и давай забирать чужое добро. Вдруг бросились на него несколько человек, и пошла потеха: наши кричат, и он кричит — помилованья просит. Да уж где помилованья ждать, когда люди сами без крова да без хлеба и еще последнее с них тащат. Вижу я, куда-то поволокли бедного француза, а потом наши вернулись одни; порешили, говорят, с ним — задушили его, да в колодезь спустили...

...Должно быть, уж за полночь раздался взрыв в Кремле. Наш дом заколыхался, и вся мебель заходила. Мы себя не вспомнили от страха и бросились все из дома. Стоим мы среди двора и слова не вымолвим, еще в себя не придем, как загремел другой взрыв. Тут мы подумали, что пробил наш смертный час, и стали прощаться друг с другом. Помнится, что было еще три взрыва, и мы до самого рассвета просидели на дворе.

Сердце надрывалось, глядя на Москву. Иные кварталы так выгорели, что улиц нельзя было признать: все было разрушено, и везде валялись гнилые лошадиные и человеческие трупы. Долго еще после ухода неприятеля полиция их истребляла. Складывали их огромными кучами и жгли на берегу реки или в поле за заставами. Раз у Лефортовской заставы я видел наваленную грудой тел и подошел поближе посмотреть. Да как взглянул я на них, во мне от ужаса сердце перевернулось, и целый почти месяц я не решался взять в рот куска мяса...

Из рассказа А. Д. Сысоева.

...После обеда в стороне Москвы заметили густые облака или тучи. Облака эти постепенно распространялись, переменяли вид и густели. Под вечер собралось к нам несколько пехотных штаб- и обер-офицеров, и образовался порядочный кружок у огня. Сначала мало говорили; сидели повесы носы и курили трубки. Изредка кто-нибудь скажет: «Смотрите, как завиваются облака над Москвой!» — «Плохо дело, — начали говорить, — Москва горит!...», и принялись ругать французов. Пошли споры: одни говорили, что Москву зажгли французы, другие — что граф Ростопчин, некоторые — что сами жители, а бранили все одних французов. Во всяком случае, думали мы, если бы не французы, то Москва была бы цела.

Много говорили и писали о пожаре Москвы, много я о том слышал и читал, потому и составил свое мнение. После занятия Смоленска в коренной России жители охотно предлагали солдатам то, чего не могли спрятать или увезти сами. Сами же они истребляли в помещичьих домах остатки мебели и другого имущества. Все делалось больше для того, чтобы не досталось французам.

Когда стало вечереть, то на небе начал обозначаться дым, а когда стемнело, то к стороне от Москвы огромное пространство горизонта покрылось заревом. Зарево переливалось с густым дымом, обозначалось даже пламя. Так продолжалось до самого рассвета. Начали говорить, что это не случайный пожар, но что Москву жгут французы нарочно...

Н. Е. Митаревский, Воспоминания о войне 1812 г.

...Скоро сделался взрыв пороховых погребов, и древняя столица наша под вечер вся запылала. Наполеон приказал тушить пожар и ловить поджигателей. Их до 200 человек повесили или расстреляли; но пожар от того не прекратился, и французские солдаты разбрелись по городу, грабили, разбивали винные погреба, перепились и, наконец, сами стали зажигать дома. Некоторые из жителей, в то время в городе оставшихся, уверяли меня ныне, что среди неприятельских войск происходил ужасный беспорядок; ни начальники их, ни солдаты не находили своих полков; все было пьяно и перемешано. Несколько из оставшихся обывателей города были убиты французами, женщины изнасилованы, церкви осквернены, образа поруганы. Французы вели себя при взятии Москвы, как народ дикий и необразованный. В сущности, из таких людей и было большею частью составлено их многочисленное войско. Из всех добродетелей, знаменующих доблестного воина, они сохранили только храбрость.

Наполеон оставался в Кремлевском дворце. Сильные караулы были поставлены у всех ворот, и русским был воспрещен вход в Кремль. Впоследствии и император французов, вытесненный из города пожаром, поместился в Петровском дворце, что в трех верстах от Москвы по Петербургской дороге...

...В то время, как я приехал в селение, куда был назначен, сделался в Москве взрыв порохового магазина¹. Треск был ужасный, и город, который уже в нескольких местах горел, почти весь запылал. Зрелище было грустное и вместе страшное. Мы никак не хотели верить, чтобы пламя пожирало Москву, и полагали, что горит какое-нибудь большое селение, лежащее между нами и столицей. Свет от сего пожара был такой яркий, что в 12 верстах от города, где мы находились, я ночью свободно читал какой-то газетный лист, который на дороге нашел...

Н. Н. Муравьев, Записки.

...Перешед Москву, мы остановились верстах в двух или трех от нее; армия пошла дальше.

Через несколько времени древняя столица наша запылала во многих местах!

Мы все с сожалением смотрели, как пожар усиливался и как почти половина неба покрывалась ярким заревом. Взятие Москвы привело нас в какое-то недоумение; солдаты как будто испуганы; иногда вырываются у них слова: лучше уж бы всем лечь мертвыми, чем отдавать Москву! Разумеется, они говорят это друг другу вполголоса, а в таком случае офицер не обязан этого слышать...

Н. А. Дурова, Кавалерист-девица. Записки.

...К вечеру отошли мы от Москвы до села Панки (15 верст) и увидели в городе пожар: это было только начало. Через ночь пожар усилился, и поутру 3 сентября уже большая часть горизонта над городом означилась пламенем: огненные волны восходили до небес, а черный густой дым, клубясь по небосклону, расстилался до нас. Тогда все мы невольно содрогнулись от удивления и ужаса. Суеверные, не постигая, что совершается пред их глазами, думали уже, с падением Москвы, видеть падение России, торжество антихриста, потом скорое явление страшного суда и кончину света. Место удивления заступило

¹ Пороховым магазином назывались пороховые погреба близ Симонова монастыря. — *Прим. сост.*

негодование: «Вот тебе и златоглавая Москва! Красуйся, матушка, русская столица!» — говорили солдаты с большою досадою...

И... Р..., Походные записки артиллериста.

...Офицеры, прибывшие из разных мест, давали одинаковые показания.

В первую же ночь, с 14-го на 15-ое (н. ст.), огненный шар опустился на дворе князя Трубецкого и сжег его. Это был сигнал. Тотчас же после этого загорелась биржа. Были замечены русские полицейские солдаты, которые разводили огонь посредством пик, вымазанных смолой. В других местах коварно положенные гранаты разрывались в печах некоторых домов и ранили солдат, толпившихся возле печки. Тогда, удалившись в удаленные кварталы города, солдаты искали там убежища, но в домах, запертых и необитаемых, они слышали слабый звук взрыва, сопровождаемый легким дымком. Но дым этот быстро становился гуще и чернее, потом принимал красноватый оттенок, наконец, делался огненным, и вслед за тем пламя охватывало все здание.

Все заметили мужчин с отвратительными лицами, покрытых лохмотьями, и разъяренных женщин, которые бродили вокруг горевших домов, дополняя собой страшную адскую картину. Эти негодяи, опьяненные водкой и удачей своих преступлений, даже не скрывались. Они пробегали по улицам, об'ятым огнем, их заставляли с факелами в руках старающимися распространить пожар. Приходилось саблями рубить им руки, чтобы заставить их выпустить факелы. Мы говорили друг другу, что эти разбойники нарочно были вышущены русскими начальниками, чтобы сжечь Москву, и, конечно, такое великое и крайнее решение могло быть принято только из патриотизма и приведено в исполнение преступлением¹.

Тотчас же был отдан приказ судить и расстреливать тут же на месте всех поджигателей. Армия была на ногах. Старая гвардия, занявшая Кремль, взялась за оружие. Багаж, навьюченные лошади заполнили все пути. Мы были в большом унынии от усталости и огорчения, что лишились такой хорошей стоянки. Мы были господами Москвы, а между тем нам приходилось уходить из нее без всяких жизненных припасов и располагаться лагерем у ее ворот!..

¹ Эта свирепая оценка принадлежит офицеру наполеоновской армии. Она как нельзя лучше показывает ту глубокую ненависть, которую питали даже наиболее просвещенные представители иностранных захватчиков к русским людям, жертвовавшим всем своим достоинством и жизнью для разгрома врага и ради спасения родины от национального порабощения. — *Прим. сост.*

Невозможно сосчитать, что потеряла Россия благодаря московскому пожару. Сколько миллионов было погребено под развалинами! Сколько всевозможного богатства обращено в пепел! Сколько первоклассных произведений навеки потеряны для искусства! Мы уже не говорим ни о многочисленных человеческих жертвах, погибших в пламени, ни о сокровищах, запертых в библиотеках, уничтоженных огнем...

Сегюр, Поход в Россию.

...После столь долгого и утомительного похода можно, казалось бы, рассчитывать хотя бы на одну ночь отдыха. Но едва лишь солдаты и их начальники стали располагаться на ночлег, как вдруг раздался зловещий крик: «Пожар!», и в разных частях города показался огонь. Пожар начался одновременно на базаре, в центре города и в наиболее богатом его квартале. Будучи извещен о происшествии, Наполеон отдал необходимые приказания, а с наступлением дня лично отправился туда, где сильнее всего бушевало пламя. Он готов был обвинять в нем собственную молодую гвардию и самого Мортье, так как предполагал, что пожары в покинутом городе разразились благодаря грабежу и неосторожности мародеров, осмелившихся на грабеж, несмотря на его запрещения.

Пожар продолжал свои опустошения с неослабевающей силой в течение 16, 17 и 18 сентября (н. ст.); начал он уменьшаться лишь 19-го и прекратился только 20 сентября после обильного дождя, но отдельные вспышки пожаров не прекращались и позднее...

И. Руа, Французы в России.

...Не могу сказать, в центре ли города или на окраине, — ведь ночью так легко ошибиться, но я скорее склоняюсь к первому, — вдруг последовал взрыв такой ужасающей силы, что у всякого должна была явиться мысль, что это взорван склад снарядов, пороховой погреб, либо так называемая адская машина очень большой силы. Из возникшего сразу огромного пламени большими и малыми дугами стали взвиваться кверху огненные шары, словно разом выпустили массу бомб и гранат, и на далекое пространство рассеивался со страшным треском их губящий огонь. Этот взрыв, далеко распространивший страх и ужас, длился минуты три-четыре и казался нам сигналом к началу столь рокового для нас пожара Москвы. Вначале пламя виднелось только на этом месте, но уже несколько минут спустя мы увидели, как пламя поднимается во многих местах

города; мы увидели скоро восемнадцать таких мест, и их число быстро возрастало.

При таком зрелище мы смолкли и с изумлением глядели друг на друга; казалось, мы читали на всех лицах, что каждый считает это за дурное предзнаменование. Тогда штаб-ротмистр фон-Рейгардт сказал: «Это — скверное событие, оно сулит много зла, оно разом уничтожает надежду на мир и разрушает то, что нам так необходимо. Это — не злая воля наших, это — признак большого озлобления наших противников, это — жертва, которую они приносят, чтобы погубить нас».

Мы с первого момента ясно видели всю эту потрясающую картину, ибо наш лагерь стоял выше города. Вскоре пламя стало вспыхивать и в частях города, лежавших ближе к нам, озаряя нас и все окрестности; но с увеличением света и пламени наш лагерь только было встрепетавшийся дух снова начал падать, и мы сквозь этот яркий свет грустно глядели навстречу тем более темному будущему.

Наступила полночь. Широко раскинувшееся пламя, подобно морю, бушевало над огромным городом. Шум все усиливался, и вместе с тем увеличивалось количество отсталых и бегущих из города, которые валили мимо нашего лагеря.

Страшное зрелище в конце концов утомило нас, и мы легли спать. После короткого сна мы заметили, что пламя значительно усилилось, а с наступлением дня стали видимы и огромные облака дыма, разноцветные и различные по очертанию.

Таким образом, я видел старую, славную Москву, город царей, в последний ее день, и видел самое начало того пожара, который уничтожил ее и погубил нас. Много наших уже погибло; с нами была лишь половина тех, кто стоял на Дунае; в таком же положении были и другие полки нашей дивизии...

Г. Росс, С Наполеоном в Россию.

...Подробности московского пожара многими были описаны. Поэтому известно распоряжение московского губернатора графа Ростопчина. Велев отобрать из всех частей города пожарные трубы и огнегасительные инструменты, граф заказал зажигательные снаряды, которые выделялись в его доме за несколько недель перед тем и выдавались за адскую машину, которой намеревались будто взорвать на воздух французскую армию. Известно также, что граф велел раздать эти ракеты выпущенным из тюрем преступникам.

Наконец, по вступлении французов в Москву, как скоро наступила ночь, город был подожжен одновременно в нескольких местах. Двадцать два поджигателя были пойманы на деле;

их судили военным судом, по кодексу Наполеона, и в двадцать четыре часа расстреляли. Судебное над ними производство было напечатано на русском и французском языках и прибито на всех московских улицах...

Де-ла-Флиз, Поход Наполеона в Россию в 1812 г.

..Москва, как вы знаете, сгорела. Три четверти домов было сожжено, а остальное все разграблено, так что Москва представляла одни развалины и обгорелые, голые стены. Когда мы после стояли в лагере под Тарутиным, нам рассказывали, что сначала загорелись москательные лавки и Гостиный ряд в Китай-городе, потом в Земляном городе Каретный ряд; а когда на следующий день поднялся сильный ветер, пошла гореть вся Москва. Тушить, говорят, было нечем, так как все пожарные трубы отвезены были во Владимир. Порядка не было никакого...

Ф. Растковский, Об Отечественной войне.

...В городе постоянно вспыхивают пожары, и теперь уже ясно, что причины их не случайны. Много схваченных на месте преступления поджигателей было представлено на суд особой военной комиссии. Их показания собраны, от них добились признаний, и на основании этого составляются ноты, предназначающиеся для осведомления всей Европы. Выясняется, что поджигатели действовали по приказу Ростопчина и начальника полиции Ивашкина.

Большинство арестованных оказываются агентами полиции, переодетыми казаками, арестантами, чиновниками и семинаристами. В назидание решают выставить их трупы, привязанные к столбам на перекрестках или к деревьям на бульварах,— зрелище, которое не может нас веселить.

...Москва, 19 сентября. Мы узнали, что казакам и русским солдатам, спрятанным в городе, удалось, с помощью жителей и под прикрытием ночи и пожара, собраться и, перебегая с места на место, разжигать огонь там, где он затихал; они даже чуть не звахтили один из наших пороховых обозов, который, во избежание взрыва, объезжал город; вследствие этого вчера вечером нам был дан приказ преследовать этих поджигателей, всюду задерживать их и исполнять обязанности городской полиции. Мы отправились с батальоном... и я собственными глазами видел следующее.

Солдаты всех европейских наций... бросились взапуски в дома и церкви, уже почти окруженные огнем, и выходили оттуда, нагружившись серебром, узлами, одеждой и пр. Они падали друг на друга, толкались и вырывали друг у друга из рук

только что захваченную добычу; и только сильный оставался правым после кровопролитной подчас схватки. Треск пламени, грохот падающих зданий, драки грабителей, крики, жалобы, проклятия схваченных поджигателей, которых казнят на месте; стоны растерявшихся семейств, в отчаянии бегущих куда-нибудь спастись, причем родители тащат на руках плачущих детей; при нашем проходе они, дрожащие, бросаются нам в ноги, умоляя о сострадании; самая поспешность, с какой мы идем к указанному месту, — все это заставляет сжиматься наши сердца; дыхание прерывается, и мы содрогаемся от ужаса.

...Спасаясь от сильного жара, мы бесконечное число раз сворачиваем из стороны в сторону, и все же попадаем на дорожку, преграждаемую пламенем. Тем не менее, мы подвигаемся вперед, пробегаем через горящий дворец, выходим с другой стороны и попадаем в другую улицу, где снова оказываемся окруженными морем огня. Понятно, что первые ряды батальона в поисках выхода заколебались, и мы теряем драгоценное время. Вначале мы еще успели бы выбраться из этого ада той же дорогой, которой пришли, но скоро оказываемся уже не в состоянии двинуться ни вперед, ни назад. Положение становится невыносимым. С каждой минутой треск пожара вокруг нас увеличивается. Мы оглушены шумом вихря крутящегося пламени; нам грозит гибель под обломками зданий, которые, разрушаясь, воздвигают перед нами новые препятствия; мы ослеплены искрами и пылающими головешками, — мы в ужасном положении...

Ц. Ложье, Дневник офицера великой армии.

...Хотя разрушение Москвы и было большим ущербом для русских, однако, эта потеря была для нас еще чувствительнее, так как позволяла нашим врагам извлечь все выгоды, связанные с их суровым климатом. Напрасно среди нас говорили, что пожар столицы был бесполезен и что французская армия должна, напротив, радоваться, что ей удалось избавиться от многочисленного населения, которое, благодаря своей пылкой фантастической натуре, могло возрасть стихийно... К тому же этот город был снабжен продовольствием на восемь месяцев, и французская армия, занимая его, предполагала дожидаться в нем весны и тогда двинуться в поход с резервными войсками, которые раскинулись лагерем в Смоленске и на Немане. Пожар же в Москве принудил нас к быстрому отступлению в разгар самого сурового времени года. План, построенный русскими на этом расчете, был вполне верен, так как наша грозная армия, пришедшая во время прекрасной погоды, потеряла

треть своего состава только благодаря быстрому передвижению. Нечего было также бояться русскому правительству того, что мы расположимся в какой-нибудь другой местности: отсутствие дисциплины обратило в пустыню все покоренные нами места, и непредусмотрительность того, кто руководил предприятием, не щадила ничего, нужного для обратного пути. Чтобы дополнить картину наших бед в разгар мнимой победы, необходимо сказать, что все были страшно измучены маршами и обезоружены стойкостью русских. Кавалерия гибла, а артиллерийские лошади, истощенные дурной пищей, не могли больше тащить орудий. И даже в то время, когда мы были несчастными жертвами московского пожара, мы не могли не восхищаться великодушным самопожертвованием жителей этого города, которые, по примеру испанцев, своей храбростью и настойчивостью сумели поднять себя до высшего предела настоящей славы.

В продолжение четырех дней (17, 18, 19, 20 сентября н. ст.), которые мы проживали возле Петровского дворца, Москва не переставала гореть. Дождь лил потоками, а небольшое количество домов, расположенных около дворца, не могло приютить громадного количества народа, стоявшего в этой местности: люди, лошади, экипажи помещались под открытым небом среди поля. Штабы, расположенные со своими генералами вокруг дворца, устраивались в английских садах, ютились в гротах, китайских павильонах, киосках, садовых беседках. Лошади, привязанные к акациям или липам, отделялись одна от другой питомниками или грядками из цветов. Этот лагерь казался еще более оригинальным благодаря новым костюмам, которые выбирали себе солдаты: большинство, чтоб спастись от нападений, надевали на себя те самые одежды, которые раньше живописно пестрели на московских базарах. В нашем лагере можно было увидеть людей, одетых татарами, казаками, китайцами, — одни носили польские плащи, другие высокие шапки персов, баскаков или калмыков. Таким образом, наша армия в это время представляла картину карнавала, и можно было бы сказать, что наше отступление, начавшееся маскарадом, кончилось похоронным шествием.

Армия страшно радовалась награбленным вещам, и это ей помогало даже забывать свою усталость. Стоя под дождем, с промокшими ногами, люди утешались хорошей едой и барышом, который они извлекали, торгуя всевозможными предметами, принесенными ими из Москвы. Несмотря на то, что было запрещено ходить в город, наши солдаты, соблазненные легкой наживой, нарушали эти запрещения и постоянно возвращались нагруженные съестными припасами и различными товарами. Разрывая возле Кремля развалины, груды пепла, они находили совершенно нетронутые склады, из которых они в

изобилии уносили всякие предметы. Таким образом, наш лагерь совершенно не походил на армию, а скорее имел вид громадной ярмарки, где военные, преобразовавшись в купцов, продавали за бесценок драгоценные вещи. Больше всего бросался в глаза чрезвычайный контраст: с одной стороны, люди жили в ужасную непогоду среди поля, под открытым небом, и в то же время они ели на фарфоровых тарелках, пили из серебряной посуды, и вообще обладали такими предметами роскоши, которые можно было себе представить только среди очень богатой и комфортабельной обстановки.

Скоро пребывание в Петровском дворце и его садах сделалось нездоровым и неудобным. Наполеон возвратился в Кремль, который был нетронут пожаром. Тогда же гвардия и штабы получили приказание войти в город (20 и 21 сентября). По списку, составленному топографом, в городе уцелела только десятая часть домов.

На этот раз нам уже не представлялось затруднения при выборе наших жилищ. Войдя в город, мы страшно огорчились, не видя и намек на прекрасные гостиницы, в которых мы располагались раньше. Все они исчезли, а дым от их развалин густыми облаками закутывал солнце и делал его диск кроваво-красным. Совершенно нельзя было различить направления улиц, только каменные дворцы сохранили некоторые очертания того, чем они были раньше: очищенные от груды угля и пепла, эти остатки нового города походили скорей на остатки древностей.

Все искали себе квартиры, но очень трудно было найти что-нибудь подходящее. Церкви, менее пострадавшие, чем другие здания, и еще сохранившие свои крыши, были обращены в казармы и конюшни...

Долго я искал дом, в котором помещался раньше. Наконец, уцелевшая по соседству церковь дала мне возможность распознать его жалкие остатки — торчали только четыре стены, потрескавшиеся от сильного огня. Я с ужасом смотрел на это опустошение, когда из глубокого подвала вышли слуги этого дома; их похудевшие, изнуренные лица, покрытые сажей и пеплом, были неузнаваемы — они мне казались привиденьями. Но еще больший ужас овладел мной, когда среди этих несчастных я нашел своего бывшего хозяина, прикрытого лохмотьями, которые ему одолжили его слуги. Он жил теперь так же, как и они, — несчастье уравнило все сословия.

При виде меня он не мог удержаться от слез, особенно когда подвел меня к своим полураздетым и умирающим от голода детям. Его немая печаль оставила в моей душе глубочайшее впечатление. Знаками этот несчастный объяснил мне, что сол-

даты, разграбив во время пожара его имущество, отняли у него потом и платье, которое он носил. При виде этой раздирающей картины у меня заняло сердце; ища средств, чтобы облегчить его страдания, я боялся, что не смогу ему ничего дать, кроме бесплодных утешений, но этот самый человек, который несколько дней тому назад угощал меня великолепным обедом, принимал теперь с благодарностью кусок хлеба.

...Некоторые москвичи, спрятавшиеся в соседних лесах, при виде прекращения пожара решили, что им нечего больше бояться, и вернулись в город. Одни из них тщетно искали свои дома, другие, желая укрыться в храме, с грустью обнаружили, что его осквернили. Улицы в это время представляли отталкивающее зрелище; на каждом шагу валялись мертвые лошади, разложенные трупы, а на многих полусгоревших деревьях висели бездыханные тела поджигателей. Среди этих ужасов можно было увидеть несчастных жителей, оставшихся без приюта, подбирающими железо, которым были покрыты крыши: они его употребляли на постройку хижин в каких-нибудь отдаленных кварталах или в совершенно опустошенных садах. Не имея совершенно съестных припасов, они раскапывали землю, чтобы вырыть корешки овощей, посаженных нашими солдатами. Или, блуждая... среди развалин, они разрывали остывший пепел и отыскивали там полуобгорелые съестные припасы. Все были смертельно бледны, исхудалы, почти раздеты, а медленная походка говорила об их чрезмерных страданиях. Нашлись и такие, которые, вспомнив о потопленных барках с зерном, ныряли, чтобы достать для еды наполовину проросшее и с одуряющим запахом зерно...

Е. Лабом, Отчет о кампании в России.

Кремль отстаивали от огня несколько гвардейских батальонов. Наполеон велел снять большой крест с колокольни Ивана Великого, намереваясь поставить его на купол дома инвалидов в Париже¹. Воспитательный дом, основанный Екатериной II в 1763 году, тоже остался цел. Наполеон приказал охранять его стражею и поручил барону Ларрею наблюдать за заведением. Многие больницы тоже были спасены от пожара усилиями французов. Но московский университет, основанный в 1755 году императрицей Елизаветой, сгорел с содержащимися в нем библиотекой, физическим кабинетом и анатомическим музеем.

¹ Этот крест был обратно взят русскими во время нашего отступления (Прим. Де-ла-Флиза).

ПОЖАР МОСКВЫ.

Раскрашенная гравюра начала XIX века, изданная в Вене.

Изображена часть Москворецкой набережной. Направо Кремль и часть стены Китайгорода. Налево Замоскворечье, об'ятое пожаром. На набережной изображены: Наполеон со свитой, гвардия и кирасиры; арестованные поджигатели, застрявшие в городе москвичи.

ДВОРЦЫ ПАШКОВА, МЕНШИКОВА, АПРАКСИНА И ДРУГИХ ПОСЛЕ ПОЖАРА В МОСКВЕ.
Английская раскрашенная гравюра Кларка, рисунок английского художника И. Джемса. Лондон. 1816 год.
На ней изображены: на переднем плане справа бывш. дом Апраксина, ныне занятый Народным комиссариатом обороны; над ним возвышается громадный корпус с двумя крыльями бывш. дома Пашкова, ныне занятого Всесоюзной библиотекой имени В. И. Ленина; левее его — ныне разобранный церковь, а за ней бывш. дом Меншикова.

В тех частях города, где свирепствовал пожар, можно было вообразить себя в Помпее и Геркулануме. Целые улицы, по обе стороны, представляли развалины выгоревших домов, в которых укрывались несчастные, воротившиеся в город и не нашедшие своих домов. Приладив кое-как к стене навес из досок, эти люди со своей семьей скучивались около разведенного огня, на котором варили отысканную в погребах пищу. Богатый, изобиловавший всяким добром город в короткое время сделался пребыванием тысячи бедствий. Магазины, содержавшие в себе все богатства Европы и Азии, обратились в груды пепла. Купцы, еще накануне богачи, впали в ужасную нищету. Жены и дети их, заменив дорогое платье рубищем, плакали на своем пепелище...

Де-ла-Флиз, Поход Наполеона в Россию в 1812 г.

...Несколько времени зарево пылающей Москвы освещало темные осенние ночи. Выходящие оттуда жители сказывали, что большая половина превращена в пепел, зло сие кончилось для нас полезно, ибо с домами вместе сторели запасы и неприятель остался совершенно без продовольствия. Доказательством сему служить может то, что выходящие из плена наши солдаты рассказывают, что их заставляют молоть муку из заграбленного по селениям в зернах хлеба...

Из письма Сергея Мизина.

...К вечеру, к большому сожалению, мы заметили дым над Москвой, что приписали поджогам грабителей. Мы были далеки от мысли, что поджоги будут повторяться в Москве, тем более, что еще утром она была очищена русскими войсками и жителями и не было никаких признаков пожара.

...Так или иначе, но, явившись в Москву, гвардия решительно всем овладела, отодвинула чинов армии и жила в полном довольстве, так как после пожара, вернувшись на развалины домов, гвардейцы рылись в подвалах, в которых жители прятали всякого рода провизию, вина, ликеры, и всякого рода предметы; и вот гвардейцы устроили себе лавочки и открыли для армии торговлю, чем только можно. Подобное поведение окончательно вооружило против них всю армию, которая в насмешку называла их «московскими купцами»... Конечно, далеко не все гвардейцы этим занимались, но упреки, сыпавшиеся на гвардию, имели свои основания. То, что говорю, могу подтвердить, так как сам купил себе сукна на одном подобном базаре, устроенном гвардейскими гренадерами...

Тирион, Воспоминания офицера французского кирасирского № 2 полка.

...Нельзя описать всех ужасов, произведенных в Москве французами... Я от пожара пошел на пожар и, наконец, добрался до почтамта и живу в нем. Но 10 октября пришел французский караул с повелением зажечь почтамт. Я накормил и напоил сих голодных пришлецов и заплатил, с помощью наших собратий, 205 рублей, за что остались несожженными, и тем спас до 60 семейств...

...Вместе со входом французов начались пожары. Загорелся винный двор у Каменного моста и под Симоновым монастырем пороховые магазины; потом Гостиный двор, ряды и во многих местах дома, церкви; а особливо все сожжены фабрики и другие заведения. Пожары продолжались целые 6 суток, так что нельзя было различить ночи от дня; во все же сие время продолжался грабёж: французы входили в дома и, производя большие неистовства, брали у хозяев не только деньги, золото и серебро, но даже сапоги, белье и, смешнее всего, рясы, женские шубы и салоны, в коих стояли на часах и ездили верхом. Нередко случалось, что идущих по улицам обирали до рубахи, а у многих снимали сапоги, капоты, сюртуки; если же находили сопротивление, то с остервенением того били, и часто до смерти; а особливо многие священники здешних церквей потерпели большие мучения, будучи ими пытаемы, куда их церковное сокровище скрыто? Французы купцов и крестьян хватали для пытки, думая по одной бороде, что они попы. Словом сказать, обращение их с жителями было самое бесчеловечное; и не было различия: чиновник ли кто, или крестьянин; всякого, кто им попадался, употребляли в работу: заставляли носить мешки с грабленным имуществом, бочки с винами, копать на огородах картофель, чистить его, рубить капусту и таскать с улиц мертвых людей и лошадей...

По ограблении их (церквей. — *Прим. сост.*) ставили лошадей, били скотину и помещали раненых солдат; а святые иконы, по снятии окладов, кололи и извергали на них нечистоты; делали при том другие мерзости, о коих язык изъяснить не может. В купеческих и господских домах имущество, поставленное в кладовые и подвалы, закладенное искусно кирпичами, так что вовсе нельзя было приметить, что тут было отверстие, французами открыто; даже не скрылось и в землю закопанное; под огородами и дворами землю ощупали и вынимали сундуки. С самого их вступления Кремль был заперт, и никого туда не пускали из жителей; в нем производили какую-то работу...

Из письма чиновника московского почтамта
Андрея Карфачевского 6 ноября 1812 г.

...До своего дома добралась я хорошенько, прошла набережную да Каменным мостом, вхожу во двор... вижу, ни живой души: дом обгорел, наших там никого нет. Должно быть, все уже перебрались в подмосковную. Вспомнила я про кладовую в подвале, хотелось мне посмотреть, цело ли наше добро, — дверь выломана; думаю: «ничего, у нас стена там выложена да замазана, хоть и взошли — авось, не догадались». Как я спустилась по ступенькам, мне пух в лицо!.. Ничего не видать, утерлась; вижу, вся в пуху и попала в пух по колени, а стена новая, вижу, разломана. Они, должно быть, пух и перья высыпали, а в пустые наволочки набили всякого добра, да и вытаскали. Не осталось ничего, ни барского, ни нашего. Я всплеснула руками, да как взвою; стала припоминать, что я туда сама запрятала, и французов-то принялась честить по-своему...

Рассказ дворовой женщины о двенадцатом годе.

...Другой раз видела я, как сбежался народ на площадь, и французов много тоже нашло. Я стою и смотрю. Что ж? Это они, злодеи, притащили наших вешать: зажигателей, видишь, поймали. Какие зажигатели! Одного-то я узнала: из Корсаковского дома дворовый старик полуслепой. Сбыточное ли дело ему зажигать, уж одна нога у него в гробу! А хватали кто под руку попался и кричали, что зажигатели. Как накинули им веревку на шею, взмолились они, сердечные. Многие из наших даже заплакали, а у злодеев не дрогнула рука. Повесили их, а которых расстреляли и тела тут оставили, вишь, для примера, чтоб другие на них казнились. А я все смотрела и не смела от страха ни шевельнуться, ни дух перевести...

Из рассказа А. П. Полуярославцевой.

Рапорт¹

По нашествию в пределы России и в Москву, а при оной и в уездах от неприятеля чинено разорении, и по жительству и в прошедших Сентябре и Октябре месяцах в Кускове — разных чинов французских войск, в домах графских и при других строениях, зделаны следующие грабежи...

...В большом графском доме во всех комнатах, обои штофные, атласные, бракателевые, и другие завесы, от окошек, оби-

¹ Сохранена орфография подлинника.

тья диванов, с канапе, кресел все снято, даже не токмо чем обито было, но и холст снят из обоев же только неснятыми из тканых штук, но из оных есть изорванными в спальне графской с кровати обитья, со стен эстампы, в кабинете дубовом разных сюжетов картины, в кабинете ж малинком в шкапах разной фарфор, куклы, и прочее с белиару сукно и прибор, зеркал стальных разной величины разграблено, в галлерее ж большой разной стеной убор, в простенках и по большой стене зеркала, и при оных хрустальные шенданы, оное в наличности; но только по большой стене вынуто одно зеркальное стекло, в той же галлерее камин и на них зеркала, и при оных каминных три статуи гипсовые в наличности, но четвертая статуя разбита, на каминных состоящие разные вазы, шенданы и прочее что ко украшению имелось, бронзовые статуи разграблены и одна картина над камином, портрет царя Давыда с места снята, во всех же комнатах в потолках блафоны, люстры и многие портреты, бюсты фамильные мраморные и некоторые под зеркалами, кансоны находятся в наличности много ж из мебели переломало в спальне же графской две комоды в наличности с канапе ж и прочего обои так обдирали что и з гвоздями...

...В новом графском доме, в некоторых комнатах, со стен обои бумажные, от окошек завесы, з дивана, с кресел, со стульев, обитья, зеркал, сняты.

В уединенном доме, со стен обои бумажные, под коими искали холста, от окошек, и от дверей, завесы, зеркала, комоды, с кроватей графских завесы, от одной персидской парчи, с другой штофные, с кресел, с канапе, стульев обитья и некоторые стальные уборы шенданы медные и прочее ограблено.

В театре, в ложах, в партерах, со скамеек, сукно, холст, зеркала и прочее, что можно взять ограблено в декорациях же холст много поврежден...

...В разных беседках, разные уборы, зеркала, и другие мелочи, стулья красного дерева, куклы компания разграблено.

В управительском доме, из простенков зеркала, от окошек завесы увезены.

Во всех графских домах, святыне образа в окладах серебряных, стальные и настольные, часы разные разграблено, со столов картошных бархат с позументом снят.

В кладовых, со стульев 4-х бархат с позументом, а в других парчу персидскую, також и в доме уединенном, состоящих в бадуаре зеркальном, с канапе, с кресел, парчу персидскую снято; в бадуаре ж зеркальном в стенах зеркальные стекла вынуты, а остались зеркальные стекла в одном потолке. в уединенном же доме фарфоровые куклы разграблены; в кла-

довых же, за отпуском в Здвиженский дом по прошлому и в нынешнем годах; в аукцион, и в повольную продажу, графского платья, и других вещей, и театральной гардеробы, из оставшаго многие вещи, куклы, каменные и другие перломутровые, чашки, ложки, и прочее; китайское платье, в кондитерской разные штуки разграблены, а иные разбиты, и некоторые еще картины лутчие взяты; посуда разная хрустальная, а осталось в кладовых два фонаря китайских, две комоды, таков и в офисианском флигеле, святые образа, зеркала, все разграблено...

...В каретных сараях, с фоетона, колясок, линей, чем было обито, с саней трип, полсти, триповые на лисьем меху, с подушкой хомуты, и прочее что полутче, разные полатки и богатая разграблено; шесть же пушек медных больших в наличности, кои и взяты были, но как то осталось...

...В материальном сарае от труб медь, железо полосное, и несколько листового, а при раз'езде конюшне роспуски разграблены.

...При сушилах и на конюшенном дворе, сено, овес, муку ржаную, крупу, сколько по наличности имелось разграблено.

И о сказанном грабеже по случаю наезду от земского суда, к зделанию описи где в селениях сколько запасов хлебных сена ограблено, подано 31-го дня Октября, от приказчика Петра Александрова краткою скаскою, для известия может из ограбленных вещей что встретится и к возвращению.

Во время ж проживания в Кускове французских войск, в домах графских в большом стоял сначала генерал; а по выезде одного стояли разные чиновники, и редовые, кои не токмо в графских домах стояли, но и у дворовых, и везде топили печи от коих войск чинено было разные притеснения, и во многих строениях, где войска сами жили в покоях стояли лошади, даже и в большом графском доме, в некоторых покоях стояли лошади, и когда продолжалась война, до выхода из Москвы французов всем людям находился страх...

...Опись оставшему в графских домах имению, что осталось в наличности учинено будет впредь; а ныне первое за стужею, а второе нет писцов, да и генеральной описи еще не отыскано, равно и книг записных на приход и расход какие имелись при канторе не отыскивается, все дела канторские французскими войсками раскиданы; и в канторе хотя жили французы, но с ними стояли и лошади, во многом разстроено, а особливо в графских домах, еще слава Богу, что строения целы. На подлинном подписано: Петр Александров.

Ноября 4-го дня 1812 года.

Записка, какое число ограблено зеркал

В большом доме	11
В новом доме	7
В уединенном доме	28
В стоге	8
В лакасине	1
В пристанище	4
В театре	2
В галанском доме	4
В разрезных беседках	2
В италийском доме	4
В управительском доме	4

В домах же графских, от печей, заслонки нижние и верхние, медные, и многие замки от дверей, и шпингалеты ограблены; за оным же, что еще разграблено, о всем усмотреть вскоре неможно, и люди кусковские от случившегося страху и смятения почти все находятся вне ума, и многие биты, и ограблены, так с иных исподнее платье снимали...

Москва, 4 октября 1812 года.

*Репорт кусковского приказчика П. Александрова
в Московское домовое правление Д. Н. Шереметева.*

Essendo di servizio presso eintendente generale¹.

Я ушел, мой генерал остался ужинать в Апраксинском дворце. Выйдя во двор и попрощавшись с М. З., мы заметили, что горит не только в Китай-городе, где пожар начался уже давно, но и рядом с нами. Мы пошли туда. Пламя было очень сильно. У меня от этой прогулки разболелись зубы. Мы из благородства задержали солдата, он дважды ударил штыком какого-то человека, который пил пиво. Я даже обнажил шпагу; я готов был заколоть этого негодяя. Буржуа повел его к губернатору, который его освободил.

Мы пошли через час домой, высказав массу избитых суждений о борьбе с пожарами, что не произвело большого эффекта, по крайней мере на наших глазах. Вернувшись в Апраксинский дворец, мы велели испытать пожарную кишку. Я лег спать, зубная боль меня мучила. Насколько я знаю, многие из моих спутников были настолько добры, что откликнулись на тревогу и выбегали два раза — в два часа и в пять часов утра. Я же проснулся в семь часов, велел нагрузить карету и поставил ее в хвост позади экипажей мсье Дарю.

¹ Состоя на службе при генерал-интенданте (итал.).

Двинулись по бульвару против клуба. Здесь я встретил мадам Б.¹, которая хотела броситься к моим ногам; это было очень нелепое знакомство. Я заметил, что во всем, что говорила мадам Б., не было и тени естественности, что, понятно, меня охладило. Я, однако, сделал для нее много, посадил ее жирную невестку в свою коляску и предложил поставить их дрожки позади моей кареты. Она не сказала, что мадам Сен Альб² ей много обо мне говорила.

Пламя быстро приближалось к дому, из которого мы выехали. Наши экипажи пять или шесть часов простояли на бульваре. Бездеятельность эта мне наскучила, я пошел посмотреть на огонь и час или два пробыл у Жуанвиля. Я наслаждался негой, исходившей от убранства его дома. Мы распили вместе с Билле и Бюшем три бутылки вина, которые вернули нас к жизни.

Я прочел несколько строк «Виргинии» в английском переводе, которая среди всеобщей грубости вернула мне немного духовной жизни.

Я пошел вместе с Луи посмотреть на пожар. Мы видели, как некто Савуай, конный канонир, пьяный, ударил плашмя саблей гвардейского офицера и приставал к нему с глупостями. Он был неправ, пришлось в конце-концов извиниться за него. Один из его соучастников по грабежу бросился по улице, объятой пламенем, где он, вероятно, спекся. Я увидел новое доказательство того, как мало у французов вообще характера. Луи с удовольствием успокаивал этого человека и защищал гвардейского офицера, который сам мог бы поставить Луи в затруднительное положение в любом случае; вместо того, чтобы отнестись ко всему этому безобразию с заслуженным презрением, он тоже говорил глупости. Я восхищался спокойствием офицера. Я бы охотно хватил саблей по носу этого Савуай, но это могло привести к осложнению с полковником. Офицер действовал более благоразумно.

Я возвратился в три часа к нашим каретам и печальным моим спутникам. В соседнем деревянном доме нашли мучной и фуражный магазин. Я велел своим слугам взять овса. Они притворились страшно занятыми, сделали вид, что взяли много, а оказалось совсем мало. Так они поступают везде, во всем, в армии; это раздражает. Хочется плюнуть на все; а так как они приходят вечно жаловаться, дело кончается тем, что раздражаешься, и я провожу скверные дни. Впрочем, я раздражаюсь много меньше, чем другие, но, к несчастью, у

¹ Мадам Б. — подруга или родственница Мелани Жильбер.

² Под этим именем Мелани Жильбер дебютировала в 1807 году в театре «Комеди Франсез». — Прим. сост.

меня бывают вспышки гнева. Я завидую тем из моих сотоварищей, которых можно назвать болванами, а они все-таки не рассердятся по-настоящему; они повышают голос, и все.

К трем с половиной часам мы с Билле пошли посмотреть дом графа Петра Салтыкова; дом показался нам достойным его превосходительства. Мы отправились в Кремль, чтобы об этом сообщить; мы остановились у генерала Дюме.

Генерал Крижене сказал Луи при мне: «Если бы мне дали четыре тысячи человек, я был бы в силах к шести часам сбить огонь». Эти слова меня поразили (сомневаюсь в успехе, Ростопчин, не переставая, производит поджоги; остановишь огонь направо, он вспыхнет налево в двадцати местах).

Мы видели, как в Кремль вошли мсье Дарю и любезный Марсиал; мы повели их в особняк Салтыкова, который был осмотрен сверху донизу; мсье Дарю, найдя дом Салтыкова неудобным, позвал нас итти смотреть другие по направлению к клубу. Клуб, убранный во французском жанре, был величественен и закопчен. В этом роде в Париже нет ничего подобного. Рядом с клубом мы осмотрели дом, просторный и великолепный, наконец, хорошенький домик, белый и четырехугольный, который и решили занять.

Мы очень устали, я больше других. Со Смоленска я чувствую, что совершенно обессилен, и я еще имел наивность тратить внимание и силы на поиски квартир. Впрочем, внимание — сказано чересчур, но сил — много.

Мы устроились, наконец, в этом доме, похоже, что здесь жил человек богатый и любитель искусства. Дом удобного расположения, полон небольших статуй и картин. Здесь прекрасные книги: Бюффон, Вольтер, которого здесь можно найти повсюду, и «Галлерей Пале Руаяль».

Свиристествовал понос, и все боялись, что нехватит вина. Нам сообщили хорошую новость, что можно достать вино в погребе прекрасного клуба, о котором я говорил. Я послал туда дядюшку Билле. Мы проникли в клуб через великолепную конюшню и через сад, который был бы хорош, если бы мне не казалось, что на деревьях этой страны лежит неизгладимый налет нищеты.

Мы послали наших слуг в погреб; они вынесли нам много плохого белого вина, тканых скатертей и салфеток к ним, но очень потрепанных. Мы украли их, чтобы сделать из них простыни.

Маленький М. Ж. из генерального интендантства, пришедший «пограбить» вместе с нами, принялся дарить нам все, что сами мы себе брали. Он сказал, что захватил дом для господина генерал-интенданта, и пустился было в мораль; я немного призвал его к порядку.

Мой слуга был мертвецки пьян; он навалил в карету ска-терти, вино, скрипку, которую он украл для себя, и тысячу других вещей. С двумя-тремя товарищами мы устроили легкую закуску и выпили.

Слуги убрали дом, пожар был далеко от нас, и воздух был полон дымом медного цвета. Мы устроились и готовились было передохнуть, как вдруг вошел мсье Дарю и объявил, что надо двигаться. Я мужественно перенес весть, но это меня сразило.

Моя карета была битком набита, да я еще посадил туда этого бедного, страдающего поносом и надоедливое Б., которого я взял из жалости и желая, таким образом, вознаградить другого за то добро, которое мне сделал Биллиоти. Это избалованный, самый скучный и самый глупый господин из тех, кого я знаю.

Я похитил в доме, прежде чем уйти, томик Вольтера под названием «Фацетии».

Мои кареты заставили себя ждать. Мы двинулись в дорогу только в семь часов. Мы встретили рассвирепевшего мсье Дарю. Мы направились прямо на пожарище, пробежав часть бульвара. Мало-помалу мы начали продвигаться в дыму, дышать становилось трудно. Наконец, мы вышли между пылающими домами. Все наши предприятия опасны всегда только тем, что у нас абсолютно нет порядка и благоразумия. В этом месте довольно длинный хвост карет, желая избежать огня, въехал в самую середину пламени. Это имело бы смысл, если бы центр города был окружен кольцом огня. Но дело обстояло не так: огонь охватил только одну часть города, надо было из нее выбраться, но вовсе не обязательно было проезжать через огонь; следовало его обогнуть.

Проехать было невозможно, мы остановились, пришлось сделать крюк. Я задумался о великом зрелище, которое было у меня перед глазами, и на минуту забыл, что моя карета сделала крюк раньше других; я был в изнеможении; я шел пешком, потому что моя карета была доверху набита всем, что украли мои слуги, да еще сверху взгромоздился этот трус Б. Я думал было, что моя карета погибла в пламени. Франсуа пустил лошадей галопом. Моей карете не грозила никакая опасность, но мои люди, как и все остальные, были мертвецки пьяны и могли заснуть посреди пылающей улицы.

Возвращаясь, мы встретили на бульваре генерала Кирже-не, которым я сегодня был очень доволен. Он призвал нас к отваге, то есть к благоразумию, и показал три или четыре дороги, по которым можно выехать.

Мы пошли одной из этих дорог, в 11 часов, и миновали кордоны, поспорили с возницами Мюрата. Я только тогда за-

метил, что мы едем по Тверской или по улице Твери. Мы вышли из города, освещенного прекраснейшим в мире пламенем, который образовывал огромнейшую пирамиду, она, подобно молитвам праведных, подымалась с земли и уходила в верхушку неба. Луна показалась сквозь дым и пламень. Это было внушительное зрелище, но, чтобы наслаждаться им, надо было быть одному или в обществе умных людей. Поход в Россию был для меня испорчен тем, что я проделал его с людьми, способными умалить Колизей и Неаполитанский залив.

Мы двигались по великолепной дороге в направлении к замку, называемому Петровским, где остановился его величество! Трах! Вижу, посреди дороги, рядом с моей каретой, в которой мне дали место из жалости, карету мсье Дарю, она кренится и, наконец, падает в ров. Дорога была не больше 24 футов в ширину. Проклятья, бешенство; карету нелегко было поднять.

Наконец, мы пришли к бивуаку; он расположен напротив города. Мы заметили огромную пирамиду, сложенную из московских пианино и канапе, которые доставили бы нам столько удовольствия, не будь этой мании пожаров. Ростопчина признают когда-нибудь или мошенником или римлянином; посмотрим, как будут расценены его действия. Сегодня мы видели надпись на одном из особняков Ростопчина; там сказано, что одной мебели на миллион, и т. д. Я верю этому, но пусть он подожжет его, чтобы дом не оставался грабителям. На самом же деле его прекрасный московский особняк не подожжен.

Расположившись на бивуаке, мы поужинали свежей рыбой, фигами и вином. Таков был конец этого, столь мучительного дня; мы были на ногах с семи часов утра до одиннадцати вечера. Хуже всего то, что в одиннадцать часов, когда я сел в коляску, чтобы соснуть бок о бок с надоедливой Б., и расположился на бутылках, накрытых вещами и одеялами, я почувствовал, что пьян от плохого белого вина, украденного в клубе...

Стендаль, Дневник.

Погибшие в Москве культурные ценности¹

1. Собрание рукописей и памятников древностей графа А. И. Мусина-Пушкина, которые, по словам Карамзина, содержали неисчерпаемый материал для отечественной истории.

2. У графа Д. П. Бутурлина погибло имущество на 1 мил.

¹ Разумеется, список их этим не исчерпывается. Здесь названы лишь некоторые. — *Прим. сост.*

лион рублей и в том числе библиотека, в которой насчитывалось 40 тысяч томов.

3. У князя Урусова А. А. погибла часть собрания книг, монет, монет и т. п.

4. Пострадала библиотека Университета, так как удалось вывезти в Нижний-Новгород только часть коллекций, а коллекция рукописей и монет, пожертвованная П. Г. Демидовым, погибла.

5. Погибли также собрания Общества истории и древностей. Из правительственных архивов пострадали: Государственный архив старых дел, помещавшийся в здании Сената, Дворцовый архив, дела Пушкинского приказа, хранившиеся в Артиллерийском депо, архив старых дел Московской духовной консистории и другие.

Из сборника «Московское дворянство в 1812 году».

Наполеон о московском пожаре

Через два дня после нашего прибытия начался пожар. Сначала он не казался опасным, и мы думали, что он возник от солдатских огней, разведенных слишком близко к домам, почти сплошь деревянным. Это обстоятельство меня взволновало, и я отдал командирам полков строжайшие приказы по этому поводу. На следующий день огонь увеличился, но еще не вызвал серьезной тревоги. Однако, боясь его приближения к нам, я выехал верхом и сам распоряжался его тушением. На следующее утро поднялся сильный ветер, и пожар распространился с огромной быстротой. Сотни бродяг, нанятых для этой цели, рассеялись по разным частям города и спрятанными под полами головешками поджигали дома, стоявшие на ветру, это было легко, ввиду воспламеняемости построек. Это обстоятельство да еще сила ветра делали напрасными все старания потушить огонь. Трудно было даже выбраться из него живым. Чтобы увлечь других, я подвергался опасности, волосы и брови мои были обожжены, одежда горела на мне. Но все усилия были напрасны, так как оказалось, что большинство пожарных труб испорчено. Их было около тысячи, а мы нашли среди них, кажется, только одну, пригодную. Кроме того, бродяги, нанятые Ростопчиным, бегали повсюду, распространяя огонь головешками, а сильный ветер еще помогал им.

Этот ужасный пожар все разорил. Я был готов ко всему, кроме этого. Одно это не было предусмотрено: кто бы подумал, что народ может сжечь свою столицу. Впрочем жители делали все возможное, чтобы его потушить. Некоторые даже погибли при этом. Они приводили к нам многих поджигателей с голо-

вешками, потому что мы никогда бы не узнали их среди этой черни. Я велел расстрелять около двухсот поджигателей... Нескольких генералов огонь поднял с постели... Я сам оставался в Кремле до тех пор, пока пламя окружило меня. Огонь распространялся и скоро дошел до китайских и индийских магазинов, потом до складов масла и спирта, которые загорелись и захватили все. Тогда я уехал в загородный дворец императора Александра, в расстоянии приблизительно около мили от Москвы, и вы, может быть, представите себе силу огня, если я вам скажу, что трудно было прикладывать руку к стенам или окнам со стороны Москвы, так эта часть была нагрета пожаром. Это было огненное море, небо и тучи казались пылающими; горы красного крутящегося пламени, как огромные морские волны, вдруг скидывались, подымались к пылающему небу и падали затем в огненный океан. О! Это было величайшее и самое устрашающее зрелище, когда-либо виданное человечеством!!

О'Мира, Из записок врача Наполеона.

...Во время этого перехода мы видели, как Москва непрерывно горела, и хотя мы находились от нее в 7 милях, все же по временам ветер доносил до нас пепел. Хотя русские уже были приучены к жертвам пожаром Смоленска и многих других городов, се же пожар Москвы поверг их в глубокую печаль и еще более усилил в них чувство негодования против врага, которому приписывали этот пожар как акт подлинного зверства, как следствие его ненависти, высокомерия и жестокости.

Здесь мы подходим к вопросу о причине пожара. Читатель уже мог заметить, что командование армии, повидимому, проявляло скорее заботу о сохранении Москвы, чем намерение ее разрушить; так, по всей вероятности, оно и было. В первое мгновение в армии пожар рассматривался как великое несчастье, как подлинное бедствие. Ростопчин, которого автор этих записок имел случай встретить в небольшом обществе приблизительно через неделю после начала пожара, отмахивался руками и ногами от начинавшей тогда только зарождаться мысли, будто он поджег Москву. Те беспорядки, которые видел автор на улицах Москвы при прохождении арьергарда, и то обстоятельство, что столбы дыма впервые стали подыматься над окраинами города, где еще хозяйничали казаки, привели его к убеждению, что пожар Москвы явился следствием этих беспорядков, а также сложившегося у казаков обычая сначала подвергать грабежу, а потом поджигать все населенные пункты, которые приходилось уступать неприятелю. Что не фран-

дузы подожгли город, в этом автор был твердо уверен, так как он видел, как они дорожили сохранением его в неприкосновенности; что пожар Москвы был делом рук русских властей, это, казалось, не подтверждалось никакими данными, а горячие и решительные заверения того человека, который должен был бы являться главным виновником этого дела, повидимому, не оставляли никаких сомнений. Если бы Ростопчин действовал, имея в виду великую жертву, которую необходимо принести, он не стал бы так решительно отрекаться. Поэтому автор долго не мог поверить, чтобы поджог Москвы был сделан умышленно. Однако, после всех тех показаний, которые стали теперь известны, и в особенности после мало убедительной оправдательной записки, опубликованной по распоряжению графа Ростопчина, автор не только усомнился в правильности своего первоначального взгляда, но даже почти пришел к убеждению, что, несомненно, Ростопчин велел поджечь Москву и притом под собственную ответственность, без ведома правительства. Возможно, что немилость, которой он подвергся, и его продолжительное пребывание вне России явились последствием такого самоуправства, которое русский самодержец редко прощает.

К. Клаузевиц, 1812 год.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В О КРЕСТНОСТЯХ МОСКВЫ

...Между тем русская армия, которую московский пожар спас от немедленного преследования, блуждала вокруг развалин своей древней столицы. Уверяют, что Кутузов, удерживая тогда свою армию вблизи Москвы, что могло ему угрожать несомненной опасностью, преследовал при этом определенную и притом важную цель. Он знал заранее, что один вид разрушения священного для всех русских города, какое он всецело приписывал французам, наполнит сердца его солдат неумолимой ненавистью. Когда же посланные для преследования русской армии корпуса стали ее теснить, Кутузов решил отступить по направлению к Калуге и остановился в Тарутине, в 16 милях к юго-западу от Москвы...¹

И. Руа, Французы в России.

...Кутузов, покидая Москву, заманил Мюрата к Коломне вплоть до того места, где Москва-река пересекает дорогу. И там под прикрытием ночи русский полководец неожиданно повернул к югу для того, чтобы, миновав Подольск, стать между Москвой и Коломной.

¹ В действительности блуждания Кутузова вокруг Москвы имели иной характер. Отступив первоначально по Рязанской дороге, он затем ловким маневром так быстро перебросил свою армию на Калужскую дорогу, что совершенно сбил с толку преследовавший его французский авангард. — *Прим. сост.*

Это ночное шествие русских вблизи Москвы, откуда резкий ветер доносил до них пепел и пламя, носило характер мрачной... процессии. Они двигались при жутком освещении пожара, поживавшего центр их промышленности, сокровищницу их религии, колыбель их государства. Все они были охвачены ужасом и негодованием и хранили уныло молчание, нарушаемое глухим и однообразным шумом их шагов, треском пламени и свистом бури. Нередко полумрак нарушался яркими и неожиданными вспышками, и тогда можно было видеть лица этих воинов, искаженные дикой болью, мрачный и угрожающий блеск их глаз, эти огненные взгляды, которые они бросали на пламя пожара, считая его делом наших рук. Они уже обнаруживали ту жестокую мстительность, которая нарастала в их сердцах и, распространившись по всему государству, была причиной гибели стольких французов.

В этот торжественный момент Кутузов голосом, полным твердости и благородства, доложил своему государю о потере столицы. Он заявил, что для сохранения плодородных южных губерний и для того, чтобы не терять сообщения с Тормасовым и Чичаговым, он принужден был покинуть Москву, покинутую жителями, ибо... лишь народ составляет душу государства, а где русский народ — там Москва, там вся Россия!

Тем не менее, удрученный горем, он признал, что эта рана глубока и неизлечима, но потом опять воспрянул духом и сказал, что потеря Москвы есть потеря лишь одного города империи, частичная жертва для спасения всей страны. Кутузов добавил, что, расположившись по всей линии против неприятеля, он своими отрядами загораживает ему путь и таким образом, имея возможность следить за всеми движениями французов и препятствуя им получать провиант, он в то же самое время пополняет свою армию, и прибавил, что «16 сентября Наполеон будет принужден покинуть на свое горе завоеванную Москву!»

...Русские различно толкуют о своем полководце и своем императоре. Мы же, как враги, можем судить о наших врагах лишь по их действиям. Каковы бы ни были их слова, но они согласовались с поступками. Товарищи, воздадим им должное! Они все принесли в жертву без колебаний, без поздних сожалений. Впоследствии они ничего не потребовали в оплату даже посреди вражеской столицы, которой они не тронули! Их доброе имя сохранилось во всем величии и чистоте, они познали истинную славу. Когда во все слои их общества проникнет цивилизация, этот великий народ создаст великую эпоху и овладеет скипетром славы, которому должно быть суждено переходить от одной нации к другой.

...Кутузов вел свою армию извилистым путем; происходило

ли это от его нерешительности или от хитрости, но во всяком случае он добился своего. Мюрат в течение трех дней тщетно пытался отыскать его следы! Русский полководец воспользовался этим обстоятельством, чтобы изучить местность и укрепиться. Его авангард направился к Воронову, одному из лучших поместий графа Ростопчина, и по дороге встретил самого графа, который их опередил. Русские думали, что этот сановник хочет последний раз взглянуть на свою вотчину, как вдруг на их глазах постройки исчезли в клубах дыма...

Сегюр, Поход в Москву в 1812 году.

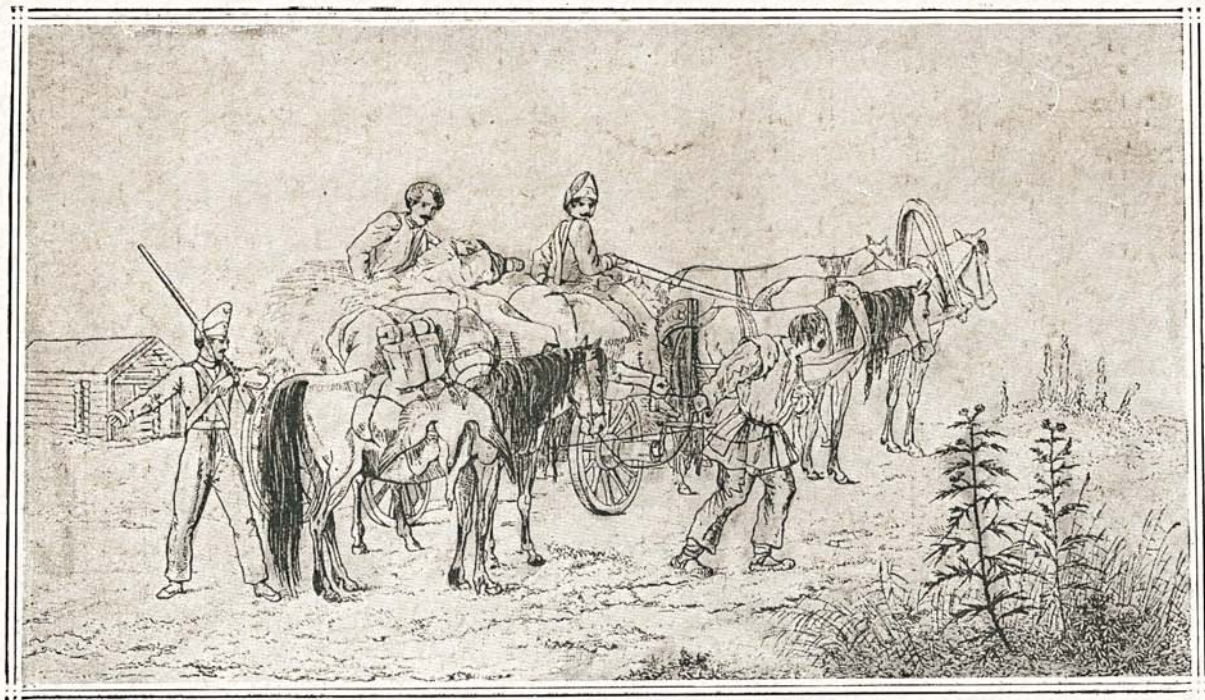
...Прибыв к месту расположения армии, нашли мы свою роту. Привал не был похож на прежние, где очень редко можно было увидеть какого-нибудь мужика. Тут были всех сортов экипажи и люди, особенно по сторонам дороги; мужики стояли не по линиям корпусов, а бродили везде, вышрашивая сенца для лошадей, а часто и сухарей для себя, потому что второпях многие не успели захватить и самого необходимого. Наша рота, после последней моей с нею встречи, приняла совсем другой вид; она еще до Москвы была укомплектована. Резервными ротами комплектовали действующие. В нашу роту дали на место потерянных две пушки и два единорога — чистеньких, новеньких, только что выпущенных из арсенала. Переменяли попорченные лафеты и колеса, а также помятые ящики. Дали полный комплект людей, лошадей и зарядов; прибавили одного прапорщика. Рота была в совершенной готовности для действия; это меня и товарища моего приятно поразило; только и разницы было, что встречали много незнакомых лиц.

На другой день большая часть обывателей тронулась в дальнейший путь, но осталось и с нами довольно. Армия простояла спокойно весь день... Говорили о том, что будет с Россией и что нас ожидает. Исчисляли огромные потери, понесенные нами под Бородиным, хотя мы там и устояли. Некоторые сердились на фельдмаршала за то, что он отдал Москву без сражения. Большая часть была того мнения, что хотя французы понесли такую же потерю под Бородиным, как и мы, а вероятно и больше, но все же они гораздо многочисленнее нас, а потому и трудно было бы нам устоять под Москвой: все бы там полегло, но делу не помогли. Теперь же что будет с нами и куда нас поведут: на Рязань ли, на Казань, или прямо в Сибирь? Когда французам вздумается остаться бражничать в Москве, то мы будем погибать на бивуаках; а когда они пойдут за нами, то будут гнать нас по всей России. «Бедная Москва! Бедная Россия!..» — был всеобщий голос. Настроение было самое грустное.

ДЕРЕВНЯ ГРИДНЕВО.

Гравюра английского художника И. Джемса, 1814 года.

РЕКВИЗИЦИЯ.

Из альбома 'участника' войны, артиллерийского офицера Фабер дю Фор.

Переночевав, пустились мы дальше. Раненый поручик и я ехали при роте. Этот день и еще несколько следующих провели мы в тоске и томлении. Некоторые полагали, что Наполеон пойдет на Петербург, в таком случае оставит Москву и мы будем его преследовать; равным образом, если он обратится на Смоленск или Киев, то и мы пойдем за ним. Важнейшим же предположением считали то, что Наполеон будет гоняться за нашей армией, чтоб ее уничтожить. О том, что будет мир, я даже не помню, чтобы кто-нибудь и упоминал.

...Переправившись через реку Москву у Боровского переезда, своротили мы с большой дороги и потянулись направо. Опять произошло недоумение: куда нас ведут? Впрочем, скоро все начало объясняться; а когда пришли в город Подольск, где фельдмаршал сделал смотр армии, то стали уже говорить с уверенностью, что идем на Калужскую или даже Смоленскую дорогу отрезывать путь французам. Все обрадовались. «Так вот зачем отдали французам Москву!.. Это их нарочно заманили в западню!» Начали расхваливать фельдмаршала на разные лады; солдаты даже не слишком и деликатничали: «Ай-да старик Кутузов! Поддел Бонапарта, как тот ни хитрил!.. Кутузов — тертый калач, Кутузов — старый воробей!..» и тому подобное.

...В Подольске после смотра, так как состав полков уменьшился, нелепо было при полках, вместо шести, оставить только по четыре орудия, а по четыре из обеих легких рот отослать для следования сзади армии. Поручик, ехавший со мной, отправился для излечения ран домой, в Харьковскую губернию; так как мне сделалось легче, а офицеров было мало, то ротный командир, штабс-капитан, предложил мне с четырьмя орудиями следовать в резерве, перемешав оставшихся от Бородинского сражения солдат с вновь поступившими. Я сделал себе помещение на лафете и таким образом продолжал поход до Тарутина. Во все продолжение похода к Тарутину ничего особенного не случилось. Слышны были только несколько раз пушечные выстрелы и иногда довольно сильные в нашем арьергарде, особенно пред вступлением в тарутинский лагерь...

Н. Е. Митаревский, Воспоминания о войне 1812 г.

Донесение князю А. М. Голицыну из села Гребнева

Милостивейший государь!

Вашему сиятельству... доношу, что после отъезда вашего... из села Гребнева, как на вотчине между крестьянами, так по конному и скотному заводам и всем заведениям, находится в

благополучии. Из крестьян же ни один человек из своих домов никуда не выехал... Мимо деревень вашего сиятельства хотя и довольно проходит раненых и не раненых солдат и казаков, но никакого грабительства и притеснений крестьянам не делают, в таком случае приказал я крестьянам останавливающих солдат для обеда и для ночлегов впускать и — кто чем может — кормить и никаких грубостей им не делать, что и исполняется. В деревне Щелковой одним солдатом пьяным одному крестьянину даны в руку и ногу по ране, но не так вредные; однакож, за сие солдат был связан и брошен в погреб, где он выдержан день и ночь и поутру из вотчины выпровожен...

Вашего сиятельства милостивейшего государя
всеподданнейший *Иван Саламатов*.

10 сентября 1812 года.

19 сентября 1812 г.

...Дорога от Москвы в Петербург открыта... войск от Москвы до Петербурга нет, кроме мужиков с рогатинами, как против медведей, кои суть жертвы, да и те (т. е. мужики) отягощены набором рекрут и налогами до крайности.

...Теперь множество и наехало, и едет в Вологду, которая им кажется далее от французов. А принц в Ярославле и своих подчиненных городах отдал повеление: коли французы будут приближаться, то все зажигать; а селения и города зажигать, а после от стужи умирать!..

Из письма О. Поздеева С. С. Ланскому.

...В это время явились к Кутузову депутаты от дворянства Харьковской и Полтавской губерний, предлагавшие в распоряжение главнокомандующего общее вооружение. Кутузов благодарил их за усердие, но предложение отклонил, отозвавшись, что до такой крайности дела еще не дошли. Являлись некоторые и частные лица, предлагавшие услуги свои в виде вольонтеров...

А. А. Щербинин, Записки.

...С 23 сентября по 5 октября, почти целые две недели, мы жили покойно в тарутинском лагере, не занимаясь французами. Нас укомплектовали рекрутами, лошадьми, зарядами, снабдили тулупами, сапогами; удовлетворяли сухарями, а лошадей — овсом и сеном вволю; тут выдали нам... жалованье, и сверх

того нижние чины за Бородинское сражение награждены были по 5 рублей ассигнациями. Откуда что явилось! Из южной России везли к тарутинскому лагерю по всем дорогам всякие припасы. Среди биваков открылись у нас лавки с разными потребностями для военных людей, завелась торговля, и тут подлинно все загуляли. Крестьяне из ближних и дальних селений приезжали в лагерь повидаться с оставшимися в живых родственниками и земляками; даже крестьянки толпами ежедневно приходили с гостинцами в полки, отыскивать мужей, сыновей, братьев. Я видел таких прихожанок, одушевленных воинским патриотизмом, которые говорили: «Только дай нам, батюшка, пики, то и мы пойдем на француза...» Казалось, вся Россия сходилась душою в тарутинском лагере, и кто был истинный сын отечества, тот из самых отдаленных пределов стремился, если не сам собою, то сердцем и мыслью, к тарутинскому лагерю, жертвуя последним достоянием. Все драгоценнейшее для целой империи вмещалось в тесном пространстве этого лагеря — последние усилия России...

И... Р... Походные записки артиллериста.

Нижний-Новгород, 3 октября 1812 года.

...Я решился, и твердо решился, отправиться в армию, куда и долг призывает, и рассудок, и сердце, — сердце, лишенное покоя ужасными происшествиями нашего времени. Военная жизнь и биваки меня вылечат от грусти. Москвы нет! Потери невозвратные! Гибель друзей, святыня, мирное убежище наук — все осквернено шайкой варваров. Вот плоды просвещения или, лучше сказать, разврата остроумнейшего народа, который гордился именами Генриха и Фенелона. Сколько зла! Когда будет ему конец? На чем основаны надежды? Чем наслаждаться? А жизнь без надежды, без наслаждений — не жизнь, а мучение. Вот что меня влечет в армию, где я буду жить физически и забуду на время собственные горести и горести моих друзей.

Здесь я нашел всю Москву... Василий Пушкин¹ забыл в Москве книги и сына: книги сожжены, а сына вынес на руках его слуга. От печали Пушкин лишился памяти и насилу вчера мог прочитать Архаровым басню о соловье. Вот до чего он и мы дожили! У Архаровых собирается вся Москва или, лучше сказать, все бедняки: кто без дома, кто без деревни, кто без куска хлеба, и я хожу к ним учиться физиономиям и терпению. Везде слышу вздохи, вижу слезы — и везде глупость. Все

¹ Василий Львович, дядя поэта. — *Прим. сост.*

жалуются и бранят французов по-французски, а патриотизм заключается в словах: *point de paix*¹. Истинно много, слишком много зла под луною; я в этом всегда был уверен, а ныне сделал новое замечание. Человек так сотворен, что ничего вполне чувствовать не в силах, даже самого зла: потерю Москвы немногие постигают. Она, как солнце, ослепляет. Мы все в чаду. Как бы то ни было, мой милый, любезный друг, так было угодно провидению!.. Я не пишу о подробностях взятия Москвы варварами: слухи не все верны, да и к чему растревать ужасные раны?..

Из письма К. Н. Батюшкова П. А. Вяземскому.

Нижний, 11 октября 1812 года.

...Мне больно издали смотреть на происшествия, решительные для нашего отечества... Жаль многого, а Москвы всего более; она возростала семь веков! В какое время живем! Все кажется сновидением...

Из письма Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву.

...Один русский пленный кирасир взят был в денщики саксонским офицером и, приметя, что новый господин его постоит уже несколько дней сряду, предложил ему пойти в ближнюю деревню (под Москву); где обещал доставить ему все нужное. Офицер принял с радостью сие предложение. Кирасир привел его в город и велел ему взрыть одно место, где, по... словам его, спрятаны с'естные припасы, а сам обещал... обойти деревню и поискать еще чего-нибудь. Саксонец усердно принялся за работу; кирасир между тем собрал всех деревенских баб, вооружил их косами и рогатинами и привел в огород. Они связали обманутого гостя, и одна из них привела его на рогатине к нашим передовым постам...

Русский архив 1876 г.

...Полетела я как стрела к тому лесу, куда велела ехать своему отряду; я надеялась отыскать его по следам, но множество дорог, идущих вправо, влево, поперек и на всех бесчисленное множество конских следов привели меня в недоумение. Проехав версты три наудачу по дороге, которая показалась мне шире других, приехала я к господскому дому пре-

¹ Мира не должно быть.

красной архитектуры. Цветник перед крыльцом, ведущим в сад, был весь истоптан лошадьми; по аллеям тянулись богатые кружева и блонды; следы грабительства видны были везде...

...Приехав в главную квартиру, увидела я на одних воротах написанное мелом слово: «Главкомандующему»; я встала с лошади и, вошед в сени, встретила какого-то адъютанта.

— Главкомандующий здесь? — спросила я...

...Он тотчас пошел в комнату Кутузова и через минуту, открывая дверь, сказал мне: «Пожалуйте» — и с этим вместе сам вышел опять в переднюю; я вошла и не только с должным уважением, но даже с чувством благоговения поклонилась седому герою, маститому старцу, великому полководцу.

— Что тебе надобно, друг мой? — спросил Кутузов, смотря на меня пристально.

— Я желал бы иметь счастье быть вашим ординарцем во все продолжение кампании и приехал просить вас об этой милости.

— Какая же причина такой необыкновенной просьбы, а еще более способа, каким предлагаете ее?

Я рассказала, что заставило меня принять эту решимость, и, увлекаясь воспоминанием незаслуженного оскорбления, говорила с чувством, жаром и в смелых выражениях; между прочим я сказала, что, родясь и выросши в лагере, люблю военную службу со дня моего рождения, что посвятила ей жизнь мою навсегда, что готова пролить всю кровь свою... и что, имея такой образ мыслей и репутацию храброго офицера, я не заслуживаю быть угрожаема смертью...

...Я сказала, что мне двадцать третий год и что в прусскую кампанию я служила в Конопольском полку.

— Как ваша фамилия? — спросил поспешно главкомандующий.

— Александров!

Кутузов встал и обнял меня, говоря:

— Как я рад, что имею, наконец, удовольствие узнать вас лично! Я давно уже слышал о вас. Оставайтесь у меня, если вам угодно; мне очень приятно будет доставить вам некоторое отдохновение от тягости трудов военных...

...Наконец, Кутузов велел позвать меня.

— Ну, что, — сказал он, взяв меня за руку, как только я вошла, — покойнее ли у меня, нежели в полку? Отдохнул ли ты? Что твоя нога?

Я принуждена была сказать правду, что нога моя болит до нестерпимости, что от этого у меня всякий день лихорадка и что я машинально только держусь на лошади, по привычке, но что силы у меня нет и за пятилетнего ребенка.

— Поезжай домой, — сказал главнокомандующий, смотря на меня с отеческим состраданием, — ты в самом деле похудел и ужасно бледен; поезжай, отдохни, вылечишься и приезжай обратно.

При этом предложении сердце мое стеснилось.

— Как мне ехать домой, когда ни один человек теперь не оставляет армию! — сказала я печально.

— Что же делать! Ты болен. Разве лучше будет, когда останешься где-нибудь в лазарете? Поезжай! Теперь мы стоим без дела, может быть, и долго еще будем стоять здесь, в таком случае успеешь застать нас на месте.

Я видела необходимость последовать совету Кутузова: ни одной недели не могла бы я долее выдерживать трудов военной жизни...

...Через два дня после этого разговора Кутузов опять потребовал меня.

— Вот подорожная и деньги на прогоны, — сказал он, подавая то и другое, — поезжай с богом! Если в чем будешь иметь надобность, пиши прямо ко мне, я сделаю все, что от меня будет зависеть. Прощай, друг мой!

Великий полководец обнял меня с отеческою нежностью..

Н. А. Дурова, Кавалерист-девица. Записки.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

В 1812 году поздно было учиться. Тучи бедствий разразились над дорогим отечеством нашим, и каждый сын его обязан был платить ему наличными сведениями и способностями. Я просил у князя позволения стать в ряды Ахтырского гусарского полка. Он похвалил меня и писал о том военному министру. Я был 8 апреля переименован в подполковники с назначением в Ахтырский гусарский полк, расположенный тогда близ Луцка. 18 мая мы выступили в поход к Бресту-Литовскому.

Я послал князю Багратиону письмо следующего содержания:

«Ваше сиятельство! Вам известно, что я, оставя место адъютанта вашего, столь лестное для моего самолюбия, и вступая в гусарский полк, имел предметом партизанскую службу и по силам лет моих, и по опытности моей, и, если смею сказать, по отваге моей. Обстоятельства ведут меня по сие время в рядах моих товарищей, где я своей воли не имею и, следовательно, не могу ни предпринять, ни исполнить ничего отличного. Князь, вы мой единственный благодетель! Позвольте мне предстать к вам для объяснения моих намерений; если они будут вам угодны, употребите меня по желанию моему, и будьте надежны, что тот, который носил звание адъютанта Багратиона пять лет сряду, будет уметь поддерживать честь сию со всей ревностью, какую бедственное положение любезного нашего отечества оного требует. Денис Давыдов».

21 августа (ст. ст.) князь позвал меня к себе; представ к нему, я объяснил ему выгоды партизанской войны при обстоя-

тельствах того времени: «Неприятель идет одним путем, — говорил я ему, — путь сей протяжением своим очень велик; транспорты с продовольствием неприятеля покрывают пространство от Гжати до Смоленска и далее. Между тем обширность части России, лежащей на юге московского пути, способствует изворотам не только партий, но и целой нашей армии. Что делают толпы казаков при авангарде? Оставя достаточное число их для содержания аванпостов, надо разделить остальное на партии и пустить их в средину каравана, следующего за Наполеоном. Пойдут ли на них сильные отряды? Им есть довольно простора, чтобы избежать поражения. Оставляют ли их в покое? Они истребят источник жизни и силы неприятельской армии. Откуда возьмет она заряды и пропитание? Наша земля не так изобильна, чтобы придорожная часть могла прокормить двести тысяч войска, а оружейные и пороховые заводы не на Смоленской дороге. К тому же обратное появление наших посреди рассеянных от войны поселян ободрит их и обратит на стоящую войну в народную. Князь, откровенно вам скажу: душа болит от вседневных параллельных позиций! Пора видеть, что они не закрывают недра России; кому не известно, что лучший способ защищать предмет неприятельского стремления состоит не в параллельном, а в перпендикулярном или, по крайней мере, в косвенном положении армии относительно этого предмета, и потому, если не прекратится избранный Барклаем и продолжаемый светлейшим (Кутузовым) род отступления, Москва будет взята, мир в ней подписан и мы пойдем в Индию сражаться с французами!.. Я теперь обращаюсь к себе собственно; если должно непременно погибнуть, то лучше я лягу здесь; в Индии я пропаду со ста тысячами моих соотечественников, без имени и за пользу, чуждую моего отечества, а здесь я умру под знаменами независимости, около которых столпятся поселяне, ропшущие на насилие и безбожие врагов наших... а кто знает? Может быть, и армия, определенная действовать в Индии...»

Князь прервал нескромный полет моего воображения; пожав мне руку, он сказал: «Нынче же пойду к светлейшему и изложу ему твои мысли».

...Получив пятьдесят гусар и восемьдесят казаков, я взял с собой Ахтырского гусарского полка штаб-ротмистра Бедригу 3-го, поручиков Бекетова и Макарова; захватив также с казачьей командой хорунжих Талаева и Григория Астахова, я вступил через село Сивково, Борис-городок в село Егорьевское, а оттуда — на Мединь, Шанский завод, на Азарово, в село Скугорево. Село Скугорево расположено на высоте, господствующей над всеми окрестностями, так что в ясный день можно обозревать оттуда пространство на семь или восемь

верст в окружности. Высота эта прилегает к лесу, простирающемуся почти до Медыни. Этот лес позволил партии моей скрывать свои движения и, в случае поражения, иметь в нем убежище. В Скугорева я избрал первый притон своей.

Между тем неприятельская армия стремилась к столице. Огромные обозы, парки и шайки мародеров следовали за ней по обеим сторонам дороги, на пространстве тридцати или сорока верст. Вся эта сволочь, пользуясь безначалием, преступала все меры насилия и неистовства. Пожар разливался по этой широкой черте опустошения, и жители волостей с остатком своего имущества бежали от этой всепожирающей лавы. Но, чтобы яснее видеть положение моей партии, надобно начать выше: путь наш становился опаснее по мере удаления нашего от армии. Даже места, в которых еще не было неприятеля, представляли нам немало препятствий. Общее и добровольное ополчение поселян преграждало нам путь. В каждом селении ворота были заперты; при них стояли стар и млад, с вилами, кольями, топорами, и некоторые из них с огнестрельным оружием. К каждому селению один из нас принужден был подъезжать и говорить жителям, что мы русские, что мы пришли к ним на помощь. Часто ответом нам был выстрел или пущенный с размаха топор, от удара которого судьба спасала нас. Мы могли бы обходить селения, но я хотел распространить слух, что войска возвращаются, и, утвердив поселян в намерении защищаться, склонить их к немедленному извещению нас о приближении к ним неприятеля; потому с каждым селением долго продолжались переговоры до вступления в улицы. Там сцена внезапно изменялась: едва сомнение уступало место уверенности, что мы русские, как хлеб, пиво, пироги были подносимы солдатам.

...Узнав, что в село Токарево пришла шайка мародеров, мы 2 сентября на рассвете¹ напали на нее и захватили в плен девяносто человек, прикрывавших обоз с ограбленными у жителей пожитками. Едва казаки и крестьяне занялись разделом между собой добычи, как выставленные за селением скрытые пикеты дали нам знать о приближении к Токареву другой шайки мародеров. Это селение лежит на скате возвышенности у берега речки Вори, почему неприятель несколько не мог нас приметить и следовал без малейшей предосторожности; мы тотчас сели на коней, скрылись позади изб и атаковали его со всех сторон с криком и стрельбой; ворвавшись в середину, мы еще захватили семьдесят человек в плен. Тогда я созвал мир и объявил ему о мнимом прибытии большого числа наших войск на помощь уездов Юхновского и Вяземского, роздал

¹ День вступления французской армии в Москву по ст. ст.—Прим. сост.

крестьянам взятые у неприятеля ружья и патроны, уговорил их защищать свою собственность и дал им наставление, как поступать с шайками мародеров, числом их превышающих. «Примите их; — говорил я им, — дружелюбно, поднесите с поклонами (ибо, не зная русского языка, поклоны они понимают лучше слов) все, что у вас есть с'естного, а особенно питейного, уложите спать пьяными и, когда приметите, что они точно заснули, бросьтесь все на их оружие, обыкновенно кучей в углу избы или на улице поставленное. Истребив их, закопайте тела в хлеву, в лесу или в каком-нибудь непроходимом месте. Во всяком случае берегитесь, чтобы места, где тела зарыты, не были приметны от свежей, недавно вскопанной земли; для того разбросайте на этом месте кучу камней, бревен; всю добычу военную, как мундиры, каски, ремни и прочее, — все жгите или зарывайте в таких же местах, как и тела французов. Эта осторожность потому вам нужна, что другая шайка басурманов, верно, будет рыться в свежей земле, думая найти в ней или деньги или ваше имущество; но, отрывши вместо того тела своих товарищей и вещи, им принадлежавшие, вас всех побьет и село сожжет. А ты, брат староста, имей надзор над всем тем, о чем я приказываю, да прикажи, чтобы на дворе у тебя всегда были готовы три или четыре парня, которые, когда завидят очень многое число французов, сядились бы на лошадей и скакали бы в разные стороны искать меня, — я приду к вам на помощь».

...Был вечер ясный и холодный; сильный дождь, шедший накануне, прибил пыль, и мы следовали быстро. В шести верстах от села попался нам неприятельский раз'езд, который, не видя нас, беззаботно продолжал путь свой. Если бы я не имел нужды в верном известии о Цареве-Займище, занято ли оно войском и в больших ли силах, я бы пропустил этот раз'езд из опасения, в случае, если бы одному из раз'ездных удалось спастись, встревожить весь отряд или прикрыtie транспорта, в селе находившегося. Но мне нужен был язык, и потому я отрядил урядника Крючкова с десятью доброконными казаками наперерез вдоль лошины, а других десять направил прямо на раз'езд. Видя себя окруженным, он остановился и сдался в плен без боя. Он состоял из десяти рядовых при одном унтер-офицере. Мы узнали, что в Цареве-Займище днюет транспорт с снарядами и с прикрытием 250 человек конницы. Дабы пасть, как снег на голову, мы свернули с дороги и пошли полями, скрываясь опушками лесов; но за три версты от села, при выходе на чистое место, мы встретились с сорока неприятельскими фуражирами, которые, увидя нас, быстро поскакали к своему отряду. Тактических построений делать было некогда, да и некем. Оставя при пленных тридцать гусар, которые,

в случае нужды, могли служить мне резервом, я с остальными двадцатью гусарами и семьюдесятью казаками помчался в погоню за французами и почти вместе с ними въехал в Царево-Займище, где застал всех врасплох. У страха глаза велики, а страх неразлучен с беспорядком. При нашем появлении все бросились врассыпную; иных захватили мы в плен не только невооруженными, но даже не одетыми, других вытащили из сараев; одна только толпа, в тридцать человек, надумала было защищаться, но она была рассеяна и положена на месте. Это доставило нам 119 рядовых, двух офицеров, десять провиантских фур и одну фуру с патронами. Остальное прикрытис спаслось бегством.

...Мы были еще в неведении о судьбе столицы, как 9-го числа прибыл в Юхнов Волынского уланского полка майор Храповицкий, сын юхновского дворянского предводителя, и объявил нам о занятии Москвы французами. Я ожидал этого события и доказывал, что оно неминуемо, если только продолжится наше отступление по Смоленской дороге; при всем том весть эта не могла не поразить нас; я и товарищи мои, при первом о том известии, сильно призадумались; так как, однако, все мы были неунылого десятка, то и начали расспрашивать Храповицкого о подробностях взятия Москвы. Он нам сказал, что оставил армию в Красной Пахре, откуда она должна была продолжать свое движение для заслонения Калужской дороги, что Москва предана огню¹, но никто в армии не помышляет о мире. Я был вне себя от радости и тут же всем находившимся тогда в городе помещикам и жителям предсказал спасение отечества, если только Наполеон оставит в покое нашу армию между Москвой и Калугой до тех пор, пока она не усилится следуемыми к ней резервами. Кто был хотя несколько сведущ в высшей военной науке, тому не могли не бросаться в глаза последствия превосходного движения светлейшего. Я счел, однако, излишним преподавать стратегию юхновским помещикам: так некогда Колумб, предсказывая американцам лунное затмение, не заблагорассудил обучать их астрономии. Я вечером получил письмо от калужского гражданского губернатора нижеследующего содержания:

¹ Вопреки многим, я и тогда полагал полезным гибель Москвы: необходимо нужно было открыть россиянам вышний предмет для их усилий, оторвав их от города и обратив их к государству.

Слова «Москва взята» заключали в себе какую-то убийственную мысль, что Россия завоевана, и это могло во многих охладить рвение к защите того, что тогда только надлежало защищать. Но слова «Москвы нет» пререкли разом все связи с нею, и в ней нельзя уже было зреть Россию. Вообще все хулители сей превосходной меры ценят одну гибель капиталов московских жителей, а не поэзию подвига, которой нравственная сила народа вознеслась до героизма. — Прим. Д. Давыдова.

«Все свершилось. Москва не наша, она горит!.. Я от 6-го числа из Подольска, от светлейшего имею уверение, что он, прикрывая Калужскую дорогу, будет действовать на Смоленскую. Ты не шути, любезный Денис Васильевич, твоя обязанность велика, прикрывай Юхнов и тем спасешь средину нашей губернии, но не залетай далеко, а держись Медыни и Мосальска; мне бы хотелось, чтобы ты действовал таким образом, чтобы не навлечь на себя неприятеля 8 сентября».

...Один из улан, с саблей в руке, гнался за французским егерем. Каждый раз, как егерь прицеливался, улан отъезжал в сторону и вновь начинал преследовать, когда егерь обращался в бегство. Заметив это, я закричал улану: «Улан, стыдно!» Не ответив ни слова, он поворотил лошадь, выдержал выстрел французского егеря, бросился на него и рассек ему голову. После сего, подехав ко мне, он спросил меня: «Теперь довольны ли, ваше высокоблагородие?» — и в эту минуту охнул: какая-то бешеная пуля перебила ему правую ногу..

Д. В. Давыдов, Дневник партизанских действий.

...В Тарутино возвратился артиллерии капитан Фигнер, отправленный мною из Подольска в Москву; предприимчивый и храбрый сей офицер взялся разведать о неприятеле и, если бы представилась возможность, хотел вкрась в свиту Наполеона. Бывши в Москве, он возвратился к передовым войскам, под командой генерал-лейтенанта Раевского, и объявил, что послан от меня; генерал-лейтенант Раевский, зная его в Молдавии, дал ему небольшую команду кавалерии, с которой он отправился на дорогу между Можайском и Москвой. Скрыв отряд свой и осмотрев шедшие неприятельские шесть орудий с небольшим прикрытием, напал на них при селении Вязьме и взял в плен; бывший поблизости неприятель, уведомленный о происшествии, не успел притти на избавление.

Фигнер был первый из партизанов, употребленный при большой армии. Успехи его, которым много способствовали вооруженные им поселяне, дали мысль Кутузову умножить число партизанов, и по распоряжению его были посланы гвардейской артиллерии капитан Сеславин, офицер испытанной храбрости и усердия, предприимчивости необычайной, и гвардии полковник князь Кудашев, которому назначение такое принадлежало не по способностям, деятельности и храбрости, но команда дана была потому, что он был зять Кутузова. В самое короткое время партизаны принесли ощутительную пользу. Пленные в большом количестве приводились ежедневно; на всех коммуникациях неприятеля появились казаки; не про-

Д. В. ДАВЫДОВ,
партизан, писатель, поэт.

ходили ни транспорты, ни парки, ни даже малые команды: все было истребляемо партизанами.

Неприятель для фуражирования не смел ходить без пехоты и пушек; но и сие не остановило истребления фуражиров, которых нередко приводили целыми эскадронами. Жители, ободренные беспрерывно являвшимися партиями, служили им вернейшими провожатыми, доставляли обстоятельные известия. наконец, сами взяли оружие и большими толпами присоединились к партизанам.

Фигнер был основателем войны поселян, которая имела пагубные для неприятеля последствия...

А. П. Ермолов, Записки.

...Крестьяне готовили рогатины. Выкованы были острия копий, которые крестьяне насаживали на древки...

А. П. Беляев, Воспоминания декабристов.

...Вечеру 2 сентября, когда смерклось, Фигнер под'ехал ко мне и сказал: «Ну, брат Илья, прощай! Еду в Москву. Если через неделю не возвращусь, то не считай в живых. Я просил генерала Ермолова, чтоб ты остался без меня командовать ротой», — пожал руку и скрылся. Эти слова изумили меня не менее московского пожара: «Еду в Москву, через неделю не считай в живых» — были страшною загадкою.

...В то время как наши войска продолжали отступление через Москву, первый из русских партизанов, полковник Ахтырского гусарского полка Давыдов стал делать набеги на большую дорогу, между Вязьмою и Гжатском. Потом фельдмаршал назначил еще партизанами на Можайскую дорогу самого полковника Давыдова, Сеславина, князя Кудашева и, наконец, капитана Фигнера.

Между тем как главные силы нашей армии отдыхали в табулинском лагере, неприятельские фуражиры и разные отряды его были истребляемы нашими партизанами и народом. Эта малая война распространилась по всем окрестностям Москвы и действовала с ужасным ожесточением; она доводила, наконец, французов до отчаяния. Отважные партизаны наши, ободряя крестьян, приготовленных к мести на врага... открыли народную войну во всей ее силе, со всеми ужасами. Тысячи примеров явили тогда в народе русском истинных сынов и героев отечества; все, что представляет нам древняя история великого в делах сильного патриотизма, повторилось в наши времена.

...Из числа всех известных партизанов наших особенно прославившимся необыкновенною отважностью в набегах был, к чести русской артиллерии, капитан Фигнер.

Александр Фигнер был пригожий мужчина, среднего роста, сын севера, крепкий мышцами, круглолиц, бел, светлорус. Его большие, светлые глаза были исполнены живости; голос у него был мужественный; он имел здравый ум, дар красноречия, в предприятнях неутомимую деятельность, пылкое воображение. Презрение ко всякой опасности и беспримерная отважность показывали в нем всегдашнюю неустрашимость и присутствие духа. Он знал языки немецкий, французский, итальянский, польский и молдаванский так же хорошо, как русский. Кроме обыкновенных познаний, необходимых артиллерийскому офицеру, он знал тактику, стратегию, древнюю и новую историю, читал много хороших книг и признавался, что не любил только немецкой метафизики и мистицизма.

С такими достоинствами явился Александр Фигнер на прище воинской славы, в Отечественную войну, и стал известным партизаном в России...

После того, как мы с ним расстались под Москвою, 2 сентября, я не имел о нем никаких известий до самого тарутинского лагеря. Тут он явился опять, к живейшей радости любивших его товарищей. Мы тотчас заметили в наружности его перемену: он был с отрошенною бородкою; волосы на голове его были острижены в кружок, как у русского мужичка. При всех наших распрасах и при всей его веселости от удачного исполнения поручений не могли мы выведать всего, что он делал в Москве. Я напомнил ему об ужасном взрыве порохового погреба, потрясшем под нами землю. Он усмехнулся, но, потупив взоры, заговорил о другом: скромность налагала на уста его печать какой-то тайны. Впрочем, по дружескому настоянию, Фигнер мало-помалу рассказал нам, что, расставшись со мною, он тотчас переоделся русским мужиком и пошел в Москву, тогда как пожар стал распространяться и французы занялись грабежом. Потом из числа оставшихся в Москве разного звания людей он составлял для истребления неприятелей вооруженные партии, делал с ними, среди пламени, в улицах и в домах, засады, нападал на грабителей по силам, и распоряжался так, что везде французы были убиваемы, особенно по ночам.

Так Фигнер начал истреблять неприятелей с шайкой удалцов в самом городе, среди ужасов пожара и грабежа. Французы видели в развалинах пылающей русской столицы методическую войну отважного и скрытного мстителя; тщетно они искали, даже имели его перед глазами — и не могли найти. В простой одежде мужичка он днем бродил между француз-

скими солдатами, чем мог, им прислуживал, между тем вслушивался в их разговоры, потом распоряжался со своими удальцами для ночных нападений, и к утру по всем улицам являлись тела убитых французов. Наконец, сказал он, поглаживая бородку: «Хотелось мне пробиться в Кремль, к Наполеону; но один каналья, гвардеец, стоявший на часах у Спасских ворот, несмотря на мою мужицкую фигуру, шибко ударил меня прикладом в грудь. Это подало подозрение, меня схватили, допрашивали: с каким намерением я шел в Кремль? Сколько ни старался я притворяться дураком и простофилей, но меня довольно постращали и с угрозою давали наставление, чтобы впредь не осмеливался ходить туда, потому что мужикам возбраняется приближение к священному местопребыванию императора...» После за Фигнером стали присматривать, однако, он ускользнул из Москвы, сделавши там что надобно было.

За сим фельдмаршал поручил ему составить партизанский отряд и действовать для одной цели с прочими в тылу неприятеля.

Всякому партизану предоставлено было, на собственный произвол, выбирать себе подчиненных по роду оружия, какое находил он приличным для своих предприятий; потому Фигнер, еще не заслуживший общего доверия, на первый раз был в затруднении. Но ему скоро пришла счастливая мысль: для истребления мародеров неприятельских обратиться к своим. Известно, что по флангам и в тылу всякой армии бывает всегда, под видом усталых и фуражиров, немалое число рассыпающихся по селениям и дорогам праздношатающихся вооруженных людей всякого рода войск... Фигнер нашел довольно таких из легкой кавалерии; пеших посадил на крестьянских лошадей; увлекательным красноречием умел соединить их к общему участию для приобретения добычи и с двумя сотнями разнокалиберных удальцов начал производить свои набеги. Днем обыкновенно он прятал их в чащу леса, а сам, переодевшись французом, поляком или итальянцем, иногда с трубачом, а иногда один, ездил к неприятельским форпостам: тут делал он выговор пикетному караулу за оплошность и невнимательность, давая знать, что в стороне есть партия казаков; в другом месте извещал, что русские занимают такую-то деревню, а потому для фуражирования лучше итти в противную сторону. Таким образом, высмотревши положение, силу неприятелей и расположив их по своим мыслям, он с наступлением вечера принимал настоящий вид партизана и с удальцами своими являлся, как снег на голову, там, где его вовсе не ожидали и где французы, по его уверению, почитали себя в совершенной безопасности. Таким способом отважный Фигнер почти ежедневно присылал в лагерь главной квартиры по 200 и 300

пленных, так что стали уже затрудняться там в их помещении и советовали ему истреблять злодеев на месте.

С помощью крестьян, которых Фигнер собирал, вооружал и чрез которых узнавал о силе и положении неприятелей, увеличивая беспрестанно свою партию прибылыми удалцами, он успел недалеко от Москвы, на Можайской дороге, отбить неприятельский парк, состоявший из шести новых пушек, с зарядными палубами, со всею прислугою и упряжью, который четыре месяца шел из Италии под слабым прикрытием; с тем вместе попалась ему небольшая казна золота. Деньги роздал он сподвижникам своим, все прочее сжег, а пушки заклепал и зарыл в землю. При этом он имел неосторожность оставить из числа пленных итальянцев нескольких при себе; они после разбежались, и один унтер-офицер, заметив отважность Фигнера, с отличными способностями во вред французам, описал им все его подвиги, храбрость и хитрости. С тех пор в армии неприятельской имя Фигнера стало ужасно, и голова его была оценокена.

Фигнер, желая дать своей партии надлежащее устройство, стал вводить порядок и дисциплину; мародерам это не понравилось, и они от него разбежались. Показав свои способности наносить вред неприятелю ничтожными средствами, Фигнер явился к фельдмаршалу и просил регулярного войска. Кутузов позволил ему взять 800 человек из легкой кавалерии, гусаров, уланов и казаков, с офицерами, каких он сам выберет. Фигнер оправдал столь лестное к себе доверие фельдмаршала; он не забыл артиллеристов: из роты подполковника Тимофеева взял поручика Селецкого, из своей — поручика барона Шлиппенбаха и фельдфебеля Катомина. Я очень желал быть с ним в строю, но он просил меня остаться хозяином в роте, носившей его имя.

С партией устроенных войск Фигнер стал ужаснее для французов. Тут еще более развились его воинские способности. Искусными маневрами, скрытностью маршей, нечаянностью, быстротою, с верными проводниками, по сокровенным тропинкам, он производил славнейшие набеги: разбивал сильные партии французов, сжигал обозы, перехватывал курьеров и тревожил часто неприятелей под самою Москвой. Наполеон принужден был отрядить на Можайскую дорогу пехотную и кавалерийскую дивизии для укрощения отважных набегов Фигнера и других партизанов.

Однажды Фигнер со своим отрядом был окружен почти с трех сторон французами, но хитрым маневром ушел, и вот как: неприятельская кавалерия, окружая Фигнера, хотела истребить его вместе с партией; но покуда производились для этого движения, Фигнер заметил опасность и, пользуясь местоположе-

нием с лесочками, разделил свою партию на две части: одной из них дал вид своего неприятеля, а другой принял оборонительное действие. Первые, показавшись из-за леса, устремились на вторых, стали их теснить, гнать, причем поднялась сильная перестрелка и ручная схватка, так что, в виду французов, Фигнер с партией казался разбитым, рассеянным и взятым в плен. Эта хитрость остановила действительного неприятеля, который, зевая на фальшивую сшибку, упустил из рук удалого партизана.

Рассказывали еще один случай, как Фигнер чуть не был пойман, и, однако, спасся еще чудеснее. Отряд французов в одном месте подстерег его и, сделав нападение, вогнал в лес, примыкавший к болоту. Уже день склонился к вечеру, и поздно было продолжать дальнейшее действие в лесу; однако, опасаясь выпустить из рук вредного наездника, французы окружили лес, будучи уверены, что непроходимое болото за лесом воспрепятствует его бегству, а с рассветом дня он сам попадет к ним, живой или мертвый. Фигнер, действительно находился в самом затруднительном положении: болото казалось непроходимым ни для конного, ни для пешего. Пользуясь темнотою ночи, он попробовал с двумя товарищами пройти пешком через болото, шириною на полверсты; кое-как, с помощью шестов, по кочкам, им удалось перебраться на ту сторону, и, к счастью, верстах в двух они нашли деревушку. Фигнер тотчас собрал немногих крестьян, объявил им опасность своей партии, указал средство для спасения и велел немедленно нести на берег солому и доски. Этими материалами он выстлал по болоту дорожку; к полуночи возвратился в свою западню, где товарищи его, завалившись за пеньками, сторожили французов, которые вокруг леса развели огонь и шумели.

Фигнер со всюю осторожностью велел своим поодиночке переводить лошадей по дощатой дорожке. Когда лошадей перевели, он велел пешим стать в ширину болота на известном расстоянии, и первый, оставаясь с краю от леса, стал передавать через ближнего дальним доски и солому; таким образом он успел переправить всю партию и даже изгладить след дороги. С рассветом дня французы приступили к лесу со всех сторон и пошли облавою в добром порядке; наконец, сошлись все у болота... Куда он девался с казаками?.. Его не было, и след простыл. Конные сунулись в болото, но лошади стали вязнуть, и пешие не могли переступить шага. Эта шутка столько изумила французов, что они долго не могли образумиться и почитали Фигнера ужасным разбойником, который их истребляет и морочит, как дьявол.

Отважность Фигнера простиралась до того, что он однажды, под самую Москву, напал на гвардейских кирасиров на-

полеоновых в лагере, ранил их полковника и вместе с пятьюдесятью человеками увел в плен.

В начале ретирады французов из Москвы Фигнер открыл шедший по дороге большой транспорт с награбленным имуществом, защищаемый сильным прикрытием. Не имея при себе для нападения и разбития его достаточно войска, он обратился с предложением к генералу Дорохову, находившемуся поблизости с довольно сильным отрядом; но генерал по каким-то причинам не хотел содействовать Фигнеру; тогда он согласился с другим, не менее славным партизаном Сеславиным. Они вместе ударили на неприятельский транспорт, и хотя не могли совершенно истребить его, однако, Фигнеру удалось отбить часть обоза, из которого он прислал ко мне пуд серебра для ротного образа; оно состояло из окладов, содранных французами с церковных образов.

Во время наших переходов через селения мы не видали в них ни души крестьян, выключая одних старух, которые кое-где показывались, как пустынные привидения. Войска для ночлегов располагались на биваки близ самых селений, где находили для себя довольно дров и соломы, покуда еще не приблизились к большой опустошенной дороге. Тяжело, грустно смотреть, как, расположившись близ деревушки, пойдут из всех полков команды за дровами и соломою: заборы трещат, крыши распадаются, и целые домишки мигом исчезают. Потом все солдаты, как муравьи, с тяжелыми ношами тащатся в лагерь и строят себе новую деревеньку. Большие селения доставляли пристанище и офицерам; иногда мне с товарищем доставалась крайняя избушка, в которой мы с удовольствием валялись на соломе после продолжительной бивачной жизни.

На походе встречались нам воины-мужички верхом на своих возовиках: иной с косою, утвержденною на длинном древке, другой со штыком, прикрученным к дубине, третий с большим гвоздем, прикрепленным к крючку, наподобие пики, или с рогатиною за спиною; редкий являлся с правильным оружием. Выезжая к нам из леса, где скрывались их семейства с имуществом, они нас приветствовали, поздравляли с бегством врага-супостата и, являя грозный вид вооружения, рассказывали о своих подвигах. Мы охотно вступали с ними в разговоры и слышали довольно любопытные анекдоты о их войне.

«Сперва, — говорил один воин-мужичок, — мы боялись бить француза, чтобы нас за то не потянули в суд; когда и удавалось в одиночку загубить нехриста, то прятали окаянных в колоды и под солому. Ну, уж как пришел приказ из губернского, и нам исправник сказал: «Ребята! Бей француза напрадую!» — тогда-то мы развернулись».

У таких овинов были предводителями отставные солдаты или казаки; иные сами выбирали из своих ребят в воеводы дюжего бурмистра или удалого целовальника. С приближением неприятельской партии к селению пономари трезвонили во все колокола; тогда вооруженные, кто чем, со всех сторон стекались на площадь, и если мародеры были по их силам, то на них нападали и одолевали, а иначе разбегались в лес, куда уже наперед прятали жен, детей и лучшие пожитки.

Заметив несколько французских бродяг, зашедших в пустые избы, они тотчас собирались вокруг домов, заваливали двери и, обложив соломою, угрожали сжечь, если не спардонятся. «Таким способом, — говорил другой воин-мужичок, — к нашему выборному залезли в избу трое французишков; вот мы, слышь ты, их окружили и пучком зажженной соломой грозили запалить; тогда они закричали: «Пардон! Помилуйте!» Выборный, взявши топор под руку, стал с боку у двери и крикнул: «Ну, пардон! Вылезай вон!» Вот один высунул из дверей голову; выборный хватъ его топором — и тот свалился. Немного погода полез другой и высунул руки; выборный и этого сшиб. Третий долго не хотел выходить, хотя его страшали огнем. «Ну, не бойсь, тебя помилуем», — сказали ему. Что делать! Полез, сердечный, только не головой, а высунул сперва ноги; выборный хватил его по ногам, а мы придушили. Из наших, — продолжал мужик, — у иных была такая охотишка бить этого поганого зверя, что для охоты покупали их у казakov»...

Забавный анекдот рассказывал нам мужичок о двух французских латниках, зашедших к ним в деревню. Эти кавалеристы были рослые, и в полном кирасирском вооружении, а потому мужики боялись подступить к таким рыцарям. Великаны вошли в избу и, показывая крестьянам деньги, давали разуметь, чтоб принесли водки и хлеба. Мужики долго совещались, как бы этих страшных гостей сбыть с рук; наконец, решились накормить и напоить. «После чего, конечно-де, великаны лягут спать, тогда и душу вон».

Тотчас принесли водки, хлеба, молока и с этими дарами послали к богатырям старую бабу. Французы обрадовались пище и давали бабе деньги, но она их не приняла, боясь, чтоб ее не заморочили ими. «Вот они стали пить да есть, — говорил мужик, — и, поглядывая на нас, по-своему бормотали. Мы будто бы разошлись и оставили одного парня подсматривать за ними...»

История продолжалась таким образом: наевшись и напившись, один кирасир скинул латы, шишак и лег на скамью, положив подле себя обнаженный палаш; другой не ложился и не скинул ни лат, ни шишака, но сел за стол, положил перед со-

бою пистолет и, облокотившись, оперся лицом на оба кулака. Богатыри, опасаясь крестьян, довольно взяли предосторожности и, казалось, поспешно хотели отдыхать; но так как они оба были чрезвычайно утомлены, то после порядочного угощения кирасир, лежавший на скамье, скоро захрапел, да и часовой на кулаках тоже прикурнул. Тогда парень дал знать миру, что заснули.

Мужики того и ждали; собравшись вновь и перешептываясь на дворе, советовались, как приступить. Вызвались охотники: один с топором, другой с затяжною петлею на канате. Оба разулись и, перекрестившись, вошли тихонько в избу; потом подкрались, каждый с своим снадобьем, к сонным богатырям и, взглянувшись, разом, один хватил топором в голову лежащего, а другой накинул петлю на сидящего. Первый богатырь только что вздрогнул и протянулся, а другой вскочил, но за концы каната крестьяне уже держались миром при дверях, снаружи: он не успел опомниться и схватить пистолета, как был уже вытащен силою каната за шею вон. Этот богатырь старался только удержать давление петли, чтобы не задушили. Следуя притяжению каната, он сунулся прямо на мужиков, но они ухитрились развести концы каната в противные стороны; тогда богатырь стал между двумя силами: сунется ли к одной стороне, другая его тянет, бросится ли к этой, первая поправится. «Таким образом, долго они с ним возились, как с добрым медведем; напоследок, боровшись и напрягая силы, великан (продолжал мужик) умаялся, батюшка, и повалился, как глыба; тут-то мы его доколотили чем попало»...

И... Р..., Походные записки артиллериста.

...Наши партизаны проделывали с неприятелями такие штуки, что сразу и не поверишь, хотя это и точно случалось. Был некто капитан Фигнер, который от всей души ненавидел Наполеона. По занятии неприятелем Москвы он, с разрешения главнокомандующего, отправился туда; в продолжение дня он ходил по городу, переодетый то во фраке, то в крестьянской сермяге, пробирался в дома, занятые французами, и выведывал что было нужно, а ночью, вооружив несколько жителей, избивал неприятеля и даже искал случая захватить самого Наполеона. После ему дали солдат и послали с небольшим отрядом в тыл французской армии. Вот тогда-то он прославился своею смелливостью и смелостью.

Однажды Фигнер, переодевшись французским кирасиром, в белой шинели, привел свой отряд в лес, приказал людям слезть с коней и сохранять тишину и молчание, а сам выехал на просеку, вдоль которой пролегал большая дорога, остано-

вился в тени у опушки леса. Вскоре раздался топот лошадей, говор солдат, и показались на дороге французские кирасиры, в колонне по шести. Дав пройти трем эскадронам и, вероятно, уже будучи замечен неприятелями, Фигнер сам сделал оклик: кто идет? Тогда один из офицеров, ехавший на фланге кирасир, отделился от эскадрона и под'ехал к нашему партизану, который, обменявшись с ним несколькими словами, повернул лошадь в лес и возвратился к своим.

Пройдя с отрядом, по указанию крестьян, служивших проводниками, довольно большое пространство заглохшими тропинками, Фигнер опять оставил своих партизанов в лесу с приказанием слезть с лошадей и отдыхать до его возвращения; сам же он, вызвав ехать с собою двух офицеров Польского уланского полка (которых мундир подходил к одежде польских улан, служивших в наполеоновской армии), приказал одному из них, говорившему кое-как по-французски, в случае встречи с неприятелями отвечать и за себя и за товарища своего, вовсе не знавшего иностранных языков. Затем все трое, выехав из леса, увидели верстах в двух от себя, на открытом пространстве, кругом села, довольно обширный французский лагерь.

— Поедем к ним, — сказал Фигнер и вместе с своими товарищами маленькою рысцою под'ехал к лагерю так беззаботно, что часовым даже не пришло в голову остановить его. Приблизясь к кирасирскому полку, проходившему ночью мимо его отряда, Фигнер обратился к стоявшим вместе двум офицерам, пожелал им доброго утра и вступил с ними в продолжительную беседу, между тем как офицеры его, разговаривая по-неволе с обступившими их кирасирами, отчаялись в своем спасении. Наконец, он распрощался с неожиданными знакомыми, повернул лошадь назад и от'ехал несколько шагов, но вдруг опять возвратился к французским офицерам, сделал им несколько вопросов и хладнокровно отправился в лес к своему отряду.

В другой раз Фигнер с находившимся в его отряде Сумского гусарского полка поручиком Орловым, оба переодетые во французские мундиры, отправились с проводником из крестьян в село Вороново, где находился тогда лагерь авангарда наполеоновской армии и была расположена главная квартира Мюрата. Пробравшись незаметно через цепь ведетов, Фигнер под'ехал к мосту на речке, прикрывавшей неприятельские биваки. Пехотный часовой, стоявший на мосту, встретил его окликом: «Кто идет?» — и потребовал отъезда, но Фигнер, вместо отъезда (которого, разумеется, не знал), разругал часового за неправильную будто бы формальность в отношении к рунду,веряющему посты. Часовой, совсем сбившийся с толку,

пропустил обоих партизанов в лагерь, куда Фигнер явился как свой, под'езжал ко многим кострам, говорил весьма хладнокровно с офицерами и, узнав все, что ему было нужно, возвратился к мосту. Там, снова сделав наставление знакомому часовому, чтобы он не осмеливался останавливать рундов, переехал через мост и сначала пробирался шагом, а потом, приблизясь к цепи ведетов, промчался через нее вместе с Орловым под пулями и возвратился к отряду.

Такие-то партизаны, между которыми потом особенно отличались Денис Васильевич Давыдов и Сеславин, беспрестанно нападали врасплох на французов, отбивали целые обозы с продовольствием, освобождали наших пленных и появлялись там, где французы менее всего ожидали встретить русских.

В одном из таких партизанских действий, во время перехода французских войск, два гренадера старой гвардии, едва не в виду Наполеона самого, были выхвачены из рядов и доставлены в русскую главную квартиру.

Не только войска и партизаны, но даже помещики, граждане и сами крестьяне не мало уничтожали французов, способствуя скорейшему их изгнанию. Так, между сычевскими (Смоленской губернии) воинами-поселянами был известен смелостью и необыкновенной телесною силою бурмистр сельца Левшина (в 15 верстах от Сычевки, по Вяземской дороге). Однажды неприятельская партия, в числе тридцати человек, вошла в это сельцо и заняла избу для отдыха. Узнав о том, бурмистр послал созвать народ, а сам, пригласив к себе в помощь одного из крестьян, подошел тихо к избе, занятой французами, и припер двери. Испуганные враги начали стрелять сквозь двери и смертельно ранили бурмистра; но, между тем, крестьяне успели сбежаться, окружили избу, и угрожая зажечь ее, заставили неприятелей сдаться. Чувствуя близкую свою кончину, бурмистр завещал своим товарищам не мстить за его смерть и пощадить пленных французов. Многие из сычевских жителей были награждены знаками военного ордена...

Ф. Раствоцкий, Об Отечественной войне.

..Отправляясь в одну из командировок, я отыскивал проводника, чтобы разведать от него об окрестных селениях, и, увидев крестьянина, хотел взять его для расспроса, но крайне удивился, когда один из ад'ютантов под'ехал к нему и стал с ним вежливо говорить. Крестьянин этот был известный партизан Фигнер... Фигнер служил в армейской артиллерии штабс-капитаном. Когда войска наши выступали из Москвы, Ермолов ехал мимо роты Фигнера, который, не будучи с ним знаком,

Н. А. ДУРОВА,
кавалерист-девица.

И. С. ДОРОХОВ,
партизан.

А. Н. СЕСЛАВИН,
партизан.

А. С. ФИГНЕР,
партизан.

остановил его и просил позволения ехать переодетым в Москву, чтобы убить Наполеона...

...Ермолов приказал ему ехать с ним в главную квартиру и просил Кутузова позволить этому отчаянному человеку ехать в Москву, на что главнокомандующий согласился. Фигнер, переодевшись крестьянином, отправился в Москву поджигать город и доставил главнокомандующему занимательные известия о неприятеле; в доказательство же, что он действительно был в Москве, показал паспорт, выданный ему французским начальством для свободного пропуска через заставу. В сем паспорте он был назван земледельцем.

Главнокомандующий, заметив деятельность и отважность Фигнера, поручил ему отряд, состоящий из 100 или 200 гусар и казаков.

Фигнер, узнав, что из Москвы выступало шесть неприятельских орудий, скрыл отряд свой в лесах, где оставил его два или три дня: сам же, возвратившись в Москву, втерся проводником к полковнику, шедшему с орудиями, при коих было еще несколько фур и экипажей под небольшим прикрытием. Фигнер повел их мимо леса, в котором была засада, и, подав условный знак, поскакал к своим на французской лошади, данной ему полковником. Наша конница внезапно ударила на неприятельский обоз и все захватила в плен. Полковник сидел в то время в коляске и крайне удивился, увидев проводника своего предводителем отряда и объяснявшимся с ним на французском языке...

...Случай сей доставил Фигнеру первую известность в армии. С тех пор он постоянно начальствовал отдельными отрядами и прославился в Европе своим партизанством.

В конце 1812 года появилось уже много партизанов, но из них всех более отличался предприимчивостью своею и храбростью Фигнер. Он несколько раз бывал в неприятельском лагере, переодетый во французском мундире, и разведывал о положении неприятеля, о силах его и об отправлявшихся отрядах, на которые он по ночам нападал, чем причинял частые тревоги и большое беспокойство французам. Фигнер был до такой степени страшен неприятелю, что имя его служило пугалищем для их солдат, и голова его была оценена французами...

Фигнер погиб в Германии, переправившись за Эльбу с небольшим отрядом, где он был атакован многочисленную неприятельскою конницею. Он долго держался; но, потеряв много людей, ему не оставалось другого спасения, как броситься в реку, чтоб переплыть ее; лошадь уже вывозила его на правый берег, когда один из его гусар, выбившись в воде из сил.

схватил фигнерову лошадь за хвост, сам утонул и утопил своего начальника...

Для умножения бедствия французов главнокомандующий приказал Платову следовать за ними со всеми казаками по большой дороге и не давать им отдыха на ночлегах. Отряды казаков часто заезжали вперед неприятеля, уничтожая переправы и мостики, дабы затруднить его шествие. Множество казаков, рассыпавшихся по всем селениям, в стороне лежащим, вместе с вооруженными крестьянами истребляли усталых французов и тех, которые удалялись от большой дороги для отыскания жизненных припасов. Таким образом проводили французскую армию до города Красного. В сем отступлении неприятель потерял несметное множество народа...

Н. Н. Муравьев, Записки.

...Начальник отряда (полковник Бенкендорф) лично явился в Рюховское и просил Василия Григорьевича заняться разведыванием неприятеля с тем, чтобы потом забирать его в плен при помощи не одних крестьян, а и военной силы. С полной охотой Василий Григорьевич предался делу выслеживания неприятеля. Обыкновенно он отправлялся один, пробираясь верхом на своей лошадке лесами, которых тогда было немало между Рюховским, Рузой и Можайском. Узнав от скрывавшихся в лесу крестьян, что в такой-то деревне расположился неприятель, Василий Григорьевич прятал свою лошадку в лесу, наряжался нищим, выходил на дорогу и спокойно шел в занятую неприятелем деревню, ходил между французами и выпрашивал у них, как умел, подаяния. Французы всегда добродушно относились к мнимому нищему.

Только раз, заподозрив в нем шпиона, они едва не убили его. Это случилось во французской стоянке на реке Зерне, недалеко от Рузы. Самообладание и смелость спасли здесь Василия Григорьевича. Когда французские солдаты хотели его зарубить, он быстро бросился в реку и переплыл на другой берег; в это начали стрелять, но он счастливо добежал до кустарника, где была спрятана его лошадка, и ускакал в лесную чащу. Узнав точно, сколько в данной местности французов, Василий Григорьевич поспешно возвращался к месту, где стоял русский отряд (в деревне Порхове, верстах в 6 от Волоколамска); тотчас же с ним отправлялись солдаты и забирали в плен французов. Всего в разное время под руководством Василия Григорьевича было взято в плен семьсот человек...

*С. Уклонский, Василий Григорьевич Рагозин —
дьячок-партизан и разведчик.*

...Тут была старушка старенькая-старенькая; вижу, она собирается в дорогу, — я к ней. «По какой дороге ты пойдешь?» — «В Тверскую заставу, прямо на Воскресенск». — «Мне тоже в Воскресенск и потом своротить в сторону, зайти к своим родным, узнать, все ли живы да здоровы. Хоть половину дороги пойду не одна, а оттуда меня родные к мужу проводят».

В Песочну пришли — слышен в Воскресенском за рекой шум, крик. «Что это такое?» — думаем. Подошли к строению, увидели женщину: «Скажи нам, голубушка, что это такое за шум?» — «Это наши мужички с французами воюют; что там у них делается, не знаю». А вот что вышло. Пришли в Воскресенск человек пятьсот неприятелей — жители все разбежались из домов. Французам хотелось собор ограбить; мужички воротились, кто с топорами, кто с пикой, кто с вилой, да давай французов катать, а французы-то в них стреляют. Французов-то было пятьсот человек, а наших немного, да наших-то все прибавлялось, из разных деревень сбегались на шум. Одних убьют, другие готовы, колотят да катают французов, кто чем попал. Всех положили на месте, ни один не ушел...

Рассказ дворовой женщины о двенадцатом годе.

...Что разграблено французами, того поправить невозможно, а что отстоял нововыпеченный герой наш Гаврила, то, кажется мне, он по своему усердию и до моего приезда поправит. Я весьма много обязан за Никольское... Гавриле¹... Гаврило с мужиками и с дворовыми людьми перебил французов в разные набеги более 600 человек, а потому далее в округу и не могли пройти, следовательно, и остались все прочие селения не только невредимы, но и в покое...

*Из письма А. Алябьева В. Ф. Алябьеву
13 января 1813 г.*

Подвиг русского солдата

Федор Потанов, по прозванию Самусь, гусар Елисаветградского полка, получа тяжелую рану в одном из арьергардных дел на Московской дороге, искал убежища в окрестных селениях. Крестьяне приняли и укрыли его в лесах.

Через несколько времени, чувствуя небольшое облегчение от ран и жалея, как он сам говорил, о ранах своего отечества и бедственной участи поселян, а более всего кипя негодовани-

¹ Гаврила Анкудинов, управитель Алябьевых.

ем на злочестивых врагов за оскорбление святыни, он сообщает чувства и намерения свои усердным крестьянам.

Многие пристают к нему. День ото дня число товарищей умножается, и, наконец, все они вместе, ополчася чем можно было, единодушно общим голосом избирают в начальники над собою храброго Самуся. Сия верная дружина дает присягу биться до смерти... и быть во всем послушно избранному начальнику. Таким образом составился отряд, который, несмотря на то, что ходил почти всякий день на сшибки с неприятелем, повседневно увеличивался и, наконец, простирался уже до трех и более тысяч. Сии храбрые крестьяне более всего дорожили всякого рода оружием, которое старались доставать от убитых ими неприятелей.

В скором времени более 200 человек оделись в латы французских кирасиров. Они достали даже и пушку! По справкам оказалось, что ополчение сие истребило более 3 тысяч французов.

Благоразумный Самусь ввел удивительный во всех подчиненных ему деревнях порядок. У него все исполнялось по знакам, которые подавались посредством колокольного звона и других условных примет. Часто с приближением неприятеля в превосходных силах по первому знаку все деревни становились пусты; другой знак вызывал опять поселян из лесов в дома. Различные маяки и звон в колокола разной величины возвещали, когда и в каком количестве, на лошадях или пешими идти на бой. Сими средствами, причиня величайший вред неприятелю, всегда неустрашимый и всегда бескорыстный Самусь сохранил почти все имущество храбрых своих крестьян, которые любили его, как отца, и боялись, как самого строгого начальника.

Генералы Милорадович и Ермолов, проходя с авангардом через селения, которых крестьяне подчинили себя храброму Потапову, отдали полную ему справедливость. Тогда же произведен он был в унтер-офицеры, и в то же время о дальнейшем награждении его сделано представление высшему начальству...

*Современная рукопись. Опубликовано
в «Бумагах Жукина».*

...В два дня Дорохов с 500 гусар и 800 казаков на Можайской дороге взял 1900 пленными, транспорт из Смоленска с снарядами, другой — из Москвы с грабленными вещами, где между прочим в обозе генерала Кампан нашли фуру с тазами

и сковородами; да поймал двух курьеров из Вильны и из Москвы, в Париж отправленных. Войска у него едва за 60 тысяч, а больше если и есть, то не приведет, потому что кормить нечем, и, несмотря на все его прокламации и лести к народу, он слишком ожесточен, чтоб мог ему верить...

Из письма Ф. В. Ростопчина П. А. Толстому.

Если бы я хотел описывать все случившиеся происшествия в окружающих селениях и какие способы употребляют добрые, но раздраженные наши поселяне к истреблению врагов, то бы никогда не мог кончить. Не могу умолчать о поступке жителей Каменки. 500 человек французов, привлеченные богатством сего селения, вступили в Каменку; жители встретили их с хлебом и солью и спрашивали, что им надобно. Поляки, служивши переводчиками, требовали вина, начальник селения отворил им погреб и приготовленный обед предложил французам. Оголодевшие галлы не остановились пить и кушать; проводя день в удовольствии, расположились ночевать. Среди темноты ночной крестьяне отобрали от них ружья и увели лошадей и, закричав «ура», напали на сонных и полутрезвых неприятелей. дрались целые сутки и, потеряв сами 30 человек, побили их 100 и остальных 400 отвели в Калугу. В Боровске две девушки убили 4 французов, и несколько дней тому назад крестьянки привели в Калугу взятых ими в плен французов. Сейчас, в то время, как я пишу сие, привезен французский офицер, который рассказывает, что у них уже не очень охотно как офицеры, так и солдаты ходят на фуражировку, партии наши набили им оскомину.

Между партизанами нашими более всех отличается артиллерии капитан Вагнер¹. Он начал тем, что пошел в Москву и в числе господских людей получил паспорт от французского начальства. С сим паспортом вышел он на Можайскую дорогу, собрал свой отряд поблизости оной и опять пошел в крестьянском платье в сопровождении двух мужиков к французам, с которыми шел несколько времени, высмотрел, где у них были орудия, говорил с нашими пленными и, отстав от них, соединился с отрядом своим, напал на неприятеля, взял 6 пушек, одного полковника, несколько офицеров и до 100 человек пленных, побив не менее; его отряд состоял из 100 человек казаков, гусар и драгун; и с сею сборною командою был он окружен 7 тысячами неприятелей, сделал плотину через непро-

¹ Надо читать: Фигнер. — Прим. сост.

ходимое болото и ушел. Теперь имеет он отряд, до 500 человек состоящий, раз'езжает кругом армии Бонапарта и все, что встретит, истребляет и, одевшись иногда французским офицером, ездит по их полкам, расспрашивает, судит с ними о положении армии и всегда удачно возвращается к своим.

Третьего дни Г. М. Дорохов овладел Версией¹, в которой французы с некоторого времени укрепились. Причем взято одно знамя, две пушки и один полковник, 14 офицеров, 350 рядовых, побито более 200, с нашей стороны потеря состоит в 20 человек убитых и раненых. Пожалуйте, не думайте, что число наших убитых и раненых писал я, как обыкновенно в реляциях, — оно истинно.

Ахтырского гусарского полка подполковник Давыдов с отрядом своим находится близ Вязьмы и нападает на транспорты и парки неприятельские; он много истребил и много взял в полон.

Князь Кудашев с двумя казачьими полками послан на Тульскую дорогу и тот же день прислал 200 человек пленных.

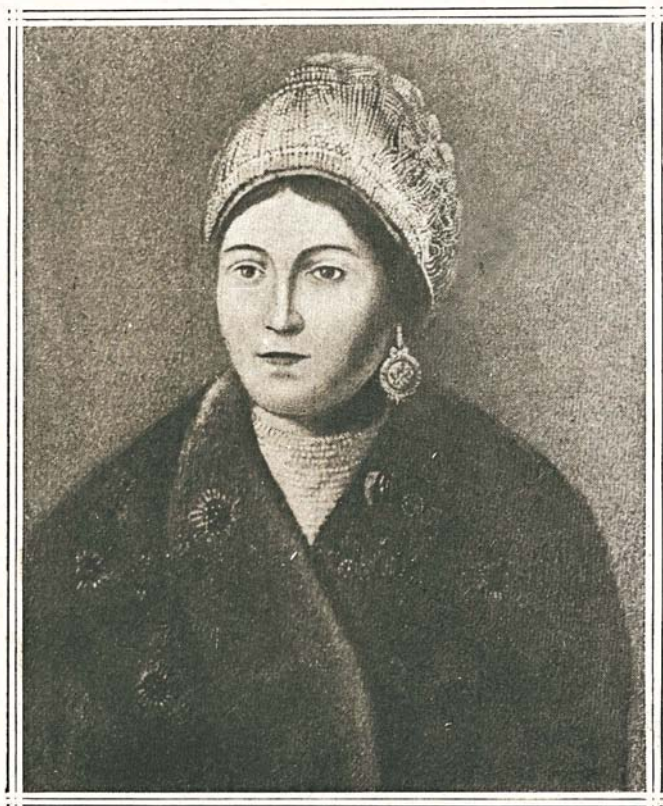
Граф Винценгероде, прикрывая Троицкую, Петербургскую и Ярославскую дороги, не позволяет неприятелю никака посылать своих раз'ездов далее 10 или 15 верст от Москвы. Одним словом, Бонапарт находится в осаде, и надобно чудом каким-нибудь избавиться ему из сей западни.

Из письма Сергея Мизина.

...Войск наших очень довольно, а ему нечего доходит есть, передаются к нам ротами; отрывки его войск мужики наши бьют и в плен берут; крайне ему приходится тесно; сперва он пошел по Коломенской дороге к Боровскому перевозу, но наши его пощипали; после одного подался уже на Калужскую дорогу, оставя несколько войска при оном перевозе, но казаки одни наши были оставлены и, согласясь Шубинской волости с мужиками, впрах их разбили, в плен взяли до 600 человек, а прочие все побиты; обоз воинский отбили, где и найдено множество сокровища и окладов с образов довольно. О всем, что знаю, вас уведомил, а как у нас есть еще оказия быть в армии, и за долг поставлю, буде случатся новости, вас уведомить.

Из письма капитана Колобкова, из Коломны 5 октября 1812 года.

¹ Надо читать: Вереею. — Прим. сост.

ВАСИЛИСА КОЖИНА,
партизанка-крестьянка (старостиha Василиса).

Геройство старостихи Василисы

Староста одной деревни Сычевского уезда повел в город партию пленных, забранных крестьянами. В отсутствие его поселяне поймали еще несколько французов и тотчас же привели к старостихе Василисе для отправления куда следует. Сия последняя, не желая отвлекать взрослых от главного их занятия бить и ловить злодеев, собрала небольшой конвой ребят, и, севши на лошадь, пустилась в виде предводителя провожать французов сама... В сем намерении, раз'езжая вокруг пленных, кричала им повелительным голосом: «Ну, злодеи французы! во фронт! стройся! ступай, марш!» Один из пленных офицеров, раздражен будучи тем, что простая баба вздумала им повелевать, не послушался ее. Василиса, видя сие, подскочила к нему мгновенно и, удара по голове своим жезлом — косою, повергла его мертвым к ногам своим, вскричавши: «Всем вам, вора́м, соба́кам, будет то же, кто только чуть осмелится зашевелиться! Я уже двадцати семи таким озорникам сорвала головы! Марш в город!» — И после этого кто усумнится, что пленные признали над собою власть старостихи Василисы!

Из книги «Полное собрание анекдотов¹ достопамятнейшей войны России с французами».

Серпуховские воины-поселяне

Когда неприятельские отряды рассеялись для грабежа, оставшиеся в домах крестьяне употребляли хитрость к истреблению грабителей. Они подпаивали их и убивали, подвергая и собственную жизнь немалой опасности, почему равномерно могут быть причислены к числу воинов-поселян. Сим способом по Серпуховской округе истреблено злодеев в казенном селении Стромилове пять человек, в селении Лопасне — два, господина Жукова в деревне Тетерьках — один, г. Акимова в деревне села Дубны — два человека, а г. Волкова в сельце Ртищеве — семь человек. Впрочем, где можно было действовать открыто силою и неизменною грудью, там русские воины-поселяне охотно оставляли хитрость и принимались за оружие. Графа Владимира Григорьевича Орлова села Семеновского староста Аним Демьянов, графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской села Хатуни приказчик Иван Ильин и помещика

¹ Понятие анекдот в то время было иным, чем теперь: под анекдотом понималось заслужившее внимание характерное происшествие. — *Прим. сост.*

Орлова сельца Горок староста Никифор Савельев, услыша, что неприятель идет по большой Каширской дороге, тотчас собрали ведомства своего крестьян, вооружили их копьями, вилами, топорами и домовыми ружьями графа Орлова и, призвав на помощь бога, смело ожидали неприятеля в деревне Папушкиной, но шайки иноплемennых грабителей, узнав о том, прошли мимо.

Из книги «Полное собрание анекдотов достопамятнейшей войны России с французами».

Русские воины-поселяне

Русский округ, принадлежащий к театру военных действий, равным образом ознаменовал себя своими воинами-поселянами... Они учредили в каждом селении вестовые колокола, по звону коих собирались в назначенное место с непритворным желанием запечатлеть кровию своею любовь к обожаемому ими отечеству. Количество таковых ревностных героев простиралось иногда до нескольких тысяч. Ополчась единодушием и вооружаясь, чем кто мог, отважно нападали на неприятельские отряды и из оных истребили более тысячи человек, кроме пленных, взятых казаками, при помощи воинов-поселян. Наконец, октября 11-го тысяча пятьсот русских воинов-поселян, пристав к казакам, способствовали к последнему изгнанию врагов из Русской округи.

Из книги «Полное собрание анекдотов достопамятнейшей войны России с французами».

Звенигородские воины-поселяне

Когда буйный неприятель России, приближаясь к Москве, занял почти весь Звенигородский округ, кроме малой части селений в стороне за упраздненный город Воскресенск, который Наполеон, по проходе всех своих сил, не успел захватить, в то время окрестные жители помянутого заштатного города и тех селений, которые или были захвачены или сожжены, собрались к общей обороне и к праведному мщению злодеям. Призывая на помощь бога, они единодушно положили защищать Воскресенск и не перепускать за него врагов. Таковое предприятие свое они основали не на слепой отважности, но на благоразумии и осторожности. Они учредили денную и ночную стражу, расставили караулы по лесам и по всем местам, откуда скрытно можно наблюдать неприятелей; часто взлезали для сего наблюдения на вершины дерев, хотя, может

быть, и не слышали, что Суворов то же делал. В перелесках, за буераками, везде сии осторожные воины-земледельцыставляли недремлющую стражу. Сверх того, установили, чтобы по звону колокольному собираться им немедленно верхами и пешком, где услышат первый звон. На сию повестку собралось множество сих осторожных воинов-земледельцев; иные были вооружены ружьями, другие копьями, топорами, вилами и косами. Всяко оружие сильно там, где движет руку сердце, горящее верою и верностью, а притом сколько побуждений оживляли воинов-поселян! В глазах их горели родные их пепелища... в лесах, далеко от них, укрывались от лютой врагов жены, их младенцы, их старики, не могущие поднять оружия. Неоднократно сии вооруженные поселяне прогоняли неприятельские отряды, приходящие от Звенигорода и со стороны от Рузы, часто самого Воскресенска; также и за оным много раз бывали в сражениях одни и с казаками. Великое число убивали, брали в полон и доставляли пленных казацким караулам. В Звенигородской округе убито, ранено и взято в плен неприятелей вооруженными обывателями более двух тысяч человек. Таким образом, воинами-поселянами от нашествия неприятельского защищен город Воскресенск, спасен монастырь, Новым Иерусалимом называемый, и охранена некоторая часть селений. В сих достопамятных делах воинов-поселян особенно отличились голова экономической Вельяминовской волости Иван Андреев и села Лучинского г. Галохвостова сотенный Павел Иванов. Первый из сих двух снаряжал, поощрял поселян, сам выезжал на сражение, часто бился с врагами и много способствовал благоразумными советами и распоряжениями, а второй доказал на деле, что чем кто более любит родную землю, тем охотнее к обороне выставляет детей своих. Сей великодушный воин-поселянин привел с собою всех своих сынов; он также снаряжал людей, бывал в сражениях, был ранен и сам перевязывал одного раненого сына. В летописях веры и верности должны сохраниться все имена мужественных защитников родной земли... Кроме двух упомянутых воинов-поселян, и другие немало способствовали к защите Воскресенска, монастыря и некоторых селений. Звенигородский мещанин Николай Овчинников, живший в Воскресенске, выезжал неоднократно на битву, мужественно сражался и ранен в руку. Воскресенский купец Пентюхов, звенигородский мещанин Иван Горянинов, дворовый человек князя Голицына Алексей Абросимов, г. Колошина служители Алексей Дмитриев, Прохор Игнатьев, г. помещика Ярослава Федор Сергеев, вотчинный староста графа Остермана села Ильинского Егор Яковлев, г. Ардалионова сельца Иваткова Устин Иванов и того же сельца крестьянин Егор Алексеев. Все сии мужественные защитники Воскресенска и

сами храбро бились и других поощряли к истреблению злодеев. Кто не пожелает, чтобы имена мужественных защитников Воскресенска и чтобы дела воинов-поселян переходили из рода в род? Один великодушный подвиг, бескорыстно принятый в пользу общую, достойнее памяти всех громких злодеяний Наполеона и подобных ему извергов. К сохранению имен и дел поселян и граждан, защищавших город Воскресенск... можно составить памятные книги, можно вписать в оные то, что učinили ревностные поселяне и граждане... Мысль сия согласна с мнением предков наших. Усердные русские воины, шедшие в прежние времена на войну, говорили: «Наши имена и наши дела внесут в книги животные или памятные; об нас вспомнят сыны сынов наших».

Из книги «Полное собрание анекдотов достопамятнейшей войны России с французами».

Бронницкие воины-поселяне

Крестьяне сел: Шубина, Вешнякова, Константинова, Воскресенского, Починок; деревень Сельвачевой, Жирошкиной, Рогачевой, Чанусовой, Заселья, Галашиной и Жданской, по неоднократным и ревностным внушениям земского благочиния, собирались с оружием, конные и пешие, до двух тысяч человек на дорогу, пролегающую к городу Подольску. Пользуясь местоположением, они скрывались в лесах... приставали к опытным казакам и вместе с ними содержали крепкую лесную засаду. Когда же от города Бронниц проходил неприятель к Подольску для разорения и грабежа, тогда всякий раз воины-земледельцы нападали внезапно. Сии храбрые воины встретили однажды неприятельский отряд, из семисот человек состоящий, и, горя желанием сразиться с нечестивыми, обратились к казакам, говорят: «Братья и друзья! Ведите их, мы будем вас слушаться»... Предводительствуемые казаками, крестьяне стремительно и отважно нападали на врагов: убили на месте сражения тридцать человек, принудя других положить оружие. Вера обезоружила буйство! Все повозки неприятельские достались в добычу победителям; но усердные русские воины-поселяне, отстаивая верною грудью своею родные свои пепелища, не хотели воспользоваться вражескою корыстью, почему и просили казаков все взятое препроводить куда следует. При сем случае особенно отличились храбростью и мужеством села Константинова староста Семен Тихонов, деревни Сельвачевой староста Егор Васильев и села Починок — Яков Петров. Здесь примечательно, что старосты примером и делами оправдали имя свое и не посрамили выбора мирской сходки. При приближении неприятеля, усердно перекрестясь, они возопили к сотова-

ГЕРАСИМ КУРИН,
партизан-крестьянин.

рищам: «Станем крепко, бог нам поможет! Двум смертям не бывать, а одной не миновать»... Мужественные старосты делом не изменили слову. Крестьяне сел Михайловской Слободы и Яганова и деревень Дурнихи, Чулковой, Кулаковой и Какузуевой собирались ежедневно до двух тысяч человек к Боровскому перевозу Москва-реки на гору, откуда неусыпно наблюдали переправу неприятельских отрядов через реку. Из сих воинов-земледельцев большая часть для устрашения неприятелей одета была по-казацки; неоднократно отважно встречали они неприятеля и прогоняли его. 22 сентября, приметя, что многочисленный неприятельский отряд тянется к селу Мячкову, дружины воинов-земледельцев, переправясь вброд через реку, с помощью казаков напали стремительно, разбили неприятеля, взяли сорок шесть человек в плен с оружием, лошадьми и повозками. Одиннадцать человек положены были на месте сражения, прочие же рассеялись и спаслись бегством. В сем сражении особенно отличились деревни Дурнихи крестьяне Михайла Андреев, Василий Кирилов и Иван Иванов; села Михайловской Слободы — Сидор Тимофеев, Яков Кондратьев и Владимир Афанасьев; села Яганова староста Василий Леонтьев и крестьянин Федор Дмитриев. Они, бросаясь первые в реку, кричали: «Братцы! Не бойтесь, бог нас перенесет!» В деревне Вохрине, в сельдах Лублине и Выткарине жители вооружались против небольших неприятельских отрядов и оные истребляли. Таким образом, нельзя не сознаться, что Бронницкая округа нанесла неприятелю великий вред, и благодарение споспешникам российской славы!

Из книги «Полное собрание анекдотов достопамятнейшей войны России с французами».

Волоколамские воины-поселяне

До выхода неприятеля из Москвы волоколамские крестьяне были непрерывно вооружены, крепко бодрствовали днем и ночью и всегда мужественно отражали неприятельские отряды, иных забирая в плен, других истребляя на месте. Сии мужественные поступки сопровождались строгою верностью и повиновением начальству. Главные вооружения составлялись под надзором капитана исправника; в случае же отлучек его по другим обязанностям распоряжение вооруженными крестьянами препоручалось управителю сенатора Алябьева Гавриле Анкудинову. Сей последний имел неизменными помощниками несколько военнослужащих и старост из окрестных селений, как то, в числе первых: отставного унтер-офицера Новикова.

отправленного из Волоколамска для устройства вооруженных крестьян, и рядового Немчинова; а из последних: экономической Серединской волости села Середы волостного голову Бориса Борисова с сыном его Васильем Борисовым, волостного старосту деревни Бурцова Ивана Ермолаева, волостного писаря Михайлу Федорова, села Середы крестьянина Акима Федорова и Филиппа Михайлова, деревни Подсухиной — Кузьму Кузьмина и Герасима Семенова. Сверх сего в делах воинов-поселян участвовали сенатора Алябьева дворовые люди Дмитрий Иванов, Федор Феропонтьев и Николай Михайлов... Вышеозначенные распорядители вооруженных волоколамских крестьян всегда первые стремились на неприятеля и, поощряя других к мужественному отпору, не щадили своей жизни.

Из книги «Полное собрание анекдотов достопамятнейшей войны России с французами».

Непоколебимая твердость русских крестьян

Необходимость раз'ездов для добывания провианта и фуража, содейваясь с часа на час потребнее, заставляла французов разделяться на небольшие партии, дабы, таким образом, посетить более мест, извлечь из того большую выгоду; но добрые крестьяне, стараясь всячески наносить врагу всевозможнейший вред, не упускали удобнейшего случая уничтожить таковые предприятия и, пользуясь беспорядком, господствующим обыкновенно при таковых поисках неприятелей, убивали ежедневно великое число фуражиров, преследуя их иногда до самых ворот Москвы. Раздраженные сим сопротивлением крестьян, французы вздумали устроить народ жестокостью, и в сем намерении послали на добычу отряд, состоявший из тысячи человек пехоты, с конницею и артиллериею, приказав оному захватить несколько крестьян в ближайших деревнях и привести их в город. Сообразно сему приказанию отряд не замедлил забрать двадцать человек, которых привели в Москву, отдали на другой день под военный суд и приговорили к смерти. Прочитавши несчастным приговор, переведенный на русский язык, офицеры, коим поручено было исполнение оно, ожидали, что крестьяне прибегнут к униженным просьбам и слезам для спасения своей жизни, но весьма обманулись. Вместо того, чтобы поразиться приближением неизбежной смерти, они сохранили всю бодрость духа, отличавшего... народ русский. В полном уверении в своей невинности и что они умирают из любви к своему отечеству, долженствующей запечатлеться кровью их, они не произнесли никаких жалоб и простившись спокойно и хладнокровно друг с другом, отправи-

лись на место казни — театр славы кровожадного Наполеона — и там, став рядом подле стены, были расстреляны поодиночке. Оставшиеся смотрели на умерщвление братьев своих без всякого ужаса. Каждый видя, что очередь дошла де него, перекрестившись, обращаясь к соборам, говорил: «Помилуй меня, господи! Прощайте, добрые люди!» — и падал к ногам жестокосердых палачей своих, не испустивши ни единого вздоха. Французский офицер, бывший свидетелем сего варварского явления, рассказывая обстоятельства оногo, изменялся в лице от ужаса. Таковое мужество привело врага в трепет; он узнал, что никогда не покорить и не развратить сего геройского народа.

Из книги «Полное собрание анекдотов достопамятнейшей войны России с французами».

Справедливое негодование

Во время одного сражения бронницких воинов-поселян с отрядом французским в числе пленных, доставшихся в руки победителей, крестьяне сельца Залесья нашли неприятельского лазутчика. По сделанному ему допросам открылось, что он русский уроженец и уже около шести лет, как предался французам... Крестьяне наши едва могли поверить таковому злодейству и говорили с чувством величайшего удивления: «Ты, наш русский, и предался французам!.. Нет, не русское у тебя сердце!» Сколько сердце изменника долженствовало терзаться от сей простой, но искренней речи! Русская верность давно уже изрекла: «Лучше смерть, нежели позорный живот». Так! Вечный стыд и поношение тем, которые из подлой корысти продают родных своих иноплеменикам!! Несмотря, однако же, на высочайшую степень негодования своего к сему бесчестному изменнику, недостойному сыну своего отечества, крестьяне удержались от самопроизвольной расправы и отдали лазутчика казакам, находившимся в их деревне, чтобы они представили его начальству. Рассказывают также, что кто-то из крестьян подмосковных селений, будучи обольщен надежнием большой корысти, вздумал привести в Москву, по приглашению французов, воз с естной провизии и, выруча за оный достаточную сумму денег, хвалился по возвращении домой, большим своим барышом. Но верные крестьяне, услыша о таковом его поступке, тотчас же сделали сходку, в силу коей его, как изменника, отправили для надлежащего поступления к ближайшему начальству.

Из книги «Полное собрание анекдотов достопамятнейшей войны России с французами».

...Почти все придорожные крестьяне, в надежде на добычу, вооружились пиками, этим национальным русским оружием, или же просто кольями с железными остриями на конце. Верхом на маленьких лошадках, в бараньих шубах и черных барашковых шапках, они следовали вдоль колонны и немедленно на нее бросались, как только замечали, что встреченная теснина задерживала войска, вызывая перед ней скопление и разрезая за ней колонну. В сущности, эти импровизированные войска не представляли ничего опасного, так как малейшее сопротивление их останавливало и обращало в бегство, и целью их была не борьба, а только добыча странных трофеев. Но ужас, производимый их появлением, был таков, что при первом крике «Казачи!», перелетавшем из уст в уста вдоль всей колонны и с быстротою молнии достигавшем ее головы, все ускоряли свой марш, не справляясь, есть ли в самом деле какая-либо опасность...

Тирион, Воспоминания офицера французского кирасирского № 2 полка.

...Фоминское, 21 октября. Смелость казачьих отрядов невероятна. Они устроили засаду в лесах, невдалеке от места, где мы провели ночь, и поджидают, когда уйдут последние солдаты, чтобы нападать на изолированные группы, на отставших или на повозки, которые не могли идти непосредственно за войсками...

Из письма Сергея Мизина.

...Крестьяне оживляемые любовью к родине, забыв мирную жизнь, все вообще вооружаются против общего врага, всякий день приходят они в главную квартиру и просят ружей и пороха; то и другое выдают им без малейшего задержания, и французы боятся сих воинов более, чем регулярных; ибо озлобленные разорениями, делаемыми неприятелем, истребляют его без всякой пощады. Сие приносит двойную пользу, потому что уменьшает число войск вражеских и потому что лишенный продовольствий неприятель не осмеливается посылать своих мародеров в ближайшие к нему селения, иначе как большими отрядами, которые старанием казаков всегда бывают перехвачены или побиты...

Ц. Ложье, Дневник офицера великой армии.

...Итак, потому что европейскими армиями не употребляется партизанская война от неимения ни единого истинно легкого всадника и от необходимости содержать в общей массе даже

и тех, кои носят звание легких всадников, неужели и мы, обладающие целыми народами летучих, неутомимых и врожденных наездников, нисколько не ослабляющих отсутствием своим регулярную армию, — неужели и мы обязаны воспретить себе род действия, для нас столь полезный, для противников наших столь гибельный?

Если бы случилось России воевать государства, у коих не было бы ни артиллерии, ни конницы, неужели надлежало бы отказаться ей от употребления противу них и артиллерии и конницы? Что сказали бы об Англии, если б вздумала она заключить флот свой в пристанях, вместо того чтобы сражаться им в открытом море с флотами, столь много уступающими ему и качеством и количеством?

Вот, однако же, что делала Россия в отношении к своей легкой коннице. Насыщенная неразрывным рядом побед и завоеваний, приобретенных усилиями одних линейных войск своих, и потому имея все право избегать заботы в изыскании другого рода средств к покорению своих противников, она довольствовалась одними прямыми ударами штыка, ядра и сабли, столь усердно служивших ей в течение полного столетия. После Бородинского сражения приступлено было к испытанию этого нового употребления легкой конницы. Пущено некоторое число казачьих отрядов на пути сообщения неприятельской армии; и едва отделились они от главных наших сил, как безмятежные дотеле пути сообщения неприятеля приняли иной вид: все обратилось на них вверх дном и в хаос, — и несметное число солдат и всяких степеней чиновников, подвозов с провиантом и с оружием, парков с зарядами и даже орудий загромодили нашу главную квартиру.

Безошибочно можно сказать, что более трети войска схваченного у неприятеля, и все транспорты, к нему шедшие и доставшиеся нам в сей решительный перелом судьбы России, принадлежат тем из казачьих отрядов, кои действовали в тылу и на флангах неприятельской армии. Если вывод единого испытания этого, — ибо по малочисленности партий, пущенных тогда на путь сообщения неприятеля, можно почесть это предприятие истинным испытанием, — если вывод этот, говорю я, представляет нам такой огромный выигрыш, при употреблении таких слабых средств, то чего же можно ожидать от развития этого рода действия по размеру, сообразному с многочисленностью, легкой конницы нашей в наступательных войнах с Европою?

Надо надеяться или, лучше сказать, можно с достоверностью ожидать, что со временем и эта часть военной силы, считаемая иноземцами недостойною внимания, — потому что они судят о легких войсках наших по своим легким войскам, — что

и эта часть от большого и большого усовершенствования вскоре поступит на степень прочих частей военной силы государства.

Огромна наша мать-Россия! Изобилие средств ее дорого уже стоит многим народам, посягавшим на ее честь и существование; но не знают еще они всех слоев лавы, покоящихся на дне ее. Один из сих слоев состоит, без сомнения, из... воинственных народов, населяющих всю часть империи, лежащую между Днепра, Дона, Кубани, Терека и верховьев Урала, и коих поголовное ополчение может выставить в поле сто, полтораста, двести тысяч природных наездников. Единое мановение... — и застанут поля неприятелей под копытами сей свирепой и неутомимо-подвижной конницы, предводимой просвещенными чиновниками регулярной армии.

Не разрушится ли, не развеется ли, не снесется ли прахом с лица земли все, что ни повстречается, живого и неживого, на широком пути урагана, направленного в тыл неприятельской армии, занятой в то же время борьбою с миллионною нашею армией — первою в мире по своей храбрости, дисциплине и устройству?

Еще Россия не подымалась во весь исполинский рост свой — и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь подымется!..

Д. Давыдов, Дневник партизанских действий.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ИЗГНАНИЕ НАПОЛЕОНОВСКОЙ АРМИИ

...Русский народ... поднялся как один человек, и для этого не требовалось ни прокламаций, ни манифестов. Правительство говорило о том, чтобы положить предел вызванному движению; но письменными приказами нельзя сдержать подобных порывов, подобно тому как нельзя возбудить их такими приказами. Армии пополнялись ратниками и побеждали. В несколько недель образовались новые батальоны, вполне обученные; некоторые на моих глазах были устроены в несколько дней. Совершенно исключительное зрелище представлял этот народ, прямо подставляющий неприятелю свои открытые груди. Эти войны проходили всюду с песнями; иногда (это я сам видел) за ними шли их жены и, чтобы помочь мужьям, несли от времени до времени их оружие и их вещи. Из каждого города, из каждого местечка выходило по взводу. Они не собирались ни в полки, ни в батальоны, ни в роты: то была дружина, то-есть общество друзей, давших друг другу клятву (таков прекрасный смысл этого чисто русского слова).

Не менее чем та часть восставшего народа, которая прикнула к армиям, в деле общей защиты полезна и другая его часть, оставшаяся в деревнях. Она ведет с французами более истребительную и, может быть, более устрашающую их войну, чем все те, которые стоят в рядах. Всюду, куда направляются французы, из-под земли вырастают вооруженные люди. Не знаю, равняется ли война, которую вели испанцы, с войною, которую ведут русские. Как только французы приближаются к деревне, из нее уносится вся находящаяся в ней движимая соб-

ственность. Женщин, детей и стариков отсылают подальше, остаются лишь люди, способные обороняться...

Решено, что неприятель должен вернуться на родину только сквозь развалины и пепел. Дома и все то, что нельзя унести, предаются огню. Устроена общая охота в кустарниках, за плетнями, в лесах, в оврагах: за каждым деревом спрятан охотник. Нет пристанища появляющемуся французу, на свой ли страх добывает он пропитание, или отправляется за фуражом вместе с целым отрядом, и лишь немногие возвращаются из этих поисков. Для взятого в плен живым нет пощады: он будет убит; он, быть может, будет сожжен. Ненависть русских жестока. В некоторых деревнях в несколько недель были насыпаны могилы над сотней или двумя сотнями трупов, свидетельствующие о том, что французы здесь были. Их армия встречала везде только пустыню и пепел и оставляла за собой могилы. Она должна была отступать.

Русская любовь к родине не похожа ни на какую другую. Она чужда всякой рассудочности; она... вся в ощущении. С одного конца России до другого она проявляется одним и тем же способом; решительно все выражают ее одинаково; это не расчет, это ощущение, и это ощущение — молния. Бороться и все принести в жертву, огнем и мечом; вот в чем сила этой молнии. Вступать в сделку с неприятелем — такая мысль не вмещается в русской голове. Никакое примирение невозможно, ни о каком сближении не хотят и слышать.

Победить или быть побежденным, середины для русских не существует...

*Г. Ф. Фабер, Письмо из Петербурга
от 1(13) декабря 1812 г.*

...Донесение партизана Сеславина, полученное в Леташевке под утро 12-го числа, подтвердило о предугаданном Кутузовым отступлении Наполеона. Впрочем, оное предвиделось еще до Тарутинского дела. Лишенный запасов, он не мог держаться, и Чичагову, направленному императором на соединение с Кутузовым, послана из Леташевки подробная инструкция о преграждении пути Наполеону, причем ему указано на урочище Студенки, близ Борисова, как единственный пункт, который Наполеон избрать мог для перехода через болотистую Березину. В этой инструкции в подробности упоминалось о предназначенном графу Витгенштейну в подкрепление Чичагову движении на левый фланг отступающего неприятеля или на правый — по отношению к Чичагову. Подлинная инструкция назначалась Чичагову, а копия — графу Витгенштейну. Брозин, начальник

канцелярии нашей, сам запечатал обе бумаги, сделал надписи на пакетах и отправил курьеров.

Поспешность Кутузова к предпринятию фланговых маршей с Рязанской на Калужскую дорогу и из тарутинского лагеря на Малоярославец и быстрота в исполнении ставят его относительно стратегического достоинства на одну высоту с торжествовавшим дотоле соперником его.

А. П. Ермолов, Записки.

...Перед выходом французов из Москвы казаки стали проныкать в столицу как для устрашения неприятелей, так и из удалства. Таким образом, один казак доскакал до часовни Иверской, но тут подстрелили под ним лошадь; на спешившего напала целая толпа неприятелей, которые заставляли казака сказать «пардон», но казак не соглашался; тогда посыпались на него сабельные удары, и все-таки не заставляли его говорить «пардон». Но казак, изнемогая под ударами и лежа уже на земле, твердил только: «Ни, ни, ни!» И с тем кончил геройскую жизнь свою.

...Когда наши постояльцы, конногвардейцы, от нас уже уехали, то на другой день утром, часов в 12, я был дома и сидел на мезонине у открытого окна: так хороша была погода, теплая и ясная, несмотря на октябрь месяц. Я особенно был весел и спокоен, думая, что все бедствия наши кончились. Вдруг вижу, из-под горы, от Пресненских прудов, бежит к нашему дому какая-то женщина, довольно полная, немолодых лет, повязанная белым платком, и кричит: «Спасайтесь, батюшки! Бонапарт велел воротиться французам и переколоть всех остальных жителей».

Этим словам я еще не совсем верил, но когда увидел, что чрез Камер-Коллежский вал, между домами князей Якова Леоповича Грузинского и Петра Ивановича Одоевского, переваливает значительный отряд французской пехоты с ружьями, на которых от солнца блистали штыки, то чрезвычайно испугался, тем более, что в это время со мной никого не было; домашние тогда в нижнем этаже убирали после французов комнаты.

Я полагал, что пришел наш конец, и страшная тоска обняла мое сердце в первый раз в моей жизни. Но испуг мой продолжался не долго; смотрю и вижу, что из рощицы, от дома на той от нас стороне Пресненского пруда, где нынче чугунный завод купца Расторгуева, показался казак, за ним другой, третий, и так их выехало до 70 человек. Луч надежды блеснул в моей душе.

Французы, увидя казаков, на несколько секунд остановились и пошли назад чрез Камер-Коллежский же вал по дороге к Петровскому дворцу. Казаки следовали за ними, но тихо, ша-

гом; наконец, и те и другие скрылись за валом; я совершенно успокоился и сколько сначала был испуган, столько же теперь был рад, уверенный, что если казаки в большом количестве прибыли уже в Москву, то они не дадут нас в обиду.

В это время подбегает к нашему дому старший брат мой, Иван, и кричит мне: «Петя, пойдем на колокольню смотреть, как будут драться казаки с французами». Я тотчас сбежал вниз, и мы втроем с тем проживавшим у нас мальчиком, Николаем, отправились на колокольню церкви св. Георгия.

Когда мы туда пришли, то французы стояли уже развернутым фронтом, казаки — вдали против них, и между ними происходила ружейная перестрелка. Позиция сражавшихся была такова: французы стояли спиной к Петербургской дороге, близ начала нынешнего парка от Москвы, а казаки — на месте нынешнего же скакового круга. Очень помню, что французы стреляли повзводно, а казаки, выстрелив, закидывались как-то за лошадь налево и поворачивали в эту же сторону кругом, заряжая, вероятно, в это время ружья.

Перестрелка в виду нас продолжалась, думаю, более получаса; но ни у казаков, ни у французов не видать было убитых или выбывших из строя; признаться, эти однообразные маневры начали мне надоедать, и я было уже хотел идти домой, как вдруг казаки с'ехались во фронт, сомкнулись, устали пики, как бы прилегли, и пустили на французов во весь дух лошадей. Мы все трое обратились в одно внимание. Французы сначала как бы не испугались, не делали даже каре, однако, и казаки тоже не робели и неслись неустрашимо против установленных на них ружей.

Не допуская до себя саженей, так полагаю, на сто, французы не устояли и обратили тыл, казаки вскоре настигли их; пошла работа пиками, и в это же самое мгновение бегущих французов встретили наши мужички, как бы из земли выросшие, с домашними орудиями. Тогда все смешалось. Картина была страшная! Казаки с изумительной быстротой укладывали французов дротиками на вечный покой; с другой стороны мужички помогали так же усердно; французы, видимо, исчезали с лица земли, пощады им не давали, или они не просили ее по своей гордости, как после, в сражении под Ватерлоо. Еще несколько минут боя — и казаки были уже без дела; некоторые из них спешились и уставляли в козлы пики.

Тут вскоре пришел с поля сражения О. А. Пелецкий¹ и рассказал, что казакам много помогли наши мужички из окрестных селений; что они, прежде скрываясь в кустах и ямах, на месте

¹ Осип Андреевич Пелецкий — лекарь, работал на заводе Губинных. — Прим. сост.

нынешнего Петровского парка, наблюдали за ходом сражений и в момент ретирады французов встретили их внезапно и дружно, угощая чем бог послал: вилами, топорами, рогатинами и даже просто дубинами.

Пелецкий сказывал, что французов было до четырехсот человек, как и мы полагали, а казаков с офицером — всего 71, и что этот подвиг казакам ничего почти не стоит; у них был ранен только офицер в левую руку пулей; рану перевязывали ему при Пелецком; он также видел, как в это же время православные зарывали уже французов в готовые ямы, откуда сделан был им такой неожиданный сюрприз. Как хороший стрелок и не по летам храбрый, Пелецкий спешил на сражение тоже с ружьем и боевыми припасами, но, пока он туда шел, дело было уже кончено.

*П. Г. Кичеев, Воспоминания о пребывании
неприятеля в Москве в 1812 г.*

...Поймали несколько курьеров, отправленных во Францию; между прочим, одного, посланного до вступления французов в Москву. Он вез письма, в которых эти подлецы обещали своим соотечественникам описать подробно все удовольствия, ожидавшие их в столице России, воображая, что они будут там танцевать и веселиться. Они говорят о своем нетерпении увидеть самых хорошеньких женщин. Другой же курьер, отправленный уже из Москвы, вез известия иного рода. Они писали, что не видывали более варварского народа, что он все покидает, лишь бы не преклонить колен перед неприятелем, что легче покорить легион демонов, чем русских, если бы даже вместо одного было десять Бонапартов. Когда слышишь это и читаешь петербургские вести вроде вышеупомянутой, руки упадают. Но неужгодно ли подивиться этим негодьям французам, называющим нас варварами, потому что мы не принимаем ни их любезностей, ни их законов? Можно ли завираться до такой степени! Как осмеливаются они называть варварами народ, сидящий тихо и спокойно у своего очага, но который защищается отчаянно, когда на него нападают, и скорее соглашается всего лишиться, чем быть в порабощении! Образованными они зовут орду бродяг, вырвавшихся из ада, чтобы все жечь, разорять и проливать кровь. Что они ни говори, быть русским или испанцем есть величайшее счастье; хотя бы мне пришлось остаться в одной рубашке, я бы ничем иным быть не желала, вопреки всему.

15 октября 1812 года.

Из писем М. А. Волковой В. И. Ланской.

...18 октября (п. ст.) на рассвете, когда я спал крепким сном, растянувшись на лавке, один в дымной избе, меня разбудила перестрелка. Я подумал сначала, что упражняются в стрельбе новобранцы русского лагеря; но скоро мне показалось, что звуки эти ближе обычных. Я открыл окно рядом с собою, т. е. поднял крошечные, как у курятника, деревянные ставни, и увидел по ту сторону оврага наши ведеты в перестрелке с неприятельскими стрелками. Был густой туман, и я предположил, что к нам подошли русские патрули. Но перестрелка была слышна и в других местах, и на обоих берегах по всему лагерю трубили. Значит, начиналась серьезная атака. Я приказал артиллеристам немедленно закладывать лошадей; отослал своего лакея и экипажи свои и Жюмильяка в тыл и отправился со своим адъютантом и ординарцами в передовую часть лагеря. Наши конные форпосты стягивали уже к своим полкам, вступившим в битву. Мы некоторое время наблюдали. Наконец, русские войска заколебались, и разорвавшийся туман позволил нам увидеть, как их ряды, маневрируя, надвигались на нас. Я направил против них огонь артиллерии, русские ответили, и вдоль всего фронта завязалось дело. На наше счастье, генерал Лауссэ был уже несколько дней болен и не мог сесть на лошадь; он уехал в карете в тыл, и командование перешло к генералу Шастелю, отличному воину, в котором храбрость соединялась с большой опытностью и хладнокровием. Он выбрал диспозицию, казавшуюся ему самой удобной, чтобы отразить нападение; распорядился даже сделать несколько кавалерийских атак. Но силы были не равны, и ему пришлось заботиться о том, чтобы отступить и не быть разбитым. Мы занимали крайний правый фланг, и неприятель легко бы мог обойти нас, если бы сосредоточил свой первый натиск против левой части нашей цепи, в которой стоял 2-й кавалерийский корпус. Вначале русские врубались в стоявшие здесь полки и захватили большую часть артиллерии. Но явился Мюрат со свежими войсками; он возобновил битву, удержал русских, и отступление обошлось без смятения. С некоторых пор позади нас гремела канонада; это неприятель прорвал нашу цепь и занял овраг, через который нам надо было перейти, чтобы отступить к Москве. После горячего сражения его прогнали дивизии поляков и генерала Фридрихса, стоявшие неподалеку. При этой атаке русские захватили часть нашего обоза, помещенного в тылу позиций, между прочим человека и вещи Жюмильяка. Мои каким-то образом спаслись, и я был приятно удивлен, когда нашел их вечером.

На правом фланге, где стоял мой корпус, мы отступали, после долгого сопротивления, в полном порядке и под прикрытием огня моей артиллерии, переходя с одной позиции на дру-

гую. Король Мюрат долгое время был с нами; он был даже слегка ранен в руку. Некоторые из его экипажей не отъехали во-время в тыл и могли теперь помешать нашим движениям. Он приказал солдатам сжечь их, что они и исполнили, поделив предварительно между собою то, что было в этих экипажах. Он лично подбодрял их и смеялся над тем, что они с такой поспешностью исполнили его приказание.

Не знаю, какая несчастная случайность помогла артиллеристам достать в этот день водки. Я заметил это, когда при первых выстрелах отправился к парку и приказал ротам собираться и садиться на лошадей. Хлебная водка — настоящий яд, и она уже оказала действие на нескольких солдат. Заметно оно было и на офицерах. Один из лучших, обычно вполне трезвый капитан при разговоре со мною упал почти без чувств. Другой был приблизительно в таком же состоянии. Таким образом тяжело было вести дело: как заставить слушаться или хотя бы понимать приказания людей, утративших ясность сознания?

Сражение началось на рассвете и кончилось только когда стало темнеть. Отступив мили на четыре, мы заняли позицию за речкой около большого села, которое называется, кажется, Вороново; мы расположились здесь на биваках; встревоженные последствиями, какие могло иметь это дело, мы были все же очень далеки от мысли о длинном ряде ужасов, ожидающих нас. Увы! Это дело было только предвестием наших бед; началось злосчастное отступление.

19-го неприятель не показывался, и мы заняли позицию на несколько миль ближе к Москве, у Красной Пахры. На другой день мы хотели идти дальше, когда увидели движущиеся длинные колонны нашей армии, покинувшей Москву накануне, после известия о нашей битве, и шедшей на соединение с нами...

Грица, Мемуары.

...Император выехал из Москвы 19 (н. ст.) октября, но оставили в городе маршала герцога Тревизского, который должен был ждать в Кремле результатов битвы.

Наполеон еще лелеял тайную надежду вернуться в Кремль. Но на случай, если бы это ему не удалось, он отдал приказ маршалу взорвать дворец в знак маленькой революционной мести и арсенал, хотя уже разграбленный и русскими и французами, но где еще много хранилось трофеев, отнятых у турков.

Даже гробницы царей и тех не пощадили! Мне пришлось видеть, как валялись на земле набальзамированные царские останки и как их топтали солдаты; думавшие обогатиться, срывая с них стразы, которые они принимали за настоящие драгоценные камни. Золотой крест с колокольни Ивана Великого,

набальзамированная рука святого патрона города, одно кресло из дворца и другие редкости с драгоценностями были вывезены из города. Лучшие картинные галереи сгорели еще во время пожара, а деньги и все то, что было захвачено армией, наполовину снова было отобрано русскими, а остальное было уничтожено, чтобы не досталось им.

Многое просто зарыли в землю в химерической надежде, что удастся вернуться за ним.

Уходя, армии пришлось бросить в Кремле много экипажей и муниционных повозок. Страшный гул, последовавший за взрывом нескольких больших зданий, возвестил о нашей эвакуации...

Когда я выехал из Москвы, в ней уже показались казаки. Погода была великолепная, было так тепло, что мы обедали при открытых окнах. Я провел первую ночь на биваке близ загородного дома графа Ростопчина, от которого остались одни развалины. Тут я увидел нескольких французов, которые во что бы то ни стало хотели следовать за армией, хотя я предсказывал им все бедствия, постигшие нас в непродолжительное время.

Большая дорога была загромождена повозками и экипажами; из них большая часть была до такой степени нагружены или имели такие плохие запряжки, что в первый же день увязли в грязи, из которой не было возможности вытащить их, и послужили знаком для отставших и тех, кто покинул город только в последний момент...

Дедем, Мемуары.

...7 октября был взорван полевой двор и сожжен Симонов монастырь. В сей день приметно было в войске их чрезвычайное движение, и, как после узнали, выступила половина войска на Калужскую дорогу. Во всю же ночь ехали обозы, неизвестно чем нагруженные; после чего не так уже много видно было их по улицам; а с 10-го на 11-е число в ночь вышли они из Москвы и взорвали порохом арсенал, во многих местах Кремлевские стены и башни; ударом, от сего произошедшим, разрушились в городе Китае обгорелые стены, которые для пущего их падения были подбиты под основание; во всех почти домах, уцелевших от пожара, вылетели от сотрясения воздуха стекла, и даже вышибло рамы и растворились двери; что же было с жителями Москвы, когда и находящиеся за 20 верст от оной приведены были треском сим в смущение. Со светом дня увидели мы русских казаков в Кремле, кои успели изловить оставленных для зажигания подрывов, французами учиненных, и принудив их загасить многие фитили в бочках с порохом, спас-

ли от разрушения соборы, монастыри, Спасскую башню, Оружейную палату, колокольню Ивана Великого, от коей оторвало пристройку с большими колоколами; крест с Ивана Великого снят, и листы с главы его во многих местах сняты; позлащенный всадник, стоявший на строении сената, снят же.

*Из письма чиновника московского почтамта
Андрея Карфачевского, 6 ноября 1812 года.*

...Наконец, 18 (6-го ст. ст.) октября, на рассвете, нас поразила необычный шум на нашем фланге, по ту сторону ручья, впереди 2-го кавалерийского корпуса. Этот первый шум, за которым быстро последовали звуки выстрелов, указал нам, что мы атакованы неприятелем. Живо вскочили мы на коней, ежеминутно ожидая атаки, но таковой не последовало; все силы русских устремились на наших соседей, которые не были, подобно нам, ограждены с фронта оврагом ручья, перейти который впереди нас и скрытно от наших постов было не только трудно, но прямо невозможно.

Король Мюрат немедленно бросился к атакованному пункту и своим присутствием духа и мужеством приостановил начавшееся отступление. Он бросался на все биваки, собирал всех попадавшихся ему всадников и, как только успевал набрать таковых с эскадрон, так мгновенно бросался с ними в атаку.

Отступление началось при дурных предзнаменованиях; дожди сменили сухую осень, и дороги стали также хуже, так как, возвращаясь на старую Смоленскую дорогу, мы шли к ней по диагонали и в нашем распоряжении были только проселочные дороги.

Поразительно, с какой быстротой распространяются дурные известия; можно думать, что они носятся и распространяются по воздуху. Мы немедленно же узнали, что русские, с целью обмануть императора, тянули переговоры о мире, действительно одновременно обсуждая условия мира с Турциею, что давало им возможность быстро вернуть армию, воевавшую с Турциею; также узнали мы, что эта армия уже близка и идет нам наперерез, что ставило нас между двух огней. Это недурной способ войны! Удар был хорошо обдуман и хорошо проведен. Наполеону оставалось его парировать или предотвратить.

Только путем форсированных маршей могли мы упредить захват этой армиею нашего тыла, а если бы захват тыла состоялся, то нам оставалось только пробиться. В истории известно, что из всего этого вышло.

Много историков уже описывали это злосчастное отступление, и много еще таковых будут приниматься за этот тяжелый труд, но, каково бы ни было их число и каковы бы ни были их

убеждения, ни одному из них не удастся дать верное изображение этой армии беглецов и деморализованных солдат, давших до сих пор столько доказательств терпения, выносливости и мужества. Кто бы мог поверить, что эти изможденные и оборванные люди, бежавшие в беспорядке и без дисциплины, были те же самые, которые несколько месяцев тому назад, уже истомленные чрезмерной усталостью и лишениями, дрались так мужественно и побеждали! Уже было невозможно отличить генералов и офицеров; как и солдаты, они были одеты во все, что им попадалось. Зачастую генерал был покрыт плохим одеялом, а солдаты — дорогими мехами.

Нет сомнения, что недостаток продовольствия способствовал деморализации войск, подрывая их силы, и что обильная горячая пища парализовала бы действие холода. Те казаки, над которыми при наступлении посмеивались наши солдаты, эти самые казаки теперь стали не только что предметом уважения, но и предметом ужаса всей армии, и число их при содействии придорожных жителей значительно увеличивалось...

Тирион, Воспоминания офицера французского кирасирского № 2 полка.

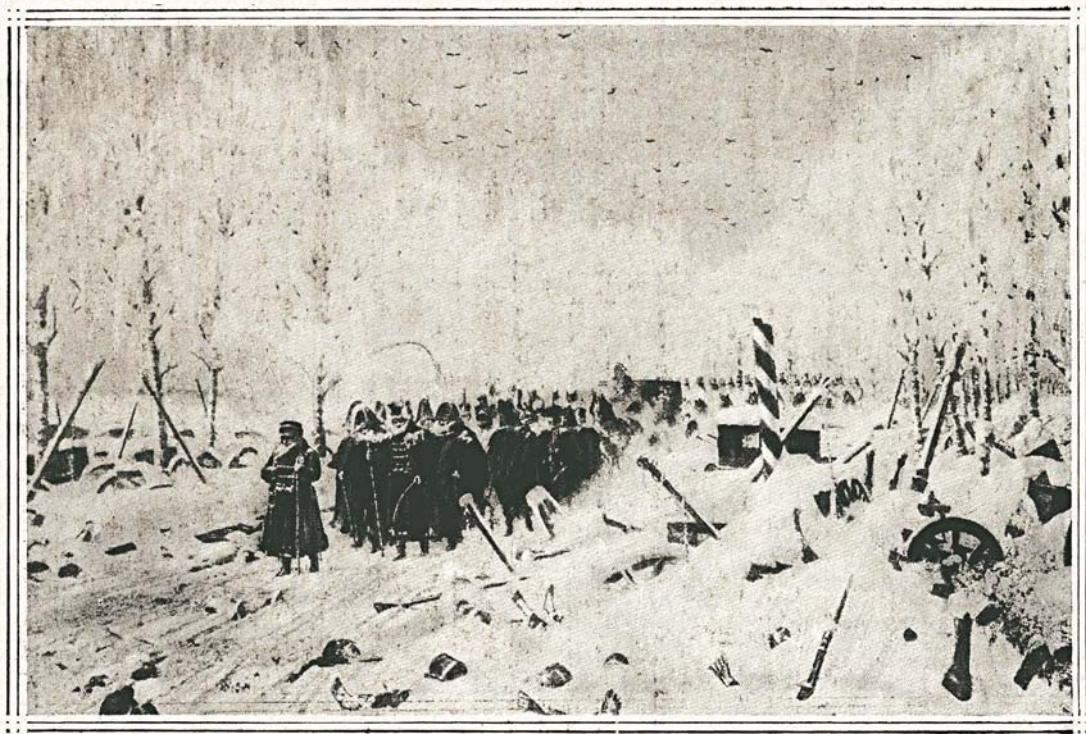
Малоярославец, 24 октября.

...Сегодня, в 4 часа утра, все еще спали в лагере Дельзона, исключая часовых, как вдруг четыре отряда русских стрелков неожиданно выступили из лесов, покрывавших здешние возвышенности, заставили часовых спешно отойти к передовым постам, посты — к стоявшим впереди батальонам, а эти последние, пораженные неожиданным нападением, должны были после слабой обороны покинуть деревню, чтобы соединиться с остальной частью дивизии, находившейся на равнине.

При первой же тревоге Дельзон велел братья за оружие и бежать на помощь к своим. Но русские успели уже выдвинуть свои батареи и на высотах и с двух сторон от города, чтобы обстреливать мост и тем воспрепятствовать всякому наступательному движению. Наконец, и русская кавалерия вернулась в боевой порядок, справа от пехотных войск.

Сражение завязалось. Та и другая сторона билась с жаром, но невыгодное положение Дельзона было очевидно: он принимал на себя весь огонь русских, а сам отвечать на него не мог, так как неприятель был прикрыт скрывавшим его гребнем холма...

Ц. Ложье, Дневник офицера великой армии.

ОТСТУПЛЕНИЕ «ВЕЛИКОЙ АРМИИ» (НАПОЛЕОН И ЕГО ШТАБ).

С картины В. В. Верещагина.

ОТСТУПЛЕНИЕ НАПОЛЕОНА.
С картины Мейсонье.

...Наполеон, вступивший в Москву с 90 тысячами строевых солдат и 20 тысячами больных и раненых, выходя из нее, имел больше 100 тысяч здоровых солдат, оставив в Москве 1 200 раненых. Пребывание императора в Москве, несмотря на ежедневные потери, дало ему возможность предоставить отдых пехоте, пополнить провиант войска и увеличить свои силы на 10 тысяч человек. Кроме того, удалось часть раненых поместить в госпитале, а остальных заблаговременно вывезти из города. Но с первого же дня выступления Наполеон заметил, что его кавалерия и артиллерия едва волочили ноги.

Одно ужасное зрелище увеличило печальные предчувствия нашего вождя. Армия, еще накануне вышедшая из Москвы, двигалась без перерыва. В этой колонне, состоявшей из 140 тысяч человек и приблизительно 50 тысяч лошадей всех пород, 100 тысяч строевых солдат, шедших впереди в полном снаряжении с пушками и артиллерийскими повозками, еще могли напоминать своим видом прежних всемирных победителей, но что касается остальных, то они походили скорее на татарскую орду после удачного нашествия. На бесконечном расстоянии в три или четыре ряда тянулась спутанная вереница карет, фур, богатых экипажей и всевозможных повозок. Тут были и трофеи в виде русских, турецких и персидских знамен, и гигантский крест с колокольни Ивана Великого, и бородатые русские крестьяне, которые везли и несли нашу добычу, сами составляя часть ее; многие из наших собственноручно везли тачки, наполненные всем, что им удалось захватить; эти безумцы не хотели думать, что уже к вечеру им придется отказаться от своей непосильной ноши: охваченные бессмысленной жадностью, они забыли и о восьмистах лье пути и о предстоящих сражениях.

Особенно бросалась в глаза среди идущей в поход армии толпа людей всех национальностей, без формы, без оружия и слуг, громко ругавшихся на всех языках и подгонявших криками и ударами плохоньких лошадеенок, впряженных веревочной упряжью в элегантные экипажи, наполненные добычей, уцелевшей от пожара, или съестными припасами. В этих экипажах ехали также со своими детьми французские женщины, которые когда-то были счастливыми обительницами Москвы, а теперь убежали от ненависти москвичей, и армия являлась для них единственным убежищем.

Можно было подумать, что двигался какой-то караван кочевников или одна из армий древних времен, возвращавшаяся после великого нашествия с рабами и добычей.

...Большинство из них, пробираясь тропинками, рассыпалось по полям в надежде найти себе хлеба и убежище на ночь, но

еще при нашем наступательном движении по этой дороге все было опустошено на семь или на восемь лье в окружности; на встречу этим несчастным попадались лишь казаки да вооруженное население, которые окружали их, наносили им раны и, сняв с них одежды... заставляли их умирать на снегу.

...Наступила ночь, ночь, длившаяся шестнадцать часов! Но посреди этого снега, все покрывавшего, мы не знали, где остановиться, где сесть, где отдохнуть, где найти каких-нибудь корешков для пропитания и хворосту, чтобы развести костры. Мы постарались кое-как устроиться, но попрежнему бушевавший вихрь разметывал наши жалкие бивуаки. Ели, покрытые инеем, не поддавались огню; снежная метель гасила костры, а также наше мужество и наши силы...

Сегюр, Поход в Россию.

...Во время сражения привели одного пленного баварского капитана. Кутузов все еще сомневался, не Наполеон ли тут командует. Об этом начались расспросы капитану на немецком языке, на котором Кутузов объяснялся, как самый образованный немец. Капитан не знал имени главнокомандующего неприятельскими войсками, хотя видел его во время дела. Кутузов начал описывать приметы Наполеона. Когда капитан отзывался утвердительно, то Кутузов с видом явной боязни, обращаясь к стоявшим позади его, произносил: „C'est lui“. Когда же капитан сказал: „Nein, er ist sehr gross“, то лицо Кутузова прояснилось, и он с полной, наконец, уверенностью сказал: „Non, cela n'est pas lui“¹.

...Когда часу в пятом пополудни сделалось Кутузову известным о множестве захваченных пленных, пушек и обозов и, наконец, фургона Даву, где нашли и жезл его, Кутузов пришел в восторг. Это был один только случай, при котором я видел его, пустившегося в галоп на белом мекленбургском коне своем. Он подскочил к колонне Преображенского полка и вскричал «ура», которое повторилось из верной груди великанов. Остатки Даву уплелись кое-как...

А. А. Щербинин, Записки.

...Русские настигли наш авангард... около Воронова, они отбили у генерала Себастьяни часть его артиллерии и окружили короля вместе со всем авангардом. Осталась только часть диви-

¹ «Это он». — «Нет, он слишком высокого роста». — «Тогда, значит, это не он».

зии Фриана, под командой генерала Дюфура, проявившего в данном случае чудеса храбрости и находчивости. Русские генералы оказывали нам всевозможные любезности. Король послал генерала Дери сказать, что благодаря расположению русских ведетов его генеральная квартира была в опасности, тогда граф Кутузов попросил генерала Дери самому проехать по линии с его флигель-адъютантом и разместить русские ведеты, прося передать королю, что он сделает все, чтобы только доказать свою преданность и уважение его величеству.

Но как только появилась возможность вновь возобновить враждебные действия, он сейчас же захватил королевских конюхов под предлогом, что они перешли пограничную линию. Король рассердился и требовал выдачи своих людей, предупреждая, что в противном случае он будет считать перемирие нарушенным. Русские поймали его на слове и, не ответив ничего, атаковали его на другой же день. Стали говорить о нарушении слова, о гнусности этого поступка, но дело было сделано тонко, и русские выкинули с неаполитанским королем тот же маневр и даже на более законном основании, как он сам это сделал с принцем Ауершпергом на Дунайском мосту, перед битвой при Аустерлице.

Надо отдать справедливость неаполитанскому королю; он за несколько дней до этого предупреждал императора, что русская армия получает значительные подкрепления и что если она атакует его, то он не сможет удержаться; он говорил, что в его полку чувствовался недостаток всего, что солдаты и офицеры были утомлены и измучены; король даже предсказывал всевозможные несчастья, но император не поверил ему и не обратил никакого внимания на его слова...

Дедем, Мемуары.

...Когда французов погнали из России, тогда ходили все смотреть на партии пленных, как прежде на проходившие войска, стягивавшиеся к театру военных действий. Пленных пригоняли во множестве. И что за жалкие, изможденные, оборванные бедняки были эти грозные победители! К чести нашего доброго народа надо сказать, что он принимал их с состраданием, кормил их и прикрывал, чем мог, наготу их. Я уже не говорю о благородных семействах, которые теперь оказывали им помощь во всем, но и простой народ, с яростью ожидавший врага, с сожалением смотрел на побежденных, конечно, когда этот враг уже бежал без оглядки...

А. П. Беляев, Воспоминания декабриста.

Мы вышли на большую дорогу, верстах в 10 или 15 не доходя города¹, у монастыря, в который заехали. Монастырь был совсем разграблен; монахов в нем не было, но он был полон французов, мертвых и умирающих; смрад был ужасный.

Большая дорога была также устлана умирающими и трупами умерших французов; повсюду были разметаны брошенные пушки и фургоны без упряжи... По пути к Дорогобужу ехал я мимо бывшего неприятельского лагеря, где, кроме орудий и обозов, оставалось много больных. Они сидели в шалашах у огня и были похожи на мертвецов. Не будучи в силах двигаться, члены их горели по частям в огне, их согревавшем, и они, наконец, сами погибали в шалашах, загоравшихся от несмотря за огнем...

Не было пощады для врагов, ознаменовавших всякими неистовствами наше вступление в наше отечество, где ни молодость, ни красота, ни звание, ничего не было ими уважено. Женщины не могли избежать насилия и поругания. Рассказывали, что Фигнер застал однажды в церкви французов, загнавших в нее из окрестных селений баб и девок...

Все эти французы погибли на месте преступления, ибо Фигнер не велел ни одного из них миловать. В другой раз Фигнер настиг карету, в которой ехал польский офицер; с ним сидели две девицы, родные сестры, обе красавицы, дочери помещика, которого дом разграбили, а самого убили; дочерей же увезли и бесчестили. Фигнер остановил карету, вытащил изверга... Спутницы его были почти нагие; они плакали и благодарили своего избавителя. Фигнер снабдил их одеждою и возвратил в прежнее их жилище.

Из Смоленска тянулось несчетное множество отсталых, раненых и больных французов, на которых не обращали внимания, а только раздевали их догола, и они умирали от холода и голода перед нашими линиями...

...Была яма, в которой лежала давно издохшая лошадь с выгнившею уже внутренностью. К сей падали прилипло несколько мертвых, совершенно голых французов, которые влезли в яму, как видно было, грызли лошадь и не имели после силы оттуда выбраться. Не менее того около сей добычи толпились другие французы, которые также валились в яму и с жадностью раздирали зубами протухшие кишки лошади. Не имея силы вылезть из ямы, они оставались в ней и несли участь товарищей. Яма, наконец, закишела людьми, которые между собою дрались за кусок падали и, наевшись, засыпали вечным сном...

Н. Н. Муравьев, Записки.

¹ Дорогобуж — на большой Смоленской дороге. — *Прим. сост.*

С.-Петербург, 27 октября 1812 года.

...Знаю твое сердце, я уверен, что ты не о том, что потерял в Москве, а о самой Москве тужишь и о славе имени русского; но Москва снова возникнет из пепла, а в чувстве мщения найдем мы источник славы и будущего нашего величия. Ее развалины будут для нас залогом нашего искупления, нравственного и политического, и зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно осветит нам путь к Парижу. Это не пустые слова, но я в этом совершенно уверен, и события оправдают мою надежду. Война, сделавшись национальной, приняла теперь такой оборот, который должен кончиться торжеством севера и блистательным отомщением за бесполезные злодеяния и преступления южных варваров. Ошибки генералов наших и неопытность наша вести войну в недрах России, без истощения средств ее, могут более или менее отдалить минуту избавления и отражения удара на главу виновного; но постоянство и решительность правительства, готовность и благоразумие народа и патриотизм его, в котором он превзошел самих испанцев, ибо там многие покорялись Наполеону и составились партии в пользу его, а наши гибнут, гибнут часто в безызначности, для чего нужно более геройства, нежели на самом поле сражения; наконец, пример народов, уже покоренных, которые, покрывшись стыдом и бесславием, не только не отразили удара, но даже и не отерочили бедствий своих (ибо конскрипции съедают их, и они, участвуя во всех ужасах войны, не разделяют с французами славы завоевателей-разбойников). Все сие успокаивает нас насчет будущего, и если мы совершенно откажемся от эгоизма и решимся действовать для младших братьев и детей наших и в собственных настоящих делах видеть только одно отдаленное счастье грядущего поколения, то частные неудачи не остановят нас на нашем поприще.

Беспрестанные лишения и несчастья милых близких не погружат нас в совершенное отчаяние, и мы преднасладимся будущим и, по моему уверению, весьма близким воскресением нашего отечества. Близким почитаю я его потому, что нам досталось играть последний акт в европейской трагедии, после которой автор ее должен быть непременно освистан. Он лопнет или с досады или от бешенства зрителей, а за ним последует и вся труппа его. Сильное сие потрясение России освежит и подкрепит силы наши и принесет нам такую пользу, которой мы при начале войны совсем не ожидали. Напротив, мы страшились последствий от сей войны, совершенно противных тем, какие мы видим теперь...

...Будет время, мы свидимся, любезный друг, и на развалинах Москвы будем беседовать и вспоминать прошедшее; но, ко-

нечно, прежде должно приучить себя к мысли, что Москвы у нас почти нет, что сия святыня наша обругана, что она богата теперь одними историческими воспоминаниями. Но есть еще остатки древнего ее величия: мы будем с благоговением хранить их. Я также потерял много с Москвой; потерял невозвратное, например, все акты¹, грамоты, библиотеку; но еще, право, ни разу не жалел об этом, еще менее — о другом движимом имуществе и о большой подмосковной. Нажитое опять нажить можно. Лишь бы омыть стыд нашествия иноплемеников в крови их...

Какой народ! Какой патриотизм и какое благоразумие! Сколько примеров высокого чувства своего достоинства и неограниченной преданности и любви к отечеству...

Из письма А. И. Тургенева П. А. Вяземскому.

Когда я несколько поправился в здоровье, то, в намерении стыскать братьев, отпросился в отпуск в Москву². С чувством благоговения и горести увидел я развалины нашей старой Москвы. Я проезжал пустырями в тех местах, где прежде возвышались здания, и на сих пустырях торчали одни трубы сторевших строений. К этому времени собралось уже много обывателей, но они жили тесно, помещаясь в лачугах, кое-как ими построенных на зиму. Замоскворечья более не существовало; Кремль был как бы выворочен наизнанку: древние стены его во многих местах обрушены, церкви разорены. Мы, русские, могли гордиться развалинами нашей древней столицы, принесенной в жертву для спасения отечества.

С увлечением въехал я в уцелевший дом князя Урусова³, где стекалось так много воспоминаний из нашего юношества, и спешил все в нем осмотреть. В больших парадных комнатах помещался у французов госпиталь; стены были попорчены гвоздями, вколоченными для развешивания амуниции; мебель была поломана и вчистую ободрана. На образах домово́й церкви князя Урусова сделаны были похабные французские надписи. Из фамильных портретов, развешанных по стенам занимаемых нами комнат, только некоторые остались, и те были прорваны. Библиотека отца моего была растаскана, и сочинения разрознены; везде были видны следы грабежа и бесчинства, как бы после нашествия вандалов...

Н. Н. Муравьев, Записки.

¹ У Тургенева было большое собрание материалов по русской истории. — *Прим. сост.*

² В январе 1813 года.

³ В сем обширном доме, что на Большой Дмитровке, помещался несколько лет английский клуб. Дом этот, перешедший по наследству моему отцу, был им продан. — *Прим. Н. Н. Муравьева.*

...Нельзя вообразить себе те ужасные картины, которые развертывались перед нами по мере того, как мы подвигались от Калужских ворот к Москва-реке. Один только наш квартал от Калужской заставы до Калужских ворот уцелел от пожара (но не совсем от грабежа)... Таким образом, был пощажён Донской монастырь. Все, что видно было перед нами, сколько мог обнять глаз, было черно; высокие трубы домов торчали из груд развалин; пожаренные пожаром дома, закопченные снизу доверху высокие церкви были как бы подернуты крепом...несколько трупов людских и лошадиных были разбросаны по сторонам. Замоскворечье было нам мало знакомо, но тяжкое впечатление такого зрелища навело на всех нас глубокое молчание... Но как выразить то чувство, которое об'яло нас при виде Кремля! Когда мы в'ехали на Каменный мост, картина разрушения представлялась нам во всем ужасе... Мы всплеснули руками: Иван Великий без креста, как бы с разможенной золотой главою, стоял одинок не как храм, а как столб, потому что вся его великолепная боковая пристройка, с двумя куполами и с огромными колоколами, была взорвана и лежала в грудe. Когда мы проезжали ближе, то видели с набережной у подошвы его, там, где он соединялся с пристройкой, глубокую продольную трещину. Башня с Боровицкими воротами была взорвана, середина Кремлевской стены — также; и мы едва могли пробраться среди груды развалин. Грановитая палата, пожарная пламенем, стояла без крыши, с закоптелыми стенами и с полосами дыма, выходящими из окон. На куполах соборов многие листы были оторваны. Огибая Кремль по дороге к Василию блаженному, мы увидели, что угловая башня со стеной была взорвана. Спасские ворота с башней уцелели. Башня Никольских ворот, от верха вплоть до образного киота, была обрушена... Угловая стена, примыкавшая к этой башне, и арсенал, обращенный к бульвару (что теперь Кремлевский сад), были взорваны... С теми чувствами, как Неемия после плена Вавилонского об'езжал вокруг обрушенных стен Иерусалима, мы обозревали обрушенные стены Кремля.

Наполеон хотел бы всю местность ненавистной ему Москвы, сделавшуюся гробницей его славы, вспахать и посыпать солью...

А. С. Норов, Воспоминания.

Нижний, 26 ноября 1812 года.

...Как ни жаль Москвы, как ни жаль наших мирных жилищ и книг, обращенных в пепел¹, но слава богу, что отечество уце-

¹ В московском пожаре сгорела ценная библиотека Н. М. Карамзина.—
Прим. сост.

лело и что Наполеон бежит зайцем, пришедши тигром. Ты, любезнейший, удивляешься неосторожности москвитян; но отцы и деды наши умерли, а мы дожили почти до старости без помышления о том, чтобы неприятель мог добраться до святыни кремлевской; не хотелось думать, не хотелось трусить в собственных глазах своих. Все же уверяли, ободряли, клялись седыми волосами и пр... С нетерпением жду, чем закончится эта удивительная кампания...

Из писем Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву.

В е д о м о с т ь ¹

Сколько израсходовано денег на дрова	6.394 р.
и сколько сожжено мертвых тел	11.955
и лошадей	12.756

Бумаги Жукина.

№ 694. 2 декабря. Г-ну управляющему военным министерством князю Горчакову 1-му².

По предписанию вашего сиятельства командирован из Твери в Москву 2-го пионерного полка подполковник Афанасьев 2-й не только для осмотра и освидетельствования подкопов и мин, неприятелем в Кремле и разных частях города сделанных, но приступить к разражению оных, к чему и были по требованию его даны от меня ему все нужные пособия, но минувшего ноября 30-го дня г-н Афанасьев донес мне, что он по поверхности земли осмотрел все строения, находящиеся в Кремле, равно и взрывы, посредством мин неприятелем учиненные, делая разные опыты на первый случай, хотя не предвидит он Кремлю опасности от подобных взрывов; но, чтобы совершенно в том увериться, нужно очистить засорившиеся от взрывов подземные ходы не только под арсеналом, но и в других местах, если оные найдутся. Нужно также во многих местах делать перерывы и итти минами. А как работа сия есть трудная, требующая времени и привычных и искусных в оной работни-

¹ 14 ноября 1812 г. Александр предписал Московскому главнокомандующему сжечь трупы людей и лошадей, оставшиеся после бегства захватчиков из Москвы.

Исполнение этого Ростопчин поручил московскому обер-полицеймейстеру Ивашкину, который 13 апреля 1813 года представил по этому делу рапорт и ведомость о количестве сожженных трупов и израсходованных деньгах.— *Прим. сост.*

² Первое распоряжение Ростопчина, отданное им по возвращении в Москву. — *Прим. сост.*

ков, то для сего просит вытребовать сюда из Твери 2-го пионерного полка роту его имени.

Сообщая о сем вашему сиятельству, я покорнейше прошу вас, милостивый государь мой, предписать кому следует командировать в Москву оные роты. Впрочем с истинным почтением и преданностью имею честь быть...

Ф. Ростопчин.

*Из журнала исходящих бумаг канцелярии
московского главнокомандующего.*

...1812 года, декабря 24-го приехал я в Москву. Народу было уже много, но мест для жительства неоставало совершенно; лавок для торговли тоже не было, все сгорели, а по площадям были настроены временные, деревянные; также столики и рогожи заменяли Гостиный двор. Тут продавалось все нужное и ненужное, дурное и хорошее. Множество вещей хороших в это время купить было можно не за дорого, но уже все не так, как в октябре месяце, тотчас по выходе неприятеля: тогда рублевую вещь продавали по 5 копеек; опасались покупать, думали, что будут разыскивать, хозяева отберут купленное и станут преследовать судом; но как от правительства было опубликовано, что ни за какие вещи следствия не начинать, чьи бы они ни были и у кого бы ни находились, а кто владеет, тот им и хозяин, тогда все вдруг приняли цену близко настоящей.

В Кремль и тогда еще никого не пускали. Спасские ворота как были перерыты неприятелем в арке, срубом деревянным и землею, в него насыпанною, так и оставались; Никольские повреждены были от... взрыва арсенала... Взорванный арсенал представлял картину совершенного ужаса; на великое около него пространство кирпичи и камни покрывают улицы, особенно Моховую и Неглинную. Между грудями камней торчат огромные бревна, концами вверх; все это более чем на полвершка было покрыто седою пылью.

Боровицкая башня взорвана до самой подошвы, так что и следов ее не осталось; Кремлевская стена от Москва-реки также взорвана в двух местах, и от чрезмерной силы взрыва каменная мостовая и набережная дрогнули, часть плит и Грановитая палата стояли обгорелые и представляли болезненную для сердца картину; а Иван Великий стоял, как сирота, лишенный, подпор своих.

В каком виде тогда остались и были кремлевские соборы, я не видал; но рассказывают ужасы ужасов, от которых сердце обливается кровью. Что же касается прочих храмов, то, кроме всеобщего их поругания, самовидцы рассказывают такие анекдоты, которые благоразумие и благопристойность поведуют,

со слезами горести, сокрыть в глубине сердца. Замоскворечье все было выжжено и, кроме церквей, представляло гладкое поле, покрытое пеплом и развалинами. Воздух во всей Москве был смраден и душен.

Все время народ толпился еще только около Кремля, а по прочим местам везде было пусто, и было небезопасно вечером и ночью. Страшные и сопредельные лица московских жителей, проживавших с неприятелем в Москве, были еще разительнее от противоположности с вновь приехавшими из бегства гражданами Москвы, которые во время наступившей зимы помещались в подвалах и погребах, уцелевших от пожара и разрушения: дома от сильного жара большею частью были повреждены, а другие и совсем разрушились...

М. Маракуев, Записки ростовца.

...Вообрази: теперь открывается, что величайшие неистовства совершены были в Москве немцами и поляками, а не французами. Так говорят очевидцы, бывшие в Москве в течение шести ужасных недель...

31 декабря 1812 года.

Из писем М. А. Волковой В. И. Ланской.

...Главная квартира заняла Красное. Милорадович поставлен был поперек дороги, лицом к Смоленску.

...В туманное утро, при 2—3 градусах мороза... корпус Нея и набрел на картечь милорадовичевых батарей. Это было не сражение, а истребление неприятельских колонн артиллерийским огнем. Других усилий не было. Полагали, что остатки Нея должны сдаться, и потому задолго до сумерек прекратили канонаду, отняв множество орудий...

А. А. Щербинин, Записки.

...При окончании сражения под Красным представили покойному князю Голенищеву-Кутузову-Смоленскому четыре отбитых французских орла и несколько других значков. Он тотчас, сев на лошадь, с своим штабом и в сопровождении сих трофеев, поехал вдоль по линии наших бивуаков; солдаты, стоя в рядах, душевно радовались на сию похищенную у неприятелей славу и восклицали громогласно радостное для нас и ужасное для врагов «ура».

Князь был встречен при бивуаках л.-гв. Семеновского полка тогдашним гвардии начальником... Лавровым, который просил

князя на чашку чая. Старец сошел с лошади, сел на походный стул и, рассматривая знамена, привешенные к орлам французским, он на них прочитал: Ульм, Острелиц.

«Вот имя, — сказал он, — которого я терпеть не могу, но впрочем умываю в этом руки, я этого сражения никогда не хотел», потом вынул из-за пазухи бумажку и начал всем предстоящим читать полученную им басню г. Крылова «Волк на псарне». Когда же дошло до стиха «Ты сер, а я, приятель, сед», то князь, приподняв свою фуражку, всем показал почтенное свое чело, украшенное сединами, следственно и опытностью, — сие знаменитое вместилище столь великих дум и замыслов ко спасению отечества!

А. Н. Оленин, Из тетради.

...Император прибыл в армию лишь после перехода через Березину. Александр и в особенности его брат Константин, фельдфебель по натуре... были сильно шокированы внешним видом армии, совсем не соответствовавшим уставу, на что в то время обращалось главное внимание. Обыкновенно одежда русского солдата рассчитывалась только для парадов, в походе же он нес на себе большую часть амуниции — кожаные сапоги, брюки, гренадерский султан и т. п. Война же должна была сильно изменить эту одежду. На границе она была приспособлена к утомительным, длинным переходам и к суровости климата и была очень похожа на простую одежду крестьян. Видя проходящий церемониальным маршем пехотный гвардейский стрелковый полк, покрытый славой, Константин возмущился видом солдат; более же всего ему не понравилась толстая и грубая обувь. Он высказал сильное неудовольствие на неправильность строя и вскричал с досадой: «Эти люди умеют только драться!»

В его устах это была горькая критика...

Н. И. Тургенев, Россия и русские.

...Армия Кутузова в это время подвигалась по пути к Смоленску. Солдаты русские, привыкшие к холоду и снабженные в изобилии как съестными припасами, так и военной амуницией, встречали на каждом шагу печальные следы нашего отчаянного отступления. Хотя они и отступали перед французскими войсками во всех главных сражениях этой кампании, но зато теперь они пользовались всеми преимуществами победы; мы, побеждавшие их под Смоленском, Бородиным, Полоцком и при Малоярославце, отступали теперь перед ними. Во французской армии между тем стали все чаще проявляться печальные симп-

томы полной дезорганизации. Приказы самого императора, благодаря тому что необычность обстоятельств позволяла истолковывать их с некоторыми оговорками, теперь совершенно перестали пунктуально исполняться. Так было, например, когда Барраге д'Илье не исполнил во-время предписанного ему отступления и две тысячи человек из его дивизии, будучи окружены со всех сторон отрядами русских партизанов, принуждены были сложить оружие.

...14 декабря во всей французской армии нельзя было никак насчитать более четырех сотен пехоты, представленной инфантерией старой гвардии, да шестисот человек кавалерии, включая уже в это число и те отряды, которые присоединились к ней в это время. Целые корпуса армии были сплошь и рядом представлены одними лишь их знаменами под эскортом нескольких человек офицеров и унтер-офицеров; вся артиллерия сводилась к девяти пушкам, которые удалось увезти из города Ковно.

Увидя снова французскую армию, пруссаки приняли ее сперва за передовые отряды, вслед за которыми, по их мнению, должны были показаться главные силы французов, но когда вскоре они убедились в своей ошибке, то совершенно перестали скрывать свою ненависть, которую они никогда не переставали питать против французов. Одним из первых проявлений этой ненависти явилось отпадение прусского генерала Иорка, которое, так сказать, довершило наши невзгоды и отняло у нас последнюю надежду оправиться от них.

Так-то закончилась эта достопаечальная кампания 1812 года. Россия была спасена, и ее ответный удар должен был вскоре поколебать колоссальное здание наполеоновского могущества...

И. Руа, Французы в России.

...Французская армия перестала существовать, а вся кампания завершилась полным успехом русских, за исключением того, что им не удалось взять в плен самого Наполеона и его ближайших сотрудников. Неужели же в этом не было ни малейшей заслуги русской армии? Такое суждение было бы крайне несправедливо.

Никогда преследование неприятеля в большом масштабе не велось так энергично и с таким напряжением сил, как в эту кампанию. Правда, русские генералы часто проявляли нерешительность в то самое мгновение, когда следовало захватить бегущих, но все же заслуживает удивления энергия общего натиска при огромном масштабе фронта. В ноябре и декабре, после крайне тяжелой, напряженной кампании, среди снегов и льдов России, то по плохим проселочным дорогам, то по совер-

шенно опустошенной большой дороге, при крупнейших продовольственных затруднениях, преследовать бегущего неприятеля на расстоянии 120 миль в течение 50 дней представляет собой, пожалуй, нечто беспрецедентное; чтобы вкратце очертить огромный масштаб требовавшегося напряжения, достаточно будет указать на то, что главная русская армия, выступившая из Тарутина в числе 110 тысяч человек, дошла до Вильно в составе 40 тысяч. Остальные 70 тысяч остались позади: умершие, раненые, больные или окончательно истощенные. Такое напряжение делает великую честь князю Кутузову.

К. Клаузевиц, 1812 год.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Нижний, 17 февраля 1813 года.

...Состояние крестьян жалкое: у меня нет духа требовать с них полного оброка, хотя и весьма умеренного... Будущее также неясно. Долго ли станем воевать? Чего еще потребуется от нас и крестьян для славы и безопасности России?..

Из письма Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву.

...Пребывание целый год в Германии и потом несколько месяцев в Париже не могло не изменить воззрения хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи: при такой огромной обстановке каждый из нас сколько-нибудь вырос.

Из Франции в 14-м году мы возвратились морем в Россию. Первая гвардейская дивизия была высажена у Ораниенбаума и слушала благодарственный молебен, который служил обер-священник Державин. Во время молебствия полиция нещадно била народ, пытавшийся приблизиться к выстроенному войску. Это произвело на нас первое неблагоприятное впечатление по возвращении в отечество. Я получил позволение уехать в Петербург и ожидать там полк. Остановившись у однополчанина Толстого (теперь сенатора), мы отправились вместе с ним во фраках взглянуть на первую гвардейскую дивизию, вступающую в столицу. Для ознаменования великого этого дня были выстроены на скорую руку у Петергофского въезда ворота и на них поставлены шесть алебастровых лошадей, знаменующих

шесть гвардейских полков первой дивизии. Толстой и я, мы стояли недалеко от золотой кареты, в которой сидела императрица Мария Федоровна с великой княжной Анной Павловной. Наконец, показался император, предводительствующий гвардейской дивизией, на славном рыжем коне, с обнаженной шпагой, которую он уже готов был опустить перед императрицей. Мы им любовались; но в самую ту минуту, почти перед его лошадью, перебежал через улицу мужик. Император дал шпоры своей лошади и бросился на бегущего с обнаженной шпагой. Полиция приняла мужика в палки. Мы не верили собственным глазам и отвернулись, стыдясь за любимого нами царя... В 14-м году существование молодежи в Петербурге было томиительно. В продолжение двух лет мы имели перед глазами великие события, решившие судьбы народов, и некоторым образом участвовали в них; теперь было невыносимо смотреть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариков, выхваляющих все старое и порицающих всякое движение вперед. Мы ушли от них за 100 лет вперед...

И. Д. Якушкин, Записки.

...Во время войны 1812 года произошло одно обстоятельство, которое всячески старались забыть. Вот оно: при появлении врага деревни поднимались добровольно, и крестьяне повсюду вели партизанскую войну, сражаясь с удивительной храбростью. После бегства врага они вполне справедливо думали, что заслужили себе свободу геройским сопротивлением, опасностями, которым подвергались, и перенесенными лишениями для общего избавления. Поэтому во многих местах они не хотели больше признавать власти своих господ... Правительство, местные власти и помещики вели себя при этом очень осторожно; вместо того, чтобы прибегать к насилию, этому единственному аргументу крепостников, они воздерживались, откладывая до более благоприятных обстоятельств возвращение своих прав. Может быть, отчасти им мешала совесть поступить сурово с людьми, принесшими такие великие жертвы своей родине. Спустя долгое время, когда первое волнение крестьян улеглось само собой и когда административная машина заработала правильно, все вернулись к обычному порядку, к сожалению, похожему на царивший в Варшаве после последнего польского восстания. Если бы русская армия глубже пропиталась элементами прогресса, зачатки которых она проявляла, то, быть может, попытка освобождения последовала не только со стороны одних крестьян, — так русский народ был проникнут чувством своей силы и достоинства.

...Я возвратился в Россию в конце 1816 года. Толчок, данный умам только что совершившимися событиями, или скорее волнение, произведенное ими, были очевидны. Со времени возвращения русских войск либеральные идеи усиленно распространялись в России. Кроме регулярных войск, за границей была и масса ратников из различных слоев общества; по переходе границы они распускались по домам и там рассказывали виденное в Европе; но сами события действовали сильнее рассказов и были лучшей пропагандой. Это новое настроение умов проявилось главным образом в местах сосредоточения военных сил и прежде всего в Петербурге — центре событий, имевшем громадный гарнизон отборных войск.

В деспотической стране, как Россия, где пресса задушена цензурой, судить об общественном мнении можно только из разговоров, знания фактов или из рукописной литературы, которая была распространена во Франции до 1789 года в форме новелл и песен. Эта подпольная литература, замечательная по силе эпитаграмм и высоте политического вдохновения, показывала господствующее направление умов в России. Эти небольшие произведения, неизвестные до тех пор, верно определяют дни своего появления как эпоху, полную надежд, здорового смысла и размышления. Легальная пресса также примкнула к этому умственному движению; в ее серьезных сочинениях рассматривались недоступные до сих пор для публики предметы. Периодическая печать сильно интересовалась происходившим за границей и особенно во Франции, где пытались создать новые учреждения, так что имена ее знаменитых публицистов были так же популярны в России, как и в своем отечестве, и даже русские военные, позабыв павшего военного гения, вполне освоились с именами Бенжамена Констана и других ораторов и писателей, руководивших тогда политическим воспитанием европейского континента.

Люди, не бывшие несколько лет в Петербурге, по возвращении чрезвычайно удивлялись переменам, происшедшим в образе жизни, разговорах и действиях молодежи этой столицы: казалось, она проснулась для того, чтобы зажечь новой жизнью, чтобы воспринять в себя все благородное и чистое из нравственной и политической области; свободой и смелостью своих выражений привлекали внимание главным образом гвардейские офицеры, мало заботившиеся о том, говорят ли они в общественном месте или в салоне — перед своими единомышленниками или перед врагами. О шпионстве, которое в то время было незначительно и почти незнакомо, никто и не думал...

ПЛЕННЫЕ ФРАНЦУЗЫ.
С картины И. М. Прянишникова.

У КАЛУЖСКИХ ВОРОТ В МОСКВЕ 19 (31) ОКТЯБРЯ 1812 ГОДА.

С масляной картины французского художника. Фабер дю Фор.

(Ни заставных каменных столбов, ни заставных домов у теперешней Калужской заставы не сохранилось.)

...В 1812 году нужны были невероятные усилия; народ радостно все нес в жертву для спасения отечества. Война кончена благополучно; монарх, украшенный славой, возвратился, Европа склонилась перед ним колена; но народ, давший возможность к славе, получил ли какую льготу? Нет! В мирное время налоги еще увеличились...

П. Г. Каховский, Письмо Николаю I.

Неудачная война 1807 года и другие много стоящие расстроили финансы... Наконец, Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России. Правительство само произнесло слова: «Свобода, освобождение!» Само рассеивало сочинения о злоупотреблениях власти Наполеона, и клик русского монарха огласил берега Рейна и Сены. Еще война длилась, когда ратники, возвратясь в дома, первые разнесли ропот в классе народа. «Мы проливали кровь, — говорили они, — а нас опять заставляют потеть на барщине! Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа!» Войска от генералов до солдат, пришедши назад, только и толковали, как хорошо в чужих землях. Сравнение со своим естественно произвело вопрос: почему же не так у нас?..

А. А. Бестужев, Письмо Николаю I.

НАРОДНОЕ
ТВОРЧЕСТВО
и
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

П Е С Н Ь

к русским воинам, написанная отставным из Фанагорийского гренадерского полка солдатом Никанором Остафьевым июля 5 дня, 1812.

Братцы! Грудью послужите,
Гряньте бодро на врага,
И вселенной докажите,
Сколько Русь нам дорога!

Посмотрите, подступает
К нам соломенный народ;
Бонапарте выпускает
Разных наций хилый сброд.
Не в одной они все вере,
С принуждением все идут;
При чувствительной потере
На него же нападут.

Братцы! Грудью послужите,
Гряньте бодро на врага,
И вселенной докажите,
Сколько Русь нам дорога!

Всем, наверно, дал он слово,
Что далеко к нам зайдет;
Знает, дома нездорово,
Дома также пропадет.
Мыслит: коль пришла невзгода,
Должно славу потерять,
Так от русского народа
Мне и смерть честней принять.

Братцы! Грудью послужите,
Гряньте бодро на врага,
И вселенной докажите,
Сколько Русь нам дорога!

Вся Европа ожидает
Сей гибели его;
Бонапарта почитает
За злодея своего.
Ах, когда слух разнесется,
Что от нас сей враг исчез,
Слава русских вознесется
До превыспренных небес!

Вологда.

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЬ

в память князя Кутузова-Смоленского

Что, солдатушки, что кручинны так?
Не беда ли вам от злодейских рук?
Уж не дрогнуло ль сердце русское,
Сердце русское, богатырское?
Не ослабли ли руки крепкие?
Не колыхнулся ль ваш булатный штык?
Как промолвили все солдатушки:
Не бывать тому, чтоб злодей сломил!
Не дрожать сердцу русскому, богатырскому!
А печаль, тоска, горе лютое
От очей, как ночь, гонит белый свет.
Ах! Не солнышко закатилось,
Не светел месяц тучей кроется;
Как от нас ли, от солдатушек,
Отошел наш батюшка, Кутузов князь!
Не за горы, за высокие,
Отошел он от нас в мать сыру землю.
Ах, не темный бор завыл, зашумел,
Разрыдалось, слезно всплакало
Войско русское, христианское!
Как не плакать нам, не кручиниться?
Нет отца у нас, нет Кутузова!
Как, бывало, нам он возговорит:
Вы ли русские, добры воины...
Вы припомните приказание,
Приказание богатырское,
Как Суворов шел по крутым горам,
Как он войско вел по темным облакам;
Он солдатушкам завет завещал:
Вы, солдатушки земли русские,

Вы не бойтесь ни злодеев злых,
И ни холоду, и ни голоду¹.
Разгорелися все солдатушки,
Как он, батюшка, дал приказ такой.
А как кланялся он солдатушкам,
Как показывал седины свои,
Мы, солдатушки, в один голос все
Прокричим: ура! ура! с нами бог!
И идем в поход припеваючи.
Ах! И зимушка не знобила нас,
И бесхлебица не кручинила;
Только думали, как злодеев гнать
Из родимые земли русские...
Побежал злодей неоглядкою,
Побежал злодей со злодеями.
Мы за ним вслед... и бить некого!

Село Загорье.

ИСПОВЕДЬ НАПОЛЕОНА ФРАНЦУЗАМ

Русский перевод хвастливых наполеоновых бюллетеней
или военных известий

Я винюсь и признаюсь,
Что полка все растерял
И что второпях я мчуся
Чтоб в просак сам не попал!

Растерял я пушки, войски,
Нет и конницы со мной;
Но поверьте, что геройски
Я поход окончил мой.

Через Неман осторожно
Тучи войска перевел;
Говорили: то безбожно!
Я смеялся и летел.

Занял Вильну; за Двиною
Очутился, как бы тут;
Я сказал: и за Окою
Мне венки побед плетут!

¹ Слова князя Кутузова из приказа, изданного вскоре после поражения врагов под Малоярославцем. — Прим. сост.

От Двины шагнул к Смоленску,
Стал смирнее течь и Днепр;
Много было шуму, треску:
Но где я — там все лишь ветер!

Скоро сказка говорится:
Дело сделал я скорей;
Я шагнул.. Москва мне зрится!
Ну, ребята! удалей!

Бородинская потеха,
Правда, жарким днем была;
Но французам что помеха?
Хмелем трусость их прошла.

Страшен стал для нас Кутузов,
Я умел перехитрить;
Весь мой сброд и всех французов
Зельем я давай поить.

Будто лист перед травой,
Точно так и я, друзья!
Очутился под Москвою:
Зомутилась мысль моя!

Думал: «Тут-то пир горюю,
Голь мою тут разряжу;
И, владея над Москвою,
Всю Россию я свяжу».

Но погудка мне иная!
Ростопчин так все смекнул,
Что пришла мне доля злая;
В ус с досады я подул!

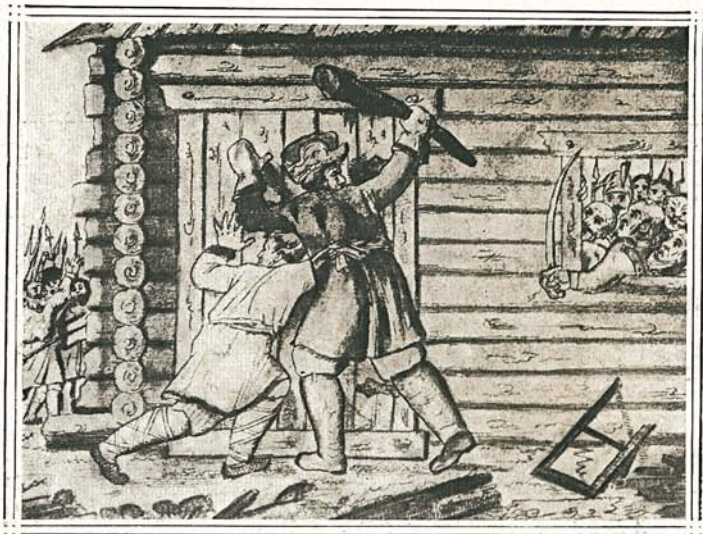
Кое-как приосанился,
Голь мою чтоб ободрить,
В разны замыслы пустился,
Начал все кутить, мутить.

Но Тарутино лихое
Стало новой западней;
Бородинска треску вдвое
Тише было мне, но злей!

Как в Москве ни умудрялся,
Все я делал невпопад!
Чем пришел, скорей убрался;
Но и тут попал не в лад...

РАТНИКЪ ГВОЗДИЛА И МИЛИЦЕЙСКІЙ ДОЛБИЛА.
Первая народная картинка—лубокъ.

КРЕСТЬЯНЕ ЗАПЕРЛИ ИНОЗЕМНЫХ СОЛДАТ В ДОМЕ.
Народная картинка.

РУССКИЙ ГЕРКУЛЕС.

Народная картинка.

«Русский геркулес
загнал французов в лес
и давит как мух».

Русские за мной бежали;
Я от них давай бежать:
Так они меня прижали,
Что не ведал, что начать.

Наконец, рассудком здравым
Я в Париж направил бег;
И, чтоб быть пред вами правым,
Я один летел на спех.

Ничего хотя с собою
К вам, друзья, я не принес;
Прав я!.. Надо мною
Русский подшутил мороз!

СОВЕТ РУССКОГО ФРАНЦУЗАМ

Народная песня

Чу!.. и к нам уж налетела
Иноземна саранча!
Иль отведать захотела
Богатырского плеча?
Черный гад на Русь святую
Наглу лапу протянул:
Вот затеял мысль шальную,
Будто лишнее хлебнул.

С нашей матушкой-Москвою
Оглядайся, да шути:
К нам пришедши с головою,
Не утащишь и пяты.
Русский рук не пожалеет:
Так те хватит по горбу,
Инда свет затуманеет,
Будь хоть семь пядей во лбу.

Кожи, рожи не оставит,
Кости, как в мешке, стряхнет;
Словно гадину раздавит,
Иль, как луковку, сожмет;
Небо с'ежится в овчину,
Искры вылетят из глаз,
Коль русак, взмахнув дубину,
Треуха тебе задаст.

Так послушайся-ж совету:
Слома голову беги,
А чтоб не было в примету,
Кучу глупостей налги.
Зло оставь — твори благое,
И Европы не тряси;
Помни времечко худое,
Как бывал ты на Руси.

НОЧЬ ТЕМНА БЫЛА

Солдатская песня 1812 года

(Сложена в лагере Кутузова при Тарутине в 1812 году)

Ночь темна была и не месячна,
Рать скучна была и не радостна:
Все солдатухи призадумались.
Призадумавшись, — горько всплакали,
Велико чудо совершилося.
У солдат слезы градом сыпались!
Не люта змея, кровожадная
Грудь сосала их богатырскую,
Что тоска грызла ретивы сердца,
Ретивы сердца, молодецкие;
Не отцов родных оплакивали,
И не жен младых и не детушек;
Как оплакивали мать родимую,
Мать родимую, мать-кормилицу,
Златоглавую Москву-матушку,
Разоренную Бонапартием!
Тут, как вдруг они встрепенулися,
Словно вихрь, орлы взор окинули
Во все стороны и воскликнули
Все в один голос, как в злату трубу:
Молодцы, братцы, удалы друзья,
Неизменные чада русские!
Что дадим, братцы, клятву кровную,
Клятву кровную, задушевную,
Чтоб не взвидеть нам ни домов своих,
Ни отцов родных, ни младых нам жен,
Малых детушек, роду племени,
Ни самой души красной девицы,
Не побив силы бонапартовой,
Не отмстив врагу за родну Москву!
Отсечем ему мы возвратный путь,

И мы примемся по-старинному,
По-старинному, по-суворовски;
Закричим: ура, и пойдем вперед!
На штыках пройдем силы вражие,
Перебьем мы их, переколем всех...
Не дадим, друзья, люта промаху,
Постараемся все, ребяташки,
Чтобы сам злодей на штыке погиб,
Чтоб вся рать его здесь костями легла,
Ни одна б душа иноверная
Не пришла назад в свою сторону!
А народы все матерой земли,
Чтоб поведали, каково итти
Со оружием во святую Русь!..

ХОТЬ МОСКВА В РУКАХ ФРАНЦУЗОВ

Солдатская песня 1812 года

(Сложена в лагере Кутузова при Тарутине)

1.

Хоть Москва в руках французов,
Это, братцы, не беда:
Наш фельдмаршал, князь Кутузов,
Их на смерть впустил сюда!

2.

Вспомним, братцы, что поляки
Встарь бывали также в ней;
Но не жирны кулебяки —
Ели кошек и мышей!

3.

Свету целому известно,
Как платили мы долги;
И теперь получают честно
За Москву платеж враги.

4.

Побывать в столице — слава,
Но умеем мы отмщать:
Знает крепко то Варшава,
И Париж то будет знать!

КАЗАЦКАЯ ПЕСНЯ 1812 ГОДА

(Песня эта была сложена сейчас же после Бородинского боя
среди казаков Платова)

Храбрые казаки
В деле удалцы,
Гнаться ль, биться ль в драке —
Прямо молодцы!

Неприятель в поле
У них не зевай,
А наш брат по воле
С ними отдыхай.

На коня взлетая,
Тронет удила, —
Жизнь, как наживная,
Ни по чем пошла.

Всюду: в ров с утесу,
На утес из рва,
По воле, по лесу —
Сорви-голова.

Вспомни-кась: бывало
За двадцать годов,
Уж давно пугало
Имя казаков.

Да, мусье и паны
Лучше всех других
Помнят их арканы
И нагайки их.

Что казак им русский
Был не по руке —
Свидетель — французский
Глагол казак!

Храбрые казаки
В деле удалцы,
Гнаться ль, биться ль в драке —
Прямо молодцы!

РАЗОРЕННАЯ МОЯ ПУТЬ-ДОРОЖКА

Песня 1812 года Можайского и Звенигородского уездов

(Песня эта сложена крестьянами-зеленщиками в 1812 году и долгое время спустя после ухода из России французов была любимой в деревнях Можайского и Звенигородского уездов)

1.

Разоренная моя путь-дорожка
Ой-да с Можая, ой-да до Москвы...

2.

Уж и кто эту путь-дорожку,
Уж и кто ее ой-да разорил?

3.

Уж и враг по этой путь-дорожке,
Уж и враг шел до самой Москвы,

4.

Разоренная Белокаменная!
Огнем спалена, ой-да опалена!

5.

Кровью питана моя путь-дорожка,
Ой-да кровью питана!

ПОСЛОВИЦЫ РУССКОГО НАРОДА

Ототрелся в Москве, да замерз на Березине.

Был не опален (*Наполеон*), а из Москвы вышел опален.

Хотел с Москвы сапоги снести, а рад с Москвы голову унести.

Пошел по шерсть, а воротился стриженный.

Наступил на землю русскую, да оступился.

От бородинской пушки под Москвой земля дрожала.

В Бородинском полку носят шапки на боку.

Голодный француз и вороне рад.

Пуганый француз и от козы бежит.

На французa и вилы ружье.

Докалывай французa вилами.

На латника по ратнику (1812 год).

Летит гусь на святую Русь (*Наполеон*).

Раскидал кости свои на чужбине, как француз.

Из сборника В. Даля «Пословицы русского народа».

* * *

Гори Москва, но живи Россия.

Москва из Москвы пошла.

Москва в поход пошла, — (*говорили в народе перед вступлением Наполеона в Москву*).

Приедет Кутузов бить французов.

Мы по старинному обычаю попотчевали Бонапарта жаркой баней, истопили для его французского величества Кремль.

Мы гостей не звали, а постели им постлали.

Видно, они (*франгузы*) сманжетили всех крыс и мышей¹.

Галки и вороны — городская дичь.

Из книги С. Любецкого «Москва в 1812 году».

¹ От manger — есть.

А. С. П У Ш К И Н

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

(Отрывок)

XXXVI

...Но вот уж близко. Перед ними
Уж белокаменной Москвы,
Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.
Ах, братцы! Как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

XXXVII

Вот, окружен своей дубравой,
Петровский замок. Мрачно он
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар, —
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.
Отселе, в думу погружен,
Глядел на грозный пламень он.

К ТЕНИ ПОЛКОВОДЦА¹

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой...
Все спит кругом; одне лампы

¹ Стихотворение посвящено М. И. Кутузову. — Прим. ред.

Во мраке храма золотят
Столбов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатериненских орлов.

В твоём гробу восторг живет!
Оп Русский глас нам издает;
Он нам твердит о той године,
Когда народный веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди. спасай!» Ты встал — и спас...

ПОЛКОВОДЕЦ

У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится под стеклом;
Но сверху до низу, во всю длину, кругом,
Своею кистью свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстроокий.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадон,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
Ни плясок, ни охот, — а все плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года,
Нередко медленно меж ними я брежу,
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики,
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главою лавровой.

Крестьянин увозит у французов пушку в Руской лагерь, между тем как они, оставивши
оную на поле, бросились в деревню за контрибуциею

из дерев. Сельск. Остатков 1812 г. 10. 10. 1812

Ив. Тербенева

«Крестьянин увозит у французов пушку в Руской лагерь, между тем как они, оставивши оную на поле, бросились в деревню за контрибуциею»,

Гравюра художника Ив. Тербенева 1812 года.

ТВЕРДОСТЬ РУСКАГО КРЕСТЬЯНИНА.

Будь крестьяне, кудре драхмы свои нажитки!
Ах, несладкий разговор слышит.

«ТВЕРДОСТЬ РУСКАГО КРЕСТЬЯНИНА».

С русской гравюры художника Ив. Терещенкова.

Но в сей толпе суровой
Один меня влечет всех больше. С думой новой
Всегда останавлиюсь пред ним и не свожу
С него моих очей. Чем долее гляжу,
Тем более томим я грустию тяжелой.

Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом — густая мгла;
За ним — военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой.
Свою ли точно мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил.
Или, невольное то было вдохновенье, —
Но Доу дал ему такое выраженье.

О, вождь несчастливый! Суров был жребий твой:
Все в жертву ты принес земле тебе чужой!
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчаньи шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоём звук чуждый не влюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою,
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...
И долго, укреплен могущим убежденьем,
Ты был неколебим пред общим заблужденьем;
И на полу-пути был должен, наконец,
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманный глубоко, —
И в полковых рядах сокрыться одиноко.
Там, устарелый вождь, как ратник молодой,
Свинца веселый свист заслышавши впервой,
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти, —
Вотще!

.....

О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!

Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколеньи
Поэта приведет в восторг и в умиленье!

Объяснение А. С. Пушкина по поводу
стихотворения «Полководец»
(«Современник» 1836 г., ч. IX)

Одно стихотворение, напечатанное в моем журнале, навлекло на меня обвинение, в котором долгом полагаю оправдаться. Это стихотворение заключает в себе несколько грустных размышлений о заслуженном полководце, который в великий 1812 год прошел первую половину поприща, и взяв на свою долю все невзгоды отступления, всю ответственность за неизбежные урны, предоставя своему бессмертному преемнику славу отпора, побед и полного торжества. Я не мог подумать, чтобы тут можно было увидеть намерение оскорбить чувство народной гордости и старание унижить священную славу Кутузова; однако-ж, меня в этом обвинили...

Неужели должны мы быть неблагодарны к заслугам Барклая-де-Толли потому, что Кутузов велик? Ужели, после 25-летнего безмолвия поэзии не позволено произнести его имени с участием и умилением? Вы упрекаете стихотворца в несправедливости его жалоб; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оценены, награждены. Так, но кем и когда?.. Конечно не народом, и не в 1812 году. Минута, когда Барклай принужден был уступить начальство над войсками, была радостна для России, но тем не менее тяжела для его стоического сердца. Его отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым: не только роптал народ, ожесточенный и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его и почти в глаза называли изменником. Барклай, не внушающий доверенности войску ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злоречием, но убежденный в самого себя, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом.

Слава Кутузова не имеет нужды в похвале чьей бы то ни было, а мнение стихотворца не может ни возвысить, ни унижить того, кто низложил Наполеона и вознес Россию на ту ступень, на которой она явилась в 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда в смиренной хвале моей вождю, забытому Жуковским, соотечественники мои могли подозревать низкую и преступную сатиру—на того, кто некогда внушил мне следующие стихи, конечно недостойные великой тени, но искренние и излинные из души: «Перед гробницею святой»...

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

БОРОДИНО

Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,

Французу отдана?

Ведь были-ж схватки боевые?
Да, говорят, еще какие!
Не даром помнит вся Россия

Про день Бородина!»

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:

Богатыри — не вы!

Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,

Не отдали-б Москвы;

Мы долго, молча, отступали,
Досадно было, боя ждали,

Ворчали старики:

«Что-ж мы? На зимние квартиры?
Не смеют что-ли командиры
Чужие изорвать мундиры

О русские штыки?»

И вот нашли большое поле;
Есть разгуляться где на воле!

Построили редут.

У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки

Французы тут-как-тут.

Забил снаряд я в пушку туго,
И думал: угощу я друга!

Постой-ка, брат мусью!

Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоем мы головою

За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке
Что толку в этакой безделке?

Мы ждали третий день.

Повсюду стали слышны речи;
«Пора добратся до картечи!»
И вот на поле грозной сечи

Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,

Как ликовал француз.

Но тих был наш бивак открытый;
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,

Кусая длинный ус.

И только небо засветилось —
Все шумно вдруг зашевелилось,

Сверкнул за строем строй.

Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,

Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва-ль за нами?

Умремте-ж под Москвой,

Как наши братья умирали!»

И умереть мы обещали,

И клятву верности сдержали

Мы в Бородинский бой.

Ну-ж был денек!.. Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,

И все на наш редут.

Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами —
Все промелькнули перед нами,

Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамени, как тени,

В дыму огонь блестел,

Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый
Наш рукопашный бой!..

Земля тряслась, как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...

Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы!

Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Когда-б на то не божья воля,
Не отдали-б Москвы!

МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ

Москва, Москва!.. люблю тебя, как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин,
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою, — и обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришелец: ты вздрогнул, — он упал!
Вселенная замолкла... Величавый,

Один ты жив, наследник нашей славы!
Ты жив! Ты жив, и каждый камень твой —
Заветное преданье поколений.
Бывало, я у башни угловой
Сижу в тени, и солнца луч осенний
Играет с мохом в трещине сырой;
И из гнезда, покрытого карнизом,
Касатки вылетают, верхом, низом
Кружатся, вьются, чуждые людей.
И я, так полный волею страстей,
Завидовал их жизни безызвестной,
Как упование вольной, поднебесной...

Д Ж. Б А Й Р О Н

ПОЖАР МОСКВЫ 1812 ГОДА

Вот башни полудикие Москвы
Перед тобой в венцах из золота
Горят на солнце... Но увы!
То солнце твоего заката.
Москва — побед твоих предел!
Чтоб увидеть верхи ее золотые,
Суровый Карл лил слезы ледяные,
И тщетно! — Ты ее узрел.
И что ж увидел ты? Ее дворцы и храмы, —
Все рушилось, все пожирало пламя!
Кто ж раскалил пожар жестокий в ней?
Свой порох отдали солдаты,
Солому с кровли нес своей
Мужик, товар свой дал купец богатый,
Свои палаты каменные — князь,
И вот Москва отсюда занялась!
Вулкан великий, несравненный,
Единственный во всей вселенной!
Перед огнем ужасным тем
И Этна с Геклой кажутся ничем;
Везувия пред ним бледнеет слава:
Он только жалкая забава
Туриста праздного! — Лишь тот
Грядущий огонь с тобой сравнится,
В котором мир испепелится,
Который царства все сожжет.

К. Ф. РЫЛЕЕВ

(Из неоконченных стихотворений)

Повсюду вопли, стоны, крики
Над белокаменной Москвой;
Лишь временем Иван Великий
Сквозь огонь, сквозь дым и мрак ночной
Столпом огромным прорезался,
И в небесах, блестя челом,
Во всем величии своем,
Великой жертвой любовался.

* * *

Там пламя древность пожирает;
Москва там лепоты нага!—
Уж слава русская мрачится,
Уж гибель кажется близка!
Но се Перун, Кутузов, мчитя!
Блестит герой издалека
И меч булатный изощряет!
Дрожит, немеет Галлов вождь
И думы спастись напрягает;

Но сей герой, как снег, как дождь,
Как вихрь, как молния паляща
Врагов отечества казнит!

И вот ужасно цепь звеняща
С Москвы раздробленна летит!
Еще Перун Героя грянул —
И враг бежит со срамом вспять
За ним — и мраз, и глад воспрянул,
И уменьшают его рать!

России силы удвоились
Бог с правыми вступил в союз;
С лица земли враги истнулись —
Европа спасена от уз...

Дела благие век сияют
А неблагие — никогда;
Наполеона проклинают,
Отнынь вам слава навсегда!

И. А. КРЫЛОВ

КОТ И ПОВАР ¹

Какой-то повар грамотей,
С поварни побежал своей
В кабак (он набожных был правил,
И в этот день по куме тризну правил).
А дома стережи с'естное от мышей
Кота оставил.
Но что же, возвратясь он видит? на полу
Об'едки пирога — а Васька кот в углу,
Припав за уксусным боченком
Мурлыча и ворча трудится над курченком.
Ах ты обжора! ах злодей!
Тут Ваську повар укоряет:
Не стыдно ль стен тебе, не только что людей
(А Васька все таки курченка убирает).
Как, быв честным котом до этих пор?
Бывало за пример тебя смиренства кажут.
А ты! — ахти какой позор!
Теперя все соседи скажут:
Кот Васька плут! кот Васька вор,
И Ваську-де не только что в поварню,
Пускать не надо и на двор,
Как волка жадного в овчарню.
Он порча, он чума, он язва здешних мест!
(А Васька слушает да ест).
Тут ритор мой, дав волю слов теченью,
Не находил конца нравоученью.
Но чтож? пока его он пел,
Кот Васька все жаркое с'ел.
А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить,
Чтоб там речей не тратить по пустому,
Где нужно власть употребить.

¹ Это первая басня, которой Крылов откликнулся на военные события. Русская армия отступала, уклоняясь от решительного сражения. Крылов вместе со всеми осуждал медлительность и нерешительность главного командования. Под видом кота изображен Наполеон, пользующийся бездельностью командования русской армии. — Прим. сост.

ОБОЗ¹

С горшками шел обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.
Вот на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый воз.
Конь добрый на крестце почти его понес,
Катиться возу не давая.
А лошадь сверху молодая
Ругает бедного коня за каждый шаг.
«Ай конь хваленой! то-то диво!
Смотрите, лепится как рак;
Вот чуть не зацепил за камень — косо, криво!
Смелее! — вот толчок опять;
А тут бы влево лишь принять.
Какой осел! добро бы было в гору,
Или в ночную пору,
А то и под гору и днем!
Смотреть, так выйдешь из терпенья.
Таскал бы воду уж, коль нет в тебе уменья!
Глядишко нас, как мы махнем,
Небось уж время не потратим,
И возик свой мы не свезем, а скатим!»
Тут выгнувши хребет и понатужа грудь,
Тронулася лошадка с возом в путь;
Но только под гору она перевалилась,
Воз начал напирать, телега раскатилась,
Коня толкает в зад, коня кидает в бок,
Пустился конь со всех четырех ног
На славу;
По камням, рытвинам пошли толчки,
Прыжки;
Лсвей! лсвей! и с возом бух в канаву:
Прощай, хозяйские горшки!
Как в людях многие имеют слабость ту же:
Все кажется в другом ошибкой нам;
А примешься за дело сам,
Так напраказишь вдвое хуже.

¹ И. Крылов в этой басне не только уже не осуждает Кутузова, но нападает на сторонников решительных и немедленных действий против наполеоновской армии — Прим. сост.

ВОРОНА И КУРИЦА

Когда Смоленский князь
Противу дерзости искусством вооружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил;
Тогда все жители, и малый и большой,

Часа не тратя, собралися
И вон из стен московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.

Ворона с кровли тут на эту всю тревогу

Спокойно, чистя нос, глядит.

«А ты что-ж, кумушка, в дорогу?»

Ей с возу курица кричит:

«Ведь, говорят, что у порогу

Наш супостат».

— «Мне что до этого за дело?»

Вещунья ей в ответ: «я здесь останусь смело;

Вот ваши сестры — как хотят:

А ведь ворон ни жарят, ни варят;

Так мне с гостями не мудрено ужиться;

А, может быть, еще удастся поживиться

Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.

Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»

Ворона подлинно осталась;

Но вместо всех поживок ей,

Как голодом морить Смоленский стал гостей,

Она сама к ним в суп попалась.

Так часто человек в расчетах слеп и глуп:

За счастьем, кажется, ты по пятам несешься,

А как на деле с ним сочтешься, —

Попался, как ворона, в суп!

ВОЛК НА ПСАРНЕ¹

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.

Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;
Псары кричат: ах-ти! ребята, вор!

И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьем,
Иной с ружьем.

Огня! кричат, огня! — пришли с огнем;
Мой волк сидит, прижавшись к углу задом,
Зубами шелкая и ошетиная шерсть:
Глазами, кажется, хотел бы всех он с'есть;

Но видя то, что тут не перед стадом,
И что приходит наконец
Ему расчесться за овец,
Пустился мой хитрец
В переговоры,

И начал так: друзья! к чему весь этот шум?
Я ваш старинный сват и кум;
Пришел мириться к вам совсем не ради ссоры.
Забудем прошлое, уставим общий лад;
А я не только впредь не трону здешних стад,

Но сам за них с другими грызться рад,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я — «Послушай-ка, сосед,
Тут ловчий перервал в ответ,
Ты сер, а я, приятель, сед,

И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:

С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».

И тут же выпустил на волка гончих стаю.

¹ Эта басня написана была после того, как Крылову стал понятен смысл тактической операции русской армии. Наполеон изображен в басне в безвыходном положении. Известно, что Наполеон направил к Кутузову генерала, который заявил русскому полководцу: «Государь мой искренно желает положить предел несогласия между двумя великими народами, и положить его навсегда». То же самое говорит в басне волк, пойманный на псарне. — Прим. сост.

ЩУКА И КОТ ¹

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник:
И дело не пойдет на лад;
Да и примечено сто крат,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот завсегда других упрямей и вздорней:
Он лучше дело все погубит,
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.

Зубастой щуке в мысль пришло
За кошечье приняться ремесло.
Не знаю, завистью ль ее лукавой мучил,
Иль может быть ей рыбной стол наскучил:
Но только вздумала кота она просить,
Чтоб взял ее с собой он на охоту,
Мышей в амбаре половить.
Да полно, знаешь ли ты эту, свет, работу?
Стал щуке Васька говорить.
Смотри, кума, что бы не осрамиться;
Не даром говорится,
Что дело мастера боится.
И полно, куманек, вот невидаль — мышей!
Мы лавливали и ершей.
Так в добрый час, пойдем! — пошли, засели:
Натешился, наелся кот,
И кумушку проведать он идет!
А щука чуть жива лежит, разинув рот,
И крысы хвост у ней от'ели.
Тут видя, что куме совсем не в силу труд,
Кум замертво ее стащил обратно в пруд.
И дельно — это щука
Тебе наука,
Впредь умнее быть
И за мышами не ходить.

¹ Поводом к этой басне была неудача адмирала Чичагова, который должен был пресечь путь Наполеону через Березину, но не смог этого сделать. — *Прим. сост.*

К. Н. БАТЮШКОВ

ПИСЬМО ДАШКОВУ

Мой друг! Я видел море зла
И неба мстительного кары,
Врагов неистовых дела,
Войну и гибельны пожары;
Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах издранных;
Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!

Я на распутьях видел их,
Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаяньи рыдали
И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом.
Трижды с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной
Среди развалин и могил;
Трижды прах ее священный
Слезами скорби омочил;

И там, где зданья величавы
И башни древние царей,
Свидетели протекшей славы
И новой славы наших дней;
И там, где с миром почивали
Останки иноков святых,
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их;
И там, где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,

Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады —
Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры!..

Ф. Н. ГЛИНКА

МОСКВА

Город чудный, город древний.
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!
 Опоясан лентой пашен
 Весь пестреешь ты в садах.
 Сколько храмов, сколько башен
 На семи твоих холмах!
Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит;
И над малою рекою.
Стал велик и знаменит!
 На твоих церквах старинных
 Вырастают деревья;
 Глаз не схватит улиц длинных:
 Это матушка Москва.
Ты, как мученик, горела,
Белокаменная!
И река в тебе кипела,
Белокаменная!
 И под пеплом ты лежала
 Полоненною.
 И из пепла ты восстала
 Неизменною.
Продвешай же, славой вечной,
Город храмов и палат!
Град срединный, град сердечный,
Коренной России град.

Н. В. ДАВЫДОВ

ПАРТИЗАН

Умолкнул бой. Ночная тень
Москвы окрестность покрывает;
Вдали Кутузова курень
Один, как звездочка, сверкает.
Громада войск во тьме кипит,
И над пылающей Москвою
Багрово зарево лежит
Необозримой полосой.

И мчится тайною тропой
Воспрянувший с долины битвы
Наездников веселый рой
На отдаленные ловитвы.
Как стая алчущих волков,
Они долинами витают:
То внемлют шороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжают.
Начальник, в бурке на плечах,
В косматой шапке кабардинской,
Горит в передовых рядах
Особой яростью воинской.
Сын белокаменной Москвы,
Но рано брошенный в тревоги,
Он жаждет сечи и молвы,
А там, что будет — вольны боги!
Давно не знаем им покой,
Привет родни, взор девы нежной;
Его любовь — кровавый бой,
Родня — Донцы, друг — конь надежный.

Н. М. ЯЗЫКОВ

1812-й ГОД

Чу! труба прогребезжала...
Русь, тебе надменный зов!
Вспомяни-ж, как ты встречала
Все нашествия врагов!
Созови из стран далеких
Ты своих богатырей,
Со степей, с равнин широких,
С рек великих, с гор высоких,
От семи твоих морей!
Пламень в небо упирая,
Лют пожар Москвы ревет;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, вперед!
Громче буря истребленья,
Крепче смелый ей отпор!
Это жертвенник спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксов костер!
Где же вы, незванны гости,
Сильны славой и числом?

Снег засыпал ваши кости —
 Вам почетный был прием!
 Упились, еле живы,
 Вы в московских теремах,
 Тяжелы домой пошли вы,
 Безобразно полегли вы
 На холодных пустырях!
 Вы отведали русской силы
 Шли в Москву: за делом шли!
 Иль не стало на могилы
 Вам отеческой земли!..

А. С. ГРИБОЕДОВ

«1812 ГО Д»

(План драмы)

Отделение 1

Красная площадь

История начала войны, взятие Смоленска, народные черты, приезд государя, обоз раненых, рассказ о битве Бородинской. М.¹ с первого стиха до последнего на сцене. Очертание его характера...

Терем царей в Кремле

Наполеон с сподвижниками. Картина взятия Москвы. Н.² один. Высокие воспоминания. Открывает окно, лунная ночь. Видение — или нет, как случится. Размышление о юном, первообразном сем народе, об особенностях его одежды, зданий, веры, нравов. Себе сам преданный, — что бы он мог произвести?

Отделение II

Галерея в доме Позднякова

...Улицы, пылающие дома. Ночь. Сцены зверского распутства, святотатства и всех пороков...

Село под Москвой

Сельская картина. Является М. Всеобщее ополчение без дворян. (Трусость служителей правительства — выставлена или нет, как случится).

Отделение III

Зимние сцены преследования неприятеля и ужасных смертей... Истязание Р. и поседелого воина. Подвиги М....

¹ Герой драмы, крепостной. — *Прим. сост.*

² Наполеон. — *Прим. сост.*

«РУССКОЙ СЦЕВОЛА».

*«Лишающий себя руки, чтобы не служить Наполеону, врагу отечества...
Пронсшествие, случившееся к славе россиян в 1812 году во время втор-
жения французов в Россию».*

Раскрашенная гравюра художника Ивана Иванова. Москва, 11 января 1813 года.

ФРАНЦУЗЫ-ГВАРДЕЙЦЫ ПОД КОНВОЕМ БАБУШКИ СПИРИДОНОВНЫ.

Раскрашенная гравюра художника А. Г. Венецианова начала XIX века.

УГОЩЕНИЕ НАПОЛЕОНУ В РОССИИ.

Картина Ив. Тербенева.

*«Свое добро тебе приелось,
Гостинцев русских захотелось.
Вот сласти русские, поешь — не подавись,
Вот с перцем сбитенек, попей — не обожгись!»*

ФРАНЦУЗСКИЙ ВОРОНИЙ СУП.

Карикатура Ив. Тербенева.

*«Беда нам с великим нашим Наполеоном —
Кормит нас в походе из костей бульоном.
В Москве пировать свистел у нас зуб;
Ни тут-то! Похлебади же вороний суп».*

Эпилог

Вильна

Отличия, искательства; вся поэзия великих подвигов исчезает. М. в пренебрежении у военачальников. Отпускается во-свояси с отеческими наставлениями к покорности и послушанию.

Село, или развалины Москвы

Прежние мерзости. М. возвращается под палку господина, который хочет ему сбрить бороду. Отчаяние... Самоубийство.

А. С. ПУШКИНРОСЛАВЛЕВ ¹

(Отрывок)

...Читая «Рославлева», с изумлением увидела я, что завязка его основана на истинном происшествии, слишком для меня известном. Некогда я была другом несчастной женщины, вы-бранной Загоскиным в героини его повести. Он вновь обратил внимание публики на происшествие забытое, разбудил чувства негодования, усыпленные временем, и возмущил спокойствие могилы. Я буду защитницей тени, — и читатель извинит сла-бость пера моего, уважив сердечные мои побуждения. Буду принуждена много говорить о самой себе, потому что судьба моя долго была связана с участью бедной моей подруги.

...Все говорили о близкой войне, и, сколько помню, доволь-но легкомысленно. Подражание французскому тону времен Лю-довика XV было в моде. Любовь к отечеству казалась педант-ством. Тогдашние умники превозносили Наполеона с фанта-стическим подобострастием и шутили над нашими неудачами. К несчастью, заступники отечества были немного простоваты; они были осмеяны довольно забавно и не имели никакого вли-яния. Их патриотизм ограничивался жестоким порицанием употребления французского языка в обществах, введения ино-странных слов, грозными выходками противу Кузнецкого моста и т. п. Молодые люди говорили обо всем русском с презрением или равнодушием и, шутя, предсказывали России участь Рейн-ской конфедерации. Словом, общество было довольно гадко.

¹ После опубликования романа М. Н. Загоскина «Рославлев» А. С. Пушкин выступил с небольшим «Отрывком из неизданных записок дамы», в котором предоставляет слово близкой подруге героини романа «Рослав-лев» — Полины. — *Прим. сост.*

Вдруг известие о нашествии и воззвание государя поразили нас. Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Ростопчина; народ ожесточился. Светские балагуры присмирели; дамы стухнули.

Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх и гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр, кто отказался от лафита, а принялся за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедывать народную войну, собираясь на долгие отправления в саратовские деревни.

Полина не могла скрыть свое презрение, как прежде не скрывала своего негодования. Такая проворная перемена и трусость вывели ее из терпения. На бульваре, на Пресненских прудах, она нарочито говорила по-французски; за столом, в присутствии слуг, нарочно оспаривала патриотическое хвастовство, нарочно говорила о многочисленности Наполеоновских войск, о его военном гении. Присутствующие бледнели, опасаясь доноса, и спешили укорить ее в приверженности ко врагу отечества. Полина презрительно улыбалась.

— Дай бог, — говорила она: — чтобы все русские любили свое отечество, как я его люблю.

Она удивляла меня. Я всегда знала Полину скромной и молчаливой, и не понимала, откуда взялась у нее такая смелость.

— Помилуй, — сказала я однажды: — охота тебе вмешиваться не в наше дело. Пусть мужчины себе дерутся и кричат о политике; женщины на войну не ходят, и им дела нет до Бонапарта.

Глаза ее засверкали.

— Стыдись, — сказала она: — разве женщины не имеют отечества? Разве нет у них отцов, братьев, мужей? Разве кровь русская для нас чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтобы нас на бале вертели в экосезах, а дома заставляли вышивать по канве собачек? Нет! Я знаю, какое влияние женщина может иметь на мнение общественное или даже на сердце хоть одного человека. Я не признаю унижения, к которому принуждают нас. Посмотри на мадам Сталь. Наполеон боролся с нею, как с неприятельскою силой... И дядюшка смеет еще насмехаться над ее робостию при приближении французской армии! «Будьте спокойны, сударыня: Наполеон воюет против России, а не противу вас...» Да! Если б дядюшка попался в руки французам, то его-бы пустили гулять по Пале-Роялю; но мадам Сталь в таком случае умерла-бы в государственной темнице. А Шарлота Кордэ? А наша Марфа

Посадница? А княгиня Дашкова? Чем я ниже их? Уж верно не смелостию души и решительностью.

— Я слушала Полину с изумлением. Никогда не подозревала я в ней такого жара, такого честолюбия. Увы! К чему прибили ее необыкновенные качества души и мужественная возвышенность ума? Правду сказал мой любимый писатель: «*Il n'est de bonheur que dans les voies communes*»¹.

* * *

Приезд государя усугубил общее волнение. Восторг патриотизма овладел наконец и высшим обществом. Гостинные превратились в палаты прений. Все толковали о патриотических пожертвованиях. Повторяли бессмертную речь молодого графа Мамонова, пожертвовавшего всем своим именем. Некоторые маменьки после того заметили, что граф уж не такой завидный жених, но мы все были от него в восхищении. Полина бредила им.

— Вы чем жертвуете? — спросила она раз у моего брата.

— Я не владею еще моим именем, — отвечал мой повеса: — У меня всего на все 30 000 долгу: приношу их в жертву на алтарь отечества.

Полина рассердилась.

— Для некоторых людей, — сказала она: — и честь, и отечество, все безделица. Братья их умирают на поле сражения, а они дурачатся в гостиных. Не знаю, найдется-ли женщина, довольно низкая, чтоб позволить таким фиглярам притворяться перед нею в любви.

Брат мой вспыхнул.

— Вы слишком взыскательны, княжна, — возразил он. — Вы требуете, чтобы все видели в вас мадам Сталь и говорили бы вам тирады из Коринны. Знайте, что кто шутит с женщиною, тот может не шутить перед лицом отечества и его неприятелем.

— С этим словом он отвернулся. Я думала, что они навсегда поссорились, но ошиблась: Полине понравилась дерзость моего брата, она простила ему неуместную шутку за благородный порыв негодования и, узнав через неделю, что он вступил в Мамоновский полк, сама просила, чтобы я их помирила. Брат был в восторге. Он тут-же предложил ей свою руку. Она согласилась, но отсрочила свою свадьбу до конца войны. На другой день брат мой отправился в армию.

Наполеон шел на Москву; наши отступали—Москва тревожилась; жители ее выбирались один за другим. Князь и княгиня уговорили матушку вместе ехать в их ***скую деревню.

¹ (Счастье только на пути обыкновенных), кажется, слова Шатобриана. — *Прим. Пушкина.*

* * *

Мы приехали в **, огромное село в 20-ти верстах от губернского города. Около нас было множество соседей, большею частию приезжих из Москвы. Всякий день все бывали вместе; наша деревенская жизнь походила на городскую. Письма из армии приходили почти каждый день. Старушки искали на карте местечка Бивак и сердились, не находя его. Полина занималась одною политикою, ничего не читала, кроме газет, Ростопчинских афишек, и не открывала ни одной книги. Окруженная людьми, коих понятия были ограничены, слыша суждения нелепые и новости неосновательные, она впала в глубокое уныние... Она не постигала мысли тогдашнего времени, столь великой в своем ужасе, мысли, которой смелое исполнение спасло Россию и освободило Европу. Целые часы проводила она, облокотясь на карту России, рассчитывая версты, следуя за быстрыми движениями войск. Станные мысли приходили ей в голову. Однажды она мне объявила о своем намерении уйти из деревни, явиться во французский лагерь, добраться до Наполеона и там убить его из своих рук. Мне не трудно было убедить ее в безумстве такого предприятия — но мысль о Шарлоте Кордэ долго ее не оставляла.

Отец ее, как уже известно, был человек довольно легкомысленный; он только думал, чтоб жить в деревне как можно более по-московскому. Давал обеды, завел *théâtre de société*¹, где разыгрывались французские *proverbes*² и всячески старался разнообразить наши удовольствия. В город прибыло несколько пленных французов. Князь обрадовался новым лицам и выпросил у губернатора позволение поместить их у себя.

Их было четверо — трое довольно незначущие люди, фанатически преданные Наполеону, нестерпимые крикуны, правда, выкупающие свою хвастливость почтенными своими ранами. Но четвертый был человек чрезвычайно примечательный.

Ему было тогда 26 лет. Он принадлежал хорошему дому. Лицо его было приятно, тон очень хороший. Мы тотчас отличили его. Ласки принимал он с благородной скромностью. Он говорил мало, но речи его были основательны. Полине он понравился тем, что первый мог ясно ей истолковать военные действия и движения войск. Он успокоил ее, удостоверив, что отступление русских войск было не бессмысленный побег, и столько-же беспокойло (французов), как ожесточало русских.

— Но вы, — спросила его Полина: — разве вы не убеждены в непобедимости Вашего императора?

Синекур (назову-ж и его именем, данным ему т-м Загоски-

¹ Домашний любительский театр.

² Пословицы.

ным), Синекур, несколько помолчав, отвечал, что в его положении откровенность была бы затруднительна. Полина настоятельно требовала ответа. Синекур признался, что стремление французских войск в сердце России могло сделаться для них опасно, что поход 1812 года, кажется, кончен, но не представляет ничего решительного.

— Кончен! — возразила Полина: — а Наполеон все еще идет вперед, а мы все отступаем.

— Тем хуже для нас, — отвечал Синекур, и заговорил о другом предмете.

* * *

Полина, которой надоели и трусливые предсказания, и глупое хвастовство соседей, жадно слушала суждения, основанные на знании дела и беспристрастии. От брата получала я письма, в которых толку невозможно было добиться. Они были наполнены шутками умными и плохими, вопросами о Полине, пошлыми уверениями в любви и проч. Полина, читая их, досадовала и пожимала плечами.

— Признайся, — говорила она, — что твой Алексей — пустой человек. Даже в нынешних обстоятельствах, с полем сражений, находит он способ писать ничего не значущие письма, какова же будет мне его беседа в течение тихой семейственной жизни?

Она ошибалась. Пустота братних писем происходила не от его собственного ничтожества, но от предрассудка, впрочем, самого оскорбительного для нас. Он полагал, что с женщинами должно употреблять язык, приноровленный к слабости их понятий, и что важные предметы до нас не касаются. Таковое мнение везде было бы невежливо, но у нас оно и глупо. Нет сомнения, что русские женщины лучше образованы, более читают, более мыслят, нежели мужчины, занятые бог знает чем.

Разнеслась весть о Бородинском сражении. Все толковали о нем, у всякого было свое верное известие, всякой имел список убитым и раненым. Брат нам не писал. Мы чрезвычайно были встревожены. Наконец один из развозителей всякой всячины приехал нас известить о его взятии в плен, а между тем, пошепту объявил Полине о его смерти. Полина глубоко огорчилась. Она не была влюблена в брата моего и часто на него досадовала, но в эту минуту видела она в нем мученика, героя, и оплакивала в тайне от меня. Несколько раз я заставляла ее в слезах. Это меня не удивляло, я знала, какое болезненное участие принимала она в судьбе страждущего нашего отечества. Я не подозревала, что было еще причиной ее горести.

Однажды утром гуляла я в саду; подле меня шел Синекур; Мы разговаривали о Полине. Я заметила, что он глубоко чув-

ствовад ее необыкновенные качества, и что ее красота сделала на него сильное впечатление. Я, смеясь, дала ему заметить, что положение его самое романическое... Раненый рыцарь влюбляется в благородную владетельницу замка, трогает ее сердце и наконец получает ее руку.

— Нет, — сказал мне Синекур: — княжна видит во мне врага России и никогда не согласится оставить свое отечество.

В эту минуту Полина оказалась в конце аллеи, мы пошли к ней навстречу. Она приближалась скорыми шагами. Бледность ее меня поразила.

— Москва взята! — сказала она мне, не отвечая на поклон Синекура.

Сердце мое сжалось, слезы потекли ручьем. Синекур молчал, потупя глаза.

— Благородные, просвещенные французы, — продолжала она голосом, дрожащим от негодования, — ознаменовали свое торжество достойным образом. Они зажгли Москву — Москва горит уже два дня.

— Что вы говорите, — закричал Синекур, — не может быть!

— Дождитесь ночи, — отвечала она сухо: — может быть, увидите зарево.

— Боже мой! он погиб, — сказал Синекур, — как? разве вы не видите, что пожар Москвы есть гибель всему французскому войску, что Наполеону нигде, нечем будет держаться, что он принужден будет скорее отступить сквозь разоренную, опустевшую сторону, с войском расстроенным и недовольным при приближении зимы. И вы могли думать, что французы сами изрыли себе ад: нет, нет, — русские, русские зажгли Москву! Ужасное, варварское великодушие! Теперь все решено: ваше отечество вышло из опасности; но что будет с нами, что будет с нашим императором!

Он оставил нас. Полина и я не могли опомниться.

— Неужели, — сказала она, — Синекур прав, и пожар Москвы дело наших рук? Если так.. О, мне можно гордиться именем россиянки! Вселенная изумится великой жертве! Теперь и падение наше мне не страшно, честь наша спасена; никогда Европа не осмелится уже бороться с народом, который рубит сам себе руки и жжет свою столицу!

Глаза ее так и блестили, голос так и звенел. Я обняла ее, мы смешали слезы благородного восторга и жаркие волнения за отечество.

— Ты не знаешь? — сказала мне Полина с видом вдохновенным. — Твой брат.. он счастлив, он не в плену — радуйся: он убит за спасение России...

Я вскрикнула и упала без чувств в ее объятия.

Л. Н. Т О Л С Т О Й

ВОЙНА И МИР

(Отрывки)

(В главной квартире главнокомандующего
М. И. Кутузова в Цареве-Займище¹)

...Адъютант вышел к князю Андрею на крыльцо и приглашал его завтракать; через полчаса князя Андрея позвали опять к Кутузову. Кутузов лежал на кресле в том же расстегнутом сюртуке. Он держал в руке французскую книгу и при входе князя Андрея, заложив ее ножом, свернул. Это были «Рыцари Лебеда», сочинение мадам де-Жанлис, как увидал князь Андрей по обертке.

— Ну, садись, садись тут, поговорим, — сказал Кутузов. — Грустно, очень грустно. Но помни, дружок, что я тебе отец, другой отец...

Князь Андрей рассказал Кутузову все, что он знал о кончине своего отца, и о том, что он видел в Лысых Горах, проезжая через них.

— До чего... до чего довели! — проговорил вдруг Кутузов взволнованным голосом, очевидно ясно представив себе из рассказа князя Андрея положение, в котором находилась Россия.

— Дай срок, дай срок, — прибавил он с злобным выражением лица...

...И, переменив разговор, Кутузов начал говорить о турецкой войне и о заключенном мире. — Да, немало упрекали меня, — сказал Кутузов, — и за войну и за мир... а все пришло во-время. Все приходит во-время для того, кто умеет ждать. А и там советчиков не меньше было, чем здесь... — продолжал он, возвращаясь к советчикам, которые, видимо, занимали его. — Ох советчики, советчики! — сказал он, — если бы всех слушать, мы бы там в Турции и мира не заключили, да и войны бы не кончили. Все поскорее, а скорее на долгое выходит. Если бы Каменский не умер, он бы пропал. Он с тридцатью тысячами штурмовал крепости. Взять крепость не трудно, трудно кампанию выиграть. А для этого не нужно штурмовать и атаковать, а нужно терпение и время. Каменский на Рушук солдат послал, а я их одних (терпение и время) посылал и взял больше крепостей, чем Каменский, и лошадиное мясо турок есть заставил. — Он покачал головой. — И французы

¹ Подзаголовки даны составителем.

тоже будут. Верь моему слову, — воодушевляясь, проговорил Кутузов, ударяя себя в грудь: — будут у меня лошадиное мясо есть. — И опять глаза его заслонились слезами.

— Однако должно же будет принять сражение? — сказал князь Андрей.

— Должно будет, если все этого захотят, нечего делать... А верь, голубчик: нет сильнее тех двух воинов, терпение и время: те все сделают. Да советчики этим ухом не слышат, — вот что плохо. Одни хотят, другие не хотят. Что же делать? — спросил он, видимо, ожидая ответа. — Да, что ты велишь делать? — повторил он, и глаза его блеснули глубоким, умным выражением. — Я тебе скажу, что делать, — проговорил он, так как князь Андрей все-таки не отвечал. — Я тебе скажу, что делать, и что я делаю. В сомнении, мой милый, — он помолчал, — воздерживайся, — выговорил он с расстановкой. — Ну, прощай, дружок; помни, что я всей душой несу с тобой твою потерю и что я тебе не светлейший, не князь и не главный командующий, а я тебе отец. Ежели что нужно, прямо ко мне. Прощай, голубчик.

Он опять обнял и поцеловал его. И еще князь Андрей не успел выйти в дверь, как Кутузов успокоительно вздохнул и взялся опять за неоконченный роман мадам Жанлис: «Рыцари Лебеда».

Как и отчего это случилось, князь Андрей не мог бы никак объяснить; но после этого свидания с Кутузовым он вернулся к своему полку успокоенный насчет общего хода дел и насчет того, кому оно вверено было. Чем больше он видел отсутствие всего личного в этом старике, в котором оставались как будто одни привычки страстей и, вместо ума (группирующего события и делающего выводы), одна способность спокойного созерцания хода событий, тем более он был спокоен за то, что все будет так, как должно быть. «У него не будет ничего своего. Он ничего не придумает, ничего не предпримет», думал князь Андрей, «но он все выслушает, все запомнит, все поставит на свое место, ничему полезному не помешает и ничего вредного не позволит. Он понимает, что есть что-то сильнее и значительнее его воли, — это неизбежный ход событий, и он умеет видеть их, умеет понимать их значение и, в виду этого значения, умеет отречься от участия в этих событиях, от своей личной воли, направленной на другое. А главное», думал князь Андрей, «почему веришь ему, это то, что он русский, несмотря на роман Жанлис и французские поговорки; это то, что голос его задрожал, когда он сказал: «до чего довели!» и что он захлипал, говоря о том, что он «заставит их есть лошадиное мясо».

На этом же чувстве, которое более или менее смутно испытывали все, и основано было то единомыслие и общее одобрение, которое сопутствовало народному, противному придворным соображениям, избранию Кутузова в главнокомандующие...

* * *

(Бородинская битва)

...Кутузов сидел, понутив седую голову и опустившись тяжелым телом, на покрытой ковром лавке, на том самом месте, на котором утром его видел Пьер. Он не делал никаких распоряжений, а только соглашался или не соглашался на то, что предлагали ему.

«Да, да, сделайте это», отвечал он на различные предложения. «Да, да, с'езди, голубчик, посмотри», обращался он то к тому, то к другому из приближенных; или: «Нет, не надо, лучше подождем», говорил он. Он выслушивал привозимые ему донесения, отдавал приказания, когда это требовалось подчиненными; но, выслушивая донесения, он, казалось, не интересовался смыслом слов того, что ему говорили, а что-то другое в выражении лиц, в тоне речи доносивших интересовало его. Долголетним военным опытом он знал и старческим умом понимал, что руководить сотнями тысяч человек, борющихся с смертью, нельзя одному человеку, и знал, что решают участь сражения не распоряжение главнокомандующего, не место, на котором стоят войска, не количество пушек и убитых людей, а та неуловимая сила, называемая духом войска, и он следил за этой силой и руководил ею, насколько это было в его власти.

Общее выражение лица Кутузова было сосредоточенное, спокойное внимание и напряжение, едва превозмогавшее усталость слабого и старого тела.

В 11-ть часов утра ему привезли известие о том, что занятые французами флешы были опять отбиты, но что князь Багратион ранен. Кутузов ахнул и покачал головой.

— Поезжай к князю Петру Ивановичу и подробно узнай, что и как, — сказал он одному из адъютантов, и вслед затем обратился к принцу Виртембергскому, стоявшему позади него:

— Не угодно ли будет вашему высочеству принять командование 1-ой армией.

Вскоре после отъезда принца, так скоро, что он еще не мог доехать до Семеновского, адъютант принца вернулся от него и доложил светлейшему, что принц просит войск.

Кутузов поморщился и послал Дохтурову приказание принять командование 1-ой армией, а принца, без которого, как он сказал, он не может обойтись в эти важные минуты, просил

вернуться к себе. Когда привезено было известие о взятии в плен Мюрата и штабные поздравляли Кутузова, он улыбнулся. — Подождите, господа, — сказал он. — Сражение выиграно, и в пленении Мюрата нет ничего необыкновенного. Но лучше подождать радоваться.

Однако он послал адъютанта проехать по войскам с этим известием.

Когда с левого фланга прискакал Щербинин с донесением о занятии французами флешей и Семеновского, Кутузов, по звукам поля сражения и по лицу Щербинина угадав, что известия были нехорошие, встал, как бы разминая ноги, и, взяв под руку Щербинина, отвел его в сторону.

— Сэзди, голубчик, — сказал он Ермолову, — посмотри, нельзя ли что сделать.

Кутузов был в Горках, в центре позиции русского войска. Направленная Наполеоном атака на наш левый фланг была несколько раз отбиваема. В центре французы не подвинулись далее Бородина. С левого фланга кавалерия Уварова заставила бежать французов.

В третьем часу атаки французов прекратились. На всех лицах, приезжавших с поля сражения, и на тех, которые стояли вокруг него, Кутузов читал выражение напряженности, дошедшей до высшей степени. Кутузов был доволен успехом дня сверх ожидания. Но физические силы оставляли старика. Несколько раз голова его низко опускалась, как бы падая, и он задремывал. Ему подали обедать.

Флигель-адъютант Вольцоген, тот самый, который, проезжая мимо князя Андрея, говорил, что войну надо перенести в пространство, и которого так ненавидел Багратион, во время обеда под'ехал к Кутузову. Вольцоген приехал от Барклая с донесением о ходе дел на левом фланге. Благоразумный Барклай-де-Толли, видя толпы отбегающих раненых и расстроенные зады армии, взвесив все обстоятельства дела, решил, что сражение проиграно, и с этим известием прислал к главнокомандующему своего любимца.

Кутузов с трудом жевал жареную курицу и сузившимися, повеселевшими глазами взглянул на Вольцогена.

Вольцоген, небрежно разминая ноги, с полупрезрительной улыбкой на губах, подошел к Кутузову, слегка дотронувшись до козырька рукою.

Вольцоген обращался с светлейшим с некоторой аффектированной небрежностью, имевшей целью показать, что он, как высоко образованный военный, предоставляет русским делать кумира из этого старого, бесполезного человека, а сам знает, с кем он имеет дело. «Старый господин (как называли Кутузова в своем кругу немцы) покойно устроился», подумал Воль-

цоген и, строго взглянув на тарелки, стоявшие перед Кутузовым, начал докладывать старому господину положение дел на левом фланге так, как приказывал ему Барклай и как он сам его видел и понял.

— Все пункты нашей позиции в руках неприятеля и отбить нечем, потому что войск нет; они бегут, и нет возможности остановить их, — докладывал он.

Кутузов, остановившись жевать, удивленно, как будто не понимая то, что ему говорили, уставился на Вольцогена. Вольцоген, заметив волнение «старого господина», с улыбкой сказал:

— Я не считал себя в праве скрыть от вашей светлости того, что я видел... Войска в полном расстройстве...

— Вы видели? Вы видели?.. — нахмурившись, закричал Кутузов, быстро вставая и наступая на Вольцогена. — Как вы... как вы смеете!.. — делая угрожающие жесты трясущимися руками и захлебываясь, закричал он. — Как смеете вы, милостивый государь, говорить это мне! Вы ничего не знаете. Передайте от меня генералу Барклаю, что его сведения несправедливы и что настоящий ход сражения известен мне, главнокомандующему, лучше, чем ему.

Вольцоген хотел возразить что-то, но Кутузов перебил его.

— Неприятель отбит на левом и поражен на правом фланге. Ежели вы плохо видели, милостивый государь, то не позволяйте себе говорить того, чего вы не знаете. Извольте ехать к генералу Барклаю и передать ему на завтра мое неперменное намерение атаковать неприятеля, — строго сказал Кутузов.

Все молчали, и слышно было одно тяжелое дыхание запыхавшегося старого генерала.

— Отбиты везде, за что я благодарю бога и наше храброе войско. Неприятель побежден, и завтра погоним его из священной земли русской, — сказал Кутузов, крестясь, и вдруг всхлипнул от наступивших слез.

Вольцоген, пожав плечами и искривив губы, молча отошел к стороне, удивляясь на это самодурство «старого господина».

— Да, вот он мой герой, — сказал Кутузов полному, красивому, черноволосому генералу, который в это время входил на курган.

Это был Раевский, проведенный весь день на главном пункте Бородинского поля.

Раевский доносил, что войска твердо стоят на своих местах и что французы не смеют атаковать более.

Выслушав его, Кутузов по-французски сказал:

— Вы, стало быть, не думаете, как другие, что мы должны отступить?

— Напротив, ваша светлость, в нерешительных делах остается победителем тот, кто упрямее, — отвечал Раевский, — и мое мнение...

— Кайсаров! — кликнул Кутузов своего адъютанта. — Садись, пиши приказ на завтрашний день. А ты, — обратился он к другому, — поезжай по линии и объяви, что завтра мы атакуем.

Пока шел разговор с Раевским и диктовался приказ, Вольцоген вернулся от Барклая и доложил, что генерал Барклай-де-Толли желал бы иметь письменное подтверждение того приказа, который отдавал фельдмаршал.

Кутузов, не глядя на Вольцогена, приказал написать этот приказ, который весьма основательно, для избежания личной ответственности, желал иметь бывший главнокомандующий.

И по неопределимой, таинственной связи, поддерживающей во всей армии одно и то же настроение, называемое духом армии и составляющее главный нерв войны, слова Кутузова, его приказ к сражению на завтрашний день, передались одновременно во все концы войска.

Далеко не самые слова, не самый приказ, передавались в последней цепи этой связи. Даже ничего не было похожего в тех рассказах, которые передавали друг другу на разных концах армии, на то, что сказал Кутузов; но смысл его слов сообщился повсюду, потому что то, что сказал Кутузов, вытекало не из хитрых соображений, а из чувства, которое лежало в душе главнокомандующего, так же, как и в душе каждого русского человека.

И узнав то, что на завтра мы атакуем неприятеля, из высших сфер армии, услышав подтверждение того, чему они хотели верить, измученные, колеблющиеся люди утешались и ободрялись...

* * *

(Совет в Филях)

...В просторной, лучшей избе мужика Андрея Савостьянова, в два часа собрался совет. Мужики, бабы и дети мужицкой большой семьи теснились в черной избе через сени. Одна только внучка Андрея, Малаша, шестилетняя девочка, которой светлейший, приласкав ее, дал за чаем кусок сахара, оставалась на печи в большой избе. Малаша робко и радостно смотрела с печи на лица, мундиры и кресты генералов, одного за другим входивших в избу и рассаживавшихся в красном углу, на широких лавках под образами. Сам дедушка, как внутренне называла Малаша Кутузова, сидел от них особо, в темном углу

за печкой. Он сидел, глубоко опустившись в складное кресло, и беспрестанно покряхтывал и расправлял воротник сюртука, который, хотя и расстегнутый, все как будто жал его шею. Входявшие один за другим подходили к фельдмаршалу; некоторым он пожимал руку, некоторым кивал головой. Адъютант Кайсаров хотел было отдернуть занавеску в окне против Кутузова, но Кутузов сердито замахал ему рукой, и Кайсаров понял, что светлейший не хочет, чтобы видели его лицо.

Вокруг мужицкого елового стола, на котором лежали карты, планы, карандаши, бумаги, собралось так много народа, что денщики принесли еще лавку и поставили у стола. На лавку эту сели пришедшие: Ермолов, Кайсаров и Толь. Под самыми образами на первом месте сидел с Георгием на шее, с бледным, болезненным лицом и с своим высоким лбом, сливающимся с голой головой, Барклай-де-Толли. Второй уже день он мучился лихорадкой, и в это самое время его знобило и ломало. Рядом с ним сидел Уваров и негромким голосом (как и все говорили) что-то, быстро делая жесты, сообщал Барклаю. Маленький, кругленький Дохтуров, приподняв брови и сложив руки на животе, внимательно прислушивался. С другой стороны сидел, облокотивши на руку свою широкую с смелыми чертами и блестящими глазами голову, граф Остерман-Толстой и казался погруженным в свои мысли. Раевский с выражением нетерпения, привычным жестом наперед курчавя свои черные волосы на висках, поглядывал то на Кутузова, то на входную дверь. Твердое, красивое и доброе лицо Коновичына светилося нежной и хитрой улыбкой. Он встретил взгляд Малаши и глазами делал ей знаки, которые заставляли девочку улыбаться.

Все ждали Бенигсена, который доканчивал свой вкусный обед под предлогом нового осмотра позиции. Его ждали от четырех до шести часов и во все это время не приступали к соещанию и тихими голосами вели посторонние разговоры.

Только когда в избу вошел Бениген, Кутузов выдвинулся из своего угла и подвинулся к столу, но настолько, что лицо его не было освещено поданными на стол свечами.

Бениген открыл совет вопросом: «оставить ли без боя священную и древнюю столицу России или защищать ее?» Последовало долгое и общее молчание. Все лица нахмурились, и в тишине слышалось сердитое кряхтенье и покашливание Кутузова. Все глаза смотрели на него. Малаша тоже смотрела на дедушку. Она ближе всех была к нему и видела, как лицо его сморщилось: он точно собрался плакать. Но это продолжалось недолго.

— Священную древнюю столицу России! — вдруг заговорил он, сердитым голосом повторяя слова Бенигсе-

на и этим указывая на фальшивую ноту этих слов. — Позвольте вам сказать, ваше сиятельство, что вопрос этот не имеет смысла для русского человека. (Он перевалился вперед своим тяжелым телом.) Такой вопрос нельзя ставить, и такой вопрос не имеет смысла. Вопрос, для которого я просил собраться этих господ, это вопрос военный. Вопрос следующий: «Спасенье России в армии. Выгоднее ли рисковать потерей армии и Москвы, приняв сражение, или отдать Москву без сражения?» Вот на какой вопрос я желаю знать ваше мнение. (Он откачнулся назад на спинку кресла.)

Начались прения. Бенигсен не считал еще игру проигранною. Допуская мнение Барклая и других о невозможности принять оборонительное сражение под Филями, он, проникнувшись русским патриотизмом и любовью к Москве, предлагал перевести войска в ночи с правого на левый фланг и ударить на другой день на правое крыло французов. Мнения разделились, были споры в пользу и против этого мнения. Ермолов, Дохтуров и Раевский согласились с мнением Бенигсена. Руководимые ли чувством потребности жертвы перед оставлением столицы или другими личными соображениями, но эти генералы как бы не понимали того, что настоящий совет не мог изменить неизбежного хода дел и что Москва уже теперь оставлена. Остальные генералы понимали это и, оставляя в стороне вопрос о Москве, говорили о том направлении, которое в своем отступлении должно было принять войско. Малаша, которая, не спуская глаз, смотрела на то, что делалось перед ней, иначе понимала значение этого совета. Ей казалось, что дело было только в личной борьбе между «дедушкой» и «длинополым», как она называла Бенигсена. Она видела, что они злились, когда говорили друг с другом, и в душе своей она держала сторону дедушки. В середине разговора она заметила быстрый, лукавый взгляд, брошенный дедушкой на Бенигсена, и вслед затем к радости своей заметила, что дедушка, сказав что-то длиннополему, осадил его: Бенигсен вдруг покраснел и сердито прошелся по избе. Слова, так подействовавшие на Бенигсена, были спокойным и тихим голосом выраженное Кутузовым мнение о выгоде и невыгоде предложения Бенигсена: о переводе в ночи войск с правого на левый фланг для атаки правого крыла французов.

— Я, господа, — сказал Кутузов, — не могу одобрить плана графа. Передвижения войск в близком расстоянии от неприятеля всегда бывают опасны, и военная история подтверждает это соображение. Так, например... (Кутузов как будто задумался, приискивая пример и светлым, наивным взглядом глядя на Бенигсена.) Да вот хоть бы Фридландское сражение, которое, как я думаю, граф хорошо помнит, было... не вполне удачно

только оттого, что войска наши перестраивались в слишком близком расстоянии от неприятеля...

Последовало, показавшееся всем очень продолжительным, минутное молчание.

Прения опять возобновились, но часто наступали перерывы, и чувствовалось, что говорить больше не о чем.

Во время одного из таких перерывов Кутузов тяжело вздохнул, как бы собираясь говорить. Все оглянулись на него.

— Итак, господа, стало-быть, мне платить за перебитые горшки, — сказал он. И, медленно приподнявшись, он подошел к столу. — Господа, я слышал ваши мнения. Некоторые будут несогласны со мной. Но я (он остановился) властью, врученною мне моим государем и отечеством, я — приказываю отступление.

Вслед за этим генералы стали расходиться с той же торжественной и молчаливой осторожностью, с которой расходятся после похорон.

Некоторые из генералов негромким голосом, совсем в другом диапазоне, чем когда они говорили на совете, передали кое-что главнокомандующему.

Малаша, которую уже давно ждали ужинать, осторожно спустилась задом с полатей, цепляясь ножонками за уступы печки, и, замешавшись между ног генералов, шмыгнула в дверь.

Отпустив генералов, Кутузов долго сидел, облокотившись на стол, и думал все о том же страшном вопросе:

«Когда же, когда же, наконец, решилось то, что оставлена Москва? Когда было сделано то, что решило вопрос, и кто виноват в этом?»

— Этого, этого я не ждал, — сказал он вошедшему к нему уже поздно ночью адъютанту Шнейдеру, — этого я не ждал! Этого я не думал!

— Вам надо отдохнуть, ваша светлость, — сказал Шнейдер.

— Да нет же! Будут же они лошадиное мясо жрать, как турки, — не отвечая прокричал Кутузов, ударяя пухлым кулаком по столу, — будут и они, только бы...

(Вступление наполеоновской армии в Москву)

...В 4-м часу пополудни войска Мюрата вступали в Москву. Впереди ехал отряд виртембергских гусар, позади верхом, с большой свитой, ехал сам неаполитанский король.

Около середины Арбата, близ Николы явленного, Мюрат остановился, ожидая известия от передового отряда о том, в каком положении находилась городская крепость „le Kremlin“.

Вокруг Мюрата собралась небольшая кучка людей из остававшихся в Москве жителей. Все с робким недоумением смотрели на странного, изукрашенного перьями и золотом, длинноволосого начальника.

— Что ж, это сам что ли? Царь ихний? Ничево! — слышались тихие голоса.

Переводчик под'ехал к кучке народа.

— Шапку-то сними... шапку-то, — заговорили в толпе, обращаясь друг к другу.

Переводчик обратился к одному старому дворнику и спросил, далеко ли до Кремля. Дворник, прислушиваясь с недоумением к чуждому ему польскому акценту и не признавая звуки говора переводчика за русскую речь, не понимал, что ему говорили, и прятался за других.

Мюрат подвинулся к переводчику и велел спросить, где русские войска. Один из русских людей понял, чего у него спрашивали, и несколько голосов вдруг стали отвечать переводчику. Французский офицер из передового отряда под'ехал к Мюрату и доложил, что ворота в крепость заделаны и что, вероятно, там засада. «Хорошо», сказал Мюрат и, обратившись к одному из господ своей свиты, приказал выдвинуть четыре легких орудия и обстрелять ворота.

Артиллерия на рысях выехала из-за колонны, шедшей за Мюратом, и поехала по Арбату. Спустившись до конца Вздвигенки, артиллерия остановилась и выстроилась на площади. Несколько французских офицеров распоряжались пушками, расставляли их и смотрели в Кремль в зрительную трубу.

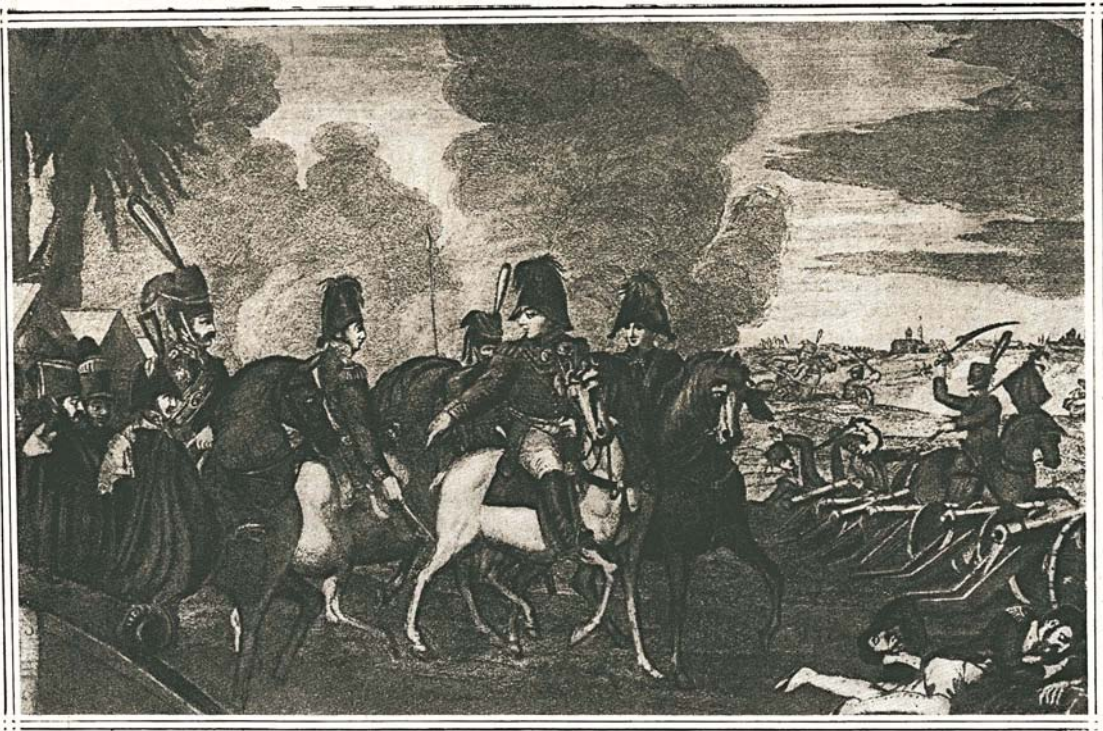
В Кремле раздавался благовест к вечерне, и этот звон смущал французов. Они предполагали, что это был призыв к оружию. Несколько человек пехотных солдат побежали к Кутафьевским воротам. В воротах лежали бревна и тесовые щиты. Два ружейные выстрела раздались из-под ворот, как только офицер с командой стал подбегать к ним. Генерал, стоявший у пушек, крикнул офицеру командные слова, и офицер с солдатом побежал назад.

Послышалось еще три выстрела из ворот.

Один выстрел задел в ногу французского солдата, и странный крик немногих голосов послышался из-за щитов. На лицах французских генерала, офицеров и солдат одновременно, как по команде, прежнее выражение веселости и спокойствия заменилось упорным, сосредоточенным выражением готовности на борьбу и страдания. Для них всех, начиная от маршала и до последнего солдата, это место не было Вздвигенка, Мохо-

СОВЕТ В ФИЛЯХ.
С картины художника Кившенко.

М. И. КУТУЗОВ СО СВОИМ ШТАБОМ.
С гравюры Карделли.

бая, Кутафья и Троицкие ворота, а это была новая местность нового поля, вероятно, кровопролитного сражения. И все приготовились к этому сражению. Крики из ворот затихли. Орудия были выдвинуты. Артиллеристы сдули нагоревшие пальники. Офицер скомандовал: пали! и два свистящие звука жестянок раздались один за другим. Картечные пули затрещали по камню ворот, бревнам и щитам, и два облака дыма заколебались на площади.

Несколько мгновений после того, как затихли перекаты выстрелов по каменному Кремлю, странный звук послышался над головами французов. Огромная стая галок поднялась над стенами и, каркая и шумя тысячами крыл, закружилась в воздухе. Вместе с этим звуком раздался человеческий одинокий крик в воротах, и из-за дыма появилась фигура человека без шапки и в кафтане. Держа ружье, он целился во французов. «Пали!» — повторил офицер, и в одно и то же время раздались один ружейный и два орудийных выстрела. Дым опять закрыл ворота.

За щитами больше ничего не шевелилось, и пехотные французские солдаты с офицерами пошли к воротам. В воротах лежало три раненых и четыре убитых человека. Два человека в кафтанах убежали низом вдоль стен к Знаменке.

— Уберите это, — сказал офицер, указывая на бревна и трупы, и французы, добив раненых, перебросили трупы вниз за ограду.

Кто были эти люди, никто не знал. «Уберите это», только сказано было про них, и их выбросили и прибрали потом, чтобы они не воняли. Один Тьер посвятил их памяти несколько красноречивых строк: «Эти несчастные наполнили священную крепость, овладели ружьями арсенала и стреляли в французов. Некоторых из них изрубили и очистили Кремль от их присутствия».

Мюрату было доложено, что путь расчищен. Французы вошли в ворота и стали размещаться лагерем на Сенатской площади. Солдаты выкидывали стулья из окон сената на площадь и раскладывали огни.

Другие отряды проходили через Кремль и размещались по Маросейке, Лубянке, Покровке. Третьи еще размещались по Воздвиженке, Знаменке, Никольской, Тверской. Везде, не находя хозяев, французы размещались не как в городе на квартирах, а как в лагере, который расположен в городе.

Хотя и оборванные, голодные, измученные и уменьшенные до $\frac{1}{3}$ части своей прежней численности, французские солдаты вступили в Москву еще в стройном порядке. Это было измученное, истощенное, но еще боевое и грозное войско. Но это было войско только до той минуты, пока солдаты этого

войска не разошлись по квартирам. Как только люди полков стали расходиться по пустым и богатым домам, так навсегда уничтожилось войско, и образовались не жители и не солдаты, а что-то среднее, называемое мародерами. Когда, через пять недель, те же самые люди вышли из Москвы, они уже не составляли более войска. Это была толпа мародеров, из которых каждый вез или нес с собой кучу вещей, которые ему казались ценны и нужны. Цель каждого из этих людей при выходе из Москвы не состояла, как прежде, в том, чтобы завоевать, а только в том, чтобы удержать приобретенное. Подобно той обезьяне, которая, запустив руку в узкое горло кувшина и захватив горсть орехов, не разжимает кулака, чтобы не потерять схваченного, и этим губит себя, французы, при выходе из Москвы, очевидно должны были погибнуть вследствие того, что они тащили с собой награбленное, но бросить это награбленное им было так же невозможно, как невозможно обезьяне разжать горсть с орехами. Через десять минут после вступления каждого французского полка в какой-нибудь квартал Москвы не оставалось ни одного солдата и офицера. В окнах домов видны были люди в шинелях и штиблетах, смеясь прохаживающиеся по комнатам; в погребках, в подвалах такие же люди хозяйничали с провизией; на дворах такие же люди отпирали или отбивали ворота сараев и конюшен; в кухнях раскладывали огни, с засученными рукавами пекли, месили и варили, пугали, смешили и ласкали женщин и детей. И этих людей везде, и по лавкам и по домам, было много; но войска уже не было.

В тот же день приказ за приказом отдавались французскими начальниками о том, чтобы запретить войскам расходиться по городу, строго запретить насилия жителей и мародерство, о том, чтобы нынче же вечером сделать общую переключку; но, несмотря ни на какие меры, люди, прежде составлявшие войско, расплывались по богатому, обильному удобствами и запасами, пустому городу. Как голодное стадо идет кучей по голому полю, но тотчас же неуправляемо разбегается, как только нападет на богатые пастбища, так же неуправляемо разбрелось и войско по богатому городу.

Жителей в Москве не было, и солдаты, как вода в песок, всачивались в нее и неуправляемой звездой расплывались во все стороны от Кремля, в который они вошли прежде всего. Солдаты-кавалеристы, входя в оставленный со всем добром купеческий дом и находя стойла не только для своих лошадей, но и лишние, все-таки шли рядом занимать другой дом, который им казался лучше. Многие занимали несколько домов, надписывая мелом, кем занят, и спорили и даже дрались с другими командами. Не успев поместиться еще, солдаты бежали на ули-

ду осматривать город и по слуху о том, что все брошено, стремились туда, где можно было забрать даром ценные вещи. Начальники ходили останавливать солдат и сами вовлекались невольно в те же действия. В Каретном ряду оставались лавки с экипажами, и генералы толпились там, выбирая коляски и кареты. Оставшиеся жители приглашали к себе начальников, надеясь тем обезопаситься от грабежа. Богатств было пропасть, и конца им не видно было; везде кругом того места, которое заняли французы, были еще неизведанные, незанятые места, в которых, как казалось французам, было еще больше богатств. И Москва все дальше и дальше всасывала их в себя. Точно как вследствие того, что нальется вода на сухую землю, исчезает вода и сухая земля: точно так же вследствие того, что голодное войско вошло в обильный, пустой город, уничтожилось войско, и уничтожился обильный город; и сделалась грязь, сделались пожары и мародерство.

* *
*

(Пожары и грабежи в Москве)

...Подпоясав кафтан и надвинув шапку, Пьер, стараясь не шуметь и не встретить капитана, прошел по коридору и вышел на улицу.

Тот пожар, на который так равнодушно смотрел он накануне вечером, за ночь значительно увеличился. Москва горела уже с разных сторон. Горели в одно и то же время Каретный ряд, Замоскворечье, Гостиный двор, Поварская, барки на Москва-реке и деревянный рынок у Дорогомиловского моста.

Путь Пьера лежал через переулок на Поварскую и оттуда на Арбат к Николе явленному, у которого он в воображении своем давно определил место, на котором должно быть совершено его дело¹. У большей части домов были заперты ворота и ставни. Улицы и переулки были пустынные. В воздухе пахло гарью и дымом. Изредка встречались русские с беспокойно-робкими лицами и французы с негородским, лагерным видом, шедшие посредине улиц. И те и другие с удивлением смотрели на Пьера. Кроме большого роста и толщины, кроме странного, мрачно-сосредоточенного и страдальческого выражения лица и всей фигуры, русские присматривались к Пьеру потому, что не понимали, к какому сословию мог принадлежать этот человек. Французы же с удивлением провожали его глазами в особенности потому, что Пьер, противно всем другим русским, испуганно или любопытно смотревшим на французов, не обращал на них никакого внимания. У ворот одного дома три фран-

¹ Безухов решил убить Наполеона. — Прим. сост.

цуза, толковавшие что-то непонимающим их русским людям, остановили Пьера, спрашивали, не знает ли он по-французски?

Пьер отрицательно покачал головой и пошел дальше. В другом переулке на него крикнул часовой, стоявший у зеленого ящика, и Пьер только на повторенный грозный крик и звук ружья, взятого часовым на руку, понял, что он должен был обойти другой стороной улицы. Он ничего не слышал и не видел вокруг себя. Он, как что-то страшное и чуждое ему, с поспешностью и ужасом нес в себе свое намерение, боясь — наученный опытом прошлой ночи — как-нибудь растерять его. Но Пьеру не суждено было донести в целости свое настроение до того места, куда он направлялся. Кроме того, ежели бы он и не был ничем задержан на пути, намерение его не могло быть исполнено уже потому, что Наполеон тому назад более 4-х часов проехал из Дорогомиловского предместья через Арбат в Кремль и теперь в самом мрачном расположении духа сидел в царском кабинете Кремлевского дворца и отдавал подробные, обстоятельные приказания о мерах, которые должны были быть приняты немедленно для тушения пожара, предупреждения мародерства и успокоения жителей. Но Пьер не знал этого; он, весь поглощенный предстоящим, мучился, как мучаются люди, упрямо предпринявшие дело невозможное — не по трудностям, но по несвойственности дела со своей природой; он мучился страхом того, что он ослабевает в решительную минуту и вследствие того потеряет уважение к себе.

Он хотя ничего не видел и не слышал вокруг себя, но инстинктом соображал дорогу и не ошибался переулками, выводившими его на Поварскую.

По мере того, как Пьер приближался к Поварской, дым становился сильнее и сильнее, становилось даже тепло от огня пожара. Изредка взвивались огненные языки из-за крыш домов. Больше народу встречалось на улицах, и народ этот был тревожнее. Но Пьер хотя и чувствовал, что что-то такое необыкновенное творилось вокруг него, не отдавал себе отчета о том, что он подходил к пожару. Проходя по тропинке, шедшей по большому незастроенному месту, примыкавшему одной стороной к Поварской, другой — к садам князя Грузинского. Пьер вдруг услышал подле самого себя отчаянный плач женщины. Он остановился, как бы пробудившись от сна, и поднял голову.

В стороне от тропинки, на засохшей пыльной траве, были свалены кучей домашние пожитки: перины, самовар, образа и сундуки. На земле подле сундуков сидела немолодая, худая женщина, с длинными высунувшимися верхними зубами, одетая в черный салоп и чепчик. Женщина эта, качаясь и приговаривая что-то, надрываясь плакала. Две девочки, от 10-ти до 12-ти

лет, одетые в грязные коротенькие платьица и салопчики, с выражением недоумения на бледных, испуганных лицах смотрели на мать. Меньшой мальчик лет семи, в чуйке и в чужом огромном картузе, плакал на руках старухи-няньки. Босоногая, грязная девка сидела на сундуке и, распустив белесую косу, обдергивала опаленные волосы, приносясь к ним. Муж, невысокий, сутуловатый человечек в вицмундире с колесообразными бакенбардочками и гладкими височками, видневшимися из-под прямо надетого картуза, с неподвижным лицом раздвигал сундуки, поставленные один на другом, и вытаскивал из-под них какие-то одеяния.

Женщина почти бросилась к ногам Пьера, когда она увидела его.

— Батюшки родимые, христиане православные, спасите, помогите, голубчик!.. Кто-нибудь помогите, — выговаривала она сквозь рыдания. — Девочку!.. Дочь!.. Дочь мою меньшую оставили!.. Сгорела!.. Ооо! Для того я тебя леле... Ооо!

— Полно, Марья Николаевна, — тихим голосом обратился муж к жене, очевидно для того только, чтобы оправдаться перед посторонним человеком. — Должно, сестрица унесла, а то больше где же быть! — прибавил он.

— Истукан, злодей! — злобно закричала женщина, вдруг прекратив плач. — Сердце в тебе нет, свое детище не жалеешь! Другой бы из огня достал. А это истукан, а не человек, не отец. Вы благородный человек, — скороговоркой, всхлипывая, обратилась женщина к Пьеру. — Загорелось рядом, бросило к нам. Девка закричала: горит! Бросились собирать. В чем были, в том и высочили... Вот что захватили... Божье благословенье да приданую постель, а то все пропало. Хвать детей — Катечки нет. Ооо! О господи!.. — и опять она зарыдала. — Дитяtko мое милое; сгорело! сгорело!

— Да где же, где же она осталась? — сказал Пьер.

По выражению оживившегося лица его женщина поняла, что этот человек мог помочь ей.

— Батюшка! Отец! — закричала она, хватая его за ноги. — Благодетель, хоть сердце мое успокой... Аниска, иди, мерзкая, проводи, — крикнула она на девку, сердито раскрывая рот и этим движением еще больше выказывая свои длинные зубы.

— Проводи, проводи, я... я... сделаю я, — запыхавшимся голосом поспешно сказал Пьер.

Грязная девка вышла из-за сундука, прибрала косу и, вздохнув, пошла тупыми босыми ногами вперед по тропинке. Пьер как бы вдруг очнулся к жизни после тяжелого обморока. Он выше поднял голову, глаза его засветились блеском жизни, и он быстрыми шагами пошел за девкой, обогнал ее и вышел на Поварскую. Вся улица была застлана тучей черного дыма. Язы-

ки пламени кое-где вырывались из этой тучи. Народ большой толпой теснился перед пожаром. В середине улицы стоял французский генерал и говорил что-то окружающим его. Пьер, сопровождаемый девкой, подошел было к тому месту, где стоял генерал, но французские солдаты остановили его.

— Тут не проходят, — крикнул ему голос.

— Сюда, дяденька, — крикнула девка: — мы переулком через Никулиных пройдем.

Пьер повернулся назад и пошел, изредка подпрыгивая, чтобы поспевать за нею. Девка перебежала улицу, повернула налево в переулок и, пройдя три дома, завернула направо в ворота.

— Вот тут сейчас, — сказала девка.

И, пробежав двор, она отворила калитку в тесовом заборе и, остановившись, указала Пьеру на небольшой деревянный флигель, горевший светло и жарко. Одна сторона его обрушилась, другая горела, и пламя ярко выбивалось из-под отверстий окон и из-под крыши.

Пройдя в калитку, Пьера обдало жаром, и он невольно остановился.

— Который, который ваш дом? — спросил он.

— О-о-ох! — завывала девка, указывая на флигель. — Он самый, она самая наша фатера была. Сгорела ты, наше сокровище. Катечка, барышня моя ненаглядная, о-ох! — завывала Аниска при виде пожара, почувствовавши необходимость выказать и свои чувства.

Пьер сунулся к флигелю; но жар был так силен, что он невольно описал дугу вокруг флигеля и очутился подле большого дома, который еще горел только с одной стороны с крыши и около которого кишела толпа французов. Пьер сначала не понял, что делали эти французы, таскавшие что-то; но, увидав перед собой француза, который бил тупым тесаком мужика, отнимая у него лисью шубу, Пьер понял смутно, что тут грабили, но ему некогда было останавливаться на этой мысли.

Звук треска и гула заваливающихся стен и потолков, свиста и шипенья пламени и оживленных криков народа; вид колеблющихся, то насупливающихся густых черных, то взмывающих, светлеющих облаков дыма, с блестками искр и где сплошного, сноповидного, красного, где чешуйчато-золотого, перебирающегося по стенам пламени; ощущение жара и дыма и быстроты движения — произвели на Пьера свое обычное возбуждающее действие пожаров. Действие это было в особенности сильно на Пьера потому, что Пьер вдруг, при виде этого пожара, почувствовал себя освобожденным от тяготивших его мыслей. Он чувствовал себя молодым, веселым, ловким и решительным. Он обежал флигелек со стороны дома и хотел уже

бежать в ту часть его, которая еще стояла, когда над самой головой его послышался крик нескольких голосов и вслед затем треск и звон чего-то тяжелого, упавшего подле него.

Пьер оглянулся и увидел в окнах дома французов, выкинувших ящик комода, наполненный какими-то металлическими вещами. Другие французские солдаты, стоявшие внизу, подошли к ящику.

— Этому что еще надо? — крикнул один из французов на Пьера.

— Ребенка в этом доме. Не видали ли вы ребенка? — сказал Пьер.

— Этот что еще толкует.

Убирайся к чорту! — послышались голоса, и один из солдат, видимо, боясь, чтобы Пьер не вздумал отнимать у них серебро и бронзы, которые были в ящике, угрожающе надвинулся на него.

— Ребенок? — закричал сверху француз, — я слышал, что то пищало в саду. Может-быть это его ребенок. Что ж, надо по человечеству. Мы все люди.

— Где он? Где он? — спрашивал Пьер.

— Сюда, сюда! — кричал ему француз из окна, показывая на сад, бывший за домом. — Погодите, я сейчас сойду.

И действительно, через минуту француз, черноглазый малый с каким-то пятном на щеке, в одной рубашке, выскочил из окна нижнего этажа и, хлопнув Пьера по плечу, побежал с ним в сад.

— Эй вы, живее, — крикнул он своим товарищам, — припекать начинает.

Выбежав за дом на усыпанную песком дорожку, француз дернул за руку Пьера и указал ему на круг. Под скамейкой лежала трехлетняя девочка в розовом платьице.

— Вот ваш ребенок, — сказал француз. — А, девочка, тем лучше. До свиданья, толстяк. Что ж, надо по человечеству. Все люди, — француз с пятном на щеке побежал назад к своим товарищам.

Пьер, задыхаясь от радости, побежал к девочке и хотел взять ее на руки. Но, увидав чужого человека, золотушно-болезненная, похожая на мать, неприятная на вид девочка закричала и бросилась бежать. Пьер однако схватил ее и поднял на руки; она завизжала отчаянно-злым голосом и своими маленькими ручонками стала отрывать от себя руки Пьера и сепливым ртом кусать их. Пьера охватило чувство ужаса и гадливости, подобное тому, которое он испытывал при прикосновении к какому-нибудь маленькому животному. Но он сделал усилие над собой, чтобы не бросить ребенка, и побежал с ним назад к большому дому. Но пройти уже нельзя было назад той

же дорогой: девки Аниски уже не было, и Пьер, с чувством жалости и отвращения прижимая к себе как можно нежнее страдальчески всхлипывавшую и мокрую девочку, побежал через сад искать другого выхода.

(Уход наполеоновской армии из Москвы)

По переулкам Хамовников пленные шли одни с своим конвоем и повозками и фурами, принадлежавшими конвойным и ехавшими сзади; но, выйдя к провиантским магазинам, они попали в середину огромного, тесно двигавшегося артиллерийского обоза, перемешанного с частными повозками.

У самого моста все остановились, дожидаясь того, чтобы продвинулись ехавшие впереди. С моста пленным открылись сзади и впереди бесконечные ряды других двигавшихся обозов. Направо, там, где загибалась Калужская дорога мимо Нескучного, пропадая вдаль, тянулись бесконечные ряды войск и обозов. Это были вышедшие прежде всех войска корпуса Богарне; назади, по Набережной и через Каменный мост, тянулись войска и обозы Нея.

Войска Даву, к которым принадлежали пленные, шли через Крымский Брод, и уже отчасти вступали в Калужскую улицу. Но обозы так растянулись, что последние обозы Богарне еще не вышли из Москвы в Калужскую улицу, а голова войск Нея уже выходила из Большой Ордынки.

Пройдя Крымский Брод пленные двигались по несколько шагов и останавливались, и опять двигались, и со всех сторон экипажи и люди все больше и больше стеснялись. Пройдя более часа те несколько сот шагов, которые отделяют мост от Калужской улицы, и дойдя до площади, где сходятся замоскворецкие улицы с Калужской, пленные, сжатые в кучу, остановились и несколько часов простояли на этом перекрестке. Со всех сторон слышался неумолкаемый, как шум моря, грохот колес и топот ног и неумолкаемые, сердитые крики и ругательства. Пьер стоял, прижатый к стене обгорелого дома, слушая этот звук, сливавшийся в его воображении с звуками барабана.

Несколько пленных офицеров, чтобы лучше видеть, влезли на стену обгорелого дома, подле которого стоял Пьер.

— Народу-то! Эка народу!.. И на пушках-то навалили! Сморти: меха... — говорили они. — Вишь, стервецы, награбили... Вон у того-то сзади, на телеге... Ведь это — с иконы, ей-богу!.. Это немцы, должно-быть. И наш мужик, ей-богу!.. Ах, подлецы! Вишь, навьючился-то, насилу идет! Вот-те на, дрожки и те захватили!.. Вишь, уселся на сундуках-то, Батюшки!.. Подрались!..

— Так его по морде-то, по морде! Этак до вечера не дождешься. Гляди, глядите... а это, верно, самого Наполеона. Видишь, лошади-то какие! в вензелях с короной. Это дом складной. Уронил мешок, не видит. Спать подрались... Женщина с ребеночком, и недурна. Да, как же; так тебя и пропустят... Смотрите, и конца нет. Девки русские, ей-богу, девки. В колясках ведь как покойно уселись.

Снова волна общего любопытства, как и около церкви в Хамовниках, надвинула всех пленных к дороге, и Пьер, благодаря своему росту, через головы других увидал то, что так привлекло любопытство пленных. В трех колясках, замешавшихся между зарядными ящиками, ехали, тесно сидя друг на друге, разряженные в ярких цветах, нарумяненные, что-то кричащие пискливыми голосами женщины...

Поезд женщин проехал. За ним тянулись опять телеги, солдаты, фуры, солдаты, палубы, кареты, солдаты, ящики, солдаты, изредка женщины.

Пьер не видал людей отдельно, а видел движение их.

Все эти люди, лошади как будто гнались какою-то невидимою силой. Все они, в продолжение часа, во время которого их наблюдал Пьер, выплывали из разных улиц с одним и тем же желанием скорее пройти: все они одинаково сталкивались с другими, начинали сердиться, драться; оскаливались белые зубы, хмурились брови, перебрасывались все одни и те же ругательства, и на всех лицах было одно и то же молодечески-решительное и жестоко-холодное выражение, которое поутру поразило Пьера при звуке барабана на лице капрала.

Уже перед вечером конвойный начальник собрал свою команду и с криком и спорами втеснился в обозы, и пленные, окруженные со всех сторон, вышли на Калужскую дорогу.

Шли очень скоро, не отдыхая, и остановились только, когда уже солнце стало садиться. Обозы надвинулись одни на других, и люди стали готовиться к ночлегу. Все казались сердиты и недовольны. Долго с разных сторон слышались ругательства, злобные крики и драки. Карета, ехавшая сзади конвойных, надвинулась на повозку конвойных и пробила ее дышлом. Несколько солдат с разных сторон сбегались к повозке; одни били по головам лошадей, запряженных в карете, сворачивая их, другие дрались между собой, и Пьер видел, что одного немца тяжело ранили тесаком в голову.

Казалось, все эти люди испытывали теперь, когда остановились посреди поля в холодных сумерках осеннего вечера, одно и то же чувство неприятного пробуждения от охватившей всех при выходе поспешности и стремительного куда-то движения. Остановившись, все как будто поняли, что неизвестно

еще, куда идут, и что на этом движении много будет тяжелого и трудного.

* * *

(Бегство наполеоновской армии)

С 28-го октября, когда начались морозы, бегство французов получило только более трагический характер замерзающих и изжаривающихся насмерть у костров людей и продолжающих в шубах и колясках ехать с награбленным добром императора, королей и герцогов; но в сущности своей процесс бегства и разложение французской армии нисколько не изменился.

От Москвы до Вязьмы из 73-тысячной французской армии, не считая гвардию (которая во всю войну ничего не делала, кроме грабежа), из 73-тысячной армии осталось 36 тысяч (из этого числа не более пяти тысяч выбыло в сражениях). Вот первый член в прогрессии, которым математически верно определяются последующие. Французская армия в той же пропорции таяла и уничтожалась от Москвы до Вязьмы, от Вязьмы до Смоленска, от Смоленска до Березины, от Березины до Вильны, независимо от большей или меньшей степени холода, преследования, заграждения пути и всех других условий, взятых отдельно. После Вязьмы войска французские, вместо трех колонн, сбились в одну кучу и так шли до конца. Бертье писал своему государю (известно, как отдаленно от истины позволяют себе начальники описывать положение армии), он писал:

«Долгом поставляю донести вашему величеству о состоянии корпусов, осмотренных мною на марше в последние три дня. Они почти в совершенном разброде. Только четвертая часть солдат остается при знаменах; прочие идут сами по себе разными направлениями, стараясь сыскать пропитания и избавиться от службы. Все думают только о Смоленске, где надеются отдохнуть. В последние дни много солдат побросали патроны и ружья. Какие бы ни были ваши дальнейшие намерения, но польза службы вашего величества требует собрать корпуса в Смоленске и отделить от них спешенных кавалеристов, безоружных, лишние обозы и часть артиллерии, ибо она теперь не в соразмерности с числом войск. Необходимо продовольствие и несколько дней покоя; солдаты изнурены голодом и усталостью; в последние дни многие умерли на дороге и на биваках. Такое бедственное положение беспрестанно усиливается и заставляет опасаться, что если не будут приняты быстрые меры для предотвращения зла, мы скоро не будем иметь войска в своей власти в случае сражения, 9-го ноября, в 30 верстах от Смоленска».

Ввалившись в Смоленск, представлявшийся им обетованной землей, французы убивали друг друга за провиант, ограбили свои же магазины и, когда было все разграблено, побежали дальше.

Все шли, сами не знали, куда и зачем они идут. Еще менее других знал это гений Наполеона, так как никто ему не приказывал. Но все-таки он и его окружающие соблюдали свои давнишние привычки: писались приказы, письма, рапорты, расписание дня; называли друг друга: ваше величество, брат мой, принц Экмюльский, король Неаполитанский и т. д. Но приказы и рапорты были только на бумаге: ничто по ним не исполнялось, потому что не могло исполняться, и, несмотря на именование друг друга величествами, высочествами и двоюродными братьями, все они чувствовали, что они жалкие и гадкие люди, наделавшие много зла, за которое теперь приходилось расплачиваться. И, несмотря на то, что они притворялись, будто заботятся об армии, они думали только каждый о себе и о том, как бы поскорее уйти и спастись.

Действия русского и французского войск во время обратной кампании от Москвы и до Немана подобны игре в жмурки, когда двум играющим завязывают глаза и один изредка звонит колокольчиком, чтобы уведомить о себе ловящего. Сначала тот, кого ловят, звонит, не боясь неприятеля, но, когда ему приходится плохо, он, стараясь неслышно идти, убегает от своего врага и часто, думая убежать, идет прямо к нему в руки.

Сначала Наполеоновские войска еще давали о себе знать — это было в первый период движения по Калужской дороге — но потом, выбравшись на Смоленскую дорогу, они побежали, прижимая рукой язычок колокольчика, и часто, думая, что они уходят, набегали прямо на русских.

При быстроте бега французов и за ними русских и, вследствие того, изнурения лошадей, главное средство приблизительного узнавания положения, в котором находится неприятель, — раз'езды кавалерии, — не существовало. Кроме того, вследствие частых и быстрых перемен положений обеих армий, сведения, какие и были, не могли поспевать во-время. Если второго числа приходило известие о том, что армия неприятеля была там-то первого числа, то третьего числа, когда можно было предпринять что-нибудь, уже армия эта сделала два перехода и находилась совсем в другом положении.

Одна армия бежала, другая догоняла. От Смоленска французам предстояло много различных дорог; и казалось бы, тут, простояв четыре дня, французы могли бы узнать, где неприятель, сообразить что-нибудь выгодное и предпринять что-нибудь новое. Но после четырехдневной остановки толпы их опять

побежали не вправо, не влево, но, без всяких маневров и соображений, по старой, худшей дороге, на Красное и Оршу — по пробитому следу.

Ожидая врага сзади, а не спереди, французы бежали, растянувшись и разделившись друг от друга на 24 часа расстояния. Впереди всех бежал император, потом короли, потом герцоги. Русская армия, думая, что Наполеон возьмет вправо за Днепр, что было одно разумно, подалась тоже вправо и вышла на большую дорогу к Красному. И тут, как в игре в жмурки, французы наткнулись на наш авангард. Неожиданно увидав врага, французы смешались, приостановились от неожиданности испуга, но потом опять побежали, бросая своих сзади следовавших товарищей. Тут, как сквозь строй русских войск, проходили три дня; одна за одной, отдельные части французов, сначала вице-короля, потом Даву, потом Нея. Все они побросали друг друга, побросали все свои тяжести, артиллерию, половину народа и убегали, только по ночам справа полукругами обходя русских.

Ней, шедший последним (потому что, несмотря на несчастное их положение или именно вследствие его, им хотелось побить тот пол, который ушиб их, он занялся взрыванием никому не мешавших стен Смоленска), — шедший последним Ней, с своим 10-тысячным корпусом, прибежал в Оршу к Наполеону только с тысячею человек, побросав и всех людей и все пушки и ночью, украдучись, пробравшись лесом через Днепр.

От Орши побежали дальше по дороге к Вильно, точно так же играя в жмурки с преследующей армией. На Березине опять замешались, многие потонули, многие сдались, но те, которые перебрались через реку, побежали дальше. Главный начальник их¹ надел шубу и, сев в сани, поскакал один, оставив своих товарищей. Кто мог — уехал тоже, кто не мог — сдался или умер.

(Партизанская война)

Одним из самых осозательных и выгодных отступлений от так называемых правил войны есть действие разрозненных людей против людей, жмущихся в кучу. Такого рода действия всегда проявляются в войне, принимающей народный характер. Действия эти состоят в том, что, вместо того, чтобы становиться толпой против толпы, люди расходятся врозь, нападают поодиночке и тотчас же бегут, когда на них нападают большими силами, а потом опять нападают, когда представляется случай.

¹ Наполеон. — *Прим. сост.*

Это делали гверильясы в Испании; это делали горцы на Кавказе; это делали русские в 1812-м году.

Войну такого рода называли партизанскою и полагали, что, назвав ее так, объяснили ее значение. Между тем такого рода война не только не подходит ни под какие правила, но прямо противоположна известному и признанному за непогрешимое, тактическому правилу. Правило это говорит, что атакующий должен сосредоточивать свои войска с тем, чтобы в момент боя быть сильнее противника.

Партизанская война (всегда успешная, как показывает история) прямо противоположна этому правилу.

Противоречие это происходит от того, что военная наука принимает силу войск тождественною с их числительностью. Военная наука говорит, что чем больше войска, тем больше силы.

Говоря это, военная наука подобна той механике, которая, основываясь на рассмотрении сил только по отношению к их массам, сказала бы, что силы равны или не равны между собою, потому, что равны или не равны их массы.

Сила (количество движения) есть произведение из массы на скорость.

В военном деле сила войск есть также произведение из массы на что-то такое, на какое-то неизвестное *x*.

Военная наука, видя в истории бесчисленное количество примеров того, что масса войск не совпадает с силой, что малые отряды побеждают большие, смутно признает существование этого неизвестного множителя и старается отыскать его то в геометрическом построении, то в вооружении, то, самое обыкновенное, в гениальности полководцев. Но подстановление всех этих значений множителя не доставляет результатов, согласных с историческими фактами.

А между тем, стоит только отрешиться от установившегося, в угоду героям, ложного взгляда на действительность распоряжений высших властей во время войны для того, чтобы отыскать этот неизвестный *x*.

X этот есть дух войска, т. е. большее или меньшее желание драться и подвергать себя опасностям всех людей, составляющих войско, совершенно независимо от того, дерутся ли люди под командой гениев или не гениев, в трех или двух линиях, дубинами или ружьями, стреляющими 30 раз в минуту. Люди, имеющие наибольшее желание драться, всегда поставят себя и в наивыгоднейшие условия для драки.

...Тактическое правило о том, что надо действовать массами при наступлении и разрозненно при отступлении, бессознательно подтверждает только ту истину, что сила войска зависит от его духа. Для того, чтобы вести людей под ядра, нужно боль-

ше дисциплины, достигаемой только движением в массах, чем для того, чтобы отбиваться от нападающих. Но правило это, при котором упускается из виду дух войска, беспрестанно оказывается неверным и в особенности поразительно противоречит действительности там, где является сильный под'ем или упадок духа войска — во всех народных войнах.

Французы, отступая в 1812-м году, хотя и должны бы защищаться отдельно по тактике, жмутся в кучу, потому что дух войска упал так, что только масса сдерживает войско вместе. Русские, напротив, по тактике должны бы были нападать массой, на деле же раздробляются, потому что дух поднят так, что отдельные лица бьют без приказа французов и не нуждаются в принуждении для того, чтобы подвергать себя трудам и опасностям.

* * *

Так называемая партизанская война началась со вступления неприятеля в Смоленск.

Прежде, чем партизанская война была официально принята нашим правительством, уже тысячи людей неприятельской армии — отсталые мародеры, фуражиры — были истреблены казаками и мужиками, побивавшими этих людей так же бессознательно, как бессознательно собаки загрызают забегающую собаку. Денис Давыдов своим русским чутьем первый понял значение той страшной дубины, которая, не спрашивая правил военного искусства, уничтожала французов, и ему принадлежит слава первого шага для узаконения этого приема войны.

24-го числа августа был учрежден первый партизанский отряд Давыдова, и вслед за его отрядом стали учреждаться другие. Чем дальше подвигалась кампания, тем более увеличивалось число этих отрядов.

Партизаны уничтожали великую армию по частям. Они подбрасывали те отпадавшие листья, которые сами собой сыпались с иссохшего дерева — французского войска, и иногда трясли это дерево. В октябре, в то время, как французы бежали к Смоленску, этих партий различных величин и характеров были сотни. Были партии, перенимавшие все приемы армии, с пехотой, артиллерией, штабами, с удобствами жизни; были одни казаки, кавалерийские; были мелкие, сборные, пешие и конные; были мужицкие и помещичьи, никому неизвестные. Был дьячок начальником партии, взявший в месяц несколько сот пленных. Была старостиха Василиса, побившая сотни французов.

Последние числа октября было время самого разгара партизанской войны. Тот первый период этой войны, во время которой партизаны, сами удивляясь своей дерзости, боялись всякую минуту быть пойманными и окруженными французами и,

не расседывая и почти не слезая с лошадей, прятались по лесам, ожидая всякую минуту погони, — уже прошел. Теперь уже война эта определилась, всем стало ясно, что можно было предпринять с французами и чего нельзя было предпринимать. Теперь уже только те начальники отрядов, которые с штабами, по правилам, ходили вдаль от французов, считали еще многое невозможным. Мелкие же партизаны, давно уже начавшие свое дело и близко высматривавшие французов, считали возможным то, о чем не смели и думать начальники больших отрядов. Казаки же и мужики, лазившие между французами, считали, что теперь уже все было возможно.

22-го октября Денисов, бывший одним из партизанов, находился с своей партией в самом разгаре партизанской страсти. С утра он с своей партией был на ходу: Он целый день по лесам, примыкавшим к большой дороге, следил за большим французским транспортом кавалерийских вещей и русских пленных, отделившимся от других войск и под сильным прикрытием, как это было известно от лазутчиков и пленных, направлявшимся к Смоленску. Про этот транспорт было известно не только Денисову и Долохову (тоже партизану с небольшой партией), ходившему близко от Денисова, но и начальникам больших отрядов с штабами; все знали про этот транспорт и, как говорил Денисов, точили на него зубы. — Двое из этих больших начальников — один поляк, другой немец — почти в одно и то же время прислали Денисову приглашение присоединиться, каждый к своему отряду, с тем, чтобы нападать на транспорт.

— Нет, бг'ат, я сам с усам, — сказал Денисов, прочтя эти бумаги, и написал немцу, что, несмотря на душевное желание, которое он имел, служить под начальством столь доблестного и знаменитого генерала, он должен лишить себя этого счастья, потому что уже поступил под начальство генерала поляка. Генералу же поляку он написал то же самое, уведомляя его, что он уже поступил под начальство немца.

Распорядившись таким образом, Денисов намеревался без донесения о том высшим начальникам, вместе с Долоховым атаковать и взять этот транспорт своими небольшими силами. Транспорт шел 22-го октября от деревни Микулиной к деревне Шамшевой. С левой стороны дороги от Микулина к Шамшеву шли большие леса, местами подходившие к самой дороге, местами отдалявшиеся от дороги на версту и больше. По этим-то лесам целый день, то углубляясь в середину их, то выезжая на опушку, ехал с партией Денисов, не выпуская из виду двигавшихся французов. С утра недалеко от Микулина, там, где лес близко подходил к дороге, казаки из партии Денисова захватили две стоявшие в грязи французские фуры с кавалерийскими седлами и увезли их в лес. С тех пор и до само-

го вечера партия, не нападая, следила за движением французов. Надо было, не испугав их, дать спокойно пройти до Шамшева и тогда, соединившись с Долоховым, который должен был к вечеру приехать на совещание к караулке в лесу (в версте от Шамшева), на рассвете пасть с двух сторон, как снег на голову, и побить и забрать всех разом.

Позади, в двух верстах от Микулина, там, где лес подходил к самой дороге, было оставлено шесть казаков, которые должны были донести сейчас же, как только покажутся новые колонны французов.

Впереди Шамшева точно так же Долохов должен был исследовать дорогу, чтобы знать, на каком расстоянии есть еще другие французские войска. При транспорте предполагалось 1 500 человек. У Денисова было 200 человек, у Долохова могло быть столько же. Но превосходство числа не останавливало Денисова. Одно только, что еще нужно было знать ему, это то, какие именно были эти войска; и для этой цели Денисову нужно было взять языка (т. е. человека из неприятельской колонны). В утреннее нападение на фуры дело сделалось с такой поспешностью, что бывших при фурах французов всех перебили и захватили живым только мальчишку-барабанщика, который был отсталый и ничего не мог сказать положительно о том, какие были войска в колонне.

Нападать другой раз Денисов считал опасным, чтобы не встревожить всю колонну, и потому он послал вперед в Шамшево бывшего при его партии мужика Тихона Щербатого захватить, ежели можно, хоть одного из бывших там французских передовых квартирьеров.

Был осенний теплый дождливый день. Небо и горизонт были одного и того же цвета мутной воды. То падал как будто туман, то вдруг припускал косой крупный дождь.

На породистой, худой, с подтянутыми боками лошади, в бурке и папахе, с которых струилась вода, ехал Денисов. Он так же, как и лошадь, косившая голову и поджимавшая уши, морщился от косого дождя и озабоченно присматривался вперед. Исхудавшее и обросшее густой, короткой черной бородой лицо его казалось сердито.

Рядом с Денисовым, также в бурке и папахе, на сытом, крупном донце ехал казачий эсаул — сотрудник Денисова.

Эсаул Ловайский третий, также в бурке и папахе, был длинный, плоский, как доска, белолицый, белокурый человек с узкими светлыми глазками и спокойно-самодовольным выражением и в лице и в посадке. Хотя и нельзя было сказать, в чем состояла особенность лошади и седока, но при первом взгляде

на эсаула и Денисова видно было, что Денисову и мокро, и неловко, — что Денисов человек, который сел на лошадь; тогда как, глядя на эсаула, видно было, что ему так же удобно и покойно, как и всегда, и что он не человек, который сел на лошадь, а человек вместе с лошадью одно, увеличенное двойною силою, существо.

Немного впереди их шел насквозь промокший мужичок-проводник, в сером кафтане и белом колпаке.

Немного сзади на худой, тонкой киргизской лошаденке, с огромным хвостом и гривой и с продранными в кровь губами, ехал молодой офицер в синей французской шинели.

Рядом с ним ехал гусар, везя за собой на крупной лошади мальчика в французском оборванном мундире и синем колпаке. Мальчик держался красными от холода руками за гусара; пошевеливал, стараясь согреть их, свои босые ноги и, подняв брови, удивленно оглядывался вокруг себя. Это был взятый утром французский барабанщик.

Сзади по три, по четыре по узкой, раскиснувшей и изъезженной лесной дороге, тянулись гусары, потом казаки, кто в бурке, кто в французской шинели, кто в попоне, накинутаю на голову. Лошади, и рыжие и гнедые, все казались воронными от струившегося с них дождя. Шеи лошадей казались странно тонкими от смокших грив. От лошадей поднимался пар. И одежды, и седла, и поводья — все было мокро, склизко и раскисло, так же, как и земля и опавшие листья, которыми была уложена дорога. Люди сидели нахохлившись, стараясь не шевелиться, чтобы отогреть ту воду, которая пролилась до тела, и не пропускать новую, холодную, подтекавшую под сиденья, колени и за шею. В середине вытянувшихся казаков две фуры на французских и подпряженных в седлах казачьих лошадях громыхали по пням и сучьям и бурчали по наполненным водою колеям дороги.

Лошадь Денисова, обходя лужу, которая была на дороге, потянулась в сторону и толкнула его коленкой о дерево.

— Э, чо'т! — злобно вскрикнул Денисов и, оскалив зубы, плетью раза три ударил лошадь, забрызгав себя и товарищей грязью.

Денисов был не в духе: и от дождя, и от голода (с утра никто ничего не ел), и, главное, оттого, что от Долохова до сих пор не было известий и посланный взять языка не возвращался.

«Едва ли выйдет другой такой случай, как нынче, напасть на транспорт. Одному нападать слишком рискованно, а отложить до другого дня, — из-под носа захватит добычу кто-нибудь из больших партизанов», думал Денисов, беспрестанно взглядывая вперед, думая увидеть ожидаемого посланного от Долохова.

Выехав на просеку, по которой видно было далеко направо, Денисов остановился.

— Едет кто-то, — сказал он.

Эсаул посмотрел по направлению, указываемому Денисовым.

— Едут двое — офицер и казак. Только не предположительно, чтобы был сам подполковник, — сказал эсаул, любивший употреблять неизвестные казакам слова.

Ехавшие, спустившись под гору, скрылись из вида и через несколько минут опять показались. Впереди усталым галопом, погоняя нагайкой, ехал офицер — растрепанный, насквозь промокший и с взбившимися выше колен панталонами. За ним, стоя на стременах, рысил казак. Офицер этот, очень молоденький мальчик, с широким румяным лицом и быстрыми, веселыми глазами, подскакал к Денисову и подал ему промокший конверт.

— От генерала, — сказал офицер: — извините, что не совсем сухо...

Денисов, нахмурившись, взял конверт и стал распечатывать.

— Вот говорили все, что опасно, опасно, — сказал офицер, обращаясь к эсаулу в то время, как Денисов читал поданный ему конверт. — Впрочем, мы с Комаровым, — он указал на казака, — приготовились. У нас по два писто... А это что ж? — спросил он, увидав французского барабанщика. — Пленный? Вы уже в сражении были? Можно с ним поговорить?

— Гостов! Петя! — крикнул в это время Денисов, пробежав поданный ему конверт. — Да как же ты не сказал, кто ты? — и Денисов с улыбкой, обернувшись, протянул руку офицеру.

Офицер этот был Петя Ростов.

Во всю дорогу Петя приготавливался к тому, как он, как следует большому и офицеру, не намекая на прежнее знакомство, будет держать себя с Денисовым. Но как только Денисов улыбнулся ему, Петя тотчас же просиял, покраснел от радости и забыл приготовленную официальность, начал рассказывать о том, как он проехал мимо французов и как он рад, что ему дано такое поручение, и что он уже был в сражении под Вязьмой, и что там отличился один гусар.

— Ну, я г'ад тебя видеть, — перебил его Денисов, и лицо его приняло опять озабоченное выражение.

— Михаил Феоклитыч, — обратился он к эсаулу. — Ведь это опять от немца. Он пг'и нем состоит.

И Денисов рассказал эсаулу, что содержание бумаги, привезенной сейчас, состояло в повторенном требовании от генерала немца присоединиться для нападения на транспорт.

— Ежели мы его завт'а не возьмем, он у нас из-под носа выг'вет, — заключил он.

В то время, как Денисов говорил с эсаулом, Петя, сконфуженный холодным тоном Денисова и предполагая, что причиною этого тона было положение его панталон, так, чтобы никто этого не заметил, под шинелью поправлял взбившиеся панталоны, стараясь иметь вид как можно воинственнее.

— Будет какое приказание от вашего высокоблагородия? — сказал он Денисову, приставляя руку к козырьку и опять возвращаясь к игре в ад'ютанта и генерала, к которой он приготовился, — или должен я оставаться при вашем высокоблагородии?

— Пг'иказания?.. — задумчиво сказал Денисов. — Да ты можешь ли остаться до завт'ашнего дня?

— Ах, пожалуйста... Можно мне при вас остаться? — вскрикнул Петя.

— Да как тебе именно велено от генег'ала — сейчас вег'нуться? — спросил Денисов.

Петя покраснел.

— Да он ничего не велел; я думаю, можно? — сказал он вопросительно.

— Ну, ладно, — сказал Денисов.

И, обратившись к своим подчиненным, он сделал распоряжение о том, чтоб партия шла к назначенному у караулки в лесу месту отдыха и чтобы офицер на киргизской лошади (офицер этот исполнял должность ад'ютанта) ехал отыскивать Долохова, узнать, где он и придет ли он вечером. Сам же Денисов с эсаулом и Петей намеревался под'ехать к опушке леса, выходящей к Шамшеву, с тем, чтобы взглянуть на то место расположения французов, на которое должно было быть направлено завтрашнее нападение.

— Ну, бог'ода, — обратился он к мужику-проводнику, — веди к Шамшеву.

Денисов, Петя и эсаул, сопровождаемые несколькими казаками и гусаром, который вез пленного, поехали влево, через овраг, к опушке леса.

* * *

Дождик прошел, только падал туман и капли воды с веток деревьев. Денисов, эсаул и Петя молча ехали за мужиком в колпаке, который, легко и беззвучно ступая своими вывернутыми в ладнях ногами по корням и мокрым листьям, вел их к опушке леса.

Выйдя на изволок, мужик приостановился, огляделся и направился в редевшей стене деревьев. У большого дуба, еще не скинувшего листа, он остановился и таинственно поманил к себе рукой.

Денисов и Петя под'ехали к нему. С того места, на котором остановился мужик, были видны французы. Сейчас за лесом шло вниз полубугром яркое поле. Вправо, через крутой овраг, виднелась небольшая деревушка и барский домик с разваленными крышами. В этой деревушке и в барском доме, и по всему бугру, в саду, у колодцев и пруда, и по всей дороге в гору от моста к деревне не более как в 200-х саженях расстояния виднелись в колеблющемся тумане толпы народа. Слышны были явственно их нерусские крики на выдиравшихся в гору лошадей в повозках и призывы друг другу.

— Пленного дайте сюда, — негромко сказал Денисов, не спуская глаз с французов.

Казак слез с лошади, снял мальчика и вместе с ним подошел к Денисову. Денисов, указывая на французов, спрашивал, какие и какие это были войска. Мальчик, засунув свои озябшие руки в карманы и подняв брови, испуганно смотрел на Денисова, и, несмотря на видимое желание сказать все, что он знал, путался в своих ответах и только подтверждал то, что спрашивал Денисов. Денисов, нахмурившись, отвернулся от него и обратился к эсаулу, сообщая ему свои соображения.

Петя, быстрыми движениями поворачивая голову, оглядывался то на барабанщика, то на Денисова, то на эсаула, то на французов в деревне и на дороге, стараясь не пропустить чего-нибудь важного.

— Пг'идет, не пг'идет Долохов, надо бг'ать!.. А? — сказал Денисов, весело блеснув глазами.

— Место удобное, — сказал эсаул.

— Пехоту низом пошлем — болотами, — продолжал Денисов: — они подлезут к саду; вы заедете с казаками оттуда, — Денисов указал на лес за деревней, — а я отсюда с своими гусагами. И по выстг'елу...

— Ложиной нельзя будет — трясина, — сказал эсаул. — Коней увязишь, надо об'езжать полевее...

В то время, как они вполголоса говорили таким образом, внизу, в ложине от пруда, щелкнул один выстрел, забелелся дымок, другой, и послышался дружный, как будто веселый крик сотен голосов французов, бывших на полугоре. В первую минуту и Денисов и эсаул подались назад. Они были так близко, что им показалось, что они были причиной этих выстрелов и криков. Но выстрелы и крики не относились к ним. Низом, по болотам, бежал человек в чем-то красном. Очевидно, по нем стреляли и на него кричали французы.

— Ведь это Тихон наш, — сказал эсаул.

— Он! он и есть!

— Эка шельма! — сказал Денисов.

— Уйдет! — щуря глаза, сказал эсаул.

Человек, которого они называли Тихоном, подбежав к речке, бултыхнулся в нее так, что брызги полетели, и, скрывшись на мгновение, весь черный от воды, выбрался на четвереньках и побежал дальше. Французы, бежавшие за ним, остановились.

— Ну ловок, — сказал эсаул.

— Экая бестия! — с тем же выражением досады проговорил Денисов. — И что он делал до сих пор?

— Это кто? — спросил Петя.

— Это наш пластун. Я его посылал языка взять.

— Ах, да, — сказал Петя с первого слова Денисова, кивая головой, как будто он все понял, хотя он решительно не понял ни одного слова.

Тихон Щербатый был один из самых нужных людей в партии. Он был мужик из Покровского под Гжатыю. Когда при начале своих действий Денисов пришел в Покровское и, как всегда, призвав старосту, спросил о том, что им известно про французов, староста отвечал, как отвечали и все старосты, как бы защищаясь, что они ничего знать не знают, ведать не ведают. Но когда Денисов объяснил им, что его цель — бить французов, и когда он спросил, не забредали ли к ним французы, то староста сказал, что миродеры бывали точно, но что у них в деревне только один Тишка Щербатый занимался этими делами. Денисов велел позвать к себе Тихона и, похвалив его за его деятельность, сказал при старосте несколько слов о той верности царю и отечеству и ненависти к французам, которую должны блюсти сыны отечества.

— Мы французам худого не делаем, — сказал Тихон, видимо оробев при этих словах Денисова. — Мы только так, значит, по охоте баловались с ребятами. Миродеров точно десятка два побили, а то мы худого не делали..

На другой день, когда Денисов, совершенно забыв про этого мужика, вышел из Покровского, ему доложили, что Тихон пристал к партии и просился, чтобы его при ней оставили. Денисов велел оставить его.

Тихон, сначала исправлявший черную работу раскладки костров, доставления воды, обдирания лошадей и т. п., скоро оказал большую охоту и способность к партизанской войне. Он по ночам уходил на добычу и всякий раз приносил с собой платье и оружие французское, а когда ему приказывали, то приводил и пленных. Денисов отставил Тихона от работ, стал брать его с собой в раз'езды и зачислил в казаки.

Тихон не любил ездить верхом и всегда ходил пешком, никогда не отставая от кавалерии. Оружие его составляли мушкетон, который он носил больше для смеха, пика и топор, которым он владел, как волк владеет зубами, одинаково легко вы-

бирая ими блох из шерсти и перекусывая толстые кости. Тихон одинаково верно со всего размаха раскалывал топором бревно и, взяв топор за обух, выстрагивал им тонкие колышки и вырезывал ложки. В партии Денисова Тихон занимал свое особенное, исключительное место. Когда надо было сделать что-нибудь особенно трудное и гадкое — выворотить плечом в грязи повозку, за хвост вытащить из болота лошадь, ободрать ее, залезть в самую середину французов, пройти в день по 50 верст, — все указывали, посмеиваясь, на Тихона.

— Что ему, чорту, делается, меринина здоровенный, — говорили про него.

Один раз француз, которого брал Тихон, выстрелил в него из пистолета и попал ему в мякоть спины. Рана эта, от которой Тихон лечился только водкой, внутренне и наружно, была предметом самых веселых шуток во всем отряде, и шуток, которым охотно поддавался Тихон.

— Что, брат, не будешь? Али скрючило? — смеялись ему казаки.

Тихон, нарочно скорчившись и делая рожи, притворяясь, что он сердится, самыми смешными ругательствами бранил французов. Случай этот имел на Тихона только то влияние, что после своей раны он редко приводил пленных.

Тихон был самый полезный и храбрый человек в партии. Никто больше его не открыл случаев нападения, никто больше его не побрал и не побил французов; и вследствие этого он был шут всех казаков, гусаров и сам охотно поддавался этому чину. Теперь Тихон был послан Денисовым, в ночь еще, в Шамшево для того, чтобы взять языка. Но или потому, что он не удовлетворился одним французом, или потому, что он проспал ночь, он днем залез в кусты, в самую середину французов и, как видел с горы Денисов, был открыт ими.

* * *

Поговорив еще несколько времени с эсаулом о завтрашнем нападении, которое теперь, глядя на близость французов, Денисов, казалось, окончательно решил, он повернул лошадь и поехал назад.

— Ну, б'рат, тепе'ъ поедем обсушимся, — сказал он Пете.

Подъезжая к лесной караулке, Денисов остановился, вглядываясь в лес. По лесу, между деревьев, большими легкими шагами шел на длинных ногах, с длинными мотающимися руками, человек в куртке, лаптях и казанской шляпе, с ружьем через плечо и топором за поясом. Увидав Денисова, человек этот поспешно швырнул что-то в кусты и, сняв с отвисшими полями мокрую шляпу, подошел к начальнику. Это был Тихон. Изрытое оспой и морщинами лицо его с маленькими узкими глазами

сияло самодовольным весельем. Он высоко поднял голову и, как будто удерживаясь от смеха, уставился на Денисова.

— Ну, где пропал? — сказал Денисов.

— Где пропал? За французами ходил, — смело и поспешно отвечал Тихон хриплым, но певучим басом.

— Зачем же ты днем полез? Скотина. Ну что ж, не взял?..

— Взять-то взял, — сказал Тихон.

— Где ж он?

— Да я его взял сперва-наперво на зорьке еще, — продолжал Тихон, переставляя пошире плоские вывернутые в лаптях ноги, — да и свел в лес. Вижу — не ладен. Думаю, дай схожу, другого поаккуратнее какого возьму.

— Ишь, шельма, так и есть, — сказал Денисов эсаулу. — Зачем же ты этого не привел?

— Да-что ж его водить-то, — сердито и поспешно перебил Тихон, — не гожающий. Разве я не знаю, каких вам надо?

— Эка бестия!.. Ну?..

— Пошел за другим, — продолжал Тихон, — подполз я таким манером в лес, да и лег. — Тихон неожиданно и гибко лег на брюхо, представляя в лицах, как он это сделал. — Один и навернись, — продолжал он. — Я его таким манером и сграбь. (Тихон быстро, легко вскочил.) Пойдем, говорю, к полковнику. Как загалдит. А их тут четверо. Бросились на меня с шпажками. Я на них таким манером топором: что вы, мол, христос с вами, — вскрикнул Тихон, размахнув руками и, грозно хмурясь, выставя грудь.

— То-то мы с горы видели, как ты стречка задавал через лужи-то, — сказал эсаул, суживая свои блестящие глаза.

Пете очень хотелось смеяться, но он видел, что все удерживались от смеха. Он быстро переводил глаза с лица Тихона на лицо эсаула и Денисова, не понимая того, что все это значило.

— Ты дуг'ака-то не п'едставляй, — сказал Денисов, сердито покашливая. — Зачем пег'ового не привел?

Тихон стал чесать одной рукой спину, другой голову; вдруг вся рожа его растянулась в сияющую глупую улыбку, открывшую недостаток зуба (за что он и прозван Щербатый). Денисов улыбнулся, и Петя залился веселым смехом, к которому присоединился и сам Тихон.

— Да что, совсем неисправный, — сказал Тихон. — Одежка плохонькая на нем, куда же его водить-то. Да и грубиян, ваше благородие. «Как же», говорит, «я сам анаральский сын: не пойду», говорит.

— Эка скотина! — сказал Денисов. — Мне г'аассп'осить надо...

— Да я его спрашивал, — сказал Тихон. — Он говорит:

«плохо знаком». Наших, говорит, и много, да все плохие, только, говорит, одна названия. Ахнете, говорит, хорошенько, всех заберете, — заключил Тихон, весело и решительно взглянув в глаза Денисова.

— Вот я те всыплю сотню гог'ячих, ты и будешь дуг'ака-то ког'чить, — сказал Денисов строго.

— Да что же сердчать-то, — сказал Тихон, — что ж, я не видал французов ваших? Вот дай позатемнеет, я тебе, каких хошь, хоть троих приведу.

— Ну, поедем, — сказал Денисов, и до самой караулки он ехал, сердито нахмурившись и молча.

Тихон зашел сзади, и Петя слышал, как смеялись с ним и над ним казаки о каких-то сапогах, которые он бросил в куст.

...Посланный офицер встретил Денисова на дороге с известием, что Долохов сам сейчас приедет и что с его стороны все благополучно.

...Уже смеркалось, когда Денисов с Петей и эсаулом под'ехали к караулке. В полутьме виднелись лошади в седлах, казаки, гусары, прилаживавшие шалашики на поляне и (чтобы не видели дыма французы) разводившие красневший огонь в лесном овраге. В сенях маленькой избушки казак, засучив рукава, рубил баранину. В самой избе были три офицера из партии Денисова, устраивавшие стол из двери. Петя снял, отдав сушить, свое мокрое платье и тотчас же принялся содействовать офицерам в устройстве обеденного стола.

Через десять минут был готов стол, покрытый салфеткой. На столе была водка, ром в фляжке, белый хлеб и жареная баранина с солью.

(После изгнания наполеоновской армии из Москвы)

...Так же, как трудно об'яснить, для чего, куда спешат муравьи из раскиданной кучки, одни прочь из кучки таща соринки, яйца и мертвые тела, другие назад в кучку — для чего они сталкиваются, догоняют друг друга, дерутся — так же трудно было бы об'яснить причины, заставлявшие русских людей, после выхода французов, толпиться в том месте, которое прежде называлось Москвою. Но так же как, глядя на рассыпанных вокруг разоренной кучки муравьев, несмотря на полное уничтожение кучки, видно, по цепкости, энергии, по бесчисленности копошащихся насекомых, что разорено все, кроме чего-то неразрушимого, невещественного, составляющего всю силу кучки, — так же и Москва, в октябре месяце, несмотря на то, что не было ни начальства, ни церквей, ни святыни, ни богатств,

ни домов, была той же Москвою, какою была в августе. Все было разрушено, кроме чего-то неведущего, но могущего и неразрушимого.

Побуждения людей, стремящихся со всех сторон в Москву, после ее очищения от врага, были самые разнообразные, личные и в первое время большей частью — дикие, животные. Одно только побуждение было общим всем, — это стремление туда, в то место, которое прежде называлось Москвою, для приложения там своей деятельности.

Через неделю в Москве уже было 15 тысяч жителей, через две было 25 тысяч и т. д. Все возвышаясь и возвышаясь, число это к осени 1813 года дошло до цифры, превосходящей население 12-го года.

Первые русские люди, которые вступили в Москву, были казаки отряда Винценгероде, мужики из соседних деревень и бежавшие из Москвы и скрывавшиеся в ее окрестностях жители.

...Французы застали Москву хотя и пустую, но со всеми формами органически правильно жившего города, с его различными отправлениями торговли, ремесел, роскоши, государственного управления, религии. Формы эти были безжизненны, но они еще существовали. Были ряды, лавки, магазины, лабазы, базары, — большинство с товарами; были фабрики, ремесленные заведения; были дворцы, богатые дома, наполненные предметами роскоши; были больницы, остроги, присутственные места, церкви, соборы. Чем долее оставались французы, тем более уничтожались эти формы городской жизни, и под конец все слилось в одно нераздельное, безжизненное поле грабежа.

Грабеж французов, чем больше он продолжался, тем больше разрушал богатства Москвы и силы грабителей...

Кроме грабителей, народ самый разнообразный, влекомый кто любопытством, кто долгом службы, кто расчетом, — домовладельцы, духовенство, высшие и низшие чиновники, торговцы, ремесленники, мужики с разных сторон, как кровь к сердцу, — приливал к Москве.

Через неделю уже мужики, приезжавшие с пустыми подводами для того, чтобы увозить вещи, были останавливаемы начальством и принуждаемы к тому, чтобы вывозить мертвые тела из города. Другие мужики, прослышав про неудачу товарищей, приезжали в город с хлебом, овсом, сеном, сбивая цену друг другу до цены ниже прежней. Артели плотников, надеясь на дорогие заработки, каждый день входили в Москву, и со всех сторон рубились новые и чинились старые, погорелые дома. Купцы в балаганах открывали торговлю. Харчевни, постоялые дворы устраивались в обгорелых домах. Духовенство возобновляло службы во многих непогоревших церквях. Жертвователи приносили разграбленные церковные вещи. Чиновники

прилаживали свои столы с сукном и шкафы с бумагами в маленьких комнатах. Высшее начальство и полиция распоряжались раздачею оставшегося после французов добра. Хозяева тех домов, в которых было много оставлено съезженных из других домов вещей, жаловались на несправедливость съеза всех вещей в Грановитую палату; другие настаивали на том, что французы из разных домов съезили вещи в одно место, и оттого несправедливо отдавать хозяину дома те вещи, которые у него найдены. Бранили полицию; подкупали ее; писали вдесятеро сметы на погоревшие казенные вещи; требовали вспомоществований. Граф Ростопчин писал свои прокламации.

А. И. ГЕРЦЕН

БЫЛОЕ И ДУМЫ ¹

(Отрывок)

— Вера Артамоновна, ну, расскажите мне еще разок, как французы приходили в Москву, — говаривал я, потягиваясь на своей кровати, обшитой холстиной, чтобы я не вывалился, и завертываясь в стеганое одеяло.

— И! Что это за рассказы, уж столько раз слышали, да и почивать пора, лучше завтра пораньше встаньте, — отвечала обыкновенно старушка, которой столько же хотелось повторить свой любимый рассказ, сколько мне его слушать.

— Да вы немножко расскажите... Ну, как же вы узнали, ну, с чего же началось?

— Так и началось. Папенька-то ваш, знаете какой, все в долгий ящик откладывает: собирался, собирался, да вот и собрался! Все говорили, пора ехать, чего ждать, почитай в городе никого не оставалось. Нет, все с Павлом Ивановичем ² переговаривают, как вместе ехать: то тот не готов, то другой. Наконец-таки мы уложились, и коляска была готова; господа сели завтракать, вдруг наш кухмистр вошел в столовую, такой бледный, да и докладывает: «Неприятель в Драгомиловскую ³ заставу вступил», так у нас у всех сердце и опустилось, сила, мол, крестная с нами! Все переполошилось; пока мы суетились да ахали, смотрим — а по улице скачут драгуны в таких касках

¹ Живой и яркий рассказ А. И. Герцена художественно рисует положение части московского населения, застигнутой врасплох приходом неприятеля. В центре рассказа — характерная фигура отца писателя И. А. Яковлева, которому неожиданно пришлось сделаться парламентом Наполеона. — *Прим. сост.*

² Голохвостов, муж сестры отца А. И. Герцена.

³ Дорогомиловскую.

и с лошадиным хвостом сзади. Заставы все заперли, вот ваш папенька и остался у праздника, да и вы с ним; вас кормилица Дарья тогда еще грудью кормила, такие были щедрые да слабые.

И я с гордостью улыбался, довольный, что принимал участие в войне.

— Сначала еще шло кое-как, первые дни, т. е. ну так, бывало, взойдут два-три солдата и показывают, нет ли выпить; поднесем им рюмочки, как следует, они и уйдут, да еще сделают под козырек. А тут видите, как пошли пожары, все больше да больше, сделалась такая неурядица, грабеж пошел и всякие ужасы. Мы тогда жили во флигеле у княжны Хованской, дом загорелся; вот Павел Иванович говорит, пойдете ко мне, мой дом каменный, стоит глубоко во дворе, стены капитальные; пошли мы, и господа и люди, все вместе, тут не было разбора; выходим на Тверской бульвар, а уж и деревья начинают гореть; добрались мы, наконец, до Голохвастовского дома, а он так и пышит — огонь из всех окон. Павел Иванович остолбенел, глазам не верит. За домом, знаете, большой сад, мы туда, думаем, там останемся сохранны; сели пригорюнившись по скамеечкам, вдруг откуда ни возьмись ватага солдат, препьяных, один бросился с Павла Ивановича дорожный тулупчик скидывать; старик не дает, солдат выхватил тесак да по лицу его и хват, — так у них до кончины шрам и остался; другие принялись за нас, один солдат вырвал вас у кормилицы, развернул пеленки, нет ли-де каких ассигнаций или брильянтов, видит, что ничего нет, так нарочно, озорник, изорвал пеленки, да и бросил. Только они ушли, случилась вот такая беда. Помните нашего Платона, что в солдаты отдал? Он сильно любил выпить, и был он в этот день очень в кураже; повязал себе саблю, так и ходил. Граф Ростопчин всем раздавал в арсенале за день до вступления неприятеля всякое оружие, вот и он промыслил себе саблю. Под вечер видит он, что драгун верхом въехал на двор: возле конюшни стояла лошадь, драгун хотел ее взять с собой, но только Платон стремглав бросился к нему и, уцепившись за поводья, сказал: «Лошадь наша, я тебе ее не дам». Драгун погрозил ему пистолетом, да, видно, он не был заряжен; барин сам видел и закричал ему: «Оставь лошадь, не твое дело». Куда ты! Платон выхватил саблю, да как хватит его по голове, драгун-то покачнулся, а он его еще и еще. Ну, думаем мы, теперь пришла наша смерть: как увидят его товарищи, тут нам и конец. А Платон-то, как драгун свалился, схватил его за ноги и стащил в творило, так его и бросил, бедняжку, а еще он был жив; лошадь его стоит, ни с места и бьет ногой землю, словно понимает; наши люди заперли ее в конюшню, должно-быть, она там сгорела. Мы все скорей со дво-

ра долой, пожар-то все страшнее и страшнее: измученные, не евши, взошли мы в какой-то уцелевший дом и бросились отдохнуть; не прошло часу, наши люди с улицы кричат: «выходите, выходите, огонь, огонь!» Тут я взяла кусок равендюка с бильярда и завернула вас от ночного ветра; добрались мы так до Тверской площади, тут французы тушили, потому что их набольший жил в губернаторском доме; сели мы так просто на улице, караульные везде ходят, другие верховые ездят. А вы-то кричите, надсаждаетесь, у кормилицы молоко пропало, ни у кого ни куска хлеба. С нами была тогда Наталья Константиновна, знаете бой-девка; она увидела, что в углу солдаты что-то едят, взяла вас и прямо к ним, показывает: маленькому, мол, манже; они сначала посмотрели на нее так сурово, да и говорят: але, але; а она их ругать, экие, мол, окаянные, такие-сякие; солдаты ничего не поняли, а так и прыснули со смеха и дали ей для вас хлеба моченого с водой и ей дали краюшку. Утром рано подходит офицер и всех мужчин забрал и вашего папеньку тоже, оставил одних женщин, да раненого Павла Ивановича, и повел их тушить окольные дома. Так до самого вечера пробыли мы одни; сидим и плачем, да и только. В сумерки приходит барин и с ним какой-то офицер...

Позвольте мне сменить старушку и продолжать ее рассказ.

«Мой отец, окончив свою бранд-майорскую должность, встретил у Страстного монастыря эскадрон итальянской конницы, он пошел к их начальнику и рассказал ему по-итальянски, в каком положении находится семья. Итальянец, услышав *la sua dolcefavella*, обещал переговорить с герцогом Тревизским и предварительно поставить часового в предупреждение диких сцен в роде той, которая была в саду Голохвастова. С этим приказанием он отправил офицера с моим отцом. Услышав, что вся команда второй день ничего не ела, офицер повел всех в разбитую лавку; цветочный чай и левантский кофе были выброшены на пол вместе с большим количеством фиников, винных ягод, миндаля; люди наши набили себе ими карманы; в десерте недостатка не было. Часовой оказался чрезвычайно полезен: раз десять ватаги солдат придирались к несчастной кучке женщин и людей, расположившихся на кочевье в углу Тверской площади, но тотчас уходили по его приказу.

Мортье вспомнил, что он знал моего отца в Париже, и доложил Наполеону; Наполеон велел на другое утро представить его себе. В синем поношенном полуфраке с бронзовыми пуговицами, назначенном для охоты, без парика, в сапогах, несколько дней нечищенных, в черном белье, с небритой бородой, мой отец — поклонник приличий и строжайшего этикета — явился в тронную залу Кремлевского дворца по зову императора французов.

Разговор их, который я столько раз слышал, довольно верно передан в истории барона Фен и в истории Михайловского-Данилевского.

После обыкновенных фраз, отрывистых слов и лаконических отметок, которым лет тридцать пять приписывали глубокий смысл, пока не догадались, что смысл их очень часто был пошл, Наполеон разбил Ростопчина за пожар, говорил, что это был вандализм, уверял, как всегда, в своей непреодолимой любви к миру, толковал, что его война в Англии, а не в России, хвастался тем, что поставил караул к Воспитательному дому и к Успенскому собору, жаловался на Александра, говорил, что он дурно окружен, что мирные расположения его неизвестны императору.

Отец мой заметил, что предложить мир скорее дело победителя.

— Я сделал, что мог, я посылал к Кутузову, он не вступает ни в какие переговоры и не доводит до сведения государя моих предложений. Хотят войны, не моя вина, — будет им война.

После всей этой комедии отец мой попросил у него пропуск для выезда из Москвы.

— Я пропусков не велел никому давать... Зачем вы едете? Чего вы боитесь? Я велел открыть рынки!

Император французов в это время, кажется, забыл, что сверх открытых рынков не мешает иметь покрытый дом и что жить на Тверской площади среди неприятельских солдат не из самых приятных. Отец мой заметил это ему. Наполеон подумал и вдруг спросил:

— Возьметесь ли вы доставить императору письмо от меня? На этом условии я велю вам дать пропуск со всеми вашими.

— Я принял бы предложение вашего величества, — заметил ему мой отец, — но мне трудно. Je m'engage sur mon honneur¹.

— Это довольно. Я пришлю за вами. Имеете ли вы в чем-нибудь нужду?

— В крыше для моего семейства, пока я здесь, больше ни в чем.

— Герцог Тревизский сделает, что может...

Мортье действительно дал комнату в генерал-губернаторском доме и велел нас снабдить с'естными припасами; его метрд'отель прислал даже вина. Так прошло несколько дней, после которых, в четыре часа утра, Мортье прислал за моим отцом ад'ютанта и отправил его в Кремль.

Пожар достиг в эти дни страшных размеров: накалившийся воздух, непрозрачный от дыма, становился невыносим от жа-

¹ Отвечаю своею честью ваше величество.

ра. Наполеон был одет и ходил по комнате, озабоченный, сердитый; он начинал чувствовать, что опаленные лавры его скоро замерзнут и что тут не отделаешься такой шуткой, как в Египте. План войны был нелеп, это знали все, кроме Наполеона: Ней и Нарбон, Бертье и простые офицеры; на все возражения он отвечал кабалистическим словом «Москва»; в Москве догадался и он.

Когда мой отец взмошел, Наполеон взял запечатанное письмо, лежавшее на столе, подал ему и сказал, откланиваясь: «Я полагаюсь на ваше честное слово». На конверте было написано: à mon frère l'empereur Alexandre¹.

Пропуск, данный моему отцу, до сих пор цел; он подписан герцогом Тревизским и внизу скреплен московским обер-полицмейстером Лесепсом. Несколько посторонних, узнав о пропуске, присоединились к нам, прося моего отца взять их под видом прислуги или родных. Для больного старика, для моей матери и кормилицы дали открытую линейку; остальные шли пешком. Несколько улан верхами провожали нас до русского арьергарда, в виду которого они пожелали счастливого пути и поскакали назад. Через минуту казаки окружили странных выходцев и повели в главную квартиру арьергарда. Тут начальствовали Винценгероде и Иловайский IV. Винценгероде, узнав о письме, объявил моему отцу, что он его немедленно отправит с двумя драгунами к государю в Петербург.

— Что делать с вашими? — спросил казачий генерал Иловайский. — Здесь оставаться невозможно: они здесь не вне ружейных выстрелов, и со дня на день можно ждать серьезного дела.

Отец мой просил, если возможно, доставить нас в его ярославское имение, но заметил притом, что у него с собой нет ни копейки денег.

— Сочтемся после, — сказал Иловайский, — и будьте покойны, я даю вам слово их отправить.

Отца моего повезли на фельд'егерских по тогдашнему fashionнику. Нам Иловайский достал какую-то старую колымагу и отправил до ближайшего города с партией французских пленных, под прикрытием казаков; он снабдил деньгами на прогоны до Ярославля и вообще сделал все, что мог в суете и тревоге военного времени.

...Отца моего привезли прямо к Аракчееву и у него в доме задержали. Граф спросил письмо, отец мой сказал о своем честном слове лично доставить его; граф обещал спросить у государя и на другой день письменно сообщил, что государь поручил ему взять письмо для немедленного доставления. В по-

¹ Моему брату императору Александру.

лучении письма он дал расписку (и она цела). С месяц отец мой оставался арестованным в доме Аракчеева; к нему никого не пускали; один А. С. Шишков приезжал, по приказанию государя, расспросить о подробностях пожара, вступления неприятеля и свидания с Наполеоном; он был первый очевидец, явившийся в Петербург. Наконец, Аракчеев объявил моему отцу, что император велел его освободить, не ставя ему в вину, что он взял пропуск у неприятельского начальства, что извинялось крайностью, в которой он находился. Освобождая его, Аракчеев велел немедленно ехать из Петербурга, не выдавшись ни с кем, кроме старшего брата, которому разрешено было проститься.

[Далее Герцен рассказывает о путешествии их семьи в ярославскую деревню, а затем переходит к своим воспоминаниям о возвращении в Москву после ее разгрома. — *Прим. сост.*].

Из Ярославской губернии мы переехали в Тверскую и, наконец, через год перебрались в Москву...

Я еще, как сквозь сон, помню следы пожара, оставшиеся до начала двадцатых годов: большие обгорелые дома без рам, без крыш, обвалившиеся стены, пустыри, огороженные заборами, остатки печей и труб на них.

Рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о Березине, о взятии Парижа были моей колыбельной песнью, детскими сказками, моей Илиадой и Одиссеей. Моя мать и наша прислуга, мой отец и Вера Артамоновна беспрестанно возвращались к грозному времени, поразившему их так недавно, так близко и так круто. Потом возвратившиеся генералы и офицеры стали наезжать в Москву. Старые сослуживцы моего отца по Измайловскому полку, теперь участники, покрытые славой, едва кончившейся кровавой борьбы, часто бывали у нас. Они отдыхали от своих трудов и дел, рассказывая их. Это было действительно самое блестящее время петербургского периода; сознание силы давало новую жизнь, дела и заботы, казалось, были отложены на завтра, на будни, теперь хотелось попировать на радостях победы.

СТАНЦИЯ ЕДРОВО

(Отрывок)

Среди этих мирных и дружных отношений¹ наступил 1812 год. ...Наполеон был величайший фокусник в мире. Он сделал сперва из г. Мортье Тревизского герцога, а потом сде-

¹ Между Петербургом и Москвой.

лал тревизского герцога московским военным генерал-губернатором, а маршала Нея — просто московским князем. Москва попала с орфографической ошибкой в бюллетени великой армии. Наполеон переехал из Тюльери в Кремлевский дворец. Вся Русь, задерживая дыхание, устремила свое внимание на Москву, вся Европа ее вспомнила... Влияние ее, утраченное целым веком, вполне восстановилось несколькими днями великого пожара. В добровольном несчастье Москвы было что-то захватывающее душу; она сделалась интересна с своими обгорелыми домами, она взошла в моду с своими улицами, на которых стояли одни черные трубы, одни задымленные стены. Эта горестная година миновала Петербург; князь Витгенштейн не пустил к нему неприятеля; спокойствие его не было возмущено ни на один день... Рассказы о Москве носились по всему свету. Нет человека не только в Калифорнии и Полинезии, но в Южной Италии, где ничего не знают, который бы не слышал о том, как дивно, как громадно, как удивительно, как быстро обстроилась Москва...

...После 1812 уважение к Москве было безусловно: вся Русь, весь Петербург брали в ней живейшее участие; костер, зажженный собственными руками, поразил своей героической решительностью все уцелевшие города...

РОССИЯ

(Отрывок)

Сумасбродная эпоха нелепых войн, которую французы и до сих пор называют временем своей славы, окончилась вместе с их нашествием в Россию; это было заблуждение гения, как и египетская кампания. Бонапарту благоугодно было явить себя миру стоящим на груде трупов. К славе пирамид он захотел присоединить славу Москвы и Кремля. На этот раз он не имел успеха; он поднял против себя целый народ, который решительно схватился за оружие, перешел за ним следом через Европу и взял Париж.

Судьба этой части света была несколько месяцев в руках императора Александра, но он не сумел воспользоваться ни своей победой, ни своим положением; он поставил Россию под то же знамя, что и Австрию, точно у этой гнилой и умирающей империи было что-нибудь общее с молодым государством, которое только-что явило себя во всем своем великолепии, точно самый энергичный представитель славянского мира мог иметь те же интересы, что и самый ярый угнетатель славян...

О РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ В РОССИИ

(Отрывок)

Войной 1812 года закончилась первая часть петербургского периода. До этой поры правительство стояло во главе движения; с тех пор дворянство пошло рядом с ним. До 1812 года сомневались в силах народа и имели непоколебимую веру во всемогущество правительства; Аустерлиц был уже давно, Эйлау принимали за победу, а Тильзит — за славное событие. В 1812 году неприятель прошел Мемель, перешел через Литву и очутился под Смоленском, этим «ключом» России. Пораженный ужасом, Александр примчался в Москву просить помощи у дворянства и купечества. Он их пригласил в оставленный Кремлевский дворец¹, чтобы обсудить, как помочь отечеству. Со времени Петра I русские государи не говорили народу: должно быть, велика была опасность, если император Александр во дворце, а митрополит Платон в соборе заговорили об угрожавшей России опасности.

Дворянство и купцы протянули руку помощи правительству и выручили его из затруднения. Народ, забытый даже в это время всеобщего несчастья или же слишком презираемый, чтобы просили у него крови, которую считали в праве проливать без его согласия,—народ поднялся массами, не дожидаясь призыва в своем деле.

В первый раз со времени восшествия Петра I произошло это безмолвное единение всех классов. Крестьяне безропотно вступали в ряды ополчения; дворяне давали одного из десяти крепостных и сами брались за оружие; купцы жертвовали десятой частью своих доходов. Народное волнение разлилось по всей империи; шесть месяцев после очищения Москвы появились на азиатской границе шайки вооруженных людей, прибывавших из глубины Сибири на защиту столицы. Известие о занятии Москвы и о пожаре ее потрясло всю Россию, ибо для народа Москва все время оставалась истинной столицей. Москва только-что искупила своей жертвой усыпавший строй царей; она поднималась, окруженная лучами славы, — сила неприятеля сломилась в ее стенах; победитель с Кремля начал свое отступление, которое должно было остановиться только на Св. Елене. При первом пробуждении народа Петербург затмился, а Москва, столица без императора, пожертвовавшая собою для общего отечества, приобрела новое влияние...

¹ Дворяне и купечество были приглашены в так называемый Слободской дворец, в котором ныне помещается Московский механико-машиностроительный институт им. Баумана (2-я Бауманская ул., д. № 5). Здание перестроено в 1788 г. и после пожара 1812 г. отстроено арх. Д. Жилярди в 1830 г. — *Прим. сост.*

Впрочем, после этого кровавого крещения вся Россия вошла в новую фазу.

Невозможно было непосредственно перейти от волнений национальной войны, от славной прогулки через всю Европу, от взятия Парижа к плоскому штилю петербургского деспотизма. Само правительство не могло сразу вернуться к своим былым приемам. Александр выставлял себя либералом, втихомолку от князя Меттерниха осмеивал ультра-монархические проекты Бурбонов и играл роль конституционного короля Польши.

Что же касается до бедного мужика, он вернулся в свою общину, к своей сохе и к своему закрепощению. Для него ничто не изменилось, ему не дали никакой вольности в награду за победу, купленную его кровью. Чтобы вознаградить мужика, Александр подготовил чудовищный проект военных поселений.

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГ

(Отрывок)

С основания Петербурга Москва сделалась второстепенной, потеряла для России прежний смысл свой и прозябала в ничтожестве и пустоте до 1812 года.

Мало ли что может быть, и наверно много хорошего будет в будущую эпоху, — мы говорим о прошедшем и о настоящем. Москва ничего не значила для человечества, а для России имела значение омута, втянувшего в себя все лучшие силы ее и ничего не умевшего сделать из них. Москву забыли после Петра и окружили тем уважением, теми знаками благосклонности, которыми окружают старуху-бабушку, отнимая у нее всякое участие в управлении имением. Москва служила станцией между Петербургом и тем светом для отслужившего барства, как предвкушение могильной тишины. К Петербургу она не питала негодования, напротив, тянулась всегда за ним, перенимала и уродовала его моды, обычаи. Все юное поколение служило тогда в гвардии; все талантливое, появлявшееся в Москве, отправлялось в Петербург писать, служить, действовать. И вдруг эта Москва, о существовании которой забыли, замешалась с своим Кремлем в историю Европы, кстати сгорела, кстати обстроилась; ее имя попало в бюллетени великой армии, Наполеон ездил по ее улицам. Европа вспомнила об ней. Фантастические сказки о том, как обстроилась она, обошли свет. Кому не прокричали уши о прелести, в которой этот феникс воспрянул из огня. А надобно признаться, плохо обстроилась Москва; архитектура домов ее уродлива, с ужасными претензиями; дома, или, лучше, хутора ее, малы, облеп-

лены колоннами, задавлены фронтонами, огорожены заборами... И какова же она была прежде, ежели была гораздо хуже? Нашлись добрые люди, которые подумали, что такой сильный толчок разбудит жизнь Москвы; думали, что в ней разовьется народность самобытная и образованная, а она, моя голубушка, растянулась на сорок верст от Троицы в Голенищеве до Бутырок, да и почивает опять. А уж Наполеон не предвидится!..

М. Н. ЗАГОСКИН

РОСЛАВЛЕВ ИЛИ РУССКИЕ В 1812 ГОДУ

(Отрывок)

Посреди большого села, на обширном лугу, или площади, на которой разгуливали овцы и резвились ребятишки, стояла ветхая деревянная церковь, с высокой колокольней. У дверей ее, на одной из ступеней поросшей травой лестницы, сидел старик, лет восьмидесяти, в зеленом сюртуке, с красным воротником, обшитым позументами; с полдюжины медалей различных форм и величины покрывали грудь его. Он разговаривал с молодым человеком, который стоял перед ним и по ряду своему, казалось, принадлежал к духовному званию.

— Нет, Александр Дмитрич! — говорил старик, покачивая головой, — рано ли, поздно ли, а не сдобровать нашему селу; чай злодеи-то больно на нас зубы грызут.

— Оно и есть за что! — сказал молодой человек: — ведь мы у них, как бельмо на глазу. Да бог милостив! Кой-как до сих пор с ними справлялись. *Fortes fortuna adjuvat* — то есть смелым бог владеет, Кондратий Пахомыч!

— Конечно, батюшка, за правое дело бог заступа; а все-таки, как проводят в Москве, что в нашем селе легло сот пять, шесть французов, да пришлют сюда полка два...

— Так что-ж? Будем драться.

— Вот то-то и горе! Вы станете драться, а я что буду делать? Протягивай шею как баран.

— Эх, Кондратий Пахомыч! Да на людях и смерть красна.

— Не о смерти речь, батюшка! Когда вы, народ молодой, себя не жалуете, так мне ли, старику, торговаться; да каково подумаешь, что эти злодеи наругаются над моей седой головою? Пожалуй, насмех живого оставят. Эх, старость, старость! кабы прежние годы, так я бы трех поджарых французов на один штык посадил. Небось, турки их дюжее, да и тех, бывало, как примусь нанизывать, так — господи боже мой! считать не поспевают. Вот как мы с батюшкой, графом Суворовым,

штурмовали Измаил... Тогда был нашим капитаном его благородие, Сергей Дмитрич — царство ему небесное! Отец, а не командир! и что за молодец!.. Как теперь гляжу — мигнуть не успели, а уж наш сокол на стене — вся рота за ним — ура!..

— Ты уж мне это рассказывал, Кондратий Пахомыч!

— Вот, батюшка, тогда дело другое, и подрасться-то было куражнее: знал, что живой в руки не дамся; а теперь что я?.. малой ребенок одолеет. Пробовал вчера стрелять из ружья — куда те! Так в руках ходуном и ходит! Метил в забор, а подстрелил батькину корову. Да что отец Егор, вернулся что ль?

— Нет еще. Я слышал, будто бы его французы в полон захватили.

— Ах, они разбойники! Уж и попов стали хватать! А того не подумают, басурманы, что этак наш брат-старик и без исповеди умрет.

— Видно узнали, что он из нашего села. Ведь французы-то называют нас бунтовщиками.

— Бунтовщиками? Ах, они проклятые! да как бы они смели это сказать? Разве мы бунтуем против нашего государя? Разве мы их гладим по головке? — В том-то и дело, что не гладим. Они говорят: *Tu, guid nihil reget, ne cures* — то есть не мешайся не в свое дело; а мы толкуем: *cuneus suneum trudit* сиречь клин клином выбивай.

— Эх, батюшка! да перестанешь ли ты говорить не по русскому?

— Привык, Пахомыч! У нас на Перерве без латинской словицы ступить нельзя.

— Да что вы в Перервинском монастыре все латыши что-ль, а не русские? Знаешь ли, как это не понутру нашим мужичкам? Что, дескать, за притча такая? Кажись, церковник-то, что к нам пристал, детина бравый, а все по-французскому говорит.

— По-французскому! Невежды!..

— Александр Дмитрич! — раздался голос с колокольни, — никак наши идут.

— Наши ли, Андрюша? — сказал семинарист, подняв кверху голову. — Посмотри-ка хорошенько.

— Точно наши. Вот впереди Ерема косой да солдат Потыч; они ведут какого-то чужого. Никак француза изловили?

— Навряд француза, — сказал, покачав головой, старый унтер-офицер. — Они бы уж его дорогой раз десять уходили; а не захватили ли они, как ономясь бронницкие молодцы, какого нибудь изменника, или шпиона.

— Что ты, Пахомыч! Боже сохрани! Будет с нас и того, что один русский осрамился и служил нашим злодеям.

— Эх, батюшка! В семье не без урода.

— Вот уж наши ребята из-за рожи показались. Пойдем, Кондратий Пахомыч, в мирскую избу. Если они в самом деле захватили какого-нибудь подозрительного человека, так надобно его порядком допросить; а то, пожалуй, у наших молодцов и правый будет виноват: *augi est bonus...*

— Да полно тебе язык-то коверкать, — перервал с досадой старик. — Что за латыш — в самом деле? Смотри, Александр Дмитрич, не сдобровать тебе, если ты заговоришь на мирской сходке этим чухонским наречием.

— Чухонским! — повторил сквозь зубы семинарист; — чухонским!.. *Jgnoruz, barbarus!*..

— Полно бормотать-то: ведь я дело говорю. Пойдем! А ты, Андрюша, — продолжал инвалид, обращаясь к молодому парню, который стоял на колокольне, — лишь только завидишь супостатов, тотчас и давай знать! Пойдем, Александр Дмитрич!

Мирская изба, построенная на том же лугу или площади, против самой церкви, отличалась от прочего жилья только тем, что не имела двора и была несколько просторнее других изб. Когда инвалид и семинарист вошли в сию управу сельского благочиния, то нашли уже в ней человек пять стариков и сотника. Сержант и наш ученый латинист, поклонясь присутствующим, заняли передний угол. Через несколько минут вошли в избу: отставной солдат с ружьем и за ним широкоплечий крестьянин с рыжей бородой, вооруженный также ружьем и большим поварским ножом, заткнутым за пояс. В сенях и вокруг избы столпилось человек двести крестьян, по большей части с ружьями, отбитыми у французских солдат.

— Ну что, братцы? — спросил сотник; — захватили ли вы в селе Богородском французов?

— Нет-ста, Никита Пахомыч! — отвечал рыжий мужик; — ушли пострелы! А, бают, они с утра до самых полуден уж буянили, буянили на барском дворе. Приказчика в гроб заколотили. Слышь ты, давай им все калачей, а на наш хлеб так и плюют...

— Вишь какие прихотники! — сказал один осанистый крестьянин в синем кафтане. — Трескали б, разбойники, то, что дают. Ведь матушка-рожь кормит всех дураков, а пшеничка по выбору.

— Народ-то в Богородском такой несмышленный! — промолвил рыжий мужик. — Гонца к нам послали, а сами разбежались по лесу. Им бы принять злодеев-то с хлебом и с солью, да пивца, да винца, да того, да другого — убаюкали бы их, голубчиков, а мы как тут! Нагрянули врасплох, да и катать их чем ни попало.

— Как мы шли назад, — сказал отставной солдат, — так наткнулись в лесу на французов, на тех ли самых, на других ли — лукавый их знает!

— Ну что, ребятушки? — вскричал сержант, — расчесали, что ль, их?

— Как пить дали, Пахом Кондратьич!

— Неужли-то и отпору вам не было?

— Как не быть! Мы, знаешь, сначала из-за кустов как шархнули! Вот они приостановились, да и ну отстреливаться; а пуще какой-то в мохнатой шапке — командир что ль их, так и загорланил: алон камрат! Да другие-то прочие не так чтоб очень: все какая-то вольница; стрельнули раза три, да и врассыпную. Не знаю, сколько их ушло, а кучка порядочная в лесу осталась.

— Что за притча такая? — сказал сотник; — откуда берутся эти французы? Бьем, бьем, а все их много!

— Видно, сват Парамоныч, — перервал крестьянин в синем кафтане, — они, как осенние мухи. Да вот погоди! Как придет на них Егорий с гвоздем да Никола с мостом, так все передохнут.

— Мы, Парамоныч, — сказал рыжий мужик, — захватили одного живьем. Кто его знает? Баит по-нашему и стоит в том, что он православный. Он наговорил нам с три короба: вишь, ушел из Москвы, и русский-то он офицер, и вовсе не якшается с нашими злодеями, и то, и се, и дьявол его знает! Да все лжет, проклятый, — не верьте; он притаманной француз.

— А почему ж ты это думаешь? — спросил семинарист. — Ну, если в самом деле он говорит правду?

— Правду? Так коего ж чорта ему было таскаться вместе с французами?

— Но разве он не мог с ними повстречаться так же, как и вы?

— А зачем же он, — перервал солдат, — вот этак с час назад, ехал верхом вместе с французским офицером? Я и лошадь-то его подстрелил.

— Как с французским офицером?

— Да так же!

— Но почему ты знаешь, что это офицер французский?

— Почему знаю? Вот еще что! Нет, господин церковник! Мы получше твоего знаем французские-то мундиры: под Устерлицем я на них посмотрелся. Да и станет ли русский офицер петь французские песни? А он так горло и драл...

— А тот, что мы захватили, ему подтягивал, — промолвил рыжий мужик, — я сам слышал.

— Я хоть и не слышал, — прервал солдат; — да видел, что они ехали дружно, рядышком, словно братья родные,

— Так что ж и калякать? — вскричал сотник. — Вестимо он француз! Не так ли, православные?

— Так, Никита Парамоньч! Так! — повторили все старики.

— А если француз, — промолвил один лысый старик, — на осину его!

— Как бы не так! — перервал сотник, — еще веревку припай. В колодезь к товарищам, так и концы в воду.

— Ей, не торопитесь, ребята! — сказал семинарист. — *Me'ior est consulta...*

— Что ты, сумасшедший, перестань! — шепнул сержант, дернув за рукав своего соседа. — Православные! — продолжал он, — послушайте меня, старика: чтоб не было оглядок, так не лучше ли его хорошенько допросить?

— Да, скажет он тебе правду — дождайся! — перервал лысый старик.

— Погодите, братцы! — заговорил крестьянин в синем кафгане, — коли этот полоненник доподлинно не русский, так мы такую найдем улику, что ему и пикнуть неча будет. Не велика фигура, что он баит по-нашему: ведь французы на все смышлены, только бога-то не знают. Помните ли, ребята, ономнясь, как мы их сотни полторы в одно утро уходили, был ли хоть на одном из этих басурманов крест господень?

— Не на одном не было, Терентий Иваныч! — отвечал сотник. — Я сам видел.

— Так и на этом не будет, коли он француз; а если православный, так носит крест — не правда ли?

— Правда, Терентий Иваныч, правда! — повторили все присутствующие.

— Так давайте же его сюда. Посмотрим, есть ли у него на шее-то отцовское благословение.

Два крестьянина, вооруженные топорами, ввели Рославлева в избу. «Ваня! — сказал Терентий одному из них, — расстегни-ка ему ворот у рубахи — вот так!»

— Что вы делаете, ребята? — перервал Рославлев. — Я точно русский.

— Ладно, брат! увидим-ста, русский ли ты. Ну, что, Ваня, есть на нем крест? — спросил сотник.

— Нет, Парамоньч! Ни креста, ни образа!

— Видите, православные! — сказал рыжий Ерема. — Чего же вам еще?

— В колодезь его! — завопили почти все крестьяне.

— Послушайте, братцы! — вскричал Рославлев. — Видит бог, на мне был крест, да меня ограбили французы.

— Что с ним растабарывать? — подхватил сотник. — Тащите его! В колодезь!

— Да что вам дался колодезь? — перервал Ерема. — И так все колодцы перепортили. Много ли ему надобно? Ей, Ваня! Что ты смотришь басурману-то в зубы? Обухом его!

— И то, правда! — закричали другие мужики. — Пришиби его!

Один из крестьян, который караулил Рославлева, вынул из-за пояса свой топор.

— Пойдите, детушки! — перервал сержант. — Эх у вас руки-то расходились! Убить не долго. Ну, если его в самом деле ограбили французы?..

— И он действительно русский офицер? — промолвил семинарист.

— А это что? — вскричал Ерема, вынимая из бокового кармана рославлевой шинели кошелек с деньгами. — Что, брат? видно, они тебя грабили, да недограбили? Смотрите, православные! И деньги-то не наши.

— Эта шинель не моя, — сказал Рославлев. — Один из французов поменялся со мной насильно.

— А деньги-то дал в придачу, что ль? — закричал Ерема. — Ах ты, проклятый басурман! Что мы тебе, олухи достались? Да что с тобой калякать? Ваня! Хвати его по маковке!.. Что ж ты?.. Полно, брат, не переминайся! а не то я сам... — промолвил Ерема, вынимая из-за пояса свой широкий нож.

— Погоди, кум, не торопись! — сказал Иван. — Послушайка, молодец: ты баишь, что с тебя сняли крест французы. Ну! а какой он был? деревянный или серебряный?

— Нет, золотой! — отвечал Рославлев.

— Ладно. А на каком он висел гайтане — на черном или красном?

— Нет, на зеленом шелковом шнурке.

— Что, ребята, ведь он баит правду: вот и крест. Я вынул его из кармана у одного убитого француза.

— Да поверьте мне, братцы! — сказал Рославлев. — Я вас не обманываю: я точно русский офицер.

— И впрямь, православные! — промолвил Терентий. — Уж не русский ли он?

— Точно русский! — подхватил семинарист.

— А если русский, — возразил отставной солдат, — так он изменник!

— Изменник! — повторил с негодованием Рославлев.

— Вестимо изменник! — закричал Ерема. — Ради чего ты ехал с французским офицером, а?

— Мой товарищ также русский офицер, а нарядился французом для того, чтобы выручить меня из Москвы.

— Эх с чем под'ехал! На вас пошлюсь, православные, — ну станет ли русский офицер петь эти басурманские песни?

— Вестимо не станет! — закричали крестьяне.

— Клянусь вам богом, ребята! — продолжал Рославлев, — я и мой товарищ — мы оба русские. Он гусарский ротмистр За-рецкий, а я гвардии поручик Рославлев.

— Рославлев! — повторил с необычайной живостью сержант. — А как звали вашего батюшку?

— Сергеем Дмитричем.

— Не припомните ли, сударь, где он изволил служить капитаном?

— Он служил капитаном при Суворове в Фанагорийском полку.

— Ну, так и есть! — воскликнул с радостью сержант, вскочив с скамьи. — Ваше благородие! Ведь батюшка ваш был моим командиром, и мы вместе с ним штурмовали Измаил.

— Слышите ль, братцы! — сказал семинарист.

— Слышим-ста, — отвечал Ерема, — да нам-то что до этого?

— Как что? — перервал сержант. — Да разве сын моего командира может быть изменником? Ну, статочное ли это дело? Не правда ли, дедушки?

Все крестьяне встали с своих мест, поглядывали друг на друга; один почесывал голову, другой пожимался, но никто не отвечал ни слова.

— Что это, братцы? — продолжал сержант; — неужели-то вы и мне, старику, верить не хотите?

— Верить-то мы тебе верим, — отвечал Ерема, — да ведь не все сыновья в отцов рождаются, Кондратьич!

— Всяко бывает, конечно, — промолвил Терентий, — да ведь не даром же и пословица: недалеко яблочко от яблони падает. Ну, как вы думаете, православные?

— Как ты, Терентий Иванович? — отвечал сотник и старики.

— А по мне вот как: уж если Кондратий Пахомыч за него порукой, так нам и баить нечего. Поклон его благородию, да милости просим в передний угол! Так ли, православные?

— Ну, коли так, так так! — повторяли в один голос крестьяне. — Милости просим, батюшка!

— Ваня! — сказал Терентий. — Сбегай ко мне да принеси-ка жбан браги, каравай хлеба и спроси у Андревны пирог с кашей: чай, его милость проголодаться изволил.

— Забеги и к моей старухе, — промолвил сотник, — да возьми у нее штоф ерофеичу.

— Благодарю вас, добрые люди! — сказал Рославлев, — я хоть и не обедал, а мне что-то есть не хочется.

— Чу!.. — вскричал сотник; — что это.

— Французы! Французы! — загремели сотни голосов на улице. Все бросились опрометью из избы, и в одну минуту густая толпа окружила колокольню.

— Ей, Андрюша! где французы? — спросил сотник.

— Вон там, у дальней засеки, — отвечал мальчик.

— Много ли их?

— Много, Парамоныч! И конных и пеших видимо невидимо.

— Ну, ребята! — сказал сержант, — смотрите, стоять грудью за нашу матушку святую Русь и веру православную.

— Стоять-то мы рады, — перервал сотник, — да слышишь, Кондратий Пахомыч, — их идет несметная сила?

— Так что ж?

— Не одолеешь кормилец! много ли нас?

— Да и французов-то, верно, не больше, — сказал Рославлев, — они растянулись по дороге, так издали и кажется, что их много.

— Ох, батюшка! — подхватил Терентий. — хитры они, злодеи! не пошлют мало. Ведь они, басурманы, уж давным-давно до нас добираются.

— Ну, православные! — сказал Парамоныч. — Говорите, что делать?

Ни один голос не отозвался на вопрос сотника. Все крестьяне поглядывали молча друг на друга, и на многих лицах ясно изображались недоумение и робость...

— Эх, худо дело! — шепнул сержант. — Ваше благородие! — продолжал он, обращаясь к Рославлеву. — Не принять ли вам команды? Вы человек военный, так авось это наших ребят поощражит. Ей, братцы, сюда, слушайте его благородия!

— Как так? Что такое? Да разве он не француз? — заговорили крестьяне.

— Нет, детушки! Его благородие русский офицер, сын моего бывшего капитана.

— Ой ли? Вот-те раз! Слышите, ребята!.. Вот что!.. — загремели восклицания из удивленной толпы.

— Друзья! — сказал Рославлев, — чего хотите вы? Покориться ли злодеям нашим, или биться с ними до последней капли крови?.. Ну, что ж вы молчите?

— Да вот что, — сказал один крестьянин, — Андрюха-то говорит, что их больно много.

— Так что ж, ребята? — подхватил семинарист; — хоть покоримся, хоть нет, а все нам от них милости никакой не будет: мало ли мы их передушили!

— Вестимо, — сказал отставной солдат, — мы им пардону не давали, так и они нам не дадут.

— А если б и дали, — возразил Рославлев, — так не грешно ли вам будет выдать руками жен и детей ваших? Эх, брат-

цы! уж если вы начали служить верой и правдой.. так и до-служивайте! Что нам считать; много ли их? Наше дело правое — с нами бог!

— А с ними чорт! — заревел Ерема. — Что, в самом деле, драться так драться.

— Так за мной, православные! — воскликнул отставной солдат...

— Ура! — подхватила вся толпа.

— Весь в покойника! — шептал потихоньку сержант, глядя на Рославлева; — как две капли воды!

— Теперь слушайте, ребята! — продолжал Рославлев. — Ты, я вижу, господин церковник, молодец! Возьми-ка с собой человек пятьдесят с ружьями да засядь вон там, в кустах, за болотом, около дороги, и лишь только неприятель вас минует...

— Так мы в догонку и откроем по нем огонь? Понимаю, господин офицер. Это вроде тех засад, о коих говорит Цезарь в комментариях своих *de bello Gallico*...

— Да полно, Александр Дмитрич! — закричал сержант. — Эх, тебе неимется!

— Ты, служивый, и ты, молодец, — продолжал Рославлев, обращаясь к отставному солдату и Ереме: — возьмите с собой человек сто, также с ружьями, ступайте к речке, разломайте мост и, когда французы станут переправляться в брод...

— То мы из-за деревьев пустим по них такую дробь, — перервал солдат, — что им небо с овчинку покажется.

— А мы с тобой, сослуживец моего батюшки, — промолвил Рославлев, взяв за руку сержанта, — с остальными встретим неприятеля у самой деревни, и если я отступлю хоть на шаг, так назови мне по имени прежнего твоего командира, и ты увидишь, сын ли я его...

Крестьяне, зарядив свои ружья, отправились в назначенные для них места, и на лугу осталось не более восьмидесяти человек, вооруженных по большей части дубинами, топорами и рогатинами. К ним вскоре присоединилось сотни три женщин с ухватами и вилами. Ребятишки, старики, больные, — одним словом, всякий, кто мог только двигаться и подымать руку, вооруженную чем ни попало, вышел на луг.

В глубокой тишине, изредка прерываемой рыданиями и молитвой, стояла вся толпа вокруг церкви.

— Что, Андрюша? — закричал, наконец, сержант. — Близко ли наши злодеи?

— Близехонько, Пахомыч! — отвечал с колокольни мальчик. — На самом выгоне, — вон уж поровнялись с нашими, что засели в болоте; да они их не видят... Впереди едут конные...

в железных шапках с хвостами... Крестный! Крестный! Да на них и одежда железная!.. так от солнышка и светит!.. Эва! сколько их!.. Вот пошли пешие!.. Эге! да народ-то все мелкий, крестный! Наши с ним справятся...

— То-то ребячья простота! — сказал сержант, покачивая головой. — Эх, дитятко! ведь они не в кулачки пришли драться; с пульей да с штыком бороться не станешь; да бог милостив!

— Кондратий Пахомыч! — закричал мальчик, — они подехали к речке... остановились... вот человек пять выехало вперед... стали в кучку... Эх, какой верзила! Ну, этот всех выше!.. а лошадь-то под ним так и пляшет!.. Видно это их набольший...

Вдруг вдали раздался залп из ружьев, и вслед за ним загремели частые выстрелы по сю сторону речки, на берегу которой стояли французы.

— Помоги, господи! — сказал сержант перекрестясь.

— Крестный! — закричал мальчик. — Наша взяла! Длинный-то упал с лошади; вон и другие стали падать... Да что это? Они не бегут!.. Вот и они принялись стрелять... Ну, все заглохло дымом: ничего не видно.

Минут двадцать продолжалась жаркая перестрелка; потом выстрелы стали реже, раздался конский топот, и мальчик закричал: «Крестный, крестный! никак наших гонят назад».

— Вперед, друзья! — воскликнул Рославлев; но в ту же самую минуту показались на улице бегущие без порядка крестьяне, преследуемые французскими латниками.

— За мной, ребята, на паперть! — закричал Рославлев. Сержант и человек тридцать крестьян, вооруженных ружьями, кинулись вслед за ним, а остальные рассыпались во все стороны. Неприятельская конница выскакала на площадь. — Ну, братцы! — сказал Рославлев. — Если злодеи нас одолеют, то по крайней мере не дадимся живые в руки. Стреляйте по конным, да метьте хорошенько.

В полминуты человек десять латников слетело с лошадей.

— Славно, детушки! — вскричал сержант, — знатно! вот так!.. Саржируй! то есть заряжай проворней, ребята! Ай да Герасим!.. другого-то еще!.. Смотри, вот этого-то, что юлит впереди!.. Свалил!.. Ну, молодец!.. Эх, брат! в фанаторийцы бы тебя!..

— Старик! — сказал вполголоса Рославлев. — Думал ли ты на штурме Измаила, что умрешь подле сына твоего капитана?

— Авось не умрем, — отвечал сержант, — бог милостив, ваше благородие!

— Да, мой друг! Он точно милостив! Страдания наши не будут продолжительны. Смотри!

Старик устремил свой взор в ту сторону, в которую показывал Рославлев: густая колонна неприятельской пехоты приближалась скорым шагом к площади.

— Ребята! — вскричал сержант, — стыдно и грешно старому солдату умереть с пустыми руками: дайте и мне ружье!

Вдруг дикий, пронзительный крик пронесся от другого конца селения, и человек двести казаков, наклоня свои дроботики, с визгом промчались мимо церкви. В одну минуту латники были смяты, пехота опрокинута, и в то же время русское «ура» загремело в тылу французов; человек триста крестьян из соседних деревень и семинарист со своим отрядом ударили в расстроенного неприятеля. С четверть часа, окруженные со всех сторон, французы упорно защищались; наконец, более половины неприятельской пехоты и почти вся конница легли на месте; остальные положили оружие.

В продолжение сего короткого, но жаркого дела Рославлев заметил одного русского офицера, который, повидимому, командовал всем отрядом; он летал и крутился, как вихрь, впереди своих наездников; лихой горский конь его перепрыгивал через кучи убитых, топтал в ногах французов и с быстротой молнии переносил его с одного места на другое. Когда сражение кончилось и всех пленных окружили цепью казаков, едва успевающих отгонять крестьян, которые, как дикие звери, рыскали вокруг побежденных, начальник отряда, окруженный офицерами, подъехал к церкви. При первом взгляде на его вздернутый кверху нос, черные густые усы и живые, исполненные ума и веселости глаза Рославлев узнал в нем, несмотря на странный полуказачий и полукрестьянский наряд, старинного своего знакомого, который в мирное время — певец любви, вина и славы — обворожил друзей своей любезностью и добродушием; а в военное, как антел-истребитель, являлся с своими крылатыми полками, как молния губил и исчезал среди врагов, изумленных его отвагой; но и посреди непрерывных тревог войны, подобно древнему Скальду, он не оставлял своей златострунной цевницы:

«...Славил Марса и Темиру

И бранную повесил лиру

Меж верной сабли и седла».

— Это ты? — раздался знакомый голос из церковной паперти. — Ты жив, мой друг? Слава богу! — Рославлев обернулся — перед ним стоял Зарецкий в том же французском мундире, но в русской кавалерийской фуражке и форменной серой шинели.

Г. П. ДАНИЛЕВСКИЙ

СОЖЖЕННАЯ МОСКВА

(Отрывок)

Итальянский король провел ночь уже в Москве.

Перовский и его проводник, верхом, направились в Замоскворечье, где, как им сказали, была квартира Мюрата. На Пятницкой, у церкви Климента, Базиль стал искать глазами и узнал дом, с зелеными ставнями и с вышкой, матери Квашнина.

Возле этого дома толпились оборванные французские солдаты, таща из ворот мебель и разный хлам. В раскрытые окна виднелись потные и красные, в касках и расстегнутых мундирах другие солдаты, расхаживавшие по комнатам и горланившие из окон тем, кто стоял на улице. «Неужели грабеж?.. Бедный Квашнин!» — подумал с изумлением Базиль, видя, как приземистый и малосильный, с кривыми ногами и орлиным носом, французский пехотинец, отмахиваясь от товарищей, с налитым кровью лицом, тащил увесистый узел женского платья и белья, приговаривая: «Это для моей красавицы, это в Париж!»

Проехав далее, проводник Базиль узнал от встречного офицера, что штаб-квартира Мюрата не в Замоскворечье, а у Новых рядов, на Вшивой горке. Перовский и адъютант повернули назад и скоро подехали к обширному двору золотопромышленника и заводчика Баташова. У въезда в ворота стояли конные часовые; в глубине двора, у парадного подъезда, был расположен почетный караул. На крыше двухярусного дома развевался королевский, красный с зеленым, штандарт. В саду виднелись разбитые палатки, ружья в козлах и, у кольев, нерасседланные лошади, бродившие по траве и еще не уничтоженным цветникам. На площадке крыльца толпились генералы, чиновники и ординарцы. Все чего-то как бы ждали. У нижней ступени, в замаранном синем фраке, в белом жабо и со шляпой в руках, стоял, кланяясь и чуть не плача, седой толстяк.

— Что он там городит? — крикнул с досадой, не понимая его, дежурный генерал, к которому толстяк, размахивая руками, обращался с какой-то просьбой.

— Вот русский офицер, — поспешил указать генералу на Перовского подехавший адъютант Себастьяни: — он прислан сюда к его величеству.

— А, тем лучше! — обратился генерал к Перовскому. — Не откажите объяснить, о чем просит этот старик?

Проситель оказался главным баташовским приказчиком и дворецким.

— Что вам угодно? — спросил его Базиль, не слезая с коня. — Говорите, я им переведу.

— Батюшка ты наш, кормилец православный! — вскрикнул, крестясь, обрадованный толстяк. — Вы тоже, значит, пленный, как и мы?

— Нет, не пленный, — покраснев, резко ответил Базиль. — Видите, я при шпаге, следовательно, на свободе... В чем дело?

— Да что, сударь, я — здешний дворецкий, Максим Соков... Налетели эти, нечистый их возьми, точно звери; тридцать одних генералов, с ихним этим королем, и у нас стали с вечера, — произнес дворецкий, утирая жирное лицо. — Видим — сила, ничего не поделаешь! Ну, приготовили мы им сытный ужин; все, как есть, пекарни и калачни обегали, — белого хлеба нет, один черный; самому королю всего четвертку белой сайки добыли у ребят. И озлились они на черный хлеб, и пошло... Всяк генерал, какой ни на есть, требует себе мягкой постели и особую опочивальню. А где их взять?

Максим с суровым упреком поглядел на французов.

— Король изволил откусать в гостиной и лег в господской спальне, — продолжал он. — Прочих мы уложили в столовой, в зале и в угольной. И того мало: не хотят диванов и кушеток, подавай им барские перины и подушки, а наших, холопских, не хотят, швыряют... Всю ночь напролет горели свечи в люстрах и в кенкетах... нас же, сударь, верите ли, как кошек за хвост, тягали туда и сюда... Убыток и разор! А нынче утром, доложу вашей чести, как этот генералитет и вся чиновная орава проснулась разом, — в доме, в музыкантском флигеле, в оранжереях и в людской, — один требует чаю, другой кричит — закуски, водки, бургонского, шампанского... так сбили с ног, хоть в воду!

Базиль перевел жалобы дворецкого.

— Именно, шампанского! — весело улыбнувшись, подтвердил один из штабных. — Но что же ему нужно?

— Баб тоже, ваше благородие, сильно обижали на кухне и в саду, — продолжал, еще более укоризненно поглядывая на французов, дворецкий. — Те подняли крик. Сегодня же, смею доложить, — и вы им, сударь, это беспрременно переведите, — их солдаты отняли у стряпух не токма готовый, но даже недопеченый хлеб... Где это видано? А какой-то их офицер, фертик такой чумазенький, — о, я его узнаю! — пришел это, с их конюхами, прямо отбил замок у каретника, запряг в господскую венскую коляску наших же серых рысаков и поехал в ней, не спрасясь... Еще и вовсе, пожалуй, стянет... Им, озорникам, что?.. У иного всего добра — штопанный мундирчик да рваные панталонки, а с меня барин спросит... скажет: так-то ты, Соков, глядел?..

Перовский перевел и эти жалобы.

Слушатели хохотали, но вдруг засуетились и стихли. Все бросилось к верхним ступеням. На площадке крыльца показался стройный, высокого роста, с римским носом, приветливым лицом и веселыми, оживленными глазами, еще молодой генерал. Темнорусые волосы его на лбу были коротко острижены, а с боков, из-под расшитой золотом треуголки, падали на его плечи длинными, волнистыми локонами. Он был в зеленой шелковой короткой тунике, коричневого цвета рейтузах, синих чулках и в желтых польских полусапожках со шпорами. На его груди была толстая цепь из золотых одноглавых орлов, из-под которой виднелась красная орденская лента; в ушах — дамские сережки, у пояса — кривая турецкая сабля, на шляпе — алый, с зеленым, плюмаж; сквозь расстегнутый воротник небрежно свешивались концы шейного кружевного платка.

То был неаполитанский король Мюрат. Дежурный генерал доложил ему о прибывшем русском офицере. Приветливые, добрые глаза устремились на Перовского.

— Что скажете, капитан? — спросил король, с вежливо поднятой шляпой, молодцевато проходя к подведенному vorонному коню под вышитым чепраком.

— Меня прислал генерал Себастьяни. Вашему величеству было угодно видеть меня.

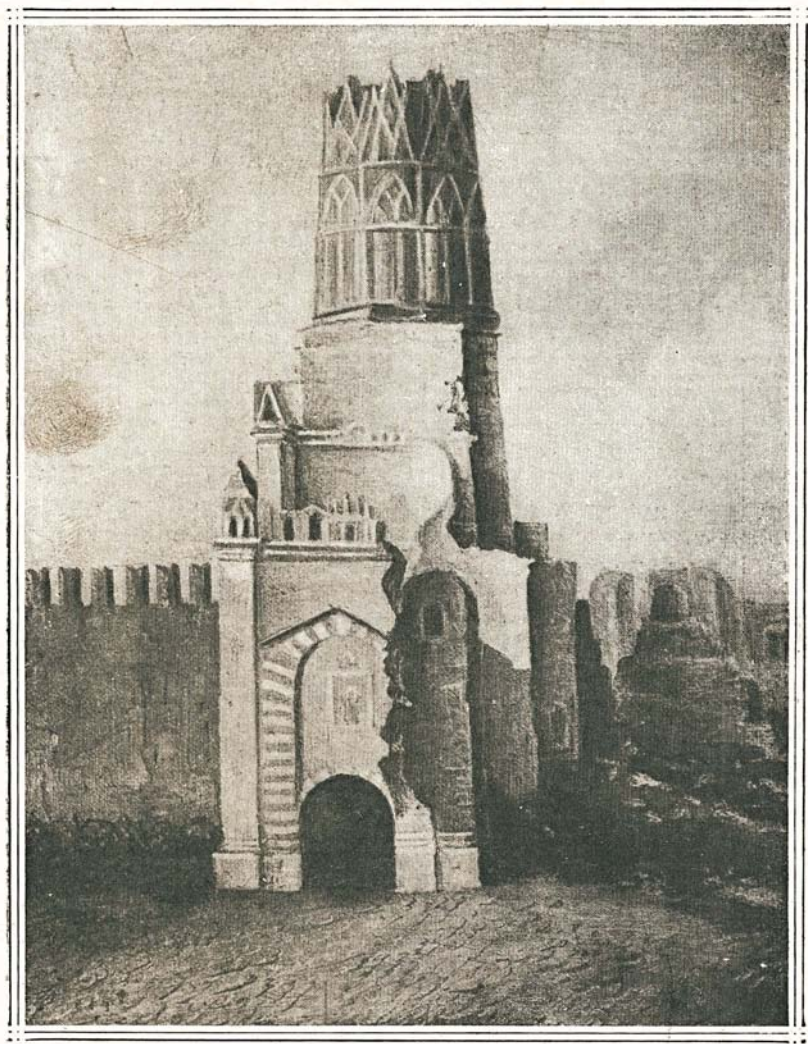
— А, да!.. Но простите, мой милый, — произнес Мюрат, натянув перчатки и ловко заноса в стремя ногу. — Видите, какая пора. Еду на смотр; возвращусь, тогда выслушаю вас с охотой... Позаботьтесь о нем и о его коне, — милостиво кивнув Базилу, обратился король к дежурному генералу.

...Явился штабной чиновник. Он объявил, что неаполитанский король, задержанный в Кремле императором Наполеоном, возвратился и теперь обедает, а после стола просит его к себе. Перовского ввели в приемную верхней половины дома. Здесь он опять долго дожидался, слыша звон посуды в столовой, хлопанье пробок шампанского и смешанные шумные голоса обедающих. В кабинет короля он попал уже при свечах. Мюрат, с пасмурным лицом, сидел у стола, дописывая какую-то бумагу.

— Какой день, капитан! — произнес он. — Я вас долго оставлял без обещанной аудиенции. Сколько неожиданных, неприятных хлопот... Садитесь... Вы — русский образованный человек... Нам непонятно, из-за чего нас так испугался здешний народ. Объясните, почему произошло это невероятное, поголовное бегство мирных жителей из Москвы?

— Я затрудняюсь ответить, — сказал Базиль. — Мое положение... я в неприятельском стане...

— Говорите без стеснений, слушаю вас, — покровительственно-ласково продолжал Мюрат, глядя в лицо пленнику уста-

НИКОЛЬСКАЯ БАШНЯ КРЕМЛЯ ПОСЛЕ ВЗРЫВА ЕЕ ФРАНЦУЗАМИ.

МОСКВА. УЛИЦА В РАЗВАЛИНАХ. 1813.

Гравюра английского художника И. Джемса.

Можно предположить, что здесь изображена Пятницкая улица.

лыми, внимательными глазами. — Нам, признаюсь, это совершенно непонятно!

Перовский вспомнил угрозы дворецкого и пучок соломы.

— Москва более двухсот лет не видела вторжения иноземцев, — ответил он. — Не знаю, как еще Россия встретит весть, что Москва сдана без сопротивления и что неприятели в Кремле...

— Но разве мы — варвары, скифы? — снисходительно улыбаясь, произнес Мюрат. — Чем мы, скажите, грозили имуществу, жизни здешних граждан? Нам отдали Москву без боя. Подобно морякам, завидевшим землю, наши войска, при виде этого величественного, древнего города, восклицали: Москва — это мир, конец долгого, честного боя!.. Мы вчера согласились на предложенное перемирие, дали спокойно пройти вашим отрядам и их обозам через город и... вдруг...

— Наша армия, иначе, была готова драться в каждом переулке, в каждом доме, — возразил Перовский. — Вы встретили бы не сабли, а ножи.

— Так почему же за перемирие такой прием? Что это, скажите, наконец, за пожар? Ведь это — ловушка, поджог! — гневно поднимаясь, произнес Мюрат.

— Я задержан со вчерашнего вечера, — ответил, опуская глаза, Перовский. — Пожары начались сегодня, без меня.

— Это — предательство! — продолжал, ходя по комнате, Мюрат. — Удалена полиция, вывезены все пожарные трубы; очевидно, Ростопчин дал сигнал оставленным сообщникам к общему сожжению Москвы. Но мы ему отплатим! Уже опубликованы его приметы, назначен выкуп за его голову. Живой или мертвый, он будет в наших руках. Так нельзя относиться к тем, кто с вами был заодно в Тильзите и в Эрфурте.

— Ваше величество, — сказал Перовский. — Я — простой офицер; вопросы высшей политики мне чужды. Меня зовет служебный долг... Если все, что вам было угодно узнать, вы услышали, прошу вас — прикажите скорее отпустить меня в нашу армию. Я — офицер генерала Милорадовича, был им послан в ваш отряд.

— Как, но разве вы — не пленный? — удивился Мюрат.

— Не пленный, — ответил Перовский. — Генерал Себастьяни задержал меня во время вчерашнего перемирия, говоря, чтобы я переночевал у него, что вашему величеству желательно видеть меня. Его адъютант, проводивший меня сюда, вам это в точности подтвердит.

Мюрат задумался и позвонил. Послали за адъютантом. Оказалось, что он уже давно уехал к своему отряду, в Сокольники.

— Охотно вам верю, — сказал, глядя на Перовского, Мюрат. — Даже припоминаю, что Себастьяни вчера вечером, дей-

ствительно, предлагал мне, на походе сюда, выслушать русского офицера, то есть, очевидно, вас. И я, не задумываясь, отправил бы вас обратно к генералу Милорадовичу, но в настоящее время это уже зависит не от меня, а от начальника главного штаба, генерала Бертье. Теперь поздно, — кончил, сухо кланяясь, Мюрат: — в Кремль, резиденцию императора, пожалуй, уже не пустят. Завтра утром я вас охотно отправлю туда.

Д. Л. МОРДОВЦЕВ

«ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД»

(Отрывки из романа о «Кавалерист — девице» Н. А. Дуровой)

...И Надя Дурова и юнкер Дуров перестали... существовать: на месте их вырос Александров! Надя добила своего: ей позволено носить оружие; она — офицер и притом гусарский! Но чего ей это стоило!

...В гусарстве и уланстве Надя Дурова... искала признания за женщиной человеческих прав. Она искала того, чего искали американские негры времени «дяди Тома». Действительно, если сравнить положение русской женщины, в особенности девушки, начала нынешнего столетия, времени Дуровой, с положением ее в наше время, то едва ли можно ошибиться, сказав, что эти два положения русской женщины равны положениям американского негра при «дяде Томе» и в настоящее время. Давно ли у нас еще травили девушку за отрезанную косу? Поэтому для современной русской девушки менее чем для девушки начала этого столетия будут понятны слова, вырвавшиеся из-под пера Дуровой в тот момент, когда она уланским кивером прикрыла свою погибшую девическую косу, а рейтузами — свое историческое рабство. Вот эти слова, записанные ею в своем дневнике, слова, обращенные к тогдашней русской девушке:

«Свобода, драгоценный дар неба, сделалась наконец уделом моим навсегда! Я ею дышу, наслаждаюсь, ее чувствую в душе, в сердце! Ею проникнуто мое существование, ею оживлено оно! Вам, молодые мои сверстницы, вам одним понятно мое восклицание! Одни только вы можете знать цену моего счастья! Вы, которых всякий шаг на счету, которым нельзя пройти двух сажен без надзора и охранения, которые от колыбели и до могилы в вечной зависимости и под вечной защитой бог знает от кого и от чего! (конечно, от мужчин). Вы, повторяю, одни только вы можете понять, каким радостным ощущением полно сердце мое при виде обширных лесов, необозримых полей, гор, долин, ручьев и при мысли, что по всем этим местам я могу ходить, не давая никому отчета и не опасаясь ни от кого

запрещения. Я прыгаю от радости, воображая, что во всю жизнь мою не услышу более слов: «Ты, девка, сиди. Тебе неприлично ходить одной прогуливаться». Увы! сколько прекрасных, ясных дней началось и кончилось, на которые я могла только смотреть заплаканными глазами сквозь окно, у которого матушка приказывала мне плесть кружева. »

Дневник этот, сначала напечатанный А. С. Пушкиным в «Современнике» 1836 года, а потом изданный самой Дуровой в 1839 году, стал уже библиографической редкостью.

Так вот из-за чего билась эта необыкновенная Надя. Но что она вынесла потом, пока не сделалась тем, чем она стала через год! Заглянем опять в ее дневник. Ее приняли в уланы, обмундировали на казенный счет. Но пусть она говорит сама:

«Мне дали мундир, саблю, пику, так тяжелую, что мне кажется она бревном; дали шерстяные эполеты, каску с султаном, белую перевязь с подсумком, наполненным патронами; все это очень чисто, очень тяжело... Надеюсь однако ж привыкнуть — так это к тиранским казенным сапогам: они как железные! До сего времени я носила обувь мягкую и ловко сшитую; нога моя была свободна и легка, а теперь! ах, боже! я точно прикована к земле тяжестью моих ног и огромных бряцающих шпор! С того дня как я надела казенные сапоги, не могу уже более попрежнему прогуливаться и, будучи всякий день смертельно голодна, провожу все свободное время на грядках с заступом, выкапывая оставшийся картофель. Поработав прилежно часа четыре сряду, успеваю нарыть столько, чтоб наполнить им мою фуражку; тогда несу в торжестве мою добычу к хозяйке (полк стоит, в ожидании Наполеона, в Литве, на квартирах), чтобы она сварила ее. Суровая эта женщина всегда с ворчаньем вырвет у меня из рук фуражку, нагруженную картофелем, с ворчаньем высыпает в горшок и, когда поспеет, то, выложив в деревянную миску, так толкнет ее ко мне по столу, что всегда несколько их раскатится по полу. Что за злая баба! А, кажется, ей нечего жалеть картофелю: он весь уже снят и где-то у них запрятан; плод же неусыпных трудов моих не что иное, как оставшийся очень глубоко в земле или как-нибудь укрывшийся от внимания работавших».

Это — на квартирах. А что же на походе, в летучей войне, когда по пятам гонится косматая старая гвардия Наполеона и приходится итти, итти — беспрестанно итти!

«Есть, однако ж, границы, далее которых человек не может итти! — записывает она в своем дневнике, в одну из остановок. — Я падала от сна и усталости; платье мое было мокро. Двое стучок я не спала и не ела, беспрерывно на марше, а если и на месте, то все-таки на коне, в одном мундире (у нее

шинель украли), беспрестанно подверженная холодному ветру и дождю. Я чувствовала, что силы мои ослабевали час от часу более. Мы шли справа по три, но если случался мостик или какое другое затруднение, что нельзя было проходить отделениями, тогда шли по два в ряд, а иногда и по одному; в таком случае четвертому взводу приходилось стоять по несколько минут неподвижно на одном месте; я была в четвертом взводе, и при всякой благодетельной остановке его вмиг сходила с лошади, ложилась на землю и в ту же секунду засыпала. Взвод трогался с места, товарищи кричали, звали меня, и как сон, часто прерываемый, не может быть крепок, то я тотчас просыпалась, вставала и карабкалась на лошадь, на своего Алкида, таща за собою тяжелую дубовую пику. Сцены эти возобновлялись при каждой самой кратковременной остановке; я вывела из терпения своего унтер-офицера и рассердила товарищей: все они сказали мне, что бросят меня на дороге, если я еще хоть раз сойду с лошади. «Ведь ты видишь, что мы дремлем, да не встаем же с лошадей и не ложимся на землю; делай и ты так». Вахмистр ворчал вполголоса: «Зачем эти щенята лезут в службу! Сидели бы в гнезде своем». Остальное время я оставалась уже на лошади — дремала, засыпала, наклонялась до самой гривы Алкида — и поднималась с испугом: мне казалось, что я падаю! Я как будто помешалась. Глаза открыты, но предметы изменяются как во сне. Уланы кажутся мне лесом. лес — уланами! Голова моя горит, но сама дрожу, мне очень холодно. Все на мне мокро до тела».

Действительно, земля задрожала и разбудила спавшую у потухшего костра Дурову.

Она вскочила, не понимая, что с ней и где она. Перед ней стоял денщик и держал в поводу ее лошадь. Солнце только что выглянуло из-за леса и тумана. Эскадрон строился рядами.

Скоро она все поняла. Страшные залпы оттуда, из-за долины, такие же встречные залпы с редутов Багратиона и со всех ближних батарей, буквально потрясали и воздух и землю. Казалось, само небо гремело.

Эскадрон Дуровой выстроился на возвышении, левее Семеновского. Оттуда видно было, что делалось впереди. По ту сторону ложбины, тянувшейся от возвышений, на которых возведены были багратионовы флеши, до противоположных возвышений, подходивших к Шевардину, оставалось никем незанятое пространство, разделявшее русских от французов на несколько сот сажень. Обе грани этого свободного пространства — русская и французская — дымили по всей линии и сверкали брызжащим огнем: это были какие-то огненно-дымные коймы, изрыгавшие адский огонь и неумолкаемое грохотание. Скоро такой же грохот начался и гораздо правее, против Бородина, и про-

тив самого центра. Дым относило вдоль этих огненных окаймлений, к югу, и заволакивало лес, раскинувшийся за деревней Утицей.

Скоро огненно-дымные коймы с той стороны, от французов, не переставая грохотать и застилать небо дымом, а еще усиливая эту дьявольскую грохотню, как бы разорвались на несколько частей, и из-за дыма выдвинулись стройные массы, сверкая оружием. Это неприятель повел атаки на флешы Багратиона и на Бородино. Живые стены двигались по свободной от дыма долине, как на парад. Живые стены двинулись и с нашей стороны; нога в ногу шли солдаты, колыхаясь целыми колоннами.

Вдруг среди грохота пушек раздалось какое-то лopotанье, сначала залпом, а потом неумолкаемой дробью. Это задымили из ружей живые, двигавшиеся одна на другую стены. И с той и другой стороны поднимались вверх руки и вместе со всем телом опрокидывались назад, или падали ничком вперед, падали почти целыми колоннами, а другие, шагая через упавших, тотчас смыкались в такие же стены и шли вперед. Французы, видимо, давили наших — вот они уже, опрокидывая наши колонны, взбираются к самым редутам...

Дрогнуло сердце у Дуровой. Рука, невольно схватившаяся за саблю, дрожала... «Воронцов был прав», колотилось у нее в сердце: «На его редуты смерть идет»...

— В атаку! С места марш-марш! — грянул чей-то голос.

И Дурова пришла в себя только тогда, когда увидела, что вместе с своими уланами, с гусарами Давыдова и новороссийскими драгунами она врзалась в неприятельские ряды и саблей била по направленным на нее штыкам.

— Маршал Даву упал! — закричал кто-то у нее с боку — Убит!

Там, со стороны французов, в толпе, которая, видимо, строилась, среди криков, стонов и лязга сабель, слышался какой-то стон испуга. Французы дрогнули. Багратионовы флешы были удержаны.

Почти не сознавая ничего, что вокруг делается, Дурова, так сказать, огляделась только тогда, когда эскадрон их снова занял прежнюю позицию на возвышении. Из отрывочных фраз солдат и офицеров, из слов команды и из самого положения позиций она поняла, что атака французов на флешы была отбита, хотя с огромным уроном с нашей стороны, что под маршалом Даву убита лошадь и сам он упал, должно быть, убитый, что видели, как упало еще несколько французских генералов; а что там, на правом крыле, дело плохо: французы опрокинули наших через речку и заняли Бородино... Дуровой

почему-то при этом страшном известии вспомнился тот серенький котенок, который вчера терся на руках у Давыдова... Вместе с тем она как бы в тумане видела, что та свободная ложбина, которая отделяла русские войска от французских, уже не свободна: вся ложбина была чем-то застлана, чем-то черным и серым с красным; в иных местах лежали целые кучи, а меж ними беспорядочно двигались люди... То валялись убитые и раненые, люди и лошади, а меж ними двигались люди с носилками, подбирая некоторых, а остальных бросая в ложбине. Так как команда из-за ложбины и с наших редутов умолкла, то слышалось что-то еще более страшное: стоны и крики раненых не только людей, но и лошадей.. Все это виделось и слышалось тут, точно в полусне... По всем направлениям скакали офицеры — это летели вести и приказы во все концы, просились подкрепления, отыскивались разрозненные части, собирались беглые сведения об уроне.

А между тем Дурова видела, что из-за тыла их эскадрона и с боков, с задних линий, подвигались новые силы к передним линиям и новые массы орудий втаскивались на возвышения. Иные пушки солдаты тащили на себе, падали, снова поднимались и тащили. Из зарядных ящиков образовался целый табор.

По рядам снова прошли командные крики. Снова задымилась окраина ложбины; но эти окраины так сблизились одна с другой, что видны были лица французских артиллеристов, пока эти лица не заволоклись дымом. Скоро дымные окраины превратились в огненные линии. Снова из-за огня артиллерии вынеслись страшные живые стены, и, после убийственных залпов, со штыками наперевес, пошли вторично в атаку. Первые наши ряды, защищавшие багратионовские флешы, были быстро сломлены и смяты. Все смешалось и дрогнуло по сю сторону редутов; натиск нападения оказался слишком стремительным, и французы ворвались в левую флешь. Дурова, которой эскадрон стоял теперь во второй линии, видела несколько минут, как на левой флешы сверкали палаши гренадер; но скоро гренадеры все легли. Несколько минут еще слышен был на правом редуте металлический голос Воронцова (она опять узнала его издали); но скоро и его, бледного, окровавленного, покрытого разорванным и окровавленным знаменем, пронесли на носилках мимо улан не свои гренадеры, а чужие: его дивизия вся легла на месте — багратионовы флешы были в руках французов.

Дурова оглянулась на своих улан. Лица — сосредоточенные бледные, большею частью пепельные; казалось, у каждого зубы стиснуты, как от нестерпимой боли. И Дурова стиснула зубы, потому что чувствовала, как ходенем ходила ее нижняя челюсть — ее била лихорадка.

Со второй и третьей линий опять надвигалась пехота. Это Багратион, пораженный потерей своих редутов, послал в дело свежие войска. Пехота шла в ногу, под заборную, но строгую дробь барабанов. И лица солдат смотрели строго: казалось, они идут в церкви прикладываться ко кресту или к чудотворной иконе, — вчера они так подходили к образу смоленской богородицы. Все ближе и ближе подходят к редутам, над которыми они же вчера мозолили руки, укрепляя их и обводя окопами; и сегодня эти редуты не их уже, а французские: вон из-за дыма поблескивают наполеоновские орлы на древках, точно собираются лететь на новую добычу.

Редуты брызнули огнем и загремели. Между редутами тот же брызжащий тонкими полосками огонь; но пехота, падая и смыкаясь снова, продолжает выбивать такт на своей собственной могиле; ложатся целые ряды этих серых, строгих лиц, но колонны, уменьшаясь в числе, все двигаются вперед. И с той стороны прибывают свежие силы. Впереди конных егерей, несущихся на нашу пехоту, Дурова явственно различает картинную фигуру Мюрата, которого она видела еще в Тильзите.

Но скоро все смешалось — пехота, егеря, кирасиры, драгуны, уланы... Когда эскадрон Дуровой, заскакав с боку пехоты за правый редут, вместе с кирасирами и драгунами опрокинул мюратовых егерей и когда они поворотили влево, Дурова увидела, что на флешах, вместо французских орлов, опять треплется в дымном воздухе наше тяжелое знамя и блещут знакомые кирасы: флешы были опять отбиты.

СОВЕТСКАЯ
ПЕЧАТЬ О ВОЙНЕ
1812 года

Н. КРУЖКОВ

ВЕЛИКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ

125 лет назад, 24 июня (по новому стилю) 1812 года, огромные наполеоновские армии вторглись в пределы русского государства. Наполеон был в зените своей славы. Покоренная Европа лежала у его ног. Немцы, поляки, австрийцы, итальянцы были союзниками французского императора. Современники называли поход Наполеона в Россию нашествием «двухнадесяти язык», и это было недалеко от истины.

Силы русских были весьма слабы. Три разрозненные армии насчитывали в общей сложности 200 тысяч человек против свыше чем полумиллионной армии французов, ведомых одним из самых замечательных полководцев мира — Наполеоном Бонапартом.

Судьба русского государства и русского народа была поставлена на карту.

Вторжение Наполеона подняло русский народ на борьбу с иноземными захватчиками. Стоял вопрос о том — быть или не быть России самостоятельной страной. Наполеон потерпел на русских полях сокрушительное поражение, разрушившее фундамент наполеоновской империи. Великая армия погибла. Русский народ отстоял независимость своей родины.

События, происходившие 125 лет назад, не могут не волновать нас, живущих в грозовой предвоенной обстановке. Невольно мысль обращается к историческим сравнениям, славным датам и славным именам. Русский народ, защищая свою независимость, в войне 1812 года выдвинул немало замечательных героев, мужественных людей, прекрасных полководцев, сумевших быть притягательным примером для своих современников, сумевших организовать победу и сокрушить величайшего военного стратега, каким являлся Наполеон.

С легкой руки европейских военных историков, подыскивавших всяческие оправдания Наполеону, утвердилась мысль,

что Россию спасли не мужество и патриотизм великого русского народа, а снежные сугробы, трескучие морозы и необъятные пространства.

Однако, никогда еще природа не была единственным фактором победы или поражения. Труднопроходимые швейцарские Альпы были свидетелями блестящих маршей Суворова. Трескучие сибирские морозы и гигантские пространства не помешали Красной армии разбить и добить Колчака.

Основным двигателем победы был и остается человек, вооруженный боем, одушевленный идеей защиты родины, сильный духом, волей к победе!

Под натиском могущественной французской армии русские войска откатывались к Москве. В это трудное, напряженное время руководителем русской армии был назначен престарелый полководец Кутузов.

Его организаторским способностям, военному таланту, выдержке и умению поднимать дух войск в значительной степени обязан своим неслыханным поражением Наполеон — император французов, властелин Европы.

Михаил Илларионович Кутузов был человеком суворовской школы — одним из тех, кто разделял боевую славу героя великих походов. Суворов чрезвычайно высоко оценивал Кутузова. После блистательного штурма Измаила, сильнейшей турецкой крепости, Суворов говорил про Кутузова: «Он шел у меня на левом крыле, но был правое моею рукой»...

Кутузова не любил император Александр I. Мелочной, придирчивый, коварный и завистливый, царь не жаловал старого генерала своей милостью. Любимцем царя был Аракчев, палач солдат. Александру очень хотелось обладать военными талантами, Кутузов оценивал его таланты крайне низко и не стеснялся об этом говорить. Александр обожал парады и павловскую муштру. Кутузов относился к ним резко отрицательно. Александр больше всего на свете ценил воинскую выправку и блеск мундира. Кутузов частенько ходил в старом походном сюртуке, без эполет. Александр, подобно своему отцу Павлу и младшему брату Николаю, был тонким знатоком шагистики. Кутузов, напротив, — сторонником облегчения солдата от нелепых и тягостных условностей тогдашней военной службы. В день отъезда Кутузова в армию Александр сказал: «Публика желала назначения его, я назначил его: что касается меня лично, то я умываю руки».

Зато армия и народ с восторгом встретили назначение Кутузова главнокомандующим.

Армия отступала. Умный Барклай-де-Толли избегал решительных встреч с Наполеоном, боясь быть раздавленным. С именем Кутузова страна связывала свои надежды на пере-

лом и переход в наступление. Но силы русских были еще слабы, и Кутузов понимал это лучше, чем кто бы то ни было.

Сменив Барклая-де-Толли, старый полководец нашел в себе достаточно сил и мужества принять единственно правильное решение, которое многим горячим головам казалось безумным и гибельным, — «отступить!».

Как черная грозовая туча, надвигалась на Москву наполеоновская армия, не знавшая доселе поражений. 4 сентября русские войска остановились на позициях у Бородина. Перед Кутузовым встал вопрос: отдать столицу без боя или принять бой, сделать попытку вооруженной рукой остановить неуклонное движение неприятеля? Даже Кутузову страна не простила бы оставления Москвы без боя. Кутузов знал это и, хотя шансы на победу были весьма незначительны, принял решение сражаться.

Битва под Бородиным может быть по справедливости отнесена к числу тех, в которых русский солдат покрыл себя неуязвимой славой. 120 тысяч русских (из 30 тысяч казаков и ополченцев) противостояли на весьма посредственной позиции 130 тысячам французов с Наполеоном во главе! Русские отступили после кровопролитнейшего боя и, следовательно, должны были считаться побежденными, но, с другой стороны, французы не разгромили русской армии и, следовательно, не могли считаться победителями. Больше 50 тысяч русских пало в этой кровавой битве, но сила русской армии не была сломлена.

Предшествовавшие события подготовили подобный результат Бородинской битвы. В наступательном движении Наполеон растерял добрую половину своей главной армии. Значительную часть войск пришлось выделить для операций против армии Витгенштейна, заслонявшего дороги на Петербург. Австрийский корпус Шварценберга с сомнительным успехом действовал против южной армии Тормасова, увязая в бездорожье Волыни. Неимоверно удлинившиеся коммуникации требовали от Наполеона много сил для их охранения. Плохо организованное снабжение и болезни обильно пополняли число жертв.

Наполеон мог бы привести к решительному столкновению на 150—200 тысяч бойцов больше. Этого не случилось. Под Бородиным у него нехватило сил. «В великой битве под Москвой» русские дрались с величайшим упорством. Стремительная фронтальная атака, произведенная французами, не дала ожидаемого результата. Участник Бородинского сражения французский генерал Пеле, описывая бой у Семеновских

флешей, говорил: «Русские колонны в глазах наших двигались по команде своих начальников, как подвижные шанцы, сверкающие сталью и пламенем. На открытой местности, поражаемые нашей картечью, атакуемые то конницей, то пехотой, они понесли огромный урон, но эти храбрые воины, собравшись с последними силами, нападали на нас попрежнему».

Главкомандующий русской армией генерал Кутузов отлично управлял боем. Настроение у русских было единодушное — переходить в наступление. Но когда бой окончился и стали подсчитывать потери, то наступление оказалось невозможным. Сил не было. Кутузов, спасая армию, снова отдал приказ отступать.

Наполеон в своих мемуарах говорит о Бородинской битве: «Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми... Из 50 сражений, мною данных, в битве под Москвой выказано французами наиболее доблести и одержан наименьший успех».

Наполеон высоко оценил Кутузова, в отличие от императора Александра, который писал ген. Винцингероде: «Я не могу постичь, что заставило генерала Кутузова отдать Москву после победы, которую он одержал при Бородине».

Кутузову пришлось командовать армией в чрезвычайно тяжелой обстановке. Начальник штаба Беннигсен строил всяческие козни главнокомандующему, стараясь скомпрометировать его в глазах России.

Московский градоначальник, интриган Ростопчин, посылал клеветнические доносы на Кутузова Аракчееву — клевету императора Александра.

Итак, Москва была оставлена 14 сентября, занята неприятелем и горела, подожженная русскими патриотами. Кутузов отступил на Рязанскую дорогу, а затем, совершив фланговое движение, преградил путь на Калугу, богатую запасами продовольствия, и стал лагерем в Тарутине.

Москва явилась могилой наполеоновской славы. Мира не было. Все попытки императора французов заключить мир кончались неудачей. Оккупанты разлагались. Мародерство поразило войска Наполеона, в первую очередь подвассальных немцев, поляков и итальянцев.

Кругом кипела партизанская война. Даже поработанное крепостное крестьянство не осталось равнодушным к вторжению захватчиков. Летучие отряды Давыдова, Сеславина, Фигнера и других неустанно тревожили французов. Подвижная

враждебная завеса партизан охватила все расположение французской армии. В богородских лесах успешно действовали крестьяне — Герасим Курин и Стулов, в Сычевском уезде — старостиха Василиса, в Мосальском уезде — дворовый Василий Половцев и бурмистр (староста) Федор Анофриев. Война приняла особо опустошительный для французов характер, когда началось трагическое отступление великой армии. Можно себе представить, что осталось бы от великой армии Наполеона, если бы русское крестьянство тогда было свободно.

18 октября отдохнувшая и усиленная подошедшими резервами армия Кутузова вышла из состояния обороны и отбросила авангард Мюрата под Тарутиним. Наполеон тем временем начал выводить всю свою армию из Москвы, приняв решение покинуть столицу. Партизаны Сеславина точно проследили движение французов и своевременно об этом донесли в главную квартиру. Когда Кутузову сообщили, что французские войска и Наполеон покинули Москву, он, по свидетельству современников, заплакал слезами радости и сказал: «С сей минуты Россия спасена». Фельдмаршал предвидел, что отступление Наполеона приведет французскую армию к гибели.

24 октября обе армии столкнулись под Малоярославцем. Произошло кровопролитное сражение, после которого Наполеону ничего не оставалось делать, как отступить на Боровск, чтобы оттуда пройти через Верею и Можайск на Смоленскую дорогу.

Этому тракту суждено было стать дорогой смерти для наполеоновской армии.

Европейские историки нередко упрекают Кутузова в том, что он не сумел прикончить Наполеона, дал ему возможность ускользнуть. Такой упрек вряд ли можно назвать справедливым. Фельдмаршал не хотел напрасно рисковать армией и жизнью своих бойцов, он знал, что Наполеон уже погиб, что время работало на нас.

С каждым днем наполеоновские войска, откатывавшиеся к границе под непреодолимым натиском русской армии, таяли и распадались. Клаузевиц, которого трудно упрекнуть в пристрастии, пишет: «Никогда преследование неприятеля в большом масштабе не велось так энергично и с таким напряжением сил, как в эту кампанию... Чтобы вкратце очертить огромный масштаб требовавшегося напряжения, достаточно будет указать на то, что главная русская армия, выступившая из Тарутина в числе 110 тысяч человек, дошла до Вильно в составе 40 тысяч. Остальные 70 тысяч остались позади: умершие, раненые, больные или окончательно истощенные. Такое напряжение делает великую честь князю Кутузову».

Под Березиной бездарный Чичагов не сумел помешать переправе остатков наполеоновских войск. Наполеон ушел от казавшегося неминуемым плена. Но французская армия уже агонизировала. В Сморгони Наполеон бросил войска, передав командование Мюрату. Но командовать уже было нечем — великая армия перестала существовать.

Участник кампании француз Сегюр, описывая этот период кампании, рассказывает: «С тех пор не стало братства по оружию, не стало товарищества, все связи были порваны. Невыносимые страдания лишили людей разума... Подобно дикарям, более сильные грабили более слабых; они сбегались толпой к умирающему и часто не ждали даже его последнего вздоха. Когда пала лошадь, то казалось, что около нее собралась голодная стая волков; они окружили ее, разрывали ее на части и дрались из-за нее, как хищные звери».

Ненадежные союзники отошли от Наполеона. Французское войско оказалось совершенно уничтоженным. Из всей огромной армии Наполеона уцелело и вернулось из России только 30 тысяч человек, потерявших всякую боеспособность.

Итак, выдержка, хитрость, расчетливость, хладнокровие и предвидение Кутузова победили гений Наполеона. Русский народ в 1812 году отстоял независимость своего отечества. Великий завоеватель столкнулся с великим народом и был разбит.

Фельдмаршал Кутузов после перехода русских войск через границу умер в Силезии 28 апреля 1813 года, накануне люценского сражения. Сердце 68-летнего фельдмаршала не перенесло тягот неустанных походов.

(«Правда» от 2 сентября 1937 года.)

Комбриг Н. ЛЕВИЦКИЙ

ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА

Седьмого сентября 1812 года в 95 километрах от Москвы, у д. Бородино произошло памятное сражение между русской армией и армией Наполеона.

Наполеон сформировал полумиллионную армию и тщательно подготовил ее к походу в Россию. Он мечтал в первом же пограничном сражении уничтожить двухсоттысячную армию и продиктовать Александру I свои условия мира. Но этот замысел не удался прославленному полководцу. Командующий русской армией генерал Барклай-де-Толли не рискнул вступить в бой с противником огромной численности. Благо-

П. И. БАГРАТИОН.

разумие подсказало ему необходимость своевременного отступления в глубь страны.

Русская армия отступала с арьергардными боями по Смоленской дороге к Москве, а Наполеон следовал за своим противником, распыляя силы для охраны своих сообщений с тылом.

Слишком длительное отступление Барклая-де-Толли вызвало недовольство в русском народе и среди солдат, а его иностранная фамилия внушала подозрения. И когда во главе русской армии был поставлен 67-летний генерал Кутузов, его назначение было принято с восторгом. Все ожидали решительного сражения с врагом.

Первое время отступал и Кутузов, местность, прилегающая к Смоленской дороге, изобиловала лесами, неудобными для сражения.

Но вот позиция была найдена. Кутузов расположил свои войска за рекой Колочей, между старой и новой Смоленскими дорогами, на фронте общим протяжением около 8 километров. Правый фланг армии упирался в изгиб этой реки, а левый — в деревню Утицу.

Испытанный мастер военного дела, придававший исключительное значение огромному численному превосходству на решающих направлениях, Наполеон сумел подвести к Бородинскому полю сражения из полумиллионной армии только 130 тысяч человек и 587 орудий, где его ожидали 120 тысяч человек русских войск и 640 орудий.

5 сентября конница Мюрата атаковала арьергард Коновницына и заставила его отойти к главным силам. Русские в это время уже заканчивали развертывание своих сил на подготовленных позициях. Правое крыло и центр позиции заняли войска первой армии Барклая-де-Толли; на левом крыле расположилась вторая армия Багратиона. Бородино, расположенное впереди главной позиции, было занято тремя батальонами егерей, а на передовую позицию к деревне Шевардино были выдвинуты одна пехотная и одна кавалерийская дивизии.

Вслед за авангардом Мюрата показались главные силы Наполеона, двигавшиеся тремя колоннами. Перейдя реку Колочу между деревнями Фомкино и Алексинки, конница Мюрата и часть корпуса Даву в 14 часов атаковали Шевардинский редут (пятиугольное земляное укрепление). В то же время войска Евгения Богарне предприняли атаку на деревню Бородино.

Упорно боролись русские войска. До глубокой ночи продолжался бой за Шевардинский редут. Только в 23 часа его защитники по приказанию Кутузова начали отходить на главные позиции.

Еще менее успешными оказались в этот день попытки Богарнэ захватить деревню Бородино. Все атаки противника были отражены дружным огнем русских егерей.

Бои 5 сентября, потребовавшие много жертв с каждой стороны, в значительной степени способствовали выяснению группировки сил противником. Весь же следующий день обе стороны были заняты подготовкой к генеральному сражению.

Сражение 7 сентября началось с раннего утра наступлением группы Богарнэ на Бородино. Защитники деревни, опасаясь быть отрезанными от главных сил, вынуждены были отойти на основную позицию.

В 7 часов войска Даву, поддержанные огнем 120 орудий, приблизились к багратионовым флешам (укрепления на высотах у деревни Семеновская), но энергичным огнем русской артиллерии и стрелков были с огромными потерями отброшены. Через час Даву повторил атаку и даже успел захватить одну из флешей, однако контратакой русских был выбит. Неудачна была и третья атака Даву.

Только в 12 часов, когда Наполеон сосредоточил у багратионовых флешей до 30 тысяч человек против 18 тысяч русских, последние покинули флешы и отошли за Семеновский овраг.

Одновременно бой протекал и в районе Бородина. Заняв частью сил деревню Беззубово, Богарнэ перебросил три пехотных дивизии и конницу Груши на правый берег реки Колочи и в 10 часов атаковал батарею Раевского (укрепление на кургане в центре позиции). Несколько раз войска Богарнэ безуспешно атаковали батарею, встречая дружный огонь и штыковой удар русских. После горячего боя, батарея в 15 часов была взята, но дальше батареи Раевского неприятель продвинуться не смог.

Между тем еще в 12 часов Кутузов направил кавалерийский корпус Уварова и казачий отряд Платова в охват левого фланга Наполеона. Переправившись у села Малое через реку Колочу, русская конница бросилась на войска Богарнэ, вышедшие из Беззубово. Прорвавшийся вперед Платов достиг Смоленской дороги, вызвав у Наполеона беспокойство за свой тыл. Но развить успеха Платову не удалось: опасаясь частного поражения конницы, Кутузов отдал приказание Уварову и Платову об отходе.

В 16 часов Наполеон прибыл к Семеновским высотам. Наблюдая за русскими войсками, он видел, что противник не сломлен и представляет еще грозную силу, а между тем всюду доносят об огромных потерях. Резервы использованы. Остается только гвардия, но потерять ее — равносильно ката-

строфе. Наполеон не решился на продолжение атаки и ограничился артиллерийским обстрелом русских позиций, а к ночи, опасаясь контрнаступления противника, отступил за Колочу, покинув занятые в течение дня высоты.

Кутузов в свою очередь, получив сведения о крупных потерях в его армии, отдал приказ об отступлении.

Упорство русского солдата, защищавшего свою родину, превзошло все ожидания Наполеона, который вообще высоко оценивал его боевые качества...

Прошло 125 лет со дня Бородинского боя. Многое изменилось за это время и в военной технике, и в социально-политическом составе армий, и в оперативном искусстве.

Если русский солдат, крепостной крестьянин, в грозный момент опасности обнаружил исключительную стойкость и храбрость, защищая свою родину, то боец Красной Армии, свободный гражданин социалистического отечества, воспитанный в духе преданности партии Ленина — Сталина и правительству, вооруженный новейшими достижениями науки и техники, проявит невиданные до сего времени и стойкость, и храбрость, и упорство в защите любимой родины.

(«Правда» от 2 сентября 1937 года).

* * *

НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ

(К 125-летию Бородинского боя)

На 122-м километре от столицы, за Можайском, поезд Москва — Минск делает минутную остановку: станция Бородино. Прямая, мощеная камнем дорога ведет от станции к местам исторического Бородинского сражения. Перед приезжим постепенно раскрывается панорама огромного холмистого поля, окаймленного лесом. Бородинское поле величественно своими размерами, своей особенной, торжественной тишиной...

Через несколько дней, 7 сентября, минет 125 лет со дня Бородинского боя, память о котором сохранена в народных песнях и былях, в творениях величайших писателей и поэтов русского народа — Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого.

С дороги еще издали виднеются в поле силуэты обелисков, каменных памятников, воздвигнутых на братских могилах павших бойцов. На гранитных глыбах укреплены чугунные, мраморные, бронзовые доски с названиями полков, сражав-

шихся под Бородиным. Более 50 тысяч русских воинов покоятся в этих братских могилах. Некоторые памятники украшены барельефами с изображением сцен Бородинского боя, изваянными из камня и металла шлемами, боевыми доспехами, чугунными артиллерийскими ядрами.

Четырехгранный обелиск розового гранита — памятник воинам Финляндского полка — хранит надпись:

«Подвигам доблести
слава, честь,
память».

В окрестностях Бородина до сих пор сохранились прежние названия деревень, речек, холмов, знакомые каждому из описания Бородинского боя в романе «Война и мир» Л. Толстого. Речка Колоча, некогда разделявшая русские и неприятельские войска, течет в невысоких берегах. В километре от берега находится деревня Шевардино, близ которой до сих пор сохранились остатки знаменитого Шевардинского редута, являвшегося передовым пунктом русских укреплений.

Свой главный удар в Бородинском бою Наполеон направил в центр расположения русских войск — на холм, занятый артиллерийской батареей Раевского, и на так называемые флешы (флешы — род земляных укреплений), обороной которых командовал русский полководец П. И. Багратион, получивший смертельное ранение в Бородинском бою. Одна из «багратионовых флешей» сохранилась до сих пор.

Всего на Бородинском поле насчитывается 36 памятников. Все они расположены на территории площадью около 20 квадратных километров.

Сейчас на Бородинском поле ежедневно можно видеть группы молодежи; с букетами полевых цветов они ходят от одного памятника к другому, с уважением читая названия частей, сдержавших у Бородина яростный штурм наполеоновских войск.

У дороги, против холма батареи Раевского, расположен небольшой старинный домик. На фронтоне домика надпись: «Военно-исторический музей в Бородино». Казалось бы, что этот музей, имеющий большое историческое значение, должен играть важную роль в ознакомлении многочисленных посетителей с героической страницей из прошлого нашей страны. Однако, на деле этого еще нет. Музей и некоторые памятники находятся в запущенном состоянии. (Спец. корр. ТАСС).

(«Правда» от 2 сентября 1937 года).

Д. О С И Н О В

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЭМА О 1812 ГОДЕ

Война 1812 года против Наполеона, вторгшегося в Россию, увековечена в одном из величайших памятников мировой литературы — в «Войне и мире» Л. Н. Толстого.

Оценку исторического значения этого романа дал сам автор его. Горький записал в воспоминаниях своих о Толстом:

«О «Войне и мире» он сам говорил: «Без ложной скромности — это как «Илиада».

«Илиада» — это героическая поэма древних эллинов, сказание о подвигах героев. Героический эпос лежит, действительно, и в основе «Войны и мира». В этом произведении нет отдельных героев, но есть собирательный, коллективный герой. — Его подвиг составляет подлинную сущность романа, делает исторический роман героической поэмой, русской «Илиадой». Этот герой — русский народ. Его подвиг — защита своей земли от иностранного вторжения и захвата.

«Война и мир» делится на две основные части. Первый и второй томы охватывают 1805—1810 годы. Третий и четвертый — 1812 год. Различие между этими двумя частями огромное.

В центре первой части — Аустерлиц. К нему сходятся, от него расходятся все нити. Во второй части центр — Бородино. Вокруг него располагаются все события романа.

В первой части война царской России с Францией Наполеона происходит для русских за границей. Это война, в которой гибнут десятки тысяч людей. Но воюет только армия. Толстой подчеркивает равнодушие страны к этой войне, которая ведется где-то далеко, в неведомых местах, неизвестно для чего.

Один боевой эпизод особенно выделен в этой первой части «Войны и мира». Это мужественная защита своей позиции батареей капитана Тушина. Тушин — не карьерист, не честолюбец. Он — простой русский человек, — вероятно, из хороших дворян. Он героически выполняет свой воинский долг, но подвиг его проходит незамеченным. Он не нужен в этой общей картине растерянности, равнодушия, безнадежности заранее проигранного и никому не нужного дела. Героический поступок совершает и князь Андрей Болконский. Он бросается в бой со знаменем в руках, увлекает за собой солдат, но потом, лежа на поле, тяжело раненый, он чувствует бессцельность своего подвига.

Впоследствии, в 1812 году, Андрей Болконский найдет основную причину поражения при Аустерлице. Накануне Бородинского боя он говорит Пьеру:

«Отчего мы под Аустерлицем проиграли сражение? У нас потеря была почти равная с французами, но мы сказали себе очень рано, что мы проиграли сражение, и проиграли. А сказали мы это потому, что нам там незачем было драться: поскорее хотелось уйти с поля сражения... А завтра мы этого не скажем».

Незачем было драться — вот формула простая, как просты все великие исторические явления, как проста великая историческая истина.

В противоположность первому и второму томам война скрашивает собой все страницы третьего и четвертого томов «Войны и мира». Собственно с этой части и начинается героическая эпопея. Основное событие, сразу изменившее все краски в романе, все положение действующих лиц, — это вторжение Наполеона в Россию. Русский народ увидел врага, иностранного захватчика на своей земле.

Толстой верен себе и во второй части. Он беспощадно разоблачает всякую фальшь в людях. Он — сатирик, когда описывает «патриотизм» правящих дворянских кругов. Он так же безжалостен к петербургским салонам, к московскому дворянскому клубу, к болтовне, к показной «любви к отечеству». Друбецкой, Берг и многие другие остаются такими же карьеристами. Долохов — тот же авантюрист. Николай Ростов — тот же привлекательный в личных и семейных отношениях, но тупой и ограниченный офицер, верный холоп своего царя, дворянин-помещик по всей своей натуре.

Толстой вносит сатирическую ноту и в описание патриотического порыва московских дворян и купцов. Подвиг дворян заключался в том, что они со слезами на глазах, с криками восторга отдавали в ополчение по 10 крепостных душ с тысячи. Толстой заключает сцену патриотического порыва словами:

«На другой день государь уехал. Все собранные дворяне сняли мундиры, опять разместились по домам и клубам, и, покрихтывая, отдавали приказания управляющим об ополчении и удивлялись тому, что они сделали».

По-иному выглядят во второй части романа Андрей Болконский, Пьер, Денисов, еще некоторые другие лица, к которым сам Толстой относится с явной симпатией. По-иному выглядит и Кутузов. Все они как будто перерождаются. Каждый испытывает внутреннее потрясение. У всех словно горит и на лице и в душе отблеск огня, который вспыхнул под Бороди-

ным и спалил Москву. Причина этого — народ. Ему принадлежит основное место во второй части «Войны и мира», и хотя Толстой попрежнему останавливается всего больше на людях из дворянской среды, и лишь мимоходом появляются у него крестьяне, городские жители, ремесленники и фабричные, солдаты, но все же именно народ представляет главную силу исторического движения, создавшего героическую поэму.

Вот простой солдат, встретившийся Пьеру, не оставивший в романе даже своего имени, говорит:

«Нынче не разбирают... Всем народом навалиться хотят, одно слово — Москва».

Эти слова о том, что «всем народом навалиться хотят», были совершенно невозможны в первой части, перед Аустерлицем, хотя и там храбро сражались русские войска. Но там была только армия, которой незачем было драться и которая чувствовала себя чем-то совершенно отдельным от народов. А здесь, накануне Бородина, обыкновенный, ничем не замечательный солдат знал, что с ним народ и что есть за что драться. И простой русский капитан, двойник Тушина, красноносый Тимохин, отмечает:

«Солдаты в моем батальоне, поверите ли, не стали водку пить: не такой день, говорят».

Это была народная война. Русский народ, который в своей истории не раз восставал против угнетателей, против бояр и помещиков, сознавал, что на этот раз новые угнетатели идут из-за исторических рубежей. По своей собственной инициативе, не ожидая призыва от правительства, народ начал народную, партизанскую войну. Толстой отмечает это с правдивостью историка и с реализмом художника. Партизанская война началась еще до отступления Наполеона, она сопровождала всю войну. Это было стихийное движение, на которое с недоумением и враждой смотрели некоторые военные профессионалы.

Партизанская война была крестьянской войной. Народ дрался за свою национальную независимость, и в подавляющем большинстве это были крестьяне, которые еще не могли сбросить с себя крепостных цепей, но которые борьбой за независимость своего государства, своей земли ясно показывали, что не примирятся никогда и со своим рабским положением.

«Дубина народной войны поднялась со всею своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и нравил, с глупой простотой, но и с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие». Темнота и малая по-

литическая сознательность крестьянства сказались в том, что страшная дубина народной войны, изгнавшая захватчиков с русской земли, не могла повернуться после этого против помещиков, против царя. Крестьянство не имело и не могло иметь такого союзника и руководителя, который сделал впоследствии непобедимой народную социалистическую войну против помещиков и капиталистов. Рабочего класса не было тогда. Фабричные были теми же крепостными крестьянами.

Но то сознание национального своего достоинства, своей национальной силы, которое давало возможность в течение ряда веков отбивать все иноземные нашествия на русскую землю, проявилось в полной мере и при защите России от Наполеона. Толстой показывает это национальное сознание в простых крестьянах, во Владе и Карпе, которые не могли бы складно рассказать о своих чувствах, но которые жгли сено, чтобы оно не досталось Наполеону, которые подстерегали и убивали наполеоновских комиссаров. Толстой показал замечательную фигуру партизана Тихона, — простого и даже с виду простоватого мужичка, над которым посмеивались в отряде, но который «был самый полезный и храбрый человек в партии».

И так же, как дрались крестьяне по своим углам, дрались какие-то неизвестные горожане, москвичи, не оставившие истории своего имени. В оставленной войсками Москве они забаррикадировали Кремль и встретили наполеоновскую армию огнем. Толстой приводит слова французского историка Тьера об этих людях, которых никто не знал и которые, конечно, не были ни графами, ни князьями, ни богатыми купцами:

«Эти несчастные захватили священную крепость, овладели ружьями арсенала и стреляли по французам. Некоторых из них порубили саблями и очистили Кремль от их присутствия».

В народной войне против иностранных захватчиков была заключена та огромная нравственная сила, которая очистила и переродила любимых героев Толстого, сделала их человечными, стерла с них узко дворянские, мелкие чувства. Народная война сделала Кутузова великим полководцем. Это превосходно показывает Толстой. И она же сорвала военные лавры с главы Наполеона. Гениальный полководец растерялся, нагнул, оказался беспомощен при столкновении с грозной народной силой. «Война и мир» замечательно описывает то смущение, в которое был приведен Наполеон этим непонятным для него, неслыханным в других войнах, упорным сопротивлением русских. Бородино не имело в этом отношении примеров во всей прошлой истории. Но оно само стало классическим примером для всех столкновений иностранных захватчиков с народом, который борется за свою национальную независимость.

Русский народ, хотя и закрепощенный тогда, хотя и темный в подавляющем своем большинстве, проявил огромное национальное сознание. Оно ничего общего не имело с национализмом, с исключительным пристрастием ко всему своему, русскому, с враждой ко всему не-русскому. Любопытно сравнить по «Войне и миру» отношение к врагам-французам простых солдат и авантюриста Долохова, спортсмена войны, убийства, крови. Долохов с удовольствием расстреливает пленных. Он наслаждается своей жестокостью. Солдаты радушно принимают обмерзшего француза-офицера Рамбаля и его денщика Мореля. Сцена у костра, когда пленный Морель учит русских солдат французской песенке, — одна из лучших, светлых страниц в русской литературе. Образ Платона Каратаева подвергался многократно извращениям в русской буржуазной литературе. Но основное в нем не поддается извращениям. Это простой русский человек, крестьянин и солдат. Он миролюбив. Он говорит с французами-солдатами, такими же, как он, крестьянами, на одном общем языке. Будь их воля, они не воевали бы. Но Платон Каратаев — это тот же капитан Тушин, тот же партизан Тихон. И когда этого требуют обстоятельства, он подымает с несокрушимой силой грозную «дубину народной войны».

Именно потому, что Толстой, гениальный русский писатель, увидел в казенно изображаемой отечественной войне подлинную народную, в первую очередь крестьянскую войну, его знаменитый роман стал героической эпопеей русского народа, русской «Илиадой».

Новая героическая эпопея разыгралась много лет спустя, когда рабочий класс в союзе с крестьянством опрокинул капиталистов и помещиков и изгнал всех иностранных захватчиков с земли, принадлежащей народам советской страны. — Русскому народу принадлежит в героической социалистической революции виднейшая роль. Он создал великих людей, поднявших знамя пролетарской революции и национального освобождения, революционеров-большевиков. Он выдвинул Ленина и Сталина.

У русского народа есть славное прошлое, есть история, заполненная замечательными страницами, рассказывающая поколениям о великих трудах и о великой борьбе. Война 1812 года записана на одной из таких страниц. И до тех пор, пока будет жива память о героических днях этой борьбы, «Война и мир» останется одной из любимейших книг русского народа.

(«Правда» от 8 сентября 1937 года).

Е. ТАРЛЕ

БОРОДИНО

I

Во всемирной истории есть очень мало битв, которые по неслыханному до той поры кровопролитию и ожесточенности и по огромным последствиям могли бы быть сопоставлены с Бородинским боем.

Наполеон уничтожил в этом бою половину русской армии и спустя несколько дней вошел в Москву. Но он не только не сломил духа уцелевшей части русского войска, но не устранил и русскую народную массу, которая именно после Бородина и после оставления Москвы и усилила яростное сопротивление завоевателю.

Бородино оказалось, в конечном счете, не победой, а первым шагом к конечной гибели наполеоновской армии в России. И не в том было дело, в чем горько укоряли (между собой) Наполеона его маршалы, не в том, что он отказался дать в разгаре боя свою гвардию и этим обратить русских в бегство и уничтожить их. Даже и это бегство и это уничтожение не кончили бы войну, не привели бы к миру, не предотвратили бы гибельного отступления наполеоновской армии из Москвы. Военные критики указывают, что единственным шансом спасения и даже торжества для Наполеона было то, если бы он мог ввести в Москву очень сильную армию, гораздо сильнее, чем та, которую после Бородина он ввел в русскую столицу. Тогда он мог бы пойти на Петербург, о чем он думал и говорил в Москве, но чего уже не в состоянии был исполнить и т. д.

Но в том-то и дело, что, разбросав свои силы по такой коммуникационной линии, он не мог иметь в Москве достаточно войск. Уже достаточно было бы вспомнить о линии между Неманом и Москвой. Но лучше других Наполеон знал, что линия тянется в сущности не от Немана, а от Рейна, что таящаяся придушенная ненависть европейских народов не позволяет позвать к себе в Москву сотни тысяч солдат, разбросанных по Голландии, по всем германским государствам, по Италии, по Западным Балканам, не говоря уже о 200 с лишним тысячах отборных войск, избивающих испанский народ и жгущих испанские города.

При этой «коммуникационной линии» нельзя было рассчитывать на пополнение бородинских потерь, нельзя было и мечтать о походе на Петербург...

Какие силы стояли друг против друга на бородинских полях, когда занималась заря 7 сентября 1812 года — одного из кровавейших дней в истории человечества?

Русская армия под верховным начальством Кутузова располагала под Бородиным следующими силами. Правым крылом и центром вместе начальствовал Барклай-де-Толли. Правым крылом непосредственно командовал Милорадович, у которого было в распоряжении два корпуса: второй и четвертый (19 800 человек) и два кавалерийских — первый и второй (6 тысяч человек), а в общем 25 800 человек. Центром непосредственно командовал Дохтуров, у которого был один пехотный и один кавалерийский корпус (в общей сложности 13 600 человек). Резервом центра и правого крыла командовал непосредственно сам Кутузов (36 300 человек). А всего в этом правом крыле и центре с резервами было 75 700 человек. Вся эта масса войск (правое крыло и центр) носила название первой армии, потому что ядром ее была прежняя армия Барклая. Левым крылом командовал князь Багратион, и так как ядром войск этого левого крыла была та «вторая армия», которой командовал Багратион до Смоленска, то и все левое крыло, сражавшееся под Бородиным под начальством Багратиона, называлось по старой памяти «второй армией».

Это левое крыло состояло из двух пехотных корпусов (22 тысячи человек) и одного кавалерийского (3 800 человек), в общем же у Багратиона было 25 800 человек, а резервы этого багратионовского левого крыла были равны 8 300 человек. Следовательно, у Багратиона в общей сложности было к началу боя 34 100 человек, т. е. в два с половиной раза меньше, чем в «первой» армии (состоявшей из правого крыла и центра и из резервов правого крыла и центра и находившейся под командой Барклая и Кутузова). Кроме этих регулярных войск с резервами, составлявших в общем 109 800 человек, к русской армии под Бородиным присоединилось 7 тысяч казаков и 10 тысяч ратников (смоленского и московского ополчения). В общем, следовательно, у Кутузова под ружьем было 126 800 человек. В его артиллерии было 640 орудий. Эти цифры чаще всего даются в источниках. Однако цифра, даваемая Толем, несколько меньше.

Вот цифры, которые дает генерал-квартирмейстер русской армии в бородинский день граф Толь: «В сей день российская армия имела под ружьем линейного войска с артиллерией 95 тысяч, казаков 7 тысяч, ополчения московского 7 тысяч и смоленского 3 тысячи. Всего под ружьем 112 тысяч человек, при сей армии 640 орудий артиллерии». Сведения, какие были в русском штабе о численности наполеоновских сил, оказались очень неточными: Толь полагал, что у Наполеона под Бородиным было 185 тысяч человек.

К Бородину, по этим преувеличенным русским данным и подсчетам, Наполеон привел пять пехотных корпусов: первый,

третий, четвертый, пятый и восьмой: четыре кавалерийских корпуса, старую гвардию и молодую гвардию. В пехотных корпусах было в общей сложности 122 тысячи человек, в четырех кавалерийских — 22 500 человек, в старой гвардии — 13 тысяч человек, в молодой гвардии — 27 тысяч человек. В общем у него было, по данным и исчислениям русского штаба, 184 500 человек и более тысячи орудий. Первым корпусом командовал маршал Даву. Это был самый большой из пяти корпусов — 48 тысяч человек. Третьим — маршал Ней (20 тысяч человек), четвертым — вице-король Италии Евгений Богарне (24 тысячи человек), пятым — князь Понятовский (17 тысяч человек), восьмым — маршал Жюно герцог д'Абрантес (13 тысяч человек). Всей кавалерией командовал король неаполитанский Иоахим Мюрат (22 500 человек). Начальником всей гвардии, как старой, так и молодой, был сам император Наполеон (40 тысяч человек), он же главнокомандующим всей великой армией.

На самом же деле у Наполеона в день Бородина было 130 тысяч человек и 587 орудий. Об этом говорят французские данные, принятые теперь военной историографией.

По подсчетам участника и историка событий 1812 года Клаузевица, когда Наполеон подошел к Смоленску, у него было 182 тысячи человек, а когда он подошел к Бородинскому полю, у него было 130 тысяч. Остальные 52 тысячи были потеряны для бородинского дня: из них 10 тысяч Наполеон отправил в подкрепление Витебского гарнизона, 6 тысяч оставил в Смоленске, 36 тысяч потерял в боях под Смоленском, на Валутиной горе, в мелких боях и стычках от Смоленска до Шевардина, а также больными и отставшими (Клаузевиц, 1812 год, 74). Эта цифра дается французскими историками похода, у которых после критической проверки взял ее Клаузевиц.

II

Битва началась с нападения дивизии Дельзонна на деревню Бородино. Деревня была в расположении правого крыла русской армии, которым командовал Барклай. Французы вытеснили из деревни стоящих там егерей и последовала очень жаркая схватка на берегу реки Колочи. Барклай велел сжечь мост через Колочу. Деревня оставалась за французами, но это стоило не только русским егерям, но и пехоте Дельзонна, очень больших потерь. Уже с шести часов самый яростный бой завязался на левом крыле русской армии, где у Семеновского оврага стоял Багратион. Наполеон направил сюда Даву, Мюрата и Нея (которому был подчинен корпус Жюно). Первые атаки

были отбиты русской артиллерией и густым ружейным огнем. Маршал Даву упал, контуженный в голову; лошадь под ним была убита. В первых же атаках на позиции Багратиона у французов было перебито очень много начальников, несколько генералов и полковых командиров. Укрепления вокруг Семеновского, так называемые «багратионовы флеши», были сделаны наспех и очень с технической стороны неудовлетворительно. Но защита была такой яростной, что об эти флеши с 5 часов утра до 11½ безуспешно и с ужасающими потерями разбивались все отчаянные нападения французов. Наполеон приказал уже к 7 часам утра выдвинуть почти 150 орудий и громить этим огнем багратионовы флеши. После долгой артиллерийской подготовки Ней, Даву и Мюрат с огромными силами (один Мюрат бросил на флеши три кавалерийских корпуса) устремились на Семеновский овраг и на флеши. Эти подавляющие силы налетели на дивизию Воронцова, опрокинули и смяли ее, налетели на дивизию Неверовского, смяли и ее тоже. Дивизия Воронцова была истреблена почти полностью, и сам Воронцов ранен и выбыл из строя. Неверовский сопротивлялся отчаянно, и его батальоны ходили в штыковой бой против напавших громадной массой французов.

Мюрат, Ней, Даву послали к Наполеону, прося подкреплений. Но он отказал. Он выразил неудовольствие, что флеши еще не взяты.

Наполеон знал, что уже в 5 часов утра Даву и Ней со своими корпусами и Мюрат с кавалерией бросились на Семеновское и на линию редутов между Семеновским и рекой Колочей и что кровопролитнейший бой закипел на этом месте. Багратион и маршалы несколько раз брали друг у друга эти покрытые трупами людей и лошадей укрепления у Семеновского оврага, и несколько раз то русские выбивали французов, то французы русских из уже было занятых то теми, то другими флешей. Люди, наблюдавшие в эти страшные часы князя Багратиона, хорошо знавшие его натуру, помнившие всю его карьеру, которая изумительнее всего именно потому, что он как-то дожил до 47 лет, наконец, осведомленные о том, как он рвал и метал против Барклая во все время отступления, могли быть уверены, что на этот раз третьего решения быть не может: или флеши останутся в руках Багратиона, или он сам выйдет из строя мертвым или тяжело раненым.

Но и Наполеон, твердо решив сначала прорвать русское построение с его левого фланга, а потом направить все усилия на центр, не мог и не хотел отступить от своего намерения.

На багратионовы флеши император направил уже не 130 и не 150, как до сих пор, а 400 орудий, т. е. больше двух третей всей своей артиллерии.

Велено было идти в новый общий штурм флешей. Багратион решил предупредить врага контратакой. «Вот тут-то и последовало важное событие, — говорит участник боя Федор Глинка. — Постигнув намерения маршалов и видя грозное движение французских сил, князь Багратион замыслил великое дело. Приказания отданы, и все левое крыло наше во всей длине своей двинулось с места и пошло скорым шагом в штыки».

Русская атака была отброшена, и Даву отвечал контратакой. Французские гренадеры 57-го полка, с ружьями наперевес, не отстреливаясь, бросились на флешю. Они не отстреливались, чтобы не терять времени, и русские пули косили их. «Браво! браво!» — с восторгом перед храбростью врага крикнул навстречу 57-му полку князь Багратион.

Град картечи ударил с французской батареи в русских защитников флешей.

В этот момент в Багратиона попал осколок ядра и раздробил берцовую кость. Он еще силился скрыть несколько мгновений свою рану от войск, чтобы не смутить их. Но кровь лилась из раны, и он стал молча медленно валиться с лошади. Его успели подхватить, положили на землю, затем унесли. То, чего он опасался, во избежание чего пересиливал несколько секунд страшную боль, случилось. «В мгновение пронеся слух о его смерти, и войска невозможно удержать от замешательства... одно общее чувство — отчаяние», — говорит участник битвы Ермолов. «Около полудня «вторая армия» (т. е. все левое крыло, бывшее под начальством Багратиона) была в таком состоянии, что некоторые части ее не иначе, как отдала на выстрел, возможно было привести в порядок». (Записки Ермолова, 195, Москва, 1865).

Сейчас же после атаки второй армии, отброшенной контратакой французов, Федор Глинка увидел у подошвы пригорка раненого генерала. Белье и платье на нем были в крови, мундир расстегнут, сапог снят с одной ноги, голова забрызгана кровью, большая кровавая рана выше колена. Его сзади кто-то держал, обхватив обеими руками. Глинка узнал его. Это был «второй главнокомандующий», смертельно раненый Багратион. Окружающие видели, как он, забыв боль, молча вглядывался вдаль и как будто вслушивался в грохот битвы. «Ему хочется разгадать судьбу сражения, а судьба сражения становится сомнительной. По линии разнеслась страшная весть о смерти второго главнокомандующего, и руки у солдат опустились» (Глинка Ф., Воспоминания о 1812 году, 11, 73). Багратиона унесли, и это был критический момент битвы. Не в том только было дело, что солдаты его любили, как никого из командовавших ими в эту войну генералов, исключая Кутузова. Они,

кроме того, еще и верили в его непобедимость. Душа как бы отлетела от всего левого фланга после гибели этого человека.

В позднейшем донесении генерала Сен-При императору Александру взятие французами багратионовых флешей и редутов тоже объясняется тяжелой раной Багратиона и исчезновением его с поля. У русских было в начале нападения на Семеновское со стороны маршалов всего 50 орудий, у французов же с самого начала больше сотни (Архив А. Н., Бумаги Воронцова, № 1117). Чем больше свирепела борьба вокруг флешей, тем больше французских орудий под'езжало к маршалам, а русских — к Багратиону. Атакуемые французами пункты так быстро переходили из рук в руки, что артиллерия обеих сторон не всегда успевала приноровиться и иногда обстреливала по нескольку минут своих. Перед гибелью Багратиона и последним штурмом багратионовых флешей французами этот небольшой участок поля битвы обстреливался 400 французскими орудиями и 300 русскими.

III

Левое крыло было сломлено. Багратион исчез. Кутузову донесли с разных пунктов битвы о тяжелых потерях. Были убиты два генерала — братья Тучковы, Буксгевден, Кутайсов, Горчаков. Солдаты дрались с поразительной стойкостью и падали тысячами.

«В это время кавалерийские атаки беспрерывно сменялись одна другой и были столь сильны, что войска сходились целыми массами, и потеря с обеих сторон была ужасная; лошади из-под убитых людей бегали целыми табунами», — пишет очевидец генерал Никитин (Из бумаг Михайловского-Данилевского. Заметки генерала Никитина).

Как и под Смоленском, раненые до последней возможности не уходили из строя, не слушаясь офицеров, которые отправляли их в лазарет. Командный состав не отставал в этот день от солдат.

Принц Евгений Вюртембергский, находившийся в русской армии в день Бородина, передает поразивший его случай. Генерал Милорадович приказал своему ад'ютанту Бибикову отыскать в разгаре битвы Евгения Вюртембергского и передать, чтобы Евгений ехал к Милорадовичу. Мы знаем из всех свидетельств, что артиллерийский грохот в течение всего этого дня был неслыханный, больше, чем при Эйлау, больше, чем при Ваграме, больше, чем в любой битве всей наполеоновской эпопеи. Даже ружейные выстрелы не были слышны, совершенно терялись в этом оглушительном орудийном громе и треске. Очевидно, Бибиков не мог прокричать Евгению то, что было

велено, и он поднял руку, показывая, где находился Милорадович. В этот момент ядро оторвало его руку. Бибилов успел тогда еще, падая с лошади, поднять другую руку и показал снова туда, куда только что показывал (Липранди, цит. соч., 14. Об этом говорят и другие).

После взятия флешей основным объектом французской армии сделалась новая цель: так называемая курганная батарея или «батарея Раевского» в центре русского расположения.

Вторым центральным моментом Бородинской битвы, таким образом, стала борьба за батарею Раевского, стоявшую в центре русского фронта между левым и правым крылом. Уже в 6 часов утра в центре бурной атаки дивизии Дельзонна, как сказано, была взята деревня Бородино, русские егеря выбили их, но затем сами были выбиты. Бородино осталось за французами, и уже тогда вице-король Италии Евгений перешел через реку Колочу и повел атаку на большую батарею. Эта центральная «батарея Раевского» уже с 10 часов утра подверглась ряду последовательных атак.

Генерал Бонами штурмовым натиском овладел батареей Раевского и был выбит оттуда русскими. Второй раз овладел и второй раз был выбит. Начальник штаба 6-го корпуса Монахтин получил две раны штыком и успел еще крикнуть солдатам перед третьим натиском французов, указывая на батарею: «Ребята, представьте, себе, что это Россия, и отстаивайте ее грудью». В этот момент пуля попала ему в живот, и он был унесен с поля битвы. (Этот полковник Монахтин, тяжело раненный, прожил еще несколько дней. Когда он узнал, что Кутузов велел оставить Москву неприятелю, Монахтин сорвал со своих ран все повязки и сейчас же после этого скончался.)

Ермолов выбил дивизию Брусье из батареи Раевского и от подступов к батарее. Раненый, исколотый штыками, генерал Бонами был взят в плен. Наполеон приказал во что бы то ни стало отобрать батарею Раевского.

С 2 часов дня Наполеон велел занять артиллерией те позиции вокруг семеновских флешей, которые были отняты французами после гибели Багратиона. Страшный артиллерийский огонь с этого места косил русские войска. Ядра рыли землю, сметая людей, лошадей, зарядные ящики, орудия. Разрывные гранаты выбивали по десятку человек каждая. А одновременно, уже не слева, не с бывших багратионовых флешей, а справа, французская артиллерия билась по батарее Раевского и по отводимым под батарею русским войскам. Русские солдаты проявляли полнейшее забвение об опасности, о летавшей вокруг них и косившей их огненной смерти. Генералы и офицеры не могли им надивиться, хотя многие из них сами в этот день не уступали солдатам. Барклай (явно для всех искавший

смерти в этот день) поехал вперед к месту, где страшнее всего был огонь, и остановился там. «Он удивить меня хочет», — крикнул Милорадович солдатам, перегнал Барклая еще далее по направлению к французским батареям, остановился именно там, где скрещивался французский огонь слева (от багратионовых флешей) с огнем справа (от позиции вице-короля), слез с лошади и, сев на землю, объявил, что будет тут завтракать. Такое ненужное молодечество было вообще свойственно Милорадовичу.

Русская артиллерия отвечала убийственным огнем. Но французский огонь все более и более свирепел; становилось очевидно, что Наполеон решил, во-первых, добиться взятия батареи Раевского, а затем кончить дело победой в артиллерийском поединке и расстроить огнем русскую армию и обратить ее в бегство. Но долго ничего не выходило. Русская армия отодвигалась в полном порядке. Тогда Платов с казаками и командир первого кавалерийского корпуса Уваров с кавалерией произвели по приказу Кутузова большую, почти на тылах Наполеона, диверсию, которая на несколько часов спасла батарею Раевского. Платов и Уваров перешли через Колочу и обратили в бегство французскую кавалерийскую бригаду, стоявшую довольно далеко от центра битвы и вовсе не ожидавшую нападения, и уже атаковали пехоту в тылу Наполеона. Правда, атака была отбита с потерями для русских. Уварову велено было отступать. Платов был отброшен.

Однако, этот смелый рейд русской кавалерии не только задержал конечную гибель Раевского, но и не позволил Наполеону удовлетворить хоть отчасти просьбу Нея, Мюрата и Даву о подкреплениях. Наполеон отвечал на эту просьбу словами, что он не может на таком расстоянии от Франции отдавать свою гвардию, что он «еще недостаточно ясно видит шахматную доску». Но одной из причин отказа императора маршалам явилось, бесспорно, чувство некоторой необеспеченности тыла после дерзкого, отбитого, но смутившего французов налета Уварова и Платова. Но налет был отбит, и судьба батареи Раевского должна была решиться. Тотчас после ухода Платова и Уварова Наполеон велел вице-королю Евгению и части кавалерии Мюрата во что бы то ни стало штурмовать и взять батарею. Последовала атака, встреченная отчаянным сопротивлением русских. Солдаты, раненые, не уходили из строя, ожесточение было с обеих сторон неистовое, битва шла на самой батарее и между батареями и тем местом, где утром стоял Багратион. Теперь левый русский фланг был уже сильно отодвинут сначала Коновницким, который сменил смертельно раненого Багратиона, а потом Дохтуровым, сменившим Коновницкого. В начале четвертого часа русские защитники батареи на $\frac{3}{4}$

были перебиты, остальные отброшены. Батарея осталась за французами. Но русские не уходили, и их артиллерия не умолкала.

Русские ядра начали падать уже вблизи от императора и летать над его головой. Наполеон тогда приказал выдвинуть ближе к русскому огню несколько новых батарей гвардейской артиллерии. Но прошло несколько времени, и русские ядра снова стали летать над Наполеоном и его свитой. Некоторые ядра на излете подкатывались к ногам Наполеона. «Он их тихо отталкивал, как будто отбрасывал камень, который мешает во время прогулки», — говорит дворцовый префект Де-Боссе, бывший в эти часы в свите Наполеона. Угрюмость и плохо скрываемое беспокойство императора не проходили, и ни неминуемое близкое взятие редута Раевского, ни гибель Багратиона и взятие семеновских флешей, казалось бы, решившие участь битвы, нисколько не улучшали настроения его духа, но он никому не рассказал о том, что чувствовал, когда кровавый день стал, наконец, потухать и солнце скрылось за тучами на западном краю горизонта.

И Боссе, и маршалы, и свита, и непрерывно подлетавшие галопом с отчетами и за приказами адъютанты — все видели мрачное, суровое лицо властелина, но никого он не удостоил откровенности.

Наполеон, желая ускорить разгром и бегство русских, приказал кавалерии (кирасирам и уланам) ударить на русскую пехоту, на корпус графа Остермана. Тяжко контуженный Остерман выбыл из строя одним из первых. Но его пехотинцы встретили атаку французской кавалерии таким огнем, что атакующие дрогнули, а в этот момент подоспели свежие гвардейские полки (кавалергарды и конный полк). И французы были отброшены. Но затем последовал общий штурм батареи Раевского, французская кавалерия (саксонцы) ворвалась на батарею с тыла, а с ее фронта пошла густыми массами пехота вице-короля Евгения. Последовало страшное побоище. Русские штыками сбрасывали в ров взбирающуюся пехоту. В плен тут не брали ни с той, ни с другой стороны. Взбравшись на батарею, французы перекололи всех, кого еще там нашли. Это был последний большой акт Бородинской битвы.

Артиллерия продолжала греметь. Отдельные частичные конные атаки отбивались русскими. Так, польская кавалерия Понятовского была отброшена с тяжкими потерями. Речи не было не только о бегстве, но даже об отступлении русской армии, несмотря на страшно поредевшие ее ряды. Наступал вечер. Величайшая битва всей наполеоновской эпопеи шла к концу, но как назвать этот конец? Это было не ясно ни Наполеону, ни маршалам. Они на своем веку видели столько на-

стоящих побед и таких полных, блистательных побед, как никто до них не видал, и назвать победой то, что только что произошло в этот кровавый день 7 сентября, они колебались.

Конечно, колебания эти были не для публики, опять-таки не для Парижа, не для Европы. Бюллетень можно было написать какой угодно.

И вот что, например, написал Наполеон императрице Марии-Луизе, своей жене. «Мой добрый друг, я пишу тебе на поле Бородинской битвы, я вчера разбил русских. Вся их армия в 120 тысяч человек была тут. Сражение было жаркое: в два часа пополудни победа была наша. Я взял у них несколько тысяч пленных и 60 пушек. Их потеря может быть исчислена в 30 тысяч человек. У меня было много убитых и раненых», — писал Наполеон императрице на другой день после битвы.

Никаких «тысяч пленных» Наполеон не взял: пленных было около 700 человек. Но письма к Марии-Луизе ведь тоже были своего рода маленькими «бюллетенями», рассчитанными на широкую огласку. И церемониться с истиной в них можно было так же мало, как и в больших бюллетенях. Но чувства победы решительно не ощущалось. Маршалы разговаривали между собой и были недовольны. Мюрат говорил, что он не узнавал весь день императора; Ней говорил, что император забыл свое ремесло.

С обеих сторон гремела артиллерия и продолжалось кровопролитие, но русские не думали не только бежать, но и отступать. Уже сильно темнело. Пошел мелкий дождь. «Что русские?» — спросил Наполеон. «Стоят на месте, ваше величество». «Усильте огонь, им, значит, еще хочется», — распорядился император. — «Дайте им еще!»

Угрюмый, ни с кем не разговаривая, сопровождаемый свитой и генералами, не смевшими прерывать его молчания, Наполеон об'езжал вечером поле битвы, глядя воспаленными глазами на бесконечные груды трупов.

Император еще не знал вечером, что русские потеряли около 58 тысяч человек; он не знал еще и того, что сам он потерял больше 50 тысяч из 130 тысяч, которых привел к Бородинскому полю. Но что у него убито и тяжело ранено 47 (не 43, как пишут иногда, а 47) лучших его генералов, это он уже вечером мог узнать. Французские и русские трупы так густо устилали землю, что императорская лошадь должна была искать совсем узеньких переулочков между горами тел людей и лошадей. Стоны и вопли раненых неслись со всех концов поля. Русские раненые поразили свиту: «Они не выпускали ни одного стога», — пишет один из свиты, граф Сегюр. «Может

быть, вдали от своих они меньше рассчитывали на милосердие. Но истинно то, что они казались более твердыми в перенесении боли, чем французы».

Пленных русских оказалось на 58 тысяч убитых и тяжело раненых, потерянных русской армией, 700 человек... «Самое страшное из всех моих сражений — это то, которое я дал под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские оказались достойными быть непобедимыми». Так говорил Наполеон уже незадолго до своей смерти.

Что Бородино было сражением, с чисто, так сказать, формальной стороны проигранным для русской армии, никто на верхах армии тогда не сомневался. «Что бы ни говорили, но последствия достаточно доказывают, что сражение 26-го (Бородинское) было проиграно. Армия, а особенно левый фланг понесли чрезвычайную потерю. Одна из причин, послуживших к проигрышу сражения, произошла, как меня уверяли, от беспорядка, поселившегося в артиллерийском парке после того, как убили графа Кутайсова; недостаток был также и в амуниции, и не знали, где ее взять», — так писал Винценгероде Александру 13 сентября 1812 года из села Давыдовки (близ Тарутина). Ту же мысль высказывает царю в более скупых выражениях и Роберт Вильсон (из Красной Пахры, в письме от 13 сентября). То же говорят в подавляющем большинстве и русские и иностранцы, бывшие в битве. То же говорят и теоретики Жомини и Клаузевиц. Но никто и не думал никогда приравнивать это поражение к Аустерлицу или Фридланду, где было уничтожение армии, бегство и распыление людской массы. Ничего подобного при Бородине не было. Погибла большая часть русской армии, но и французская потерпела страшно. А самое главное, и тени упадка духа не было в русских войсках. Злоба и чувство мщения парили больше, чем до Бородина. Они, конечно, владели не всеми, но являлись бесспорно господствующими. Тут разноречий между очевидцами нет. И самое интересное — это было то обстоятельство, что о «поражении» говорили уже немного спустя, когда сдана была Москва. Но в первый момент вечером после битвы сами участники боя вовсе не считали себя побежденными. Напротив! Но потери оказались в самом деле неслыханными, ужасающими.

Ночная темнота окончательно сгустилась над долиной побоища, откуда неслись неумолкающие стоны и вопли раненых, брошенных и французами и русскими без ухода. И всю ночь горели огни на всех пригорках, к которым отошел штаб Кутайсова и куда собирались части русской армии или, вернее, то, что осталось от частей русской армии. «Мрачную ночь, следовавшую после кровопролитного боя, употребили на то, чтобы с помощью лагерных огней, расставленных на высотах и слу-

живших точками соединения, расположить наши войска в другую позицию», — пишет Барклай-де-Толли. Всю ночь подходили и подползали к этим сигнальным огням измученные, израненные люди, всю ночь и все утро шли первые приближительные подсчеты потерь. От этих подсчетов зависело то решение, которое немедленно обязан был принять Кутузов.

Утром общая картина была ясна. Действительность оказалась страшнее самых худших опасений.

Самым кровавым сражением всей наполеоновской эпопеи считалась до Бородина битва при Эйлау, 8 февраля 1807 года, и ни с какой другой битвой Бородино современники вообще и не сравнивали. Но очевидцы даже и этого сравнения не допустили. Вот что писалось через три дня после Бородина: «Все говорят, что сражение при Прейсиш-Эйлау не может иметь с ним (Бородинским боем) никакого сравнения, потому что все поле покрыто трупами» (29 августа 1812 г. Письмо Льва Аршеневского Руничу).

Под Бородиным русских выбыло из строя около 60 тысяч человек, половина сражавшейся армии. От гренадерской дивизии Воронцова из 4 тысяч человек уже к 3 часам дня осталось 300 человек. В Ширванском полку из 1300 человек осталось 96 солдат и трое офицеров. (Материалы из отечественной войны 1812 г. И. П. Липранди, 1867, стр. 7—8). Были батальоны и роты, истребленные почти целиком. Были и дивизии (вроде дивизии Воронцова), от которых осталось в конце концов несколько человек. Были корпуса, больше походившие по своей численности не на корпуса, а на батальоны.

Но у нас есть ряд показаний, что вечером 7 сентября, когда ночная темнота оборвала бой, а русская армия осталась стоять на поле битвы, никто ни среди солдат, ни среди командного состава не считал сражение проигранным. Напротив, громко говорили о победе, о завтрашнем наступлении на французов...

И тут лишний раз оправдалось старое изречение: побежденным бывает только тот, кто чувствует и признает себя побежденным.

Русская армия, половина которой осталась лежать на Бородинском поле, и не чувствовала и не признавала себя побежденной.

Не чувствовал себя побежденным и русский народ. И в его памяти Бородино осталось не как поражение, а как доказательство, что он и в прошлом умел отстоять свою национальную самостоятельность от самых страшных нападений, умеет это делать в настоящем и сумеет сделать в будущем.

(«Красная звезда» от 2 сентября 1937 года.)

Е. ТАРЛЕ

НАШЕСТВИЕ НАПОЛЕОНА НА РОССИЮ

(Отрывки)

Пожар Москвы

...Кутузов отступал от Бородина на Можайск, Землино, Лужинское, Нару, Вязьму, Мамоново. Тогда же, 8 сентября, на другой день после Бородина, в 12 часов дня Наполеон приказал Мюрату со своей кавалерией идти за русскими. На правом фланге от Мюрата шел корпус Понятовского, направляясь к Борисову, налево вице-король Италии Евгений, направляясь к Рузе, а за Мюратом в почти непосредственной близости шли по той же столбовой Московской дороге, прямо на Можайск, корпус Нея, корпус Даву, на некотором расстоянии молодая гвардия — и, наконец, старая гвардия с самим Наполеоном. Остальные войска шли позади старой гвардии.

То, что произошло с тысячами раненых в Смоленске, повторилось и после Бородина: многие брошенные на произвол судьбы русские и французы сгорели живьем. «Страшное впечатление, — по словам очевидца, офицера великой армии, — представляло по окончании боя поле Бородинского сражения при полном почти отсутствии санитарной службы и деятельности. Все селения и жилые помещения вблизи Московской дороги были битком набиты ранеными обеих сторон, в своем беспомощном положении наполювину сгоревших от непрестанных, хронических пожаров, свирепствовавших в районе расположения и движений французской армии; те же из раненых, которым удалось спастись от огня, ползали тысячами у большой дороги, ища средств продолжать свое жалкое существование»¹. Вооруженные крестьяне беспощадно убивали раненых и остающихся французов уже даже в этот, еще как будто победоносный для великой армии период, когда она двигалась от Бородинского поля к Москве. Конечно, попадавших в руки французских отрядов русских крестьян, подозреваемых в нападениях, немедленно приканчивали без всякого суда.

Ожесточение против французов в народе росло не по дням, а по часам в эти роковые дни, и фельдмаршал должен был с этим так или иначе считаться. Это настроение тоже мешало ему сразу же после Бородина открыто заявить, что новой битвы не будет.

В эти-то шесть дней (8—14 сентября), между отходом от Бородина и занятием Москвы французами, Кутузов и не пере-

¹ Коллюбакин, По 1812 году, стр. 116 (походный дневник Фабера-де-Фора).

ставал делать вид, что он хочет дать новое сражение и только ищет позиции, и не переставал говорить слова, которым сам не придавал значения.

«Кутузов никогда не полагал дать сражения на другой день, но говорил это из одной политики. Ночью я объезжал с Толем позицию, на которой усталые воины наши спали мертвым сном, и он (Толь) донес, что невозможно думать идти вперед, еще менее защищать с 45 тысячами те места, которые заняты были 96 тысячами, особенно когда у Наполеона целый гвардейский корпус не участвовал в сражении. Кутузов все это знал, но ждал этого донесения и, выслушав его, велел немедленно отступать», — так говорит ординарец Кутузова князь Голицын, всю ночь после Бородина объезжавший кровавое поле. Что истреблена половина русской армии, это к рассвету (8 сентября) было уже в общих чертах выяснено.

Мюрат с кавалерией теснил русский арьергард, «опрокидывая его на армию», по выражению Винценгероде, а на третий день после Бородина, 9 сентября (28 августа), пришли известия, что Наполеон велел вице-королю Евгению пойти с четырьмя пехотными дивизиями и двенадцатью кавалерийскими полками в Рузу, другими словами, правому флангу отступающей русской армии грозил обход и — гибель¹.

Кутузову все-таки, повидимому, казалось нужным что-то такое сделать, чтобы хоть на миг могло показаться вооруженной борьбой за Москву. Вдруг ни с того, ни с сего Милорадович, отступая с арьергардом под жестоким давлением главных французских сил, получает 13 (1) сентября бумагу от Ермолова. В этой бумаге, по повелению Кутузова, во-первых, сообщается, что Москва будет сдана, а, во-вторых, «Милорадовичу предоставляется почтить древнюю столицу видом сражения под стенами ее». «Это выражение взорвало Милорадовича, — говорит его приближенный и очевидец А. А. Щербинин. — Он признал его маккиавелистическим и отнес к изобретению собственно Ермолова. Если бы Милорадович завязал дело с массой сил наполеоновских и проиграл бы оное, как необходимо произошло бы, то его обвинили бы, сказав: «Мы вам предписали только маневр, только вид сражения»².

Но вот уже русская армия, — то, что от нее осталось после Бородина, — стала подходить почти вплотную к Москве. Следовало немедленно и окончательно высказать громогласно, что Москва будет отдана Наполеону без новой битвы. В своих генералах Кутузов не очень был уверен. Беннигсен, навязанный

¹ Письма современников, № 128. Барон Винценгероде — императору Александру. 13/25 сентября 1812. Давыдовка.

² «1812 году в дневниках и т. д.». Материалы Военно-ученого архива Главного штаба, 1, 23.

ему Александром, уже от самого Бородина не переставал, щеголяя неистовым патриотизмом, указывать на недопустимость сдачи Москвы. От неискреннего, двуличного, всегда с камнем за пазухой, не симпатизировавшего фельдмаршалу Ермолова трудно было ждать большой поддержки. Коновницын, Дохтуров были в этом случае на стороне Беннигсена. Барклай мог бы быть поддержкой, но в эти дни Барклай был полон горечи и обиды.

Вошли в деревню Фили. До Москвы оставалось два перехода. В четвертом часу дня 13 (1) сентября 1812 года в избе крестьянина деревни Фили Севастьянова Кутузов приказал командующим крупными частями генералам собраться на совещание. Прибыли Беннигсен, Барклай-де-Толли, Платов, Дохтуров, Уваров, Раевский, Остерман, Коновницын, Ермолов, Толь и Ланской. Милорадовича не было, он неотлучно был при арьергарде, наблюдавшем наседающих французов. Кутузов предложил на обсуждение вопрос: принять ли новое сражение — или отступить за Москву, оставя город Наполеону. Тут же он высказал и свою скрываемую до сих пор мысль: «доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор сохраним надежду благополучно довершить войну, но когда уничтожится армия, — погибнет Москва и Россия». Беннигсен высказался за битву, Барклай — за отступление. Дохтуров, Уваров, Коновницын поддерживали Беннигсена. Ермолов тоже поддержал его, — с ничего не значащими, чисто словесными оговорками. Протокола не велось — и неясно, как в точности высказывались Платов, Раевский, Остерман и Ланской. Совет продолжался всего час с небольшим. Фельдмаршал оборвал заседание, повидимому, довольно неожиданно для присутствующих, — вдруг поднявшись с места и заявив, что приказывает отступить.

У нас есть еще одно показание о совете в Филях, идущее кружным путем — из Англии. В Англии с напряженнейшим интересом ждали более точных известий о Бородине. Одним из самых обстоятельных и первых пришедших в Англию отчетов было письмо, полученное графом С. Р. Воронцовым, сын которого участвовал и был ранен в битве. В письме говорится, что Остерман спросил Беннигсена на военном совете в Филях, ручается ли он за успех в случае новой битвы пред Москвой, на что Беннигсен ответил, что, не будучи сумасшедшим, нельзя на такой вопрос ответить утвердительно¹.

На этом совете Кутузов между прочим сказал: «Вы боитесь отступления чрез Москву, а я смотрю на это как на провиде-

¹ Архив Академии наук. Бумаги Воронцова. VII, 232—235 (Без подписи).

ние, ибо это спасет армию. Наполеон — как бурный поток, который мы еще не можем остановить. Москва будет губкой, которая его всосет»¹. Но когда фельдмаршал закончил совещание, встав и объявив: «Я приказываю отступление властью, данной мне государем и отечеством», и вышел вон из избы, он был подавлен тем, что только что сделал, — это было ясно всем наблюдавшим его.

В остальные часы этого дня, после совещания, Кутузов ни с кем не говорил. Вернувшись вечером к себе в избу на ночлег, Кутузов не спал. Несколько раз за эту ночь слышали, что он плачет. Не только в тот момент у него не было никакой настоящей поддержки в ближайшем окружении (солидарность с ним Барклая была отрицательным, а не положительным условием в этом отношении), но уже по поведению Ермолова, который за несколько часов до совета был за отступление, а потом переметнулся на сторону Беннигсена, фельдмаршал понимал, конечно, что попал в то положение зачумленного, в котором был Барклай до Царева-Займища. Зная людей, в том числе и самого себя, так, как он их знал, вспоминая, как он сам, по мере сил, помогал недавно топить Барклая, Кутузов едва ли рассчитывал на то, что кто-нибудь его поддержит пред тем главным и самым сильным из его врагов, который находился в Зимнем дворце, в Петербурге. Но никто даже из нелюбивших его не приписывал его потрясенного состояния в этот момент мотивам личной боязни или личного стыда: все его дальнейшее поведение показало, что он делал дальше то, что считал нужным, действовал гораздо самостоятельнее, чем когда-либо в жизни, и несколько теперь уже не боялся раздражать даря. Окружающие объясняли его ночные слезы болью за Москву и страхом за Россию, потому что на одно его высказывание, что потеря Москвы не есть еще потеря России, его свята вспоминала несколько его же утверждений, что гибель Москвы равносильна гибели России. «По моему мнению, с потерей Москвы соединена потеря России»: все знали эти слова Кутузова, написанные им 30/18 августа в письме к Ростопчину еще из Гжатска. Было о чем думать в эту бессонную ночь.

Замечательный полководец, истинный представитель русского народа в самую страшную минуту, когда решалась судьба России, Кутузов в Филях взял на себя ответственность за свое единственно правильное тогда решение. Но дорого это стоило старому фельдмаршалу.

Уже в сумерках 13/1 сентября армия узнала о решении фельдмаршала: об этом ей сообщили генералы, бывшие в Фи-

¹ Материалы Михайловского-Данилевского. Записки кн. А. Б. Голицына о 1812 годе.

лях на совещании. «Уныние было повсеместное», — пишет очевидец.

Рядовое офицерство и солдаты во многих частях были совсем сбиты с толку всеми этими категорическими заявлениями главнокомандующего о том, что Москва ни за что не будет сдана, и внезапным результатом военного совета в Филях. «Я помню, когда адъютант мой Линдель привез приказ о сдаче Москвы, все умы пришли в волнение: большая часть плакала, многие срывали с себя мундиры и не хотели служить после позорного отступления, или, лучше, уступления Москвы. Мой генерал Бороздин решительно почел приказ сей изменническим и не трогался с места до тех пор, пока не приехал на смену его генерал Дохтуров. С рассветом мы были уже в Москве. Жители ее, не зная еще вполне своего бедствия, встречали нас, как избавителей, но, узнавши, хлынули за нами целой Москвой. Это уже был не ход армии, а перемещение целых народов с одного конца света на другой». Так пишет человек, переживавший лично эти настроения¹.

Еще 12 сентября авангард русской армии остановился у Поклонной горы, в двух верстах от Дорогомиловской заставы. В Москве, откуда непрерывным потоком тянулись экипажи и обозы, ехали и шли тысячи и тысячи жителей, покидая город. Вдруг распространились слухи, что Кутузов решил на новую битву. В Москве лишь очень немногие узнали, что 13 сентября вечером в деревне Филя собрался совет генералов.

В Москве начальствующие лица получили информацию, что основных мнений, точных практических предложений на военном совете было высказано три, что Беннигсен предложил дать новую битву Наполеону и этим попытаться спасти Москву, что Барклай предложил отступать к городу Владимиру. Несколько человек говорили об отступлении к Твери, чтобы воспрепятствовать возможному движению Наполеона на Петербург. Знали уже, что Кутузов заявил в конце совета, что сражения он не даст, а отступит, предоставив Москву Наполеону. Но отступить он решил не на север, а на старую Калужскую дорогу. Русским войскам, сообразно с этой волей главнокомандующего, было приказано пройти улицами Москвы и выйти чрез Коломенскую заставу. С раннего утра 14 сентября русская армия непрерывным маршем проходила чрез столицу. На рассвете первые эшелоны уходящей русской армии один за другим отступали в Москву и по Арбату и по нескольким параллельным Арбату улицам проходили к юго-восточной части города, направляясь к Яузскому мосту.

¹ «Мой век, или история генерала Маевского», стр. 143 («Русская старина», август, 1873 г.).

Испуганное, растерянное, молчаливое население — точнее, те, кто не мог или еще не успел выехать, — толпились по краям улиц и площадей и смотрели на уходящее войско. Солдаты шли угрюмо, не разговаривая, глядя в землю. Очевидцы говорят, что некоторые в рядах плакали.

Первые части отступающей русской армии еще только всходили на Яузский мост, когда командовавший арьергардом генерал Милорадович получил известие, что французская кавалерия вступает в Москву чрез Дорогомиловскую заставу.

Милорадович командовал арьергардом отступавшей от Бородина армии, и генерал Капцевич, полк которого был самым задним в арьергарде, с трудом уходил от наседавшего Мюрата. Милорадович получал от Капцевича одно за другим известия, что неприятель стремится отрезать арьергард от города. Другими словами: 2 кавалерийским корпусам, 10 казачьим полкам и 12 орудиям конной артиллерии грозил плен. Милорадовичу удалось снестись с Мюратам и уверить того, что народ в Москве будет отчаянно биться вместе с войсками, если французы не дадут русской армии спокойно пройти чрез Москву, — Милорадович задержал на четыре часа Мюрата в семи верстах от Москвы, и арьергард вошел в Москву и прошел чрез Москву совсем спокойно.

Все это дало возможность многим тысячам и тысячам жителей покинуть Москву, но не спасло ни арсенала, где «прекрасные новые ружья достались неприятелю», ни магазинов и складов хлеба, сукон и всякого казенного для армии довольствия¹. Все это досталось неприятелю.

Два батальона московского гарнизона, вливаясь уже в самом городе в отступающую мимо Кремля главную армию, уходили с музыкой. «Какая каналья велела вам, чтобы играла музыка?» — закричал Милорадович командиру гарнизона генерал-лейтенанту Брозину. Брозин ответил, что по уставу Петра Великого, когда гарнизон оставляет крепость, то играет музыка. «А где написано в уставе Петра Великого о сдаче Москвы?» — крикнул Милорадович. — Извольте велеть замолчать музыке»².

Русская армия непрерывным потоком проходила чрез Москву. Кутузов посмотрел на свою молчаливую свиту и сказал: «Кто из вас знает Москву?» Состоявший при нем ординарцем двадцатилетний князь Голицын вызвался один только. «Проводи меня так, чтобы, сколько можно, ни с кем бы не встретить»

¹ «Отечественная война в письмах современников» (изд. Дубровина). № 120. П. М. Капцевич — графу Аракчееву, 6/18 сентября 1812 г.

² «1812 год в дневниках и т. д.», Материалы Военно-ученого архива Главного штаба, 1, стр. 23—24.

ся»¹. Кутузов ехал верхом от Арбата по бульварам до моста чрез Язу, чрез который уходила армия, а за нею несметные массы населения. И здесь-то ждала его именно та встреча, которой он менее всего мог желать. Ростопчин был на мосту, стараясь навести порядок. Свидание было сухое, Ростопчин начинал говорить, но Кутузов не отвечал, а приказывал скорее очищать мост для прохода войск. Он пересел в дрожки. «По выезде из Москвы светлейший князь велел оборотить лицом к городу дрожки свои и, облокотя на руку голову, посевшую в боях, смотрел с хладнокровием на столицу и на войска, проходившие мимо него с потупленным взором. Они в первый раз, видя его, не кричали «ура»².

День и ночь и следующий день бесконечные людские потоки устремлялись из Москвы чрез Яузский мост. Кутузов вел русскую армию на юг, к Красной Пахре, а от Красной Пахры — на старую Калужскую дорогу. Когда вечером в одной из деревень он сидел и пил чай, окруженный крестьянами, и когда они с ужасом показали ему на зарево пылающей вдали Москвы, то «Кутузов, ударив себя по шапке, сказал: жалко, это правда, но подождите, я ему голову проломаю...»³.

Бегство из Москвы и бегство массовое шло уже до этого момента несколько дней подряд. В Москве все заставы были запружены бегущим населением уже с первых слухов о Бородинской битве и об отступлении русской армии к Можайску.

Десятки и десятки тысяч людей бежали из Москвы, окружая армию, опережая армию, разливаясь людскими реками по всем дорогам, идя и без дороги, напрямик по пашне. Долгими днями продолжалось это бесконечное, паническое бегство.

Все дороги к востоку от Москвы по всем направлениям были на десятки верст покрыты беглецами. Это была потрясающая картина населения громадной столицы, превращенного в скитающихся без пристанища кочевников. Вот что творилось утром 20 сентября уже в нескольких верстах от Рязани:

«Только мы выехали на равнину, то представилось нам зрелище единственное и жалостное: как только мог досягать взор, вся Московская дорога покрыта была в несколько рядов разными экипажами и пешими, бегущими из несчастной столицы жителями; одни других выпереживали и спешили, гонимые страхом, в каретах, колясках, дрожках и телегах, наскоро, кто в чем мог и успел, с глазами заплаканными и пыльными лица-

¹ П. Б. Рукописное отд. Материалы 1812 года. Записки князя Голицына.

² П. Б. Рукописное отд. Материалы 1812 года. Записки неизвестного о сдаче Москвы.

³ П. Б. Рукописное отд. Записки князя Голицына (рукопись), без нумерации страниц.

ми, окладенные детьми различных возрастов. А и того жалостнее: хорошо одетые мужчины и женщины брели пешие, таща за собой детей своих и бедный запас пропитания; мать вела взрослых, а отец в тележке или за плечами тащил тех, которые еще не могли ходить; всяк вышел наскоро, не приготовясь, был застигнут нечаянно, и брели без цели и большей частью без денег и без хлеба. Смотря на эту картину бедствия, невозможно было удержаться от слез. Гул от множества едущих и идущих был слышен весьма издалика и, сливаясь в воздухе, казался каким-то стоном, потрясающим душу... А по другим трактам — Владимирскому, Нижегородскому и Ярославскому — было то же, если не более...»¹.

* * *

Бедствия великого исхода из Москвы, именно в эти дни, когда еще не начался пожар столицы, обострили до крайности пламенную ненависть к Кутузову со стороны человека, которого фельдмаршал не любил и не уважал, но который в этот момент оказался ответственным перед людскими массами, терявшими имущество, терявшими жизнь, терявшими в сумятице детей в паническом бегстве.

Этим человеком был Федор Васильевич Ростопчин, московский генерал-губернатор. Своей вины в том, что на него пала такая тяжкая ответственность, Ростопчин, конечно, не признавал; он вообще никогда и ни в чем за всю свою жизнь не признавал себя виновным. Он попал 14 сентября 1812 года в невозможное и позорно-недепое положение именно в глазах тех несчастных беглецов, которые в этот день начали или продолжали свое паническое бегство, и ему понадобилось найти козла отпущения. Его бешенство против Кутузова не знало меры. Но убить Кутузова он не мог, он мог его только всячески порочить и писать на него доносы царю, что он и делал. А убил он в этот день — не в переносном, а в точном смысле — другого человека, которого ему показалось нужным принести в жертву во имя спасения самого себя. Для того чтобы разобратся в событиях, связанных с действиями Ростопчина, нужно отойти несколько назад и взглянуть на Москву, какой она была за несколько недель до ее гибели.

Федору Васильевичу Ростопчину в 1812 году, когда он был назначен «главнокомандующим в Москве» (или, в просторечии, генерал-губернатором), было уже без малого пятьдесят лет. Он вышел в люди при Павле, в первые десять лет царствования Александра, был в отставке, в 1810 году стал камергером, а в

¹ Записки Маракуева, стр. 12.

1812 году — московским «главнокомандующим». Это был человек быстрого и недисциплинированного ума, остряк (не всегда удачный), крикливый балагур, фанфарон, самолюбивый и самоуверенный, без особых способностей и призвания к чему бы то ни было. Когда нашествие Наполеона стало явственно и близко угрожать Москве, Ростопчин взял на себя роль своеобразного демагога-патриота, возбуждающего народное одушевление против вторгшегося врага. Он стал издавать особые «афишки», которые разносились, рассылались и развешивались на улицах. Писал он эти афишки особым бойким, с лихими мнимо-народными вывертами, языком. Пошлость этих произведений заключалась в их очевидной надуманности, искусственности и неискренности. Дома, с женой, офрандуженной католичкой, он говорил только по-французски, (со своими друзьями тоже говорил по-французски, французскую литературу знал плохо, но русской совсем не знал, и хотя умер в 1826 году, но нет никаких признаков, чтобы он подозревал, например, о существовании Пушкина или Жуковского. И этот-то великосветский барин вздумал прикинуться каким-то бойким московским мастеровым, да еще таким, который разговаривает не натошак, а уже успев, отчасти, подвыпить. Выдумывал он и еще разное, столь же бесполезное.

Возился он, например, в это время с неким Леппихом, проходившем, прибывшим из Германии и уверявшим, что он может выстроить воздушный шар, на котором подымется над французской армией. Намекалось, что можно так и Наполеона самого при случае уничтожить.

Леппихом и его шаром очень интересовался и царь. У нас есть позднейшее показание, исходящее от Аракчеева, о том, что царь будто бы хотел этой затеей несколько успокоить, отвлечь и развлечь умы, но что сам будто бы в эту шарлатанскую проделку не верил¹. Ростопчин с полной симпатией отнесся к находчивому немцу, который пресерьезно уверял его записочками изо в день, что вот-вот еще немного нужно потерпеть и еще денег дать, и шар того и гляди полетит. А тогда — конец Бонапарту. У Леппиха была к Наполеону антипатия не только за нашествие на Россию: он предлагал свой шар в 1811 году в Париже самому Наполеону, а тот приказал выслать Леппиха вон из пределов французской империи. В Москве ему зато более повезло.

Леппиха французы называли «механик-шарлатан». Они нашли в доме Ростопчина документы, показывающие, что граф

¹ Русский архив, 1869, № 9. Передаёт Языков со слов Аракчеева. Замечу, впрочем, что передача показания Аракчеева по своему стилю не внушает полного доверия. Аракчеев так не говорил.

верил Леппиху и, повидимому, платил ему очень много. Леппих, например, коротенькой записочкой (от 30 июля 1812 года) требует у Ростопчина двенадцать тысяч рублей. И он не только требовал, но и получал. Ничего решительно из затей Леппиха не вышло. Сохранилось также письмо Леппиха, уже от 24 августа (старого стиля), за два дня до Бородина («изобретатель» все-таки еще не достиг ровно ничего): «Ваше сиятельство, не можете представить сколько встретил я затруднений, приготовляя баллон к путешествию». Но зато вот уже завтра непременно полетит. Выманив достаточно казенных денег, Леппих как-то бесследно улетучился даже без помощи «шара», который, конечно, никуда от земли не отлучался и отлучиться не мог даже и на одну секунду.

Ростопчин обнаруживал в дни пред Бородиным и после Бородина кипучую деятельность. То хватали и публично наказывали плетью или розгами людей, заподозренных в том, что они иностранные шпионы. То делались официальные успокоительные сообщения о том, что Бонапарту в Москве не быть. То вывозилась часть казенного имущества. Правда, Ростопчин оправдывался потом именно двойственным и лукавым характером заявлений Кутузова о том, что до последней капли крови будут драться под Москвой и Москвы не сдадут. Беспокоился Ростопчин не только по поводу Наполеона. Если бы среди русских высших сановников человек, для которого в самом деле слово «Россия» и слова «крепостное право» сливались воедино, в одну вполне неразрывную двуединую сущность, — то это был именно Ростопчин. Он уже давным-давно, еще с 1806 года, не переставал предупреждать Александра, что Наполеон смертельный враг именно потому, что «сословие слуг» в России связывает с его именем какие-то надежды. Он и в 1807 году предвещал, что основная цель русской «черни» — истребление благородного дворянства. И теперь, в 1812 году, в Москве он боялся бунта, выискивал агитаторов-«мартинистов», высылал из Москвы почтдиректора Ключарева, подозревал купцов-старообрядцев в тайных симпатиях к Наполеону. Наконец, энергично ухватился за дело Верещагина. Для характеристики плачевного состояния исторического обследования 1812 года показательны, что повторялась с давних пор (и теперь повторяется) нелепая версия, почитаемая за истину. Купеческий сын Верещагин (так обыкновенно излагается дело). «перевел на русский язык два газетных сообщения о Наполеоне, а именно письмо Наполеона к прусскому королю и речь Наполеона к князьям Рейнского союза в Дрездене». Ничего подобного не было и быть не могло, ибо Наполеон и письма к королю не писал, и речи к князьям Рейнского союза не говорил. Да и не мог говорить такой вздор (в Дрездене!), что

он «прежде истечения шести месяцев» займет «две северные столицы». И не мог писать какой-то нелепый набор фраз прусскому королю («вам объявляю мои намерения, желаю восстановления колонии, хочу исторгнуть из политического ее(!) бытия» и т. д.). Ведь эти две странные, курьезно безграмотные «прокламации» никогда ничего общего с Наполеоном не имели, а сочинены (как Верещагин в конце концов и признал) им сам им. Зачем он это сделал — трудно понять. Поступок психопата? Непозволительная преступная мистификация, опаснейшая для ее автора? Мы знаем, что он не только сообщил эти свои нелепые произведения товарищу своему Мешкову, но, повидимому, размножил и разослал.

В архивных делах я нашел и полную (рукописную) копию этих двух документов, и вместе с тем любопытное указание на то, что списки с этого «перевода» Верещагина попадали и в провинцию. 4 июля 1812 года — доносит 15 июля саратовский прокурор министру юстиции — в Саратове появились «списки будто с письма французского императора князьям Рейнского союза, в котором, между прочим, сказано, что он обещается чрез шесть месяцев быть в двух северных столицах». Следствие обнаружило, что «сей пасквильный список получен 2 июля из Москвы саратовским купцом Архимом Свиридовым от его сына, служащего в Москве приказчиком у купцов Быковских, торгующих бумажным товаром. Этих списков было несколько. Все те списки, у кого таковые были, полицией тотчас отобраны, и воспрещено иметь оные». Но так как вслед за тем в «Московских ведомостях» было опубликовано об аресте Верещагина и Мешкова, то эта статья газеты и объявлена всем жителям столицы¹. Верещагин и Мешков были арестованы и сидели в Москве в тюремном замке. Трагедия разыгралась 14 сентября, в день бегства Ростопчина из своего московского дворца: она, как увидим, была прямо обусловлена положением, в котором в этот день оказался московский «главнокомандующий».

Возня с шаром Лепшиха, афишки, устные беседы, вылавливание и высылка подозрительных иностранцев, шумиха с высылкой (абсолютно ни в чем неповинного) почтдиректора Ключарева — все это не заслоняло от глаз Ростопчина надвигающегося по Смоленской дороге страшилища. Что делать?... Ростопчин то возмущался «барынями», убегающими из Москвы, то, под рукой, поощрял начинающуюся эвакуацию. Повидимому, он в самом деле был убежден, что русская армия остановит Наполеона. Он ликовал, когда произошла смена Барклая

¹ Л. О. Ц. Арх. Архив культуры и быта. Саратовская губ. Прокурор — министру юстиции. № 200. 15 июля 1812. Речь Наполеона князьям (sic) Рейнского союза и королю Прусскому в Дрездене.

Кутузовым. Изредка он заговаривал, что в самом крайнем случае лучше сжечь Москву, чем отдать ее Наполеону.

Ровно за три недели до вступления французов в Москву граф Ростопчин писал Багратиону (24/12 августа 1812 года): «Я не могу себе представить, чтобы неприятель мог притти в Москву. Когда бы случилось, чтобы вы отступили к Вязьме, тогда я примусь за отправление всех государственных вещей и дам на волю каждого убираться, а народ здешний, по верности к государю и любви к отечеству решительно умрет у стен московских, а если бог ему не поможет в его благом предприятии, то, следуя русскому правилу: не доставайся злодею, обратит город в пепел, и Наполеон получит, вместо добычи, место, где была столица. О сем недурно и ему дать знать, чтобы он не считал на миллионы и магазины хлеба, ибо он найдет уголь и золу». Но народу он говорил не о сожжении Москвы, а о том, что французам Москвы не видать.

Не довольствуясь своими афишками, Ростопчин повадился, в духе доброго калифа Гаруна-аль-Рашида арабских сказок, гулять запросто пешком по Москве и, заговаривая с «народом», то есть с купцами и одетыми попроще, в русское платье людьми, лгать им напрапалую о том, что русские дела идут великолепно и что злодею (то есть Наполеону) никогда в Москве не быть. Но он тут убедился, что среднего москвича никак среднему генералу не удастся обмануть. «Мое присутствие привлекало много лиц из купечества и простого народа, с которым я заговаривал запросто, сообщая им какие-нибудь добрые вести, которые они потом шли распространять по городу. Надо быть весьма осторожным с этими людьми, — не без грусти прибавляет Ростопчин, — потому что никто не обладает большим запасом здравого смысла, как русский человек, и они часто делали такие замечания и вопросы, которые затруднили бы и дипломата, наиболее искусившегося в словопроениях». Это и немудрено. Московские «бородачи», которых Ростопчин так хвалит за патриотизм и за здравый смысл, конечно, не могли, в самом деле, принимать за чистую монету все легкомысленные бравады и небылицы, которые им преподносил их генерал-губернатор. Ростопчинское бойкое и хвастливое устное лганье с прибауточками имело, конечно, так же мало успеха, как и его печатные разухабистые «ернические» выходки. Все это было ни к чему. Русский народ по-другому любил свою родину и по-другому выражал свою любовь к ней, чем этот легкомысленный барин, клубный остро слов, лучше всего чувствовавший себя в Париже, где так долго потом и жил почти до самой смерти.

Ростопчин в нелепых своих печатных балагурствах категорически обещал, что французы в Москву не придут. Выдуманный им «московский мещанин Карнюшка Чихирин», тот самый,

который, «выпив лишний крючок», «рассердился и разругал скверными словами всех французов», давал Москве следующие уверения, обращаясь к злодею Бонапарту: «Ну, как же тебе к нам забраться? Не только Ивана Великого, да и Поклонной во сне не видать!.. Не наступай, не начинай, а направо кругом да домой ступай! И знай, из роду в род, каков русский народ!» И вот — Наполеон стоит со свитой на Поклонной горе и смотрит на Москву, а он, Ростопчин, должен бежать из Москвы без оглядки и знать, что сотни тысяч беглецов клянут его за то, что ему верили и во-время не бежали. Положение генерал-губернатора было трудное.

Ростопчин был вне себя, узнав о совете в Филях и о бесповоротном решении Кутузова.

Из Москвы начиналось повальное бегство, последнее воззвание Ростопчина было понято, как сигнал к всенародному ополчению, к битве у Поклонной горы. Узнав, что никакой битвы не будет, раздраженная, растерянная народная толпа уже 13-го сгущалась около генерал-губернаторского дома. Настала ночь, последняя ночь перед сдачей Москвы. Но и ночь не принесла покоя.

В 11 часов вечера 13/1 сентября, накануне вступления французов в Москву, к Ростопчину явились герцог Ольденбургский и принц Вюртембергский со странной просьбой: чтобы он отправился к Кутузову и убедил бы его не сдавать Москву неприятелю. Московский генерал-губернатор довольно резонно посоветовал им самим это сделать, тем более что один из них приходился царю двоюродным братом, а другой дядей. «Принцы сообщили мне, — говорит Ростопчин, — что они ходили к князю Кутузову, но что он спал и их не впустили. После многих сожалений и строгих осуждений князя Кутузова они ушли, оставив меня, проникнутого горестью и пораженного оставлением Москвы».

На другой день в 10 часов утра Ростопчин велел подать себе экипаж. Но — этого ждали, бежать из Москвы оказалось не так просто. Толпа людей, очень большая толпа, с раннего утра стояла у дворца. Человек, который теперь покидал Москву на произвол судьбы, уверял месяцами эту толпу, что он сюда злодея не пустит. И вот — злодей сегодня войдет в Москву, а Ростопчин грусливо убегает!

«Озлобленная чернь бросилась к генерал-губернаторскому дому, крича, что ее обманули, что Москву предают неприятелю. Толпа возрастала, разъярялась все более и стала звать к ответу генерал-губернатора. Поднялся громкий крик: «Пусть выйдет к нам! Не то — доберемся до него!» Ростопчин вышел к народу, который «встретил его сердитыми восклицаниями», — так говорит об этом моменте Каролина Павлова, со слов, ко-

нечно, своего отца К. Яниша и других москвичей, переживших это время.

Запахло кровью около дворца и около уже поданного экипажа. И тут-то Ростопчин сразу сообразил, чья кровь может спасти его. Он велел привести Верещагина из тюрьмы — и тут предложил народу расправиться с ним. Но народ молчал. Ростопчин тогда велел двум унтер-офицерам убить Верещагина и, отвлекши внимание толпы к труп убитого, умчался из Москвы.

О своем деянии Ростопчин в таких выражениях доносил спустя полтора месяца министру юстиции: «Что касается до Верещагина, то изменник сей и государственный преступник был пред самым вшествием злодеев наших в Москву предан мною столпившемуся пред ним народу, который, видя в нем глаз Наполеона и предсказателя своих несчастий, сделал из него жертву справедливой своей ярости»¹. Тут Ростопчин так же лжет, как он лгал и дальше, в течение всей своей жизни, о своем преступлении: только в своих записках он сказал правду о том, кто убил Верещагина. Но и тут не признался, конечно, в мотиве личной трусости, толкнувшей его на это злодеяние.

В своих записках Ростопчин не лжет в данном случае так, как он лгал об этом деле царю и сенату в своих донесениях: «Приказав привести ко мне Верещагина и Мутона и обратившись к первому из них, я стал укорять его за преступление, тем более гнусное, что он один из всего московского населения захотел предать свое отечество. Я объявил ему, что он приговорен Сенатом к смертной казни и должен понести ее, и приказал двум унтер-офицерам моего конвоя рубить его саблями. Он упал, не произнеся ни одного слова. Тогда, обратившись к Мутону, который, ожидая той же участи, читал молитву, я сказал ему: дарую вам жизнь, ступайте к своим и скажите им, что негодяй, которого я наказал только что, был единственным русским, изменившим своему отечеству».

Пока толпа терзала и топтала труп Верещагина, сам Ростопчин, защитив себя этой диверсией, поспешил подброду убраться из города под защиту армии Кутузова, уже выходившей из города.

Тут-то и произошла та встреча Ростопчина с Кутузовым у Жузского моста, о которой я упомянул выше.

Сам Ростопчин в своих воспоминаниях рассказывает явственную небылицу, будто при этой встрече Кутузов ему сказал: «Могу вас уверить, что я не удалюсь от Москвы, не дав сражения». А он, Ростопчин, будто бы «ничего не отвечал ему, так как ответом на нелепость может быть только какая-нибудь

¹ П. Б. Рукописное отд. Архив Военского. Московская губ. Письмо Ростопчина — министру юстиции. № 5, 13 октября 1812.

глупость». Не говоря уже о том, что никто вообще, ни в частности князь Голицын, бывший тут же, ничего подобного не слышал, — а князь Голицын — свидетель, которому так же свойственно говорить правду, как Ростопчину свойственно лгать и фанфаронить, — но вся сцена вообще абсолютно неправдоподобна: Ростопчин был для Кутузова совсем не значащей величиной, и оправдываться пред ним, да еще нелепыми обещаниями, фельдмаршалу было решительно ни к чему, и, как мы знаем из других показаний, Ростопчин что-то спросил у Кутузова, а тот ровно ничего ему не ответил и не обратил на него никакого внимания. Кутузов, когда бывал раздражен, умел и самого Александра Павловича осадить, при всей своей царедворческой ловкости. Стал ли бы он церемониться с Ростопчиным, человеком без малейших боевых заслуг, только что еле ускользнувшим от возмущенного и обманутого им народа и во всю прыть примчавшимся искать спасения тут где-нибудь, неподалеку от дрожек фельдмаршала? Еще для Ростопчина не настал момент, когда он мог писать Кутузову злобно-оскорбительные письма.

Уцелевшие бородинские бойцы, многие еще не вылечившиеся, еле волоча ноги, другие исхудалые, худо кормленные, угрюмо глядя в землю, молча проходили мимо фельдмаршала. Беглецы из города принесли к вечеру известие, что французы уже заняли Кремль.

9 сентября Наполеон был в Можайске. Его простуда все еще не проходила. Только 12 сентября он вышел из Можайска. Он догонял армию, которая безостановочно двигалась к Москве. Авангард уже подходил к Поклонной горе, когда император догнал его. Это было 13 сентября.

Ночь с 13 на 14 сентября Наполеон провел в селе Вяземах. Ночью и утром французский авангард проходил мимо Вязем по дороге в Москву. Даст ли Кутузов бой на возвышенностях, окружающих Москву, было еще совсем неясно для императорского штаба. Мы видели, впрочем, что до конца совета в Филях это и для русского штаба было не очень ясно.

Верхом, в сопровождении свиты, очень медленным аллюром, предшествуемый разведчиками, Наполеон утром 14 сентября ехал к Поклонной горе. Маршалы следовали поодаль; раздражение и обида против императора, не давшего им гвардию, чтобы довершить бородинскую победу, у них еще не проходили. Наполеон с ними, впрочем, мало и заговаривал в эти дни, а по придворному этикету начинать разговор с его величеством по собственной инициативе и не полагалось.

Было 2 часа дня, когда Наполеон со свитой в'ехал на Поклонную гору, — и Москва сразу открылась их взорам. Яркое солнце заливало весь колоссальный, сверкавший бесчислен-

ными золочеными куполами город. Шедшая за свитой старая гвардия, забыв дисциплину, тесня и ломая ряды, сгустилась на горе, и тысячи голосов кричали: «Москва! Москва! Да здравствует император!» И опять: «Москва! Москва!»

Въехав на холм, Наполеон остановился и, не скрывая восторга (чувство совсем ему по его природе чуждое и незнакомое), воскликнул тоже: «Москва!» Очевидец и соучастник граф Сегюр заметил тут, что и маршалы сразу забыли свою обиду и неудовольствие и, «опьяненные энтузиазмом славы», бросились к императору с поздравлениями: «Вот, наконец, этот знаменитый город! — сказал Наполеон. — Давно пора! *Il était temps!*» Наполеон даже в этот миг упоения победой и гордыней не забывал, чего стоило добраться до этой великой европейско-азиатской красавицы.

Восток всегда пленял Наполеона. Еще в молодости, завоевывая Египет, идя со своей армией по пескам Сирии, он говорил окружающим, что истинно великие дела можно совершать только на Востоке. И вот великолепная восточная столица лежит у его ног. Жертвы для достижения этого результата были огромны. Но и результат зато огромен. Ни Милан, ни Венеция, ни Александрия и Каир, ни Вена, ни Берлин, ни Лиссабон, ни Мадрид, ни Варшава, ни Амстердам, ни Рим, ни Антверпен — ни одна столица, куда входили победителями его войска, не производила на них такого чарующего впечатления, не имела в его глазах и в глазах его армии такой величавой и своеобразной красоты, как эта древняя русская Москва, соединительное звено Европы и Азии, ключ к мировому владычеству.

В Москве императора ждет просьба смирившегося Александра о мире, армию ждут теплые квартиры, изобильный провиант, все удобства и все наслаждения огромного города после мучительного похода с его полуголодными рационами, отсутствием питьевой воды, палящим зноем, постоянными стычками с упорным и храбрым вратом.

Люди, пережившие эти часы на Поклонной горе, генералы ли свиты и гвардии, простые ли гвардейцы, говорили потом, что ничего подобного этому полному упоению счастьем, сознанием окончательной удачи, гордостью они никогда не испытывали. Это была для них кульминационная точка не только всего похода 1812 года, но и всей изумительной, уже шестнадцать лет длившейся наполеоновской завоевательной эпопеи. Что сопротивление русского народа сломлено и что подписание перемирия, а затем и мира вопрос дней, — в этом мало кто сомневался.

Солнце начало, между тем, склоняться к западу, — и одна странность стала понемногу предметом разговора между свит-

скими генералами и офицерами, а потом и между гвардейцами. Дело в том, что не только были получены положительные, очень точные сведения, но и непосредственно с Поклонной горы можно было увидеть, что Мюрат с кавалерией вошел в город и что параллельным потоком несколько левее Мюрата в Москву вливается корпус итальянского вице-короля Евгения. Наполеон хотел принять депутацию от города тут, на Поклонной горе, и знал, что Мюрат и Евгений, прежде всего, войдя в соприкосновение с московскими властями и московским населением, пришлют эту депутацию с ключами от города. Но никакой депутации не являлось, и вдруг совсем невероятная новость распространилась сначала в гвардии, а потом в свите, — и дошла немедленно до Наполеона: никакой депутации от жителей не будет, потому что никаких жителей в Москве нет. Москва покинута всем своим населением. Это известие показалось Наполеону настолько диким, настолько невозможным, что он в первую минуту просто не поверил ему. Наполеон все-таки решил покинуть Поклонную гору, и он под'ехал со свитой к Дорогомиловской заставе. Он затем приказал графу Дарю подойти к нему: «Москва пуста! Какое невероятное событие! Следует войти туда. Ступайте и приведите мне бояр!» Нужно сказать, что в те годы русские дворяне побогаче и познатнее довольно охотно, в разговорах и письмах, называли себя и себе подобных «боярами», к знатым старухам александровского двора название «боярыня» применялось полуюмористически, полусерьезно. Такой правдивый бытописатель, как Лесков, применяет это название вполне серьезно к своим «Плодомасовым», жившим в александровское и даже в николаевское время. Но у Наполеона, повидимому, осталось впечатление от докладов его шпионов, что высшие аристократы в России называются и формально «боярами», вроде того, как в Англии — лордами.

Однако граф Дарю, с'ездив в город, никаких бояр оттуда не привел. Он только подтвердил, что город пуст, жители исчезли. Но таково было упорство Наполеона, что он упрямился и ждал еще. Наконец, один офицер, решив понравиться или будучи убежден, что все желаемое императором должно было совершиться, проник в город, захватил пять или шесть бродяг (*de cinq à six vagabonds*), довел их, подталкивая их впереди себя своей лошадью, до самого императора и вообразил себе, что он привел депутацию. По первому же ответу этих несчастных Наполеон увидел, что перед ним только жалкие поденщики, говорит очевидец, тот же, обожающий Наполеона, но наиболее из всех этих обожателей правдивый, граф Сегюр².

¹ Segur, II, стр. 37

Этот нелепый маскарад мог, конечно, только раздражить и оскорбить Наполеона: «О, русские не знают еще, какое впечатление произведет на них взятие их столицы!» — воскликнул он. Некоторое время он не двигался от заставы. Он ждал известий от Мюрата, который должен был первым подойти к Кремлю и занять его.

Мюрат, король неаполитанский, со своим штабом и кавалерией вступил в Москву в середине дня. Еще накануне между ним и Милордовичем состоялось соглашение: Мюрат, начальник французского авангарда обязывался не беспокоить уходящую через город русскую армию; Милордович, начальник русского арьергарда, обязывался не предпринимать со своей стороны никаких враждебных действий. Поэтому Мюрат не побоялся растянуть свою конницу по бесконечно длинному и узкому Арбату, где в случае сопротивления так легко было нанести страшные потери этому растянутому узкому строю и решительно задержать его движение вперед. Все было тихо, глухо, мертво. Кое-где на углах, пересекающих Арбат переулков, стояли, по несколько человек, какие-то люди. Французы передавали потом, что им странно и дико было ощущать себя среди громадного города, двигаясь мимо окон и дверей бесчисленных домов бесконечных улиц, как в совершенной пустыне. Угадывалось, что люди не спрятались, а что эти дома и дворы пусты, что никого в городе нет. На самом деле несколько тысяч человек (подсчетов сколько-нибудь точных не было и быть не могло) разного люда осталось в Москве. Тут были, во-первых, просто не успевшие бежать или не имевшие к тому никаких материальных средств и возможности, во-вторых, иностранцы (французы, швейцарцы, итальянцы, поляки, немцы), надеявшиеся на благосклонность победителя, в-третьих, русские солдаты — отчасти дезертиры, отчасти случайно, по своей вине или без вины, застрявшие в Москве. Но эти несколько тысяч человек тонули и исчезали в пустоте огромного, мертвого города.

Кавалерия шла с опаской засады; внезапного нападения можно было ждать на каждом углу. Но молчание царило и час и другой, пока бесконечными потоками французская армия вливалась в город. Только когда головной отряд кавалерии Мюрата подошел к Кремлю, оттуда из-за запертых ворот раздалось несколько выстрелов. Французы отвечали картечью и перебили нескольких людей, там оказавшихся, после того как ядром французы выбили ворота. До сих пор не выяснено, что это были за люди. Трупы их были куда-то выброшены, и установлением их личности никто не занялся. Когда французы их избивали, то один из них с необычайной яростью бросился на французского офицера, стараясь задушить его и зубами про-

кусил руку француза. Он был убит, как и остальные. Конечно, этот эпизод не мог никак задержать французов пред Кремлем. Крепость была занята.

Перед вечером Наполеону было дано знать и от Мюрата, и от Понятовского, и от Евгения, что город занят французскими войсками без сопротивления. Было уже поздно, и Наполеон решил провести эту первую ночь в Москве, с 14 на 15 сентября, не в Кремле, а в одном из брошенных домов у Дорогомиловской заставы, где он находился со свитой после того, как покинул Поклонную гору. Император был очень мрачен. «Какая страшная пустыня!» — воскликнул он, глядя на мертвые улицы¹. Совсем не так он въезжал во все европейские столицы и в столицу африканскую — Александрию. Еще перед отходом ко сну, в дом, занятый им, явились один за другим несколько адъютантов и ординарцев. Они прибыли из разных, далеких одна от другой, частей города, а между тем докладывали об одном и том же: в городе начинаются пожары. Наполеон далеко не сразу уразумел истинный смысл и размеры того явления, о котором ему докладывали. У него сначала составилось такое представление, что это солдаты его армии, рассеявшись по городу, громят брошенные дома и по их неосторожности возникают пожары. Он призвал маршала Мортье, которого назначил в этот день военным губернатором Москвы, и грозно приказал ему немедленно прекратить грабежи, о которых тоже уже начали доходить до него обильные сведения. «Вы мне отвечаете своей головой за это!» — прибавил император.

Он еще не успел заснуть, когда в третьем часу ночи ему сообщили, что горит уже центральный квартал. Гостиный двор, средоточие московской торговли, и что загораются дома, куда никто из французских солдат не только не входил, но где и поблизости еще никаких французов не было.

Бушевал ветер, искры сыпались густым огненным дождем и зажигали соседние с горевшими здания. Взошло солнце, и при дневном свете зарево пожаров не было так заметно. Когда Наполеон проезжал утром 15 сентября из дома, где он ночевал, в Кремль, где решил поселиться, то Москва со своими великолепными дворцами и храмами поразила его почти так же, как когда он увидел ее с Поклонной горы. Эти впечатления разделяли с ним его маршалы и, насколько можно судить из случайно дошедших документов, также люди из офицерского состава.

Вот, например, первые впечатления очевидца, офицера интендантского ведомства наполеоновских войск, которые мы

¹ «Souvenirs du duc Vicence», стр. 87, Bruxelles, 1832.

узнаем из его позднейшего письма, писанного в Москве 15 октября (и перехваченного казаками). Он пишет о вступлении французов в Москву, то есть о событии, бывшем за месяц до того:

«...Мы вошли в город с надеждой найти там жителей и отдохнуть от дурных бивуаков, — но там никого не было, кроме французов и иностранцев, которые не хотели уходить вслед за русскими. Все было спокойно, и ничего не предвещало ужасных событий, которые должны были последовать. При входе в Москву меня охватило удивление, смешанное с восхищением, потому что я ожидал увидеть деревянный город, как многие о том говорили, но, напротив, почти все дома оказались кирпичными и самой изящной и самой новой архитектуры (de l'architecture la plus élégante et la plus moderne). Дома частных лиц похожи на дворцы, и все было богато и великолепно. Нас поместили в очень хорошей квартире»¹.

О ярких и в общем положительных впечатлениях, произведенных Москвой в самые первые дни ее оккупации, говорит также первое письмо, которое Наполеон написал императрице из Москвы на третий день после вступления своего в столицу: «Город так же велик, как Париж. Тут 1 600 колоколен и больше тысячи красивых дворцов, город снабжен всем. Дворянство уехало отсюда, купцов также принудили уехать, народ остался.

...Неприятель отступает, повидимому, на Казань. Прекрасное завоевание — результат сражения под Москвой»².

Почему Наполеон думал тогда, что «народ» остался, — неизвестно. Вскоре он убедился, что и «народа» в Москве почти вовсе никакого нет, если не считать прячущихся по углам в разных частях необъятного города — в общем кучку в несколько тысяч человек.

Французы буквально не могли поверить своим глазам, бродя по громадной столице и видя, что она пуста. Зловещее и дикое это было впечатление. «Вступая вслед за пехотой, я проходил через громадные площади и улицы. Я заглядывал в окна каждого дома и, не находя ни одной живой души, цепенел от ужаса. Изредка мы встречали (французские) кавалерийские полки, мчавшиеся во весь опор по улицам и также никого не находившие», — читаем мы показания одного французского артиллериста. Далеко не все понимали все значение этого странного, наслыханного явления. «Я громко заявлял, что город по-

¹ П. Б. Papiers Interceptés, 1812, Moscou, 15 Octobre 1812. (Подпись: Prosper.)

² Lettres de Napoléon à Marie-Louise, № 43. Le 16 Septembre.

кинут жителями; теперь еще я без смеха не могу вспомнить, каким наставительным тоном мне отвечал капитан Лефрансэ: «Подобным образом больших городов не покидают! Эти канальи попрытались, мы их разыщем, и они будут пред нами стоять на коленях!»¹

Но эти первые впечатления французской армии с утра 15 сентября стали очень быстро вытесняться грозным событием, с часу на час принимавшим неслыханные, поистине чудовищные размеры. Пожары, начавшиеся еще с вечера 14 сентября, охватили уже полгорода и продолжали усиливаться.

Загорелся прежде всего винный двор, был взорван пороховой магазин, сгорел новый Гостиный двор, ряды, потом разом в нескольких местах дома, церкви, «особливо сожжены все фабрики»... «Эти пожары продолжались шесть суток подряд, так что нельзя было различить ночи от дня. Во все ж сие время продолжался грабег». Французские солдаты, а за ними и французские мародеры вбегали в дома и тащили все, что уцелело от огня. Брали белье, шубы, даже женские салоны. «Нередко случалось, что идущих по улицам обирали до рубахи, а у многих снимали только сапоги, капоты или сюртуки. Если же найдут какое сопротивление, то с остервенением того били и часто досмерти». Кое-кто из солдат прибегали и к пыткам, — особенно пытали церковных служителей, так как были убеждены, что они куда-то припрятали церковное золото и серебро. «Французы даже купцов и крестьян хватили для пытки, думая по одной бороде, что они попы».

Схваченных на улице заставляли работать, носить за собой мешки с награбленными вещами, а также копать огороды, «таскать с дороги мертвых людей и лошадей»².

По донесению (от 19 сентября) очевидца, генерала Тутолмина, оставшегося в Москве, пожары начались 14 сентября вечером, чрез несколько часов после вступления конницы Мюрата в город. А уже на следующий день, пишет Тутолмин императору Александру: пожары «были весьма увеличены зажигателями». 16 сентября: «жестокости и ужасов пожара я не могу вашему императорскому величеству достаточно описать: вся Москва была объята пламенем при самом сильном ветре, который еще более распространял огонь, и к тому весьма разорен город»³.

¹ П. Б. Рукописное отд. Бумаги Военского. Воспоминания французского офицера.

² П. Б. Рукописное отд. III, 4—3, карт. 7. Донесение Коржаченского Руничу. Москва, 24 октября 1812.

³ Бумаги Шильдера. Копия Военно-ученого архива Главного штаба. №4346. Иван Тутолмин — императору Александру, 7 сентября 1812.

Ростопчин, конечно, активно содействовал возникновению пожаров в Москве, хотя к концу жизни, проживая в Париже, издал брошюру, в которой отрицал это. В другие моменты своей жизни он гордился этим своим участием в пожарах, как патриотическим подвигом.

Вот официальное донесение пристава Вороненки в Московскую управу благочиния: «2/14 сентября в 5 часов пополудни (гр. Ростопчин) поручил мне отправиться на винный и мытный дворы, в комиссариат... и в случае внезапного вступления неприятельских войск стараться истребить все огнем, что мною исполняемо было в разных местах по мере возможности ввиду неприятеля до 10 часов вечера...»¹

Что и независимо от распоряжений Ростопчина могли быть люди из оставшихся в Москве, которые с риском жизни решились действовать согласно с лозунгом: «пропадай все, но не доставайся врагу», — это тоже более чем вероятно. Наконец, безусловно очень много пожаров возникло при хозяйничании солдат французской армии в покинутых домах и лавках, где были найдены огромные запасы спиртных напитков. Пьянство в эти именно первые дни во французском войске шло невообразимое.

* * *

В течение всего дня 15 сентября пожар разрастался в угрожающих размерах. Весь Китай-город, новый Гостиный двор у самой кремлевской стены были охвачены пламенем, горели часами, и речи не могло быть, чтобы их отстоять. Началось разграбление французскими солдатами лавок торговых рядов и Гостиного двора. На берегу Москва-реки к вечеру 15 сентября загорелись хлебные ссыпки, а искрами от них был взорван брошенный русским гарнизоном накануне большой склад гранат и бомб. Наступил вечер 16 сентября. Загорелись Каретный ряд и очень далекий от него Балчуг около Москворецкого моста... Было светло, как днем, в некоторых частях города, охваченных пламенем. Центр города с Кремлем еще был пока не затронут или, точнее, мало затронут. Большой старый Гостиный двор уже горел. Настала ночь с 15 на 16 сентября, — и все, что до сих пор происходило, оказалось мелким и незначительным по сравнению с тем, что разыгралось в страшные ночные часы.

Ночью Наполеон проснулся от яркого света, ворвавшегося в окна. Офицеры его свиты, проснувшись в Кремле от той же

¹ П. Б. Рукописное отд. Архив Военского, Московская губ., № 71. Московской управы благочиния г. эяектору Андрееву.

причины, думали спросонок, что это уже наступил день. Император подошел к одному окну, к другому, он глядел в окна, выходящие на разные стороны; и всюду было одно и то же — нестерпимо яркий свет, огромные вихри пламени, улицы, превратившиеся в огненные реки, дворцы, большие дома, горящие огромными кострами. Страшная буря раздувала пожар и гнала пламя прямо на Кремль, завывания ветра были так сильны, что порой перебивали и заглушали треск рушащихся зданий и вой бушующего пламени. В Кремле находились Наполеон со свитой и со старой гвардией — и тут же был привезенный накануне французский артиллерийский склад. Был в Кремле и пороховой склад, брошенный русским гарнизоном вследствие невозможности вывезти его. Другими словами: пожар Кремля грозил полной и неизбежной гибелью Наполеону, его свите, его штабу и его старой гвардии. А ветер все свирепел, и направление его не менялось. Уже загорелась одна из кремлевских башен. Нужно было уходить из Кремля, не теряя ни минуты времени. Наполеон, очень бледный, но уже взявший себя в руки после первого страшного волнения при внезапном пробуждении, молча смотрел в окно дворца на горящую Москву и сказал: «Это они сами поджигают. Что за люди! Это скифы!» В другой раз он произнес еще: «Какая решимость! Варвары! Какое страшное зрелище!»

Свита обступила императора: маршал Мортье, делавший все возможное, чтобы отстоять Кремль, определенно заявил, что императору нужно немедленно уходить из Кремля, иначе ему грозит огненная смерть. Наполеон медлил. Еще накануне, войдя впервые во дворец, он сказал, обращаясь к свите: «Итак, наконец, я в Москве, в древнем дворце царей, в Кремле!» Он знал значение Кремля в русской истории и не хотел покидать его, только сутки, да и то неполные, в нем пожив. Но выбирать и рассуждать было нельзя: пожар с каждой минутой грозил объять дворец и отрезать все выходы. Стало светать, а положение все ухудшалось, уже дышать становилось трудно от гари и дыма, отовсюду проникавшего во дворец. «Это превосходит всякое вероятие, — сказал Наполеон, обращаясь к Коленкуру. — Это война на истребление, это ужасная тактика, которая не имеет precedентов в истории цивилизации... Сжигать собственные города... Эти люди внушаемы демоном! Какая свирепая решимость! Какой народ! Какой народ!»¹

Единодушно маршалы и свита возобновили свои просьбы, чтобы император немедленно покинул дворец. Уже повторя-

¹ «Mémoires sur Napoléon., Souvenirs du duc de Vicence», стр. 92 Bruxelles, 1832.

лась версия, что не только русские организованно подожгли Москву, но что, в особенности, они решили направить все усилия на дворец, чтобы покончить с Наполеоном.

Вице-король Италии Евгений, пасынок и любимец Наполеона, и маршал Бертье пали на колени, убеждая императора покинуть Кремль. В это время раздался громкий крик: «Кремль горит!» Горела одна башня. Император решил перейти в Петровский дворец, тогда стоявший еще вне городской черты, среди чащи и пустырей.

Он вышел из дворца в сопровождении свиты и старой гвардии, но чуть было они все не погибли при этой попытке спасения. Дело в том, что очень уж много времени потеряли при этих усилиях побудить императора уйти из Кремля. Вице-король, Сегюр, Бертье, Мюрат шли рядом с императором. Они навсегда запомнили этот выход из Кремля. Вот знаменитое показание графа Сегюра: «Нас осаждал океан пламени: пламя запырало перед нами все выходы из крепости и отбрасывало нас при первых наших попытках выйти. После нескольких нащупываний мы нашли между каменных стен тропинку, которая выходила на Москва-реку. Этим узким проходом Наполеону, его офицерам и его гвардии удалось ускользнуть из Кремля. Но что они выиграли при этом выходе? Оказавшись ближе к пожару, они не могли ни отступать, ни оставаться на месте. Но как идти вперед, как броситься в волны этого огненного моря? Те, которые пробегали по городу, оглушенные бурей, ослепленные пеплом, не могли распознать, где они, потому что улицы исчезали под дымом и развалинами. Однако приходилось спешить. С каждым мигом вокруг нас возрастал рев пламени. Единственная извилистая и совсем пылающая улица являлась скорей входом в этот ад, чем выходом из него. Император, не колеблясь, пеший, бросился в этот опасный проход. Он шел вперед сквозь эти вспыхивающие костры, при шуме трескающихся сводов, при шуме от падения горящих бревен и раскаленных железных крыш, обрушивающихся вокруг него. Эти обломки затрудняли его шаги... Мы шли по огненной земле, между двумя стенами из огня. Пронизывающий жар жег нам глаза, которые однако приходилось держать открытыми и устремленными на опасность. Удушающий воздух, пепел с искрами, языки пламени жгли вдыхаемый нами воздух, дыхание наше становилось прерывистым, сухим, коротким, и мы уже почти задохнулись от дыма...» Наполеона и его свиту спасли случайно встретившие солдаты, мародерствовавшие поблизости.

Император переселился в Петровский замок. Еще двое суток, 17-го и 18-го, бушевал пожар, уничтоживший около трех четвертей города.

Пожары продолжались и дальше, и, собственно редкий

день пребывания французов в Москве обходился совсем без пожара. Но это уже несколько не походило на тот грандиозный огненный океан, в который превратили Москву великие пожары 14—18 сентября, раздувавшиеся неистовой бурей несколько дней и ночей сряду. Расстрелы «поджигателей» или, точнее, тех, кого угодно было счесть поджигателями, начались уже на второй день пожаров. Мы дальше еще увидим, как отразилось уничтожение Москвы огнем на последующих событиях. Наполеон еще в Кремле, а потом в Петровском дворце был в самом мрачном состоянии духа. «Это предвещает нам большие несчастья», — сказал он, глядя на развалины и дымящийся мусор, в который обратились самые богатые части города. И не только в неожиданном исчезновении завоеванной добычи было дело: император ясно понял, что теперь заключить мир с Александром будет труднее, чем было до сих пор.

Он еще не знал тогда, что мир с Россией для него не то что труден, но невозможен, и что война, которую он считал в Москве оконченной для русского народа гибелью Москвы, еще только начинается.

Свита и части армии, отошедшие во время пожара к Петровскому дворцу, в те времена стоявшему не в пределах города, а за городом, глядели часами на пылавшую Москву. «Это было устрашающее зрелище, — говорит очевидец-француз. — Этот пылающий город! Ночью видна была линия огня — больше, чем в милю длиною. Казалось, это вулкан со многими кратерами. В течение трех дней, пока продолжался пожар, мы оставались в Петровском дворце. На четвертый день мы вернулись в город и увидели там только развалины и пепел. Кремль сохранился»...

В эти дни — и в ближайшие — шел повальный грабеж домов и лавок. Не было возможности удержать солдат, и немало их сгорело и задохнулось, потому что не все успевали выбежать во-время из горевших зданий. Но все-таки некоторые склады муки и всякого продовольствия уцелели. Французов поражала роскошь внутреннего убранства многих домов, та мебель, которую они нашли в немногих случайно уцелевших от пожара барских особняках. «Очень печально теперь проходить по улицам, заваленным обломками, и притом не видеть ни одного жителя», — пишет этот очевидец¹.

Вот показания одного из оставшихся в Москве от 18/30 сентября: «Опустошение и пожары продолжаются, а потом стреляют в них (!) ядрами, как в крепость... Своевольства столь велики, что были наказываемые, но теперь сам Себастиани при-

¹ П. Б. *Papiers interceptés*, 18 2. Moscou, le 15 Octobre. (Подпись, Prosper.)

носящим жалобы признаётся, что он не в силах их удержать. Все французы ежедневно пьяны после обеда, и жители их убивают, тогда их зарывают ночью. Но число сих жертв невелико... Французы опечалены и ожесточены, что не требуют у них мира, как Наполеон обещал при занятии Москвы, а потому разорением и грабежами думают к миру их понудить... У жителей отнимают рубашки и сапоги, мучат их разными работами, не кормя. Иногда они умирают от голода и усталости, то берут на улицах и в домах на их место. Удивительно, что у самих французов бегут ежедневно по сто и более солдат, за ними нет никакого присмотра, и они не слушают начальников. Ежедневно расстреливают их за неповиновение»¹.

Уже 24 сентября 1812 года в доме князя Долгорукова начал действовать военно-полевой суд под председательством генерала Мишеля, командира 1-го гренадерского полка гвардии. Назывался этот военно-полевой суд военной комиссией. На первый раз судили 26 человек, из коих расстреляли 10 человек. А относительно прочих 16 сделано любопытнейшее, в своем роде, постановление: «Военная комиссия, уважив, что они не довольно изобличены, осуждает их к тюремному заключению». Первые десять были столь же «не довольно изобличены», и почему сделано было такое отличие — непонятно. Судились: кузнецы, портные, маляры («живописцы»), лакеи, солдаты. Из лиц других классов: понамарь Кассианов, поручик Московского полка Игнатьев (расстрелян). Расстрелы продолжались и в следующие дни. Происходили очень часто и простые убийства, производимые солдатами-грабителями под предлогом самозащиты при сопротивлении арестуемых «поджигателей». Сам Наполеон признает (как увидим дальше) в своем письме к Александру, писанном 20 сентября, что он успел уже расстрелять ч е т ы р е с т ь а «поджигателей».

Вот иллюстрация с натуры: «По улицам много валяется мертвых людей и лошадей, на Тверском бульваре много есть повешанных и расстрелянных разных людей с надписью: «зажигатели Москвы»².

Наполеону донесли о неистовых грабежах, которым стала предаваться его армия, особенно пруссаки, баварцы, вестфальцы, итальянцы. Он знал, что и в чисто французских частях грабительство начинает быстро распространяться. Что вместо зимних квартир, которые он обещал своей армии, пред нею — обгорелые остатки большого города, дымящееся пожарище, —

¹ П. Б. Рукописное отд. Архив Военского. № 36. Выписка: известия из Москвы от 18 сентября. (Без подписи).

² П. Б. Рукописное отд. Бумаги Шильдера. 1812. Папка 1. Сведения, полученные от выехавших из Москвы коллежского асессора Пестова, прапорщика Спенюка и штаб-ротмистра Булачева. Сентябрь 1812.

это ему тоже было уже ясно. Как в Европе отнесутся к пожару Москвы? Как посмотрят там на эту удачу русских, вырвавших у императора буквально из рук его добычу?

Письмо Наполеона к императрице Марии-Луизе, как всегда, «стилизует» событие. Вот это письмо, написанное 18 сентября: оно писалось среди бушующего пожара. Великий город горит, как необъятный костер. «Мой друг, я тебе писал из Москвы. Я не имел понятия об этом городе. Он заключал в себе пятьсот таких же прекрасных дворцов, как Елисейский дворец, меблированных на французский лад, с невероятной роскошью, несколько императорских дворцов, казармы, великолепные госпитали. Все это — исчезло, огонь пожирает это вот уже четыре дня. Так как все небольшие дома граждан — деревянные, то это загорается, как спички. Губернатор и сами русские, в ярости за свое поражение, зажгли этот прекрасный город. Двести тысяч обитателей в отчаянии, на улице, в несчастье. Однако для армии остается достаточно, и армия нашла тут много всякого рода богатств, так как в этом беспорядке все подвергается разграблению. Для России эта потеря огромна, ее торговля испытывает от этого большое потрясение. Эти негодяи довели свою предосторожность до того, что увезли или уничтожили пожарные насосы»¹. И в этот же день император приписывает в 8 часов вечера (№ 95): «Осталось только треть домов. Солдат нашел достаточно провизии и товаров, у него есть припасы, значительное количество французской водки». Этот искусственный оптимизм с постоянным повторением: «Мои дела — хороши» — был рассчитан для парижского двора и для Европы. Император знал очень хорошо со времени пожара и гибели Москвы, что дела его вовсе не идут так, как он рассчитывал.

Мир! Немедленный мир с Александром — вот что становится для Наполеона первой и главнейшей целью после московского пожара. И тут-то ждала его наиболее роковая неудача всей его исторической карьеры.

* *
* *

Около 11 сентября (30 августа ст. стиля) по Петербургу прокатились первые слухи о Бородине, об одержанной князем Кутузовым «большой победе». Счастливое известие, пришедшее как раз к царским именинам, держало двор и всю столицу в радостном возбуждении около двух дней. Но вскоре явился курьер, посланный Ростопчиным к царю 13 сентября, с извещением о сдаче Москвы; а через три дня после прибытия курь-

¹ Lettres de Napoléon à Marie-Louise, 78, № 94.

сра от Ростопчина явился и курьер с коротеньким извещением от самого Кутузова. Сомнений в роковом событии уже никаких не могло остаться.

Только 16/4 сентября, то есть через девять дней после Бородине и через два дня после вступления неприятеля в столицу Кутузов послал Александру извещение об этом. Он объясняет оставление Москвы ослаблением армии после Бородине. «Осмеливаюсь всеподданнейше донести вам, всемилостивейший государь, что вступление неприятеля в Москву не есть еще покорение России»¹.

После этого лаконического письма фельдмаршал умолк.

С 16/4 сентября вплоть до 29/17 сентября, 13 дней, Кутузов ни строки не написал Александру, и тот, «не скрывая своего беспокойства и уныния в С.-Петербургской столице», особым письмом настойчиво просил фельдмаршала писать через каждые двое суток². Правда, за эти дни молчания Кутузов дал возможность царю услышать устный доклад.

С подробными известиями об оставлении Москвы Кутузов послал в Петербург к Александру некоего полковника Мишо, француза и сардинского дворянина, поступившего на русскую службу после того, как Сардинское королевство было завоевано Бонапартом. Мишо 20 сентября 1812 года явился к Александру и тут имел с ним разговор, который сам он изложил спустя семь лет после событий в 1819 году Михайловскому-Данилевскому, получившему тогда поручение написать историю войны 1812 года и собиравшему материалы. Излагает Мишо свою беседу в том слащаво верноподданническом стиле, в котором тогда принято было говорить об Александре, и даже наименование ему дает, какое следовало по установленному казенному образцу: «Наш ангел». Читая показание Мишо об этом разговоре, следует, конечно, делать поправку и на царедворческие умильные украшения стиля, и на выдумки с целью выставить вперед собственное свое остроумие и находчивость, и даже просто не забывчивость: ведь за такие семь лет, как от 1812 до 1819 года, многое позволительно было помнить не в совершенной точности. «Вы мне привезли печальные известия, полковник?» — «К несчастью, очень печальные: оставление Москвы». — «Как? Мы проиграли битву? Или мою древнюю столицу сдали без сражения?» — «Государь, так как окрестности Москвы, к несчастью, не представляют никакой позиции, на которой можно было бы рискнуть дать сражение с силами меньшими, чем у противника, фельдмаршал Кутузов счел луч-

¹ Архив И. Р. Л. И. — Кутузовский архив. Папка неразобранных бумаг (№ 59). Черновик.

² Письма современников, № 133. Александр — Кутузову, 17 сентября 1812.

шим сохранить для вашего величества армию, потеря которой, не приведя к спасению Москвы, могла бы иметь самые большие последствия...» — «Вошел ли неприятель в город?» — «Да, государь, и город теперь превращен в пепел, я оставил его весь в пламени». При этих словах, пишет Мишо, слезы потекли из глаз царя. Дальше Александр спросил, в каком настроении армия, как повлияло на ее дух оставление Москвы. И здесь Мишо, в качестве истинного француза старого режима, придворного каламбуриста и остряка, пишет о том затейливом обороте фразы, который он будто бы пустил в ход в ответ на вопрос Александра о духе русской армии. На самом деле, все это, конечно, выдуманно через семь лет, на досуге. Посмел бы маленький человек, эмигрант-полковник, прикармливаемый в России, — да еще в такой трагический момент, когда царь пред ним плачет, — вдруг начинать ни с того, ни с сего какие-то словесные выверты и прибегать к юмористическим загадкам! «Государь, — будто бы сказал Мишо, — позвольте ли говорить с вами откровенно, как честный военный?» — «Я всегда этого требую, а в эту минуту особенно. Я вас прошу, ничего от меня не скрывайте, говорите откровенно!» — «Государь, мое сердце исходит кровью, но я должен пред вами признать, что я оставил всю армию от начальника до последнего солдата в ужасающем страхе, в испуге»... — «Что вы мне говорите, Мишо? Как? Откуда может родиться этот страх? Мои русские впали в уныние вследствие несчастья?» — «Никогда, государь, они бо я т с я только того, чтобы ваше величество по доброте сердца не дали бы себя убедить, что нужно заключить мир. Они горят желанием сражаться и доказать вам, пожертвовав своей жизнью, и доказать своей храбростью, как они вам преданы!» — «Ах, полковник, вы облегчаете мою душу, вы меня успокаиваете! Ну, возвращайтесь к армии, скажите моим храбрецам, скажите моим добрым подданным всюду, где вы будете проезжать, что когда у меня не будет более ни одного солдата, я сам стану во главе моего дорогого дворянства и моих добрых крестьян и использую все средства моей империи (а их больше, чем мои враги думают); но что если в велениях божьего промысла сказано, что моя династия должна перестать царствовать на прародительском троне, тогда, использовав все средства, какие будут в моей власти, я отращу себе бороду вот до сих пор — и он указал на свою грудь — и буду есть картофель с последним из моих крестьян в глубине Сибири, скорее чем подписать стыд моего отечества и моих добрых подданных, жертвы которых я умею ценить. Провидение нас испытывает; будем надеяться, что оно нас не покинет». И царь прибавил: «Полковник Мишо, не забудьте того, что я вам тут говорю: может быть, когда-нибудь мы вспомним об этом с удовольствием. Наполеон

или я, или он или я, мы уже не можем больше царствовать вместе! Я его узнал, он меня больше не обманет».

Если из этой фразы тоже исключить не весьма правдоподобно звучащую интимность по адресу Мишо, о том, как «мы» (то есть они вдвоем: царь да Мишо) об этом «вспомним» и т. д., то зерно истины все-таки может быть из всего этого разговора выявлено вполне, тем более, что у нас есть и другие аналогичные показания: Александр твердо решил в этот момент продолжать войну против Наполеона до самых последних пределов возможного.

Что Мишо, вообще говоря, охотно привирает в своем свидетельстве, явствует еще из слов, будто бы Александр только от него первого узнал об оставлении Москвы. Между тем мы знаем (но Мишо этого документа не знал, — иначе он, конечно, воздержался бы от лжи), что Александр сам засвидетельствовал о получении им первого известия о сдаче Москвы от Ростопчина с курьером, посланным еще 13/1 сентября чрез Ярославль. Мы это знаем из укоризненного рескрипта, привезенного в ставку Кутузова князем Волконским, где Александр прямо об этом сам говорит. Александра болезненно поразило это донесение Ростопчина.

«Я отправляю с сим ген.-ад. князя Волконского, дабы узнать от вас о положении армии и о побудивших вас причинах к столь несчастной решимости», — так кончался упомянутый рескрипт к Кутузову, хорошо передающий отношение царя к главнокомандующему.

Растерянность при петербургском дворе, в царской семье, в дворянстве, в купечестве была очень большая. Непойдет ли Наполеон из Москвы на Петербург?

Сестра царя Екатерина Павловна, находившаяся в Ярославле, заклинала брата не заключать мира.

«Москва взята... Есть вещи необъяснимые. Не забывайте вашего решения: никакого мира, — и вы еще имеете надежду вернуть свою честь... Мой дорогой друг, никакого мира, — и если бы вы даже очутились в Казани, никакого мира», — так писала царю его сестра 3 сентября при первом известии о вступлении Наполеона в древнюю столицу¹.

Александр поспешил ответить сестре, что он и не думает о мире. «Удостоверьтесь, что мое решение бороться более непоколебимо, чем когда-либо. Я скорее предпочту перестать быть тем, чем я являюсь, но не вступать в сделку с чудовищем, которое составляет несчастье всего света... Я возлагаю

¹ Переписка императора Александра I с Екатериной Павловной, 83, Jaroslaw, le 3 septembre 1812.

мою надежду на бога, на восхитительный характер нашей нации и на мое постоянство в решимости не подчиниться ярму»¹.

Конечно, естественное чувство оскорбленного самолюбия, раздражение и гнев за себя и за Россию могли быть и у Александра, как были у огромной массы русских людей. Но истинный смысл твердого поведения царя после такого страшного удара, как потеря Москвы, объясняется прежде всего, как уже замечено в первой главе этой работы, также обстоятельствами, в которых находился Александр пред лицом высшей аристократии и дворянства, широких кругов генералитета и офицерства (особенно гвардейского), купечества, связанного в той или иной степени с экспортной торговлей. Он знал, что нового Тильзита ему не простят, он прекрасно понимал еще задолго до войны, что если уж война затеется, то ему нужно или выйти из нее с честью или потерять престол. А он хорошо знал по примерам отца и деда, что в Петербурге люди теряя престол, на свете, обыкновенно, долго не заживаются. Ведь в то самое время, когда Александр в Петербурге говорил полковнику Мишо и писал сестре, что он ни в каком случае мира с Наполеоном не заключит, — в Москве, в кремлевских царских апартаментах Наполеону говорил об этой невозможности для Александра заключить мир человек, которому в свое время, за полгода до войны, сам Александр отчетливо это уже наперед объяснял. Мы говорим о Коленкуре, герцоге Виченском, который с 1807 по 1811 год был наполеоновским послом в Петербурге и пользовался большим доверием и фавором у Александра. «Мой дорогой Коленкур, — сказал тогда ему однажды царь, — во всем моем обширном государстве у меня нет ни одного друга, которому я мог бы открыть свое сердце. Я выдаю свою тайную тревогу вашей чести, а не послу Франции... Скажите ему, что земля тут трясется подо мною; что в моей собственной империи мое положение стало нестерпимым вследствие его (Наполеона) нарушения трактатов. Передайте ему от моего имени это честное и последнее заявление: раз уже начнется война, — ему, Наполеону или мне, Александру, придется потерять свою корону (*une fois la guerre engagée, il faut que lui, Napoléon, ou moi, Alexandre, y perde sa couronne*)»².

И это не было фразой, а вполне соответствовало глубокому убеждению царя, да едва ли расходилось и с объективной истиной.

И вот теперь, после гибели Москвы, родная сестра Александра написала ему именно то, о чем он еще до войны сам

¹ Переписка императора Александра I с Екатериной Павловной, стр. 84. Petersburg, le 7 Septembre.

² «Souvenirs du duc de Vicence», I, стр. 84, Bruxelles, 1832.

заявил Наполеону через Коленкура. Царя незначем было и убеждать в том, что для него самого было давным-давно ясно. Ему простят, что он сидит в Петербурге, когда русская армия истребляется на Бородинском поле, ему простят гибель Смоленска, гибель Москвы, потерю пол-России, — но мира с Наполеоном не простят. Настал момент решать — кому из двух потерять корону: Наполеону или Александру.

Таковы были настроения царя после гибели Москвы. Они еще усилились, когда Александр учел, что творится вокруг. Настроения народа были несравненно более искренними и непосредственными и несравненно более страстными.

Выехав из Епифани 5/17 сентября в 3 часа ночи, купец Маракуев увидел «к стороне Москвы сильное зарево, но мало похожее на зарево обыкновенное, а к концу горизонта весь воздух казался как бы раскаленным докрасна столбом, который простирался от земли до неба и казался как бы колеблющимся или дрожащим... Смотря на это, не можно было выразить тех чувств, какие были тогда в душе. Страх, жалость и ужасная неизвестность приводили в какое-то оцепенение».

Слова «страх» и «жалость» не выражают того впечатления, которое пожар Москвы произвел на крестьян, — чтобы уж начать с этого подавляющего большинства русского народа. Сохранившиеся свидетельства единогласно говорят об ином. Ожесточение, которое было почти незаметно, пока Наполеон не пошел из Витебска на Смоленск, которое стало резко проявляться после гибели Смоленска, которое уже обратило на себя всеобщее внимание после Бородина, во время марша великой армии от Бородина до Москвы, — теперь, после пожара столицы, дошло до крайней степени. Крестьяне вокруг Москвы не только не вступали, несмотря на все зазывания и посулы, в торговые сношения с французами, но убивали, да еще предавая часто предварительным истязаниям, тех фуражиров и мародеров, которые попадали им живыми в руки. Когда казаки вели пленных французов, крестьяне бросались на конвой с целью отбить и лично уничтожить пленных. Когда фуражировки сопровождались большим конвоем, крестьяне зажигали свои запасы (выгорали целые деревни) и убегали в леса. Застигнутые — отчаянно оборонялись и погибали. Французы тоже крестьян в плен не брали, а иногда, на всякий случай, даже еще только приблизясь к деревне, начинали ее обстреливать, чтобы уничтожить возможность сопротивления.

В дальнейшем мы еще вернемся к этому явлению, а также к партизанщине. Теперь же заметим лишь, что партизанское движение, начавшееся, как увидим дальше, сейчас после Бородина, только и могло достигнуть тех успехов, каких достигло. вследствие деятельнейшей, добровольной, усердно оказываемой

помощи со стороны русского крестьянства. Но эта неутолимая злоба к захватчикам, разорителям, убийцам и насильникам, неизвестно откуда пришедшим, проявлялась больше всего в том, как шли в 1812 году на военную службу и как сражались потом эти самые русские крестьяне. Народная война в России могла проявиться сразу же в организованных формах, в армии. В Испании народная война приняла совсем иные формы, потому что там долго не налаживалась организация армейских единиц. Но по неукротимой ненависти к иноземным насильникам и грабителям, по жажде отдать свою жизнь для уничтожения жестокого и хищного врага, по крепкому сознанию своей внутренней правоты — русский народ в своей борьбе против Наполеона ничуть не уступает испанскому. Пламя этой настоящей народной войны разгорелось особенно ярко как раз, когда стало тухнуть пламя физическое, истребившее Москву. Когда в октябре генерал Лористон, посол Наполеона, жаловался Кутузову на «варварское» отношение русских крестьян к французам, то старый фельдмаршал, в извинение и объяснение факта, сказал, что русские крестьяне относятся к французам так, как их предки относились к татарам. Лористон был недоволен этим сравнением цивилизованной армии его величества императора и короля — с полчищами Чингисхана, о котором упомянул Кутузов.

Но оно очень точно передает психологию русского крестьянина, видящего, как огромная вооруженная орда ворвалась в его отечество и не перестает терзать, грабить, жечь и обливает его кровью. «Татарское разорение» — именно так вспоминали долго подмосковные крестьяне наполеоновское нашествие.

Москва пропала, «пропадай все, но врагу не доставайся!». После гибели столицы этот лозунг сделался всенародным в полном смысле слова. Ставка Наполеона на устрашение России была бита.

Русский народ и нашествие

...Осенью 1812 года в Пензенской губернии сформировалось ополчение в составе четырех пехотных полков, одного конного и артиллерийской роты. Каждый полк был численностью в четыре тысячи человек. Ополчение здесь, как и всюду, заметим, в 1812 году удивляло начальников своими быстрыми успехами в деле воинского обучения: «усердие к пользе отечества» производило чудеса, пишет очевидец (офицер этого ополчения Шишкин в своих воспоминаниях: «Бунт ополчения в 1812 году»). Ополчение было готово выступить лишь к 10/22 декабря, т. е. когда уже Россия была очищена от неприятеля со-

вершено и когда начинался заграничный поход. Совершенно неожиданно в ополчении вспыхнул бунт. Ратники требовали, чтобы их провели к присяге. Не забудем, что среди мириада слухов, носившихся в воздухе в 1812 году, была и весть, будто всех присягнувших ополченцев, по окончании войны уже не вернут в крепостное состояние, а объявят свободными. Более чем вероятно, что требование привода к присяге в данном случае и было вызвано этим слухом. Взбунтовался 3-й полк ополчения и в полном вооружении вышел на площадь; стоял он в городке Инсаре. Полк разгромил квартиру полковника, квартиры офицеров, запер офицеров, полковника избили до крови, так же как майора и других. Выбрав себе из своей среды начальника, они собрались покончить с офицерами. Жители Инсара подверглись также нападению со стороны разбужавшихся ратников и отчасти разбежались из города. Ратники овладели городом и перевели офицеров в тюрьму. Их обвиняли в том, что они скрывали царский указ о присяге и что они не берут дворян в ополчение, а берут крестьян, тогда как царь велел брать дворян. Пред тюрьмой ратники воздвигли три виселицы и объявили офицерам, что всех их повесят. На четвертый день в город вступили посланные из Пензы войска с артиллерией — и восставшие ратники сдались.

В других полках этого же пензенского ополчения происходили одновременно волнения, но в более слабой форме. Военным судом было осуждено к кнуту, прогнанию сквозь строй, каторжным работам, к ссылке на поселение и к отдаче навсегда в солдаты в дальние сибирские гарнизоны в общей сложности более трехсот человек.

«Три дня лилась кровь виновных ратников, и многие из них лишились жизни под ударами палачей», — пишет очевидец Шишкин, к сожалению, не уточняя в этом месте свое повествование. Остальные (за вычетом этих трехсот с лишком) участники восстания были отправлены в поход — и уже в походе получили «всемиловитейшее прощение».

Необычайно характерна для всей политической атмосферы 1812 года выяснившаяся на военном суде цель заговора ратников (потому что это был заговор, и условлено было всем полкам выступить в один день — 9 декабря): «Цель мятежников заключала в себе безрассудное намерение людей, погруженных в невежество: они хотели, истребив офицеров, отправиться целым ополчением к действующей армии; явиться прямо на поле сражения, напасть на неприятеля и разбить его; потом с повинной головой предстать пред лицо монарха и в награду за свою службу выпросить себе прощение и вечную свободу из владения помещиков». Свирепость репрессии объясняется отчасти тем, что, несмотря на пытки («строгие меры при допросах», —

пишет благонамеренный Шишкин), ратники не называли инициатора движения: «Кто был первый, у которого родилась такая нелепая мысль, кто был первый, принявший на себя исполнение дерзкого намерения, того никакие розыскания, никакие строгие меры не могли открыть; это осталось навсегда глубокой тайной».

В этом пензенском ополчении бродили мысли и стремления, наиболее характерные для крепостной массы в год нашествия Наполеона и именно во вторую половину войны, когда уже перестали ждать освобождения из рук вторгшегося завоевателя: изгнать неприятеля из отечества и за это получить свободу по воле царя, которого отделяют от народа дворяне — помещики, скрывающие благодетельные царские указы. Чувство мести к иноземному завоевателю, ненависть к помещичьему классу, монархическая легенда о народолюбивом царе — все это смешалось воедино и породило инсарское движение 1812 года.

Тарутино и уход Наполеона из Москвы

Сейчас после пожара Москвы у Наполеона на первый план становятся две цели: первая и самая важная — непременно добиться здесь, в Москве, мира с Александром; вторая цель — предохранить от окончательного разграбления солдатами то, что еще из сѣстных запасов и одежды могло уцелеть в Москве от пожара и вместе с тем (одно с другим было неразрывно связано) спасти расшатанную дисциплину в своей пестрой по составу армии. Обе цели оказались совершенно недостижимыми.

Пожар уже утихал в некоторых частях города (в центре), но еще свирепствовал на периферии, когда Наполеон переехал из Петровского замка обратно в Кремль. Тут ему в самый день возвращения в Кремль сообщили, что генерал-майор Тутолмин, начальник Воспитательного дома, просит поставить стражу возле этого учреждения для охраны оставшихся в Москве питомцев. К полной неожиданности, Наполеон не только удовлетворил ходатайство Тутолмина, но и велел 18 сентября пригласить его в Кремль.

Наполеон так начал разговор с Тутолминым 18 сентября.

«Я бы желал поступить с вашим городом так, как я поступал с Венуей и Берлином, которые и поныне не разрушены, но россияне, оставивши сей город почти пустым, сделали беспримерное дело. Они сами хотели предать пламени свою столицу и чтобы причинить мне временное зло, разрушили созидание многих веков»... «Я никогда подобным образом не воевал. Вой-

ны мои умеют сражаться, но не жгут. От самого Смоленска я более ничего не находил, как пепел»¹.

В разговоре Наполеон был очень милостив. Говорил о преступности Ростопчина, которому всецело приписывал поджоги. Выяснилось, что генерал-губернатор велел увезти все пожарные трубы, и в этом Наполеон усматривал одну из главных улик. Были и другие: действительные или мнимые показания людей, судившихся в качестве поджигателей. Тутолмин на вопрос императора, не желает ли он еще о чем-нибудь просить, попросил позволения написать рапорт Марии Федоровне, высшей начальнице всех воспитательных домов в России. Наполеон не только позволил, но еще предложил Тутолмину добавить, что он, Наполеон, почитает, по-старому, Александра и желал бы заключить мир. Тутолмин все это написал в тот же день и отправил с чиновником своего ведомства, которого по именному повелению императора пропустили чрез передовые посты французской армии.

Уже эта первая попытка была совсем непохожа на обычный образ действий Наполеона, — и уже она одна компрометировала его положение и давала царю понять, что Наполеон чувствует себя не весьма уверенно.

В самом деле. Наполеон всю свою игру вел, рассчитывая на упадок духа и слабость царя и на то, что не сегодня — завтра побежденный Кутузов пришлет к нему парламентаря под белым флагом, подобно тому как в июне 1807 года после Фридланда к нему явился парламентар от Беннигсена. Но Бородино не было Фридландом. Никакого парламентаря не было. Между тем, если бы Александр согласился теперь на мир, то престиж Наполеона, занявшего Москву и из Москвы диктующего мир России, был бы необычайно упрочен в глазах всей Европы. Какой это был бы мир? Если бы Александр откликнулся сразу, то Наполеон, — мы это знаем документально, — намерен был требовать отторжения Литвы, подтверждения блокады, «союза» с Францией. Если бы Александр откликнулся на последующие две попытки, то Наполеон ничего бы не требовал; «лишь бы честь была спасена», «спасайте честь», — говорил он, отправляя в октябре Лористона. Но царь не ответил ни на одну из трех попыток.

Вторая попытка была произведена Наполеоном, когда еще невозможно было даже по расчету времени надеяться получить ответ от Александра: ровно чрез два дня после беседы с Тутолминым. Связана эта попытка с именем Ивана Алексеевича Яковлева, отца А. И. Герцена. Об этой попытке мы знаем и из

¹ П. Б. Рукописное отд. Б. III. (Копия В. У. А. № 4346). Тутолмин Александру 7 сентября 1812 года.

французских источников, и из первых страниц герценовских «Былого и дум», и из полного текста письма Наполеона к Александру, полученного Александром чрез посредство Яковлева. Застрял в Москве этот Яковлев, богатый московский барин и оригинал, случайно: слишком долго собирался выехать. Семья очутилась в трудном положении, и Яковлев обратился за покровительством к маршалу Мортье. Маршал был знаком с Яковлевым по Парижу и доложил о нем Наполеону, и тот велел Яковлеву явиться. Герцен говорит, со слов отца, об этом свидании в I главе «Былого и дум»: «...Наполеон разбранил Ростопчина за пожар, говорил, что это — вандализм, уверял, как всегда, в своей непреодолимой любви к миру, толковал, что его война в Англии, а не в России, хвастался тем, что поставил караул к Воспитательному дому и к Успенскому собору, жаловался на Александра, говорил, что он дурно окружен, что мирные расположения его (т. е. Наполеона) неизвестны императору. Отец мой заметил, что предложить мир скорее дело победителя. «Я сделал, что мог. Я посылал к Кутузову, он не выступает ни в какие переговоры и не доводит до сведения государя моих предложений. Хотят войны, не моя вина, будет им война».

Тут надо заметить, что Яковлев что-то очевидно спутал, рассказывая сыну впоследствии о свидании: Наполеон к Кутузову еще ни разу не обращался, когда говорил с Яковлевым, посылка Лористона произошла после разговора с Яковлевым.

Наполеон сначала было отказал Яковлеву в пропуске, о котором тот просил. Но когда Яковлев настаивал, «Наполеон подумал и вдруг спросил: «Возьметесь ли вы доставить императору письмо от меня? На этом условии я велю вам дать пропуск со всеми вашими». — «Я принял бы предложение вашего величества, но мне трудно ручаться». — «Даете ли вы честное слово, что употребите все средства лично доставить письмо?» — «Обязуюсь своею честью, государь».

Наполеон написал 20 сентября письмо Александру, и Яковлев повез его. Письмо было доставлено Александру. Его полный текст напечатан в официальном издании корреспонденции Наполеона¹.

Это письмо интересно и в политическом и в психологическом отношении. Наполеон хочет и остаться в позе бесспорного, но великодушного победителя, и облегчить царю трудную задачу пойти на переговоры указанием на почти полную не-

¹ Correspondence de Napoléon, XXV, 221, № 19213. A Alexandre I, empereur de Russie. Moscou, le 20 Septembre 1812.

винность его, Наполеона, в разорении половины России и гибели Москвы. Стремление настроить царя примирительно сквозит особенно в конце письма. Но и начало очень характерно: «Прекрасный и великолепный город Москва уже не существует. Ростопчин сжег ее. Четыреста поджигателей арестованы на месте преступления. Все они объявили, что поджигали по приказу губернатора и директора полиции; они расстреляны. Огонь, повидимому, наконец, прекратился. Три четверти домов сгорело, одна четвертая часть осталась. Это поведение ужасно и бесцельно. Имелось ли в виду лишить некоторых ресурсов? Но они были в погребах, до которых огонь не достиг. Впрочем, как уничтожить один из красивейших городов целого света и создание столетий, только чтобы достигнуть такой малой цели. Это — поведение, которого держались от Смоленска, и это обратило шестьсот тысяч семейств в нищих. Пожарные трубы города Москвы были разбиты или унесены...» Наполеон дальше указывает, что в добропорядочных столицах его не так принимали; там оставляли администрацию, полицию, стражу, и все шло прекрасно. «Так поступили дважды в Вене, в Берлине, в Мадриде». Он не подозревает самого Александра в поощрении поджогов: иначе «я не писал бы вам этого письма». Вообще, «принципы, сердце, правильность идей Александра не согласуются с такими эксцессами, недостойными великого государя и великой нации». А между тем, добавляет Наполеон, в Москве не забыли увезти пожарные трубы, но оставили 150 полевых орудий, 60 000 новых ружей 1 600 000 зарядов, оставили порох и т. д.

Любопытны далее последние строки, показывающие поразительное ослепление Наполеона, полное его нежелание стать на точку зрения противника. После всего, что он в России сделал, начиная от перехода чрез Неман и кончая Москвой, он пишет: «Я веду войну против вашего величества без враждебного чувства (*Sans animisité*)». Он так «великодушен», что «одна записка от вашего величества до или после последнего сражения остановила бы мой поход, и я бы даже хотел иметь возможность пожертвовать выгодой занятия Москвы. Если ваше величество сохраняет еще некоторый остаток прежних своих чувств по отношению ко мне, то вы хорошо отнесетесь к этому письму. Во всяком случае вы можете только быть мне благодарны за отчет в том, что делается в Москве». Подписано: «Наполеон».

Это письмо, где нет прямого предложения о мире, является на деле сплошным предложением о мире.

Как на донесение Туттолмина, так и на это личное письмо Наполеона Александр не ответил.

* * *

Тревога среди маршалов росла. До каких пор сидеть в Москве? Близилась зима. Никаких «ресурсов» в московских погребах, о чем писал Наполеон Александру, солдаты не нашли, если понимать под «ресурсами» съестные припасы, но они нашли там зато очень много спиртных напитков, спирта, водки, ликеров, вин. Пьянство шло неимоверное, а хлеба было по-прежнему очень мало, овса и сена почти вовсе не было, лошади падали в Москве тысячами, чуть ли не больше, чем на походе. Ни фальшивые, привезенные с собою русские ассигнации, ни настоящие не помогали делу; русские крестьяне не вступали с французами ни в какие разговоры, а либо убегали, либо вступали в бой. И, главное, дисциплина распатывалась неимоверно. Солдаты, уже не только немецкие, польские, итальянские, но и часть французских, превращались в грабителей. Но все-таки у французов дисциплина сохранялась гораздо больше, чем в немецких или итальянских частях.

Народ в Москве отличал французов от других народов наполеоновской армии. «Французы настоящие — добрые, ведь их по мундиру и по разговору узнаешь, редко кого обидят; зато уж эти новобранцы всякие у них, да немчура — никуда не годились»¹. Старая гвардия почти вовсе не принимала участия в грабеже.

«Жесточайшие истязатели и варвары из народов, составлявших орду наполеонову, были поляки и баварцы», — утверждает А. Н. Оленин в «собственноручной тетради», напечатанной в «Русском архиве» за 1868 год (том. VI, стр. 1985).

Таких показаний не мало. Жаловались и на пруссаков, и на вестфальцев, которых наши крестьяне именовали «беспальцами», и на итальянцев. Жалоб на природных французов было определено меньше.

Дезертирства из стоявшей в Москве армии не было по той простой причине, что всякий француз, отдалившийся от своих форпостов, излавливался и беспощадно убивался русскими крестьянами. Но с флангов, особенно с северного, вести шли неутешительные.

Вот что сообщил в зашифрованном докладе Наполеону Марэ, герцог Бассано, из Вильны. Дело было в сентябре 1812 года, когда только что армия, далекая от Москвы, прочла победоносный бюллетень о Бородинской битве, когда еще было и продовольствие, и не было морозов, и все казалось вполне благополучно. «Маршал Сен-Сир... не надеется уже на бавар-

¹ Рассказ о двенадцатом годе. «Русский архив», 1871. Перепечатка в «Пожаре Москвы», стр. 135.

цев: немногие, сколько их у него осталось, поражены болезнью, или упадком духа, или охвачены манией дерзости»¹.

С южного фланга приходили известия о более чем сомнительном поведении австрийских «союзников». Их двойная игра становилась вполне ясной.

Плохо было и по всей коммуникационной линии, даже в Могилеве, в Витебске. Страшно ослабив великую армию оставлением гарнизонов, Наполеон не мог все-таки считать, что его колоссальная коммуникационная линия в безопасности.

В неофициальном письме от 26 октября 1812 года витебский интендант французской армии Пасторэ писал своему коллеге — виленскому интенданту Биньону: «Французский император дал мне для управления двенадцать округов, но русский император нашел уместным управлять восемью из них — лично или чрез своих генералов, — и, что хуже всего, он не оставляет меня в покое и в остальных округах. Витгенштейн, которого вы, конечно, знаете, в 6 лье от меня, — и на днях казаки в третий раз явились позавтракать в предместье Витебска...»².

Приходилось думать о покоренной, но ненавидящей Европе, которая знает, что в России решается и ее участь и которая все упования возлагает на два народа, не желающие пойти под иго завоевателя: на русский и на испанский народ.

Между битвой при Тарутине и выступлением армии из Москвы, осаждаемый тревожными заботами и в борьбе с бесчисленными трудностями своего положения в сожженном городе, Наполеон должен думать об испанских делах, о не закрывающейся вот уже четыре года страшной испанской язве на теле завоеванной великой империи. 16 октября он приказывает послать два миллиона франков в Португалию, два миллиона во французскую армию, сражающуюся на севере Испании, полмиллиона — армии, сражающейся в центре Испании, полмиллиона — в Каталонию. Этот приказ не дошел по назначению: его забрали казаки, отбившие портфель с бумагами вместе с одним французским обозом³.

Власть в Москве была организована Наполеоном так: военным губернатором был назначен маршал Мортье, Дюронель — комендантом крепости и города, Лессепс — «интендантом горо-

¹ Герцог Бассано — Наполеону. Вильно, 22 сентября 1812 года.

² П. Б. Рукописное отд. *Papiers interceptés* Письмо Pastorez à Bignon 26 octobre 1812.

³ П. Б. Рукописн. отд. *Lettres interceptées* en 1812 Наполеон — герцогу Фельтрскому, Moscou, le 16 octobre 1812.

да Москвы и московской провинции», т. е. гражданским начальником Москвы и окрестностей. Лессепс «выбрал», а Наполеон утвердил 22 человека из русского населения, которые и получили название «муниципалитета». Эти люди, против своей воли назначенные, боящиеся прослыть изменниками, решительно никакой власти, конечно, не имели. Лессепс был до нашествия Наполеона французским генеральным консулом. (Его сын был знаменитый впоследствии Шарль Лессепс, прорывший Суэцкий канал). Лессепс обратился к жителям Москвы с воззванием на французском и на русском языках. Начиналось оно так (я привожу тот русский текст, который был тогда обнародован):

«Провозглашение.

Жители Москвы.

Несчастия ваши жестоки, но его величество император и король хочет прекратить течение оных. Страшные примеры вас научили, каким образом он наказывает непослушание и преступление. Строгие меры взяты, чтобы прекратить беспорядок и возратить общую безопасность. Отеческая администрация, избранная из самих вас, составлять будет ваш муниципалитет или градское правление. Оно будет пешись об вас, об ваших нуждах, об вашей пользе... и т. д.».

Подписана эта бумага была Лессепсом, которого Наполеон назначил, как сказано, начальником, управляющим Москвой. Лессепс обещал полную безопасность для жизни и охрану имущества всем гражданам Москвы, «ибо такая воля величайшего и справедливейшего из всех монархов». Он предлагал в конце этого любопытного документа повиноваться властям и обещал, что при соблюдении этого условия «слезы» москвичей «перестанут литься».

Ровно никакого действия эта бумага, конечно, не возымела.

Нищие, запуганные, ютившиеся где попало, русские, оставшиеся в Москве, подвергались на каждом шагу насилиям со стороны солдат. Не проходило ночи без нескольких убийств, остававшихся совершенно безнаказанными. Смерд от небуранных, гниющих в домах и на дворах трупов заражал воздух. Но не только русские трупы валялись по домам и дворам. Из позднейших свидетельств мы знаем, что ожесточение русских, оставшихся в Москве, неоднократно выражалось в том, что они подстерегали напившихся и потому бессильных французов и убивали их, если обстановка деяния позволяла надеяться на бегство и безнаказанность.

Все это сильно беспокоило и отвлекало мысли императора в те без малого пять недель, которые он провел в Москве.

Во всяком случае нужно было как-нибудь организовать порядок на этом пожарище.

Чем больше выяснялись результаты московских пожаров, тем серьезнее и настоятельнее пред Наполеоном вставал вопрос о необходимости где угодно искать зимние квартиры, но только не в Москве.

В подсчетах, сделанных тотчас после ухода французов, где перечислены как сгоревшие, так и уцелевшие улицы и обозначены даже многие дома (и среди сгоревших и среди уцелевших), дается такой окончательный итог: из 30 тысяч домов, бывших в Москве пред нашествием, после выхода Наполеона из города оставалось «навряд ли 5 тысяч»¹.

Наполеоновские чиновники произвели подобный подсчет еще раньше русских, и приблизительно выяснился подобный же общий результат.

Но Москва была Наполеону еще нужна политически. Европа должна была знать, что Наполеон вынудил Александра подписать мир именно в Москве. Необходимо было сохранить позу победителя. А для этого нужно было дожидаться ответа царя на письмо, посланное с Яковлевым.

Мелькнула у Наполеона как будто мысль еще об одном исходе: поднять крепостных крестьян. Но эта мысль именно только мелькнула — и бесследно исчезла.

Мы уже знаем, что Наполеон сам категорически заявил в декабре того же 1812 года, что он никогда и не думал об освобождении русских крестьян. Но, повидимому, в Кремле какие-то мысли об этом временами бродили в его голове. Он расспрашивал некоторых французов, оставшихся в Москве, о возможных последствиях этого акта; интересовался историей пугачевского движения, интересовался также украинскими крестьянами. Украиной вообще... Но все эти поползновения приглядеться к крестьянской проблеме были у него поверхностными, мимолетными — и ни к каким результатам не привели.

Заботы о порядке в городе и в армии, прием курьеров с бумагами из Европы и из занятых местностей России — все это не могло отвлечь мысли Наполеона от главной его тревоги. Почему нет ответа? Обманул ли Яковлев? А если он доставил письмо, то почему Александр не отвечает? Уже прошло время, которое было бы нужно для ответа. Но ответа не было. Наполеон терял дни, золотые дни прекрасной, солнечной, теплой осени, стоявшей в 1812 году во всей средней полосе России, — и у нас есть доказательства, что он не хуже маршалов понимал опасность дальнейшего пребывания в Москве, е с л и

¹ П. Б. Рукописное отд. Б. Шильд. 111—4—3, карт. 7. Переписка с Козодавлевым (декабрь 1812).

придется продолжать войну. Что-то следовало предпринять. Удобнее всего было приписать молчание Александра тому, что Яковлев, вероятно, не мог или не хотел доставить письмо. Наполеон решил на новый шаг, несравненно более важный, чем разговор с Туголминым или письмо, данное Яковлеву. Но этому предшествовало одно серьезное совещание с маршалами. Несколько дней он был в раздраженном состоянии, по пустякам набрасывался на маршалов, гневался на свиту.

3 октября он, после бессонной ночи, приказал маршалам явиться в Кремль и заявил им: «Нужно сжечь остатки Москвы, идти чрез Тверь на Петербург, куда явится к армии и Макдональд...» Но маршалы упорно молчали: «Какой славой мы будем превознесены и что весь свет скажет, когда узнает, что мы в три месяца завоевали две большие северные столицы». Маршалы противоречили. Они считали этот план невыполнимым. «Ити навстречу зиме, на север», с уменьшившейся армией, имея в тылу Кутузова, невысказано. Наполеон умолк. Он не очень отстаивал этот план. Но в тот же день он позвал Коленкура. Он сначала повторил утреннее свое предположение относительно похода на Петербург. Коленкур возражал. Тогда Наполеон предложил ехать к Александру с предложением мира. Коленкур указал, что это ни к чему не поведет и будет, напротив, очень вредно, потому что Александр убедится в трудном положении французов. «Хорошо, — круто оборвал его император, — в таком случае я пошлю Лористона». Лористон почти повторил то самое, что говорил Коленкур. Но Наполеон прекратил спор прямым повелением немедленно ехать к Кутузову просить пропуска для дальнейшей поездки Лористона в Петербург, к царю. «Мне нужен мир, он мне нужен абсолютно, во что бы то ни стало, спасите только честь». И он приказал Лористону ехать немедленно в ставку Кутузова. Императорский приказ кончил всякие разговоры и прекращал возражения. Лористон отправился к Кутузову.

* * *

...Когда генерал Лористон появился вечером 5 октября (23 сентября) на русских аванпостах, это возбудило страшное волнение в кутузовском штабе. Прежде всех и больше всех взволновался еще утром этого дня английский комиссар и соглядатай Роберт Вильсон. С той полнейшей бесцеремонностью, которая была ему свойственна, он заявил Кутузову решительный протест против приема Лористона, о чем не преминул довести до сведения Александра. Сделал он это в такой форме, которая облегчает уверенность, что ему всякая дерзость сой-

дет с рук. «Имею честь донести вашему величеству, что фельд-маршал Кутузов сообщил мне сегодня поутру о намерении своем иметь свидание с генерал-адъютантом Бонапарта на передовых постах. Я почел долгом своим сделать самые твердые и решительные представления против такого намерения, исполнение коего не соответствовало бы достоинству вашего величества и не преминуло бы иметь вредное влияние, противное выгодам вашего величества, потому что послужило бы к ободрению неприятеля, к неудовольствию армии и к распространению недоверчивости в иностранных государствах». Другими словами, Роберт Вильсон не скрывал своего недоверия к самому Александру и грозил царю гневом Англии, если царь согласится на перемирие или, еще хуже, на мир с Наполеоном. В тот же день Вильсон донес обо всем и лорду Каткэрту, причем на письме есть такая странная пометка рукой Аракчеева¹: «Получено от государя 4 октября». Писано письмо 23 сентября (5 октября нов. стиля), а 4 октября (16 октября нов. стиля) значит, через 11 дней, оно уже было доставлено царю, прочитано им и передано для хранения Аракчееву. Было ли оно перехвачено? Сам ли Каткэрт передал его царю? Во всяком случае, царь узнал, что прием Лористона есть «мера, преисполненная неблагопристойности и общественного вреда», и что Вильсон, «в качестве генерала союзной державы», настоял на том, чтобы не сам фельдмаршал поехал на аванпосты к Лористону, а чтобы послал туда князя Волконского. Узнал Александр из этого письма и о том, что Кутузов в душе не питает таких враждебных чувств к Бонапарту, какие были бы Вильсону желательны, и что вообще его (Кутузова) «дряхлость всегда будет более или менее склонять его к желанию мира». Помогали Вильсону в его усилиях принц Ольденбургский и герцог Вюртембергский. Кутузов мог сколько угодно раздражаться наглым вмешательством всех этих иностранных паразитов в дело, касавшееся мира или войны между Россией и Наполеоном. Но поделать он тут ничего не мог. Александр был на стороне Вильсона, да и слишком уж далеко зашло дело после сожжения Москвы и слишком становилось ясно, что Наполеон попал в невыгодное и опасное положение.

Кутузов должен был принять Лористона если не в присутствии навязавшихся на это свидание Роберта Вильсона и герцога Вюртембергского, то все-таки так, чтобы Лористон, проходя в кабинет фельдмаршала, видел их обоих и с ними герцога Ольденбургского. Беседа Лористона с Кутузовым наедине продолжалась полчаса, после чего в кабинет позван был князь

¹ «1812 год в письмах современников», № 146. Роберт Вильсон — лорду Каткэрту.

21 Изгнание Наполеона

Волконский (отправившийся немедленно затем к Александру в Петербург). Когда Лористон уехал, фельдмаршал сообщил Вильсону содержание беседы. Лористон начал с жалоб на «варварские поступки русских крестьян с французами, попадающими в их руки». Фельдмаршал ответил: «нельзя в три месяца сделать образованной целую нацию, которая, впрочем, если говорить правду, оплачивает французам той монетой, какой должно платить вторгнувшейся орде татар под командой Чингисхана». Лористон предлагал перемирие на основе какого-нибудь соглашения. Фельдмаршал ответил, что у него нет на это никаких полномочий. Лористон заявил затем, что Москву сожгли не французы. Кутузов ответил, что он это знает, что это было сделано самими русскими, которые ценят Москву не более всякого иного города в империи. Лористон сказал: «Вы не должны думать, что дела наши в отчаянном положении; армии наши почти равны. Вы ближе к своим подкреплениям и продовольствию, но и мы получаем подкрепления. Вы, может быть, получили неблагоприятные для нас известия из Испании?» На это фельдмаршал ответил, что он в самом деле слышал об этом от сэра Роберта Вильсона, который только что вышел из комнаты. Лористон сказал, что Вильсон имеет свои основания преувеличивать. Кутузов не согласился с этим. «В самом деле, мы имели неудачу, которой обязаны глупостям Мармона, и Мадрид временно занят англичанами, но дела наши скоро там поправятся, потому что туда идут уже большие корпуса войск». Когда Кутузов сказал Лористону, что русский народ «смотрит на французов, как на орду Чингисхана, а Лористон ответил: «однако, есть же некоторая разница», то фельдмаршал возразил, что русский народ никакой разницы не усматривает.

С этим впечатлением и с сознанием полной бесплодности своей поездки Лористон и вернулся в Кремль к императору Наполеону. Дезертирство из разноплеменной французской армии все усиливалось; особенно повальный характер оно имело в испанских полках, которые, ненавидя Наполеона лютой ненавистью, были принуждены идти с ним в Россию. Это были насильно завербованные испанцы из занятых французами частей Испании. На свое дезертирство они не могли не смотреть, в подавляющем большинстве случаев, как на свой долг перед далекой, истерзанной Наполеоном их родиной. Фуражировки не удавались французам. В одних местах фуражиров брали в плен казаки, мелькавшие и днем и ночью около Тарутина и на московских дорогах; в других местах их избивали крестьяне, грабить которых они приходили, в третьих местах им удавалось запастись сеном, но лишь перебив или разогнав по лесам крестьян. А без хозяев найти много сена, во-время припрятанного, не удавалось. Генерал барон Корф встретился на аван-

постях с французским генералом Армандом. И встреча и разговор были случайными. «Мы, право, очень устали от этой войны, дайте нам паспорт, мы уйдем», — сказал Арманд. — «О, нет, генерал, — возразил Корф: — вы к нам пожаловали незваные, так и уходить вам нужно по французской манере (*a la francaise*) не откланиваясь». — «Но, в самом деле, — продолжал Арманд: — не жалко ли, что две нации, уважающие одна другую, ведут истребительную войну? Мы принесем извинение в том, что были зачинщиками и охотно согласимся помириться на прежних границах». — «Да, — сказал Корф, — мы верим, что вы научились в последнее время иметь к нам уважение, но могли ли бы вы и впредь, генерал, уважать нас, если бы мы вас допустили до того, чтобы уйти с оружием в руках?» Предложение Арманда соответствовало, конечно, мысли Наполеона «помириться на прежних границах», но теперь, после полного разорения колоссальных пространств, после гибели городов и бесчисленных деревень, после уничтожения Москвы, такое предложение звучало, как новое оскорбление.

Как мы видели, Кутузов в самой первой передаче своей беседы с глазу на глаз с Лористонам решительно ничего не говорит о проклятиях потомства и пр., которые обрушатся на него, Кутузова, если он заключит перемирие. Все эти риторические украшения появились уже потом, на досуге. Но это ведь и не важно. Существенным было одно: Наполеон увидел, что и третья его попытка войти в переговоры с Александром явно осуждена на неудачу. Такие «случайные» встречи, как генерала Арманда с Корфом или Мюрата с Беннигсеном, а потом с Милорадовичем (6 октября), еще больше его в этом убеждали. «У нас народ страшен, он в ту же минуту убьет всякого, кто вздумает говорить о мирных предложениях», — сказал Милорадович Мюрату.

И все-таки, предвидя, что скоро придется оставить Москву, Наполеону так хотелось подписать мир именно в Москве, сохраняя позу победителя, что он решил поторопить Александра с ответом: он знал, что Волконский сейчас же после свидания Лористона с Кутузовым повез рапорт об этом свидании от фельдмаршала к царю, а ответ все не приходил. 20/8 октября, значит через 15 дней после беседы Лористона с Кутузовым, к фельдмаршалу явился из французского лагеря полковник Бертэми с письмом от начальника императорского штаба маршала Бертье, князя Невшательского. Бертье спрашивал, получен ли ответ, и снова говорил о «восстановлении лучшего порядка», то есть о мире. Кутузов ответил Бертье собственоручным письмом, в котором указывал на расстояния и трудности осеннего пути, которые задерживают ответ Александра. Кутузов прибавлял: «трудно остановить народ, раздраженный всем,

что он видел, народ, который уже триста лет не знал войны внутри государства, который готов пожертвовать собой за отечество и не делает различий между тем, что принято и что не принято в обыкновенных войнах»¹.

Вильсон с большим озлоблением и нескрываемой тревогой отнесся к тому, что Кутузов опять вошел в сношения с французами и принял Бертэми. «Я знаю, что фельдмаршал не смеет, опасаясь жизнь свою подвергнуть опасности, начать какие-либо переговоры, и уверен, что император почел бы изменником всякого человека, который предложил бы ему это, но впечатления от этих сношений вредны во внутренних, внешних, в политических и военных отношениях до такой степени, что от того могут произойти весьма важные бедствия, все сословия раздражены и самые рассудительные больше всех встревожены», — так писал Роберт Вильсон лорду Каткэрту вечером 20/8 октября из Тарусы. Вильсон ничуть не доверяет Кутузову, и он пишет с явной целью, чтобы Каткэрт довел об этом до сведения царя, что грозит революция и, кроме того, сепаратистское движение в земле войска Донского: Вильсон очевидно, проведал, что Наполеон в самом деле подумывал о сношениях с казаками. А главное — Кутузов непрочь от мира: «Нет сомнения, что фельдмаршал весьма расположен к ухаживанию за неприятелем, французские комплименты очень ему нравятся, и он уважает этих хищников, пришедших с тем, чтобы отторгнуть от России Польшу, произвести в самой России революцию и взбунтовать донцов, как народ, к которому они имеют особое уважение и благорасположение которого желают снискать лаской». Вильсон заявляет, что хочет уехать из главной квартиры, «если фельдмаршал сохранит начальство над армией и если государь не запретит (Кутузову) иметь такие личные сношения», настолько он, Вильсон, «раздражен таким поведением».

На этом кончились все попытки Наполеона начать мирные переговоры. Александр ничего не ответил и на этот раз.

* * *

Выслушав отчет Лористона, император Наполеон едва ли обманывался далее насчет возможности благоприятного результата. То, что Кутузов не пустил Лористона в Петербург, не говоря уже о категорических заявлениях самого фельдмаршала, достаточно показывало, что с русской стороны нет и тени же-

¹ «Отечественная война. Письма современников», № 172. Князь Кутузов — князю Невшательскому, 8 октября 1812.

лания вступать в мирные переговоры. И все-таки Наполеон ждал и медлил. Собственно, в эти дни, от 6 октября, когда вернулся в Москву Лористон, до 14 октября, когда он уже начал делать распоряжения, говорящие явственно о близкой эвакуации, он уже вовсе не ждал ответа из Петербурга; да и не мог ответ прибыть раньше 18—19—20 числа в самом лучшем случае. Состояние Наполеона было раздраженное. Целыми ночами он шагал по Кремлю, говорил о всевозможных новых планах (мы видели в предыдущей главе, что и крестьянский вопрос занимал его в это время) и признавался графу Дарю в истинной причине своих колебаний. Как уйти? Как начать отступление ему, привыкшему только наступать и завоевывать? «Это покажется бегством! Это отзовется в Европе!» Стоит начать отступать, — и подымутся со всех сторон опаснейшие войны. «Москва — это не военная позиция, это политическая позиция». И очевидно вспомнив, как этот самый граф Дарю предупреждал его еще в Витебске и считал всю эту войну ненужной, Наполеон прибавил: «в политике никогда не нужно отступать, не нужно признаваться в ошибках, это лишает уважения».

Что вся эта война — сплошная ошибка, он теперь уже видел ясно. Он только не знал еще, до какой степени губительной оказалась эта ошибка для него и для его армии.

Дарю был того мнения, что нужно превратить Москву в укрепленный лагерь, зимовать здесь, подождать весной подхода подкреплений из Франции и Европы и возобновить тогда военные действия. Но маршалы были против этого плана. И Наполеон тоже. Он лучше Дарю учитывал, как опасно ему за шесть-семь месяцев «зарываться в русские снега», как шатко его держащееся исключительно насилем владычество над Европой. Итак — отступать, потому что ни мира в Москве не дожидаться, ни зимовать в Москве нельзя. Еще ничего не говоря категорически, Наполеон начинает готовиться к выходу из Москвы.

14 октября Наполеон приказывает Бертье, чтобы тот повторил приказ императора: не пропускать дальше Смоленска ни одного французского артиллерийского парка, который откуда бы то ни было направлялся в Москву, и чтобы начиная с 17 октября ни один артиллерийский или кавалерийский отряд не направлялся бы в Москву, а оставался бы в Можайске, в Гжатске, в Вязьме (где застанет приказ). «Армия займет другое положение»¹. С тех пор уже не прекращаются приказы, не менее многозначительные. Император приказывает эвакуировать раненых, кого возможно, из Московской области в Смоленск.

¹ Correspondence, XXIV, 264, № 19273. Au prince de Neuchatel, Moscou, le 14 octobre 1812.

Об этом он сообщает герцогу Бассано в Вильну 16 октября и ему же дает знать, что «возможно», что он расположится на зимние квартиры между Днепром и Двиной¹.

16 октября 1812 года Наполеон писал Марии-Луизе из Москвы: «Если в эту зиму я не смогу вернуться в Париж, я приглашу тебя приехать повидаться со мною в Польшу».

Наполеон хотел испугать Александра перспективой новых больших подкреплений, которые должны со всех сторон спешить на усиление великой армии. 16 октября 1812 года он пишет герцогу Бассано приказ: потребовать у прусского короля, у австрийского императора, у баварского короля, у вюртембергского короля присылки новых подкреплений, а также рекомендовать всем этим «союзным» монархам сообщать в их газетах удвоенные (против действительности) цифры этих новых подкреплений. Все это — с целью показать, «какие большие возможности рекрутирования имеет император не только в своих владениях, но и у своих союзников»². И в тот же день он приказывает, чтобы в Смоленск были отправлены быки, а главное — теплая одежда, так как наступают холода. «Прикажите, чтобы все другие дела были прерваны и чтобы все было направлено на доставление в Смоленск одежды»³.

Но того же 16 октября Наполеон написал также и в Париж, министру полиции герцогу Ровигу. «Вероятно, война затянется на всю зиму, и только взятие Петербурга откроет глаза императору (Александру)», — писал Наполеон. «Москва уже не существует. Это в самом деле важная потеря для этой империи. Она по справедливости была центром и гордостью империи. Все офицеры русской армии, кажется, в отчаянии из-за московской катастрофы. Они приписывают ее сумасбродным и яростным страстям своего рода Марата, который был ее губернатором, — Ростопчина. Я эвакуировал все мои госпитали, которые были тут в домах, посреди развалин. Я только укрепил Кремль, который теперь вне опасности от неожиданных нападений. От двух до трех тысяч человек могут в нем продержаться некоторое время. Я тут поместил все мои боевые припасы и продовольствие». И тут Наполеон в первый раз говорит о выступлении из Москвы: «Я скоро двинусь, чтобы приготовить зимние квартиры и мои операции на будущий год»... «Все сообщения говорят, что пехота у неприятеля ничтожна. Меня уверяют, что нет и 15 тысяч старослуживых солдат. Второй п

¹ Correspondence, XXIV, 225, № 19275. A. M. Maret duc de Passano, Moscou, le 16 octobre 1812.

² П. Б. Рукописное отд. Б. Шильд. Наполеон — Марэ, герцогу Бассано. Moscou, le 16 octobre 1812.

³ Там же, коротенькая записка Наполеона Марэ герцогу Бассано (этот же приказ в другой редакции).

третий ряды (rangs) состоят только из ратников милиции. Но неприятель усилил свою кавалерию. Он учетверил число своих казаков, страна наводнена ими, и это порождает для нас много мелких дел, очень докучных (beaucoup d'affaires de d'etailes fort ennuyeuses)“. На этой фразе, много говорящей при всей ее нарочитой туманности, и кончается замечательное письмо Наполеона¹. Тут уже и намек на близкий уход из Москвы, и признание быстро возрастающей смелости казачьих нападений на эстафеты и транспорты, идущие в Москву.

У нас есть косвенное доказательство, что в эти дни, еще, например, 15 октября, т. е. перед Тарутинским боем, Наполеон не думал о таком уж скором уходе. В этот день он писал Марэ (герцогу Бассано): «до сих пор эстафеты счастливо доходили до меня, никакие инциденты не преграждали им путь. Однако трудно надеяться на продолжение этого счастья», а потому он требует, чтобы наиболее важные известия герцог Бассано посылал ему дважды и трижды. Ясно, что растянутая цепь наполеоновских сообщений все более и более оказывалась под угрозами русских казаков и партизан, но и распоряжение Наполеона о повторных отправлениях курьеров, а также содержащаяся в том же письме инструкция, как именно пересылать императору вырезки из газет, показывают, что он вовсе не помышлял еще 15-го, что уже 19 октября, через четыре дня, покинет навсегда русскую столицу².

Раненых, правда, уже несколько дней подряд стали эвакуировать из Москвы в Можайск. Но нужен был какой-то окончательный толчок, чтобы покончить с последними колебаниями. Толчок последовал. 18 октября 1812 года Наполеон производил во дворе Кремля смотр дивизиям корпуса маршала Нея. Вдруг отдаленный грохот артиллерии поразил императора. Спустя короткое время примчавшийся адъютант сообщил, что внезапно Кутузов вышел из Тарутина, напал на Мюрата и нанес ему поражение.

* * *

Тарутинское дело было истолковано Наполеоном так, что Кутузов чувствует себя достаточно сильным и что следует идти на юг раньше, чем русский главнокомандующий заградит ему дорогу.

¹ Наполеон — Савари (герцогу Ровиго), Moscou, le 16 octobre 1812.

² Наполеон — Марэ, Moscou, le 15 octobre 1812. П. Б. Архив Мих-Дон. Lettres interceptées par l'armée russe en 1812.

Когда Наполеон тронулся из Москвы, у него было немного менее 110 тысяч человек. У Кутузова в Тарутине и возле Тарутина было в тот момент 97 112 человек. Артиллерия Наполеона значительно уменьшилась сравнительно с той, какая у него была еще под Бородиным; много орудий пришлось бросать по дороге за почти полным отсутствием возможности тащить их: ведь даже у кавалерии лошадей было крайне мало и целые кавалерийские части давно уже спешились. У Кутузова же было 622 орудия в это время. Наполеон не знал в точности сил своего противника, когда выступал из Москвы, но он был полон уверенности, что перевес еще на его стороне в случае столкновения в открытом поле.

Чтобы спасти престиж, Наполеон сначала затеял было оставить в Москве гарнизон в 8 тысяч человек и даже назначил генерала Мортье начальником этого гарнизона. В отместку Александру за то, что тот не ответил на три мирных предложения, Наполеон решил, уходя, взорвать Кремль. Мортье рассуждать не привык. Он более походил на Лефевра или Даву, чем хотя бы на Нея или Мюрата. Немедленно он приказал хватать русских из оставшихся в Москве и в спешном порядке с помощью этой рабочей силы минировать Кремль с дворцом, с Иваном Великим, стенами, и эти подкопы деятельно производились трое суток. Русских, отказавшихся делать это дело под Кремлем, жестоко били.

Наполеон не хотел лично присутствовать при выполнении его приказа. В ночь на 19-е на рассвете началось выступление французской армии из Москвы.

Тянулись не только сто тысяч войска (гарнизон Мортье, 8 тысяч человек, остался 19-го в городе), но бесконечные фуры, телеги, переполненные доверху возы награбленного и увозимого из Москвы добра, шли пешком и ехали в экипажах тысячи всякого люда — иностранцев с женами и детьми, оставшихся при вступлении французов и теперь уходивших, так как они боялись мести со стороны русских. Обоз был так огромен, армия растянулась в такую бесконечную линию, что Наполеон, выехав из города и пропуская мимо себя свою армию, тут же высказал, что так двигаться опаснее всего. Но он не решился тут же приказать сделать то, что приказал сделать впоследствии: бросить награбленную добычу.

Император шел на Калугу и вел армию прямо на Красную Пахру, вбирая в свое войско остатки отряда Мюрата. С дороги он послал приказ Мортье тотчас после взрыва Кремля выйти из Москвы и присоединиться к армии. Это оставление Мортье в Москве на два дня явственно имело смысл замаскировать хоть на первый момент в глазах своей армии истинный

смысл ухода из Москвы и сохранить, несмотря на этот уход, позу победителя.

Это нужно было и для Европы.

Давно уже он перестал писать жене о Москве. Он больше всего интересуется в письмах своим маленьким сыном, хвалит прекрасную солнечную погоду, делает распоряжения о награждении автора понравившейся императрице новой оперы, пишет о панораме, которую показывали в Париже, и т. д. «Мой добрый друг Луиза, я получил твое письмо от 19. Я очень рад, что ты довольна панорамой Антверпена. Было бы хорошо сделать панораму пожара Москвы... Пиши часто своему отцу, рекомендуй ему усилить корпус Шварценберга»... Император не очень уже доверял военному усердию своего подневольного австрийского союзника.

Еще раз он возвращается к пожару Москвы в тот самый день, когда решил окончательно выйти из города. 18 октября 1812 года он говорит о безумии русских, которые «на столетия» разорили свою столицу: «Москва была городом тем более прекрасным и тем более удивительным, что она была почти единственным городом такой величины во всей этой огромной стране». В 7 часов утра 19 октября Наполеон покинул Москву вслед за армией, начавшей уже на рассвете выходить из города. «Мой друг, я в дороге, чтобы занять мои зимние квартиры. Погода — великолепная, но она не может длиться. Москва вся сожжена, и так как она не есть военная позиция, нужная для моих конечных целей, то я ее покидаю и уведу гарнизон, который я тут оставил. Мое здоровье хорошо, мои дела идут хорошо». Тут же он небрежно поминает о Тарутине: «была стычка с казаками»¹.

Как только император и армия вышли из Москвы, последовали подготовительные взрывы.

19 октября был взорван полевой двор и сгорел уцелевший до сих пор Симонов монастырь. Во французской армии заметно было какое-то непонятное сначала посторонним людям движение. Всю ночь двигались обозы, груженные фуры, непрерывно проходили все в одном направлении войска. 20, 21 октября движение продолжалось и усиливалось.

21 октября начались кремлевские взрывы, от которых в Москве затряслась земля. Взлетели на воздух здание Арсенала, часть кремлевской стены, начались пожары в Грановитой палате, в соборах, разрушены были частично Никольская башня, башни, выходящие в сторону реки, загорелись было соборы. К счастью, дождь подмочил фитили, и взрывы не принесли всего того вреда, какой могли принести. Взрывы были такой

¹ Lettres à Marie Louise, № 113, le 20 octobre 1812. (Письмо к Десны).

страшной силы, что рушились стены построек не только в ограде Кремля, но и за Кремлем. Иван Великий уцелел случайно: подмокли фитили в заложенной мине.

Французская армия покидала московское пожарище. Ночью с 22 на 23-е раздалось внезапно один за другим новые оглушительные взрывы. Население было в полной панике. Эти взрывы были так сильны, что в Китай-городе обвалились некоторые здания, на далеком расстоянии не только выбило стекла, но и рамы в окнах¹. Это последний отряд Мортье, уходя, взорвал еще часть Кремля.

Последний (пятый) взрыв кремлевских стен, взорванных в пяти местах, произошел на рассвете 23-го и спустя несколько часов последние отряды маршала Мортье оставили город. «Безначалие» и усиленные грабежи происходили в Москве после ухода французов всего несколько часов².

Кремль и площадь возле Кремля после каждого взрыва долго оглашались воплями и стонами израненных, полураздавленных, насмерть перепуганных людей, пострадавших от этого разрушения.

В русском далеком лагере не слышны были эти взрывы. Их слышали казацкие раз'езды, украдкой давно уже реявшие вокруг Москвы.

«Я покинул Москву, приказав взорвать Кремль. Мне нужно было 20 тысяч человек, чтобы сохранить этот город. Будучи разрушенным, он только стеснял мои операции», — писал Наполеон жене из села Фоминского, куда пришел 22 октября...

...22 октября прапорщик Языков с казачьим отрядом из нескольких человек пробился близ Москвы с целями разведки. Такие об'езды не прекращались уже почти с самого занятия Москвы³. Вдруг они услышали страшный грохот и треск, донесшийся из города. Языков решился на очень рискованный поступок: проникнуть в город, насколько будет возможно, чтобы узнать о причине.

Маленький отряд в'ехал в Москву. Мертвая тишина поразила их. Не встречая сопротивления и не видя французов и ни души на улицах, они постепенно продвинулись к самому Кремлю, и тут, первые в России, они узнали потрясающую новость: Наполеон ушел.

¹ Л. О. Ц. Арх. Архив культуры и быта. Дело о чиновниках и пр. № 942. Показание Бестужева-Рюмина от 14 февраля 1814 года.

² П. Б. III. 4—3, карт. 7. Донесение Корженевского 24 октября 1812.

³ П. Б. Рукописное отд. III 4—3. № 7. Рапорт Демьянова, № 2227. 27/15 октября 1812.

Н а р о д н а я в о й н а

Если в великой народной войне, которой можно и должно считать всю войну 1812 года от начала до конца, выделять более точно и в более узком смысле слова те действия, где крестьяне выступали совсем независимо и от регулярной армии и от партизанских отрядов, то нужно заметить, что такая народная война началась лишь со времени вступления неприятеля в Москву и продолжалась, все усиливаясь и становясь все более свирепой, вплоть до конца пребывания наполеоновской армии в России.

И все современники (начиная с Ермолова) и сами крестьяне, высказывавшиеся об этом предмете и в 1812 году и позже, единодушно удостоверяют, что неистовая дикая ненависть к французам, заставлявшая мучить пойманных мародеров и остальных пред тем, как убить их, побуждавшая закапывать попавшихся живьем в землю, родилась лишь тогда, когда крестьяне увидели, что нашествие, в самом деле, дотла их разоряет, выгоняет из домов, сжигает их дома. Но существовала эта ненависть не только во втором, но уже и в первом периоде войны, когда крестьяне в панике бросали все и убегали в леса.

Тогда эта ненависть только возникала. Но когда враг засел в Москве и сжег Москву (сначала пожар Москвы приписывали самим французам), когда выяснилось окончательно, что ничего, кроме убийства и полнейшего опустошения, неприятель с собою не несет, — тогда эта ненависть стала проявляться в грозных, пугающих размерах.

Потом началось отступление великой армии. И началось оно с бессмысленного взрыва Кремля, что довело до бешенства масс возвращающегося в Москву народа, нашедшего весь город в развалинах. На этот заключительный акт — взрыв Кремля — посмотрели как на злобное издевательство. Отступление сопровождалось плановым, по приказу Наполеона, сожжением и городов и сел, чрез которые двигалась французская армия. В Вязьме были найдены русские пленные, запертые французами в собор, который был подожжен и лишь случайно не сгорел. На пути отступающей армии длинной полосой тянулись черные точки: это были убитые русские пленные, которых французы истребляли не только под предлогом, что те больны, слабосильны и не могут двигаться за отступающей армией, но и просто без всякого предлога, затем, чтобы избавиться от лишних ртов, когда и самим было нечего есть. Крестьяне, находя эти бесконечные шпалеры убитых русских пленных по обе стороны дороги, тут же приносили клятву не щадить ни одного врага, который попадется им в руки.

Но самостоятельные действия крестьян не ограничивались

поймкой и истреблением мародеров и отсталых, не ограничивались борьбой с фуражирами и их уничтожением, хотя заметим, что это-то и было наиболее страшным ударом, который нанесли русские крестьяне великой армии, заморив ее голодом. Герасим Курин и помощник его Стулов, крестьяне села Павлова (близ города Богородска), организовав отряд крестьян, вооружив его отнятым у убитых французов оружием, повели его на французов и в бою с французскими кавалеристами обратили их в бегство. Женщины не отставали от мужчин, проявляя даже особенную жестокость по отношению к французам. Слухи (вполне достоверные и подтвержденные) говорили о насилиях французов над женщинами, попадающимися в их руки. Старостиха Василиса (Сычевского уезда, Смоленской губернии), бравшая в плен французов, лично перебившая вилами и граблями немало французских солдат, нападавшая, как о ней рассказывали, на отсталые части обозов, не была исключением. Участие женщин в народной войне отмечается всеми источниками. К сожалению, далеко не все в этой области толком записывалось и регистрировалось. О той же Василисе ходили целые легенды, но установить в них точную истину, отделить историю от фантазии — трудно.

Официальная историография долго пренебрегала собиранием и уточнением фактов в области народной войны, останавливаясь почти исключительно на действиях регулярной армии и партизанов (хотя и о партизанах говорилось очень мало и бегло), а когда вымерли современники, стало и подавно затруднительно собирать вполне достоверный фактический материал. Конечно, наступательные действия вроде выступлений Курина, Стулова или Четвертакова, о котором речь будет ниже, были исключением; чаще всего крестьяне ограничивались организацией слежки за неприятелем и обороной своих деревень и целых волостей от нападения французов и мародеров и истреблением нападающих. И это было бесконечно губительнее для французской армии, чем любые, даже самые для крестьян удачные налеты. Не пожар Москвы, не морозы, которых вовсе и не было до самого Смоленска, а русские крестьяне, ожесточенно боровшиеся с врагом, нанесли страшный удар отступающей великой армии и окружили ее плотной стеной непримиримой ненависти, подготовив ее конечную гибель.

Партизанщина была одним из проявлений народной войны. Вот как началась организация этого дела.

Еще 2 сентября за пять дней до Бородина, к князю Багратиону явился подполковник Денис Давыдов, прослуживший у князя пять лет адъютантом. Он изложил ему свой план, заключавшийся в том, чтобы, пользуясь колоссально растянутой коммуникационной линией Наполеона — от Немана до Гжат-

ска и далее Гжатска, в случае дальнейшего движения французов, начать постоянные нападения и внезапные налеты на эту линию, на склады, на курьеров с бумагами, на обозы с продовольствием. По мысли Давыдова, внезапные налеты небольшими конными отрядами, причем, сделав свое дело, партизаны скрываются от преследования впредь до нового случая, могли бы, кроме того, стать опорными пунктами и ячейками для сосредоточения и вооружения крестьян, для возбуждения народной войны. Дело было пред Бородиным, и, по словам Давыдова, «общее мнение того времени было то, что, одержав победу, Наполеон заключает мир и вместе с русской армией пойдет в Индию. Если должно непременно погибнуть, то лучше я лягу здесь; в Индии я пропаду со ста тысячами моих соотечественников без имени и за пользу, чуждую моего отечества, а здесь я умру под знаменем независимости...» Так говорил Давыдов князю Багратиону. Об этом плане Багратион доложил Кутузову. Но Кутузов был очень осторожен и не склонен был к полетам героической фантазии. Он велел дать Денису Давыдову пятьдесят гусар и восемьдесят казаков. Багратион был доволен этой скупостью. «Я не понимаю опасения светлейшего, — говорил он, передавая Давыдову о слишком скромных результатах своего ходатайства: — стоит ли торговаться из-за нескольких сотен человек, когда дело идет о том, что в случае удачи он может лишить неприятеля подвозов, столь ему необходимых, — в случае неудачи он лишится только горсти людей. Как же быть, война ведь не для того, чтобы деловаться... Я бы тебе дал с первого же разу три тысячи, ибо не люблю ощупью дела делать, но об этом нечего и говорить: князь (Кутузов) сам назначил силу партии; надо повиноваться»¹. Когда Багратион это говорил, ему до смертельной раны оставалось еще пять дней. А после его смерти Давыдову и подавно нельзя было надеяться получить больше людей. Но, все равно, он пустился и со своими 130 гусарами и казаками, обходя великую армию в тылу Наполеона.

Таково было очень скромное пока и совсем неприметное начало партизанской войны, бесспорно сыгравшей свою роль в истории 1812 года, и именно во вторую половину войны.

Не только кадровые офицеры становились организаторами партизанских отрядов. Были и такие случаи.

31 августа 1812 года русский арьергард стал отходить с боем из Царева-Займища, куда уже входили французы. Под солдатом драгунского полка Ермолаем Четвертаковым была ранена лошадь, и всадник попал в плен. В Гжатске Четвертакову

¹ Сочинения Д. В. Денисова. 1893. Том. II. Дневник партизанских действий, стр. 32.

удалось бежать от конвоя, и он явился в деревню Басманы, лежащую далеко к югу от столбовой Смоленской дороги, по которой шла французская армия. Здесь у Четвертакова возникает план той самой партизанской войны, который в те дни возник и у Давыдова: Четвертаков пожелал собрать из крестьян партизанский отряд.

Отмечу интересную черту: когда еще в 1804 году крестьянину Четвертакову «забрили лоб», то он бежал из полка, был пойман и наказан розгами. Но теперь он не только решил сам из всех сил бороться с неприятелем, а и побудить к этому других. Крестьяне деревни Басманы отнеслись к нему недоверчиво, и он нашел лишь одного приверженца. Вдвоем они пошли в другую деревню. По пути они встретили двух французов, убили их и переоделись в их платье. Встретив затем (уже в деревне Задково) двух французских кавалеристов, они и тех убили и забрали их лошадей. Деревня Задково выделила в помощь Четвертакову 47 крестьян. Затем маленький отряд под предводительством Четвертакова перебил сначала партию французских кирасир численностью в 12 человек, потом отчасти перебил, отчасти обратил в бегство французскую полуроту численностью в 59 человек, отобрали экипажи. Эти успехи произвели громадное впечатление, и уж теперь деревня Басманы дала Четвертакову 253 человека добровольцев. Четвертаков, неграмотный человек, оказался прекрасным администратором, тактиком и стратегом партизанской войны. Тревожа неприятеля внезапными нападениями, умно и осторожно выслеживая небольшие французские партии и молниеносными нападениями истребляя их. Четвертакову удалось отстоять от мародерских грабежей громадную территорию вокруг Гжатска. Четвертаков действовал беспощадно, да и ожесточение крестьян было таково, что едва ли и можно было бы их удержать. Пленных не брали: но ведь и французы расстреливали без суда, на месте, тех партизан, которые попадали в их руки. В деревне Семеновке крестьяне отряда Четвертакова сожгли 60 человек французских мародеров. Как мы видели, французы проделывали при случае подобное же.

О Четвертакове заговорили. По первому его требованию к его маленькому (300 человек) постоянному отряду присоединилось однажды около четырех тысяч крестьян, и Четвертаков предпринял не более и не менее, как открытое нападение на французский батальон с орудиями, и батальон отступил. Четыре тысячи крестьян после этого разошлись по домам, а Четвертаков со своим постоянным отрядом продолжал свое дело. Только когда опасность миновала и французы ушли, Четвертаков явился в ноябре 1812 года в Могилев в свой полк. Генерал Кологривов и генерал Эммануэль, произведя расследование,

убедились в замечательных достижениях Четвертакова, в огромной пользе, им принесенной. Витгенштейн просил Барклая наградить Четвертакова. Наградой был ...«знак военного ордена» (не Георгия)¹. Тем дело и кончилось. Для крепостного крестьянина графов Завадовских ход к действительным отличиям был загражден навеки, каковы бы ни были его подвиги.

Нужно сказать, что мысль о партизанской войне подсказывалась и примером Испании. Это признавали и вожди русского партизанского движения.

Полковник Чуйкевич, писавший свои «Рассуждения о войне 1812 года», во время самой этой войны (хотя книга вышла уже в свет в марте 1813 года) вспоминает и ставит в образец испанцев: «Быстрые успехи французского оружия в Испании происходили оттого, что жители сей страны, кипия мщением против французов, полагались излишне на личную свою храбрость и правость своего дела. Собранные наскоро ополчения противопоставлялись французским армиям и были разбиваемы врагами, превосходившими числом и опытностью. Сии несчастные уроки убеждали мужественных испанцев переменить образ войны. Они великодушно решились предпочесть хотя долговременную, но верную в пользу им борьбу. Уклоняясь от генеральных сражений с французскими силами, они разделили свои собственные на части... часто прерывая сообщения с Францией, истребляли продовольствие неприятеля и томили его беспрерывными маршами... Тщетно французские полководцы переходили с мечом в руках из одного края Испании в другой, покоряли города и целые области. Великодушный народ не выпускал из рук оружия, правительство не теряло бодрости и осталось твердым в принятом единожды намерении: освободить Испанию от французов или погребсти себя под развалинами. Нет, вы не падете, мужественные испанцы!»

Русская народная война была совсем непохожа на испанскую. Она велась больше всего русскими крестьянами уже в армейских и ополченских мундирах. Но от этого она не становилась менее народной.

Отметим попутно, что не раз возникали споры об истинном историческом месте партизан. Сначала, по горячим следам, по свежей памяти, о делах Дениса Давыдова, Фигнера, Сеславина, Вадбольского, Кудашева и других говорилось с восторгом. Лихость и удаль молодецких набегов маленьких партий на большие отряды пленяли воображение. Потом наступила некоторая реакция. Генералы и офицеры регулярных войск, герои Бородина и Малоярославца не очень охотно соглашались ставить на одну доску со своими товарищами этих удалых наезд-

¹ «Русская старина», 1898 г., т. VII, стр. 99—102.

ников, никому не подчинявшихся, неизвестно откуда налетавших, неизвестно куда скрывавшихся, отнимавших обозы, деливших добычу, но неспособных выдержать настоящий открытый бой с регулярными частями отступавшей французской армии. С другой стороны, атаман Платов и казачьи круги настаивали, что именно казаки составляли главную силу партизанских отрядов и что слава партизан есть, в сущности, слава одного только казачьего войска. Французы очень помогли укреплению этой точки зрения: они много говорили о страшном вреде, который принесли им казаки, и почти ничего не говорили (или говорили с некоторым пренебрежением) о партизанах.

Справедливость требует признать, что партизаны принесли все же очень большую пользу начиная с середины октября и кончая Березиной, т. е. концом ноября. Они были несравненно более гибкой, эластичной организацией и чем главная армия Кутузова и даже чем казачье войско Платова. Можно сказать даже, что особые, специфические свойства казачьей конницы могли быть в некоторых случаях производительнее всего использованы именно в партизанских отрядах.

Партизаны были великолепными и часто безумно смелыми разведчиками. Фигнер, прототип толстовского Долохова, в самом деле ездил во французский лагерь во французском мундире и проделывал это не раз и не два, а несколько раз. Сеславин в самом деле подкрался к французскому унтер-офицеру, взвалил к себе на седло и привез в русскую ставку. Давыдов в самом деле с партией в 200—300 человек наводил панику, обращая в бегство отряды в пять раз большие, забирая обоз, отбивая русских пленных, иногда захватывая оружие. Крестьяне гораздо легче и проще сходились и сносились именно с партизанами и их начальниками, чем с регулярными частями армии.

Отчасти вредило партизанам в мнении военных кругов неумеренное хвастовство некоторых из них и явные их преувеличения собственной роли. Писал же Сеславин, лихой кавалерист и глава очень активного отряда, о последствиях того, что он первый доставил сведения касательно движения Наполеона к Малоярославцу: «Неприятель предупрежден под Малоярославцем, французы истреблены, Россия спасена, Европа освобождена, и мир всеобщий есть следствие сего важного открытия». То есть выходит, что не Барклай, не Кутузов, не Баграцион, не Бородино, а только он, Сеславин, спас Россию и Европу.

Умел при случае прихвастнуть, но гораздо умереннее, и «поэт-партизан» Денис Давыдов. Но чувство правды все-таки брало у Дениса Давыдова верх, и его записки являются, что бы

о них в свое время ни говорили враги лихого наездника, драгоценным источником для истории 1812 года, к которому, конечно, нужно относиться с серьезной критикой, но отбрасывать который нельзя ни в каком случае. Описывая ряд ратных подвигов и удалых предприятий партизанских отрядов, нападавших на тыл, на обозы, на отбивавшиеся небольшие отряды французской армии, он в то же время определенно говорит, что нападение партизан на большие части, например на гвардию Наполеона, им было решительно не под силу. «Меня нельзя упрекнуть, чтобы я уступил кому-либо во вражде к посягателю на независимость и честь моей родины... Товарищи мои помнят, если не слабые успехи мои, то по крайней мере мои усилия, клонившиеся ко вреду неприятеля в течение отечественной и заграничной войны; они также помнят мое удивление, мои восторги, возбужденные подвигами Наполеона, и уважение к его войскам, которое я питал в душе моей в пылу борьбы. Солдат, я и с оружием в руках не переставал отдавать справедливость первому солдату веков и мира, я был обворочен храбростью, в какую бы одежду она ни облеклась, в каких бы краях она ни проявлялась. Хотя Багратионово: «браво», вырвавшееся в похвалу неприятеля среди самого пыла Бородинской битвы, отозвалось в душе моей, но оно ее не удивило»¹.

Таково было умонастроение Давыдова. Он вел себя по-рыцарски относительно пленных врагов. Этого нельзя сказать о многих других начальниках партизанских отрядов. Особенной жестокостью отличался Фигнер (погибший уже в войну 1813 года). Фигнер не только расстреливал обыкновенных пленных, но убивал своей рукой даже тех, которых почему-либо не убили сразу его партизаны и которые спустя несколько дней после плена уже чувствовали себя в безопасности. И французы не щадили не только пленных партизан, но и вообще почти вовсе перестали щадить пленных уже в конце первого этапа своего отступления, подходя к Смоленску, и безжалостно истребляли их под всевозможными предлогами, чтобы только избавиться от лишних ртов. Бросать больных или слабосильных на дороге живыми воспрещалось во французской армии.

Особенно важна была для партизан помощь крестьянства в самом начале партизанщины.

Крестьяне Бронницкого уезда Московской губернии, крестьяне села Николы-Погорелого близ города Вязьмы, бежецкие, дорогобужские, серпуховские крестьяне принесли такую существенную пользу партизанским отрядам, выслеживая отдельные неприятельские партии и отряды, истребляя фуражиров и

¹ Сочинения Д. В. Давыдова, т. III, стр. 77.

мародеров, наконец, с полной готовностью доставляя продовольствие людям и корм лошадям, что без этой помощи партизаны не могли бы и вполнину добиться тех результатов, которых они на самом деле добились.

Правительство не сочувствовало крестьянской партизанщине и по мере сил мешало ей.

Выше я отметил опасения правительства и беспокойное его отношение к крестьянству в 1812 году.

До чего эта лишенная в тот момент оснований нелепая трусость доводила высшее российское правительство, явствует из следующего приказа. Стоит близ города Клина ротмистр Нарышкин с кавалерийским отрядом. Он, пользуясь горячим желанием крестьян помочь армии против неприятеля, раздает имеющееся у него в отряде лишнее оружие крестьянам, да крестьяне и сами вооружаются французским оружием, которое они снимают с убитых ими французов — фуражиров и мародеров. Вооруженные таким образом крестьянские маленькие партии, шаря возле Москвы, беспощадно убивали французов, пытавшихся из Москвы съездить поискать по окрестностям сена и овса для лошадей. Пользу эти крестьянские партизаны приносили, таким образом, огромную. И вдруг Нарышкин получает неожиданную бумагу свыше. Предоставим слово ему самому: «На основании ложных донесения и низкой клеветы, я получил приказание обезоружить крестьян и расстреливать тех, кто будет уличен в возмущении. Удивленный приказанием, столь не отвечающим великодушному поведению крестьян, я отвечал, что не могу обезоружить руки, которые я сам вооружил и которые служили к уничтожению врагов отечества, и называть мятежниками тех, которые жертвовали своей жизнью для защиты своих церквей, своей независимости, жен и жилищ, и что имя изменника принадлежит тем, кто в такую священную для России минуту осмеливается клеветать на самых ее усердных и верных защитников»¹.

Я привожу этот случай лишь в виде образчика. Есть ряд документальных доказательств того бесспорного факта, что правительство всячески мешало крестьянскому партизанскому движению и старалось по мере сил его дезорганизовать. Оно боялось давать крестьянам оружие против французов, боялось, чтобы это оружие не повернулось потом против помещиков. Боялся Александр, «новгородский помещик» Аракчеев, боялся Балашев, боялся и сверхпатриот Ростопчин, больше всех запугивавший царя призраком пугачевщины. К счастью для России, крестьяне в 1812 году не повиновались этим прика-

¹ 1812 год в дневниках и т. д. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба, вып. 11, 112.

зам об их разоружении, приказам, так возмущившим честного Нарышкина, потому что, в самом деле, эти приказы о разоружении русских крестьян по всем правилам логики могли бы исходить от Наполеона, а не от русского царя...

Партизанская война, крестьянская активная борьба, казачьи налеты, совершаемые то в составе партизанских отрядов, то чисто казачьими частями, — все это, при все усиливающемся недоедании, при ежедневном падеже лошадей, заставляло французов бросать по дороге пушки, бросать часть клади с возов, а главное — бросать больных и раненых товарищей на лютую смерть, ожидавшую их, если только им не посчастливилось бы попасть в руки регулярной армии. Изнуренные небывалыми страданиями, полуголодные, ослабевшие войска шли по разоренной вконец дороге, обозначая свой путь трупами людей и лошадей, брошенными орудиями и вещами и оставленными на произвол судьбы ранеными и больными. Пленных уже давно не было среди этих раненых и больных, — их приканчивали, когда они не могли поспевать за конвоем. И чем ближе к Смоленску, тем более массовый характер приобретали эти убийства. Около Можайска отступающая армия проходила мимо громадной равнины, пересеченной оврагом и речкой, с небольшими холмами, с развалинами и почернелыми бревнами двух деревень. Вся равнина была покрыта гниющими, разложившимися многими десятками трупов и людей и лошадей, исковерканными пушками, ржавым оружием, валившимся в беспорядке и негодным к употреблению, потому что годное было унесено. Солдаты французской армии не сразу узнали страшное место. Это было Бородино с его все еще не похороненными мертвецами. Ужасающее впечатление производило теперь это поле великой битвы. Шедшие на мучительные страдания и смерть в последний раз взглянули на товарищей, уже погибших.

Именно тут, между Можайском и Гжатском, Коленкур с возмущением доложил Наполеону, что шедший впереди отряд французской армии ни с того, ни с сего разможил головы двум тысячам русских пленных, которые при этом отряде находились. Русских пленных избивали и в других отрядах, избивали ежедневно и непрерывно, но тут это страшное массовое избиение потрясло даже ко всему привыкшие нервы наполеоновского штаба. «Это страшная жестокость! Вот та цивилизация, которую мы принесли в Россию! Какое действие окажет это варварство на неприятеля? Не оставляем ли мы ему наших раненых и массу пленных? Разве у него не будет на ком ужасно отомстить?» — сказал Коленкур Наполеону. «Наполеон хранил мрачное молчание, но с следующего дня эти убийства прекратились», — говорит граф Сегюр, и на этот раз

говорит совершеннейшую ложь. И не думал никто эти избиения прекратить. Напротив, с каждым этапом отступления все эти ужасы усиливались и усиливались.

Но Коленкур был прав, предвидя, что эти новые и новые зверства даром французской армии не пройдут.

Император с гвардией шел в авангарде. Выйдя из Верей 28 октября, Наполеон 30-го был в Гжатске, 1 ноября — в Вязьме, 2 ноября — в Семлеве, 3-го — в Славкове, 6-го — в Дорогобуже, 7-го в селе Михайлове и 8-го вступил в Смоленск. Армия входила вслед за ним частями, с 8 по 15 ноября. В течение всего этого бедственного пути от Малоярославца до Смоленска все упования и самого Наполеона и его армии связывались со Смоленском, где предполагались продовольственные запасы и возможность сколько-нибудь спокойной стоянки, возможность обеспеченности от каззков и партизан, отдыха для замученных, голодных людей и лошадей. Что прямой и близкой опасности непосредственно от Кутузова нет, в этом Наполеон уже удостоверился. Фельдмаршал двигался южнее, по параллельной линии, с поражавшей французов медленностью. Мы знаем, что эта медленность была умышленной. Французский штаб этого, конечно, тогда не знал. Но, не понимая причин явления, Наполеон мог учесть выгодные для себя последствия его. Итак, казалось, в Смоленске будет хороший роздых, солдаты могут сколько-нибудь притти в себя, опомниться от перенесенных ими страшных страданий. Но суждено было другое. В мертвом, полуразрушенном, полусгоревшем городе отступающую армию ждал удар, слоивший окончательно дух многих ее частей: в Смоленске почти никаких припасов не оказалось. С этого момента отступление окончательно стало превращаться в бегство, а все, что было перенесено от Малоярославца до Смоленска, должно побледнеть пред той бездной, которая разверзлась под ногами великой армии уже после Смоленска и которая ее поглотила почти целиком.

(Журнал «Молодая гвардия», № 1 и 2 за 1938 год.)

П Р И Л О Ж Е Н И Я

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА О СОСТОЯНИИ МО- СКВЫ 20 ЯНВАРЯ 1812 ГОДА

Какое количество квадрат- ных сажень земли под городом	16 120 800	Публичных собраний:	1
Город разделяется:		театров	2
на сколько частей . . .	20	клубов	
кварталов	90	благородных и купече- ских собраний	2
церквей	329	Гербергов	41
монастырей	21	Сестных трактиров	166
кладбищ	8	Кофейных домов	14
часовен	33	Фряжских погребов	227
Домов:		Полпивных продаж	118
каменных	2 567	Питейных домов	200
деревянных	6 581	Кухмистерских столов	17
итого вообще	9 151	Хлебных изб	162
В 1811 году выстроено вновь:		Калачных изб	163
каменных	4	Харчевен	145
деревянных	7	Блинней	213
Казарм для войска	8	Постоялых дворов	568
Конюшен для кавалерии . .	7	Кузниц	316
Смирительных домов . . .	1	Бань:	
Богоугодных заведений . .	17	торговых	41
Фабрик и заводов	464	домовых	1 197
Торговых рядов	192	Мостов:	
В них лавок		каменных	17
каменных	6 324	деревянных	21
деревянных	2 197	Мостовой каменной квадратных сажень:	
Аптек:		казенной	7 139
казенных	4	городской	19 326
партикулярных	16	обывательской	57 228
Типографий:		Фонарей по улицам	7 294
казенных	5	Будок	36
партикулярных	9	Боев	7
Учебных заведений:		Жителей обоего пола с различием:	
университетов	1	духовных	5 104
академий	3	дворян	17 442
гимназий	1	военнослужащих	13 891
пансионов	24	купцов	19 824
школ	22	мещан	18 138
		дворовых людей	80 540
		всех прочих сословий	106 945
		Вообще жителей:	
		мужского пола	157 152
		женского пола	113 032
		(Бумаги Жукина, ч. IV, стр. 320).	

ЧИСЛЕННОСТЬ АРМИИ

Все вооруженные силы России на западной границе империи состояли из первой и второй западных армий и резервной армии. Первая достигала приблизительно 90 000 человек, вторая — 50 000, а третья — 30 000, всего, следовательно, около 170 000 человек, к которым надо еще прибавить 10 000 казаков.

Первая западная армия под начальством генерала Барклая, являвшегося одновременно и военным министром, стояла вдоль Немана; вторая, которую командовал князь Багратион, — в южной Литве, а резервная армия под командой генерала Тормасова — на Волыни.

Во второй линии на Днестре и Двине находилось около 30 000 человек из запасных частей и новобранцев.

При открытии военных действий численность французских сил, включая сюда и союзников, определяли в 350 000 человек; теперь мы знаем, что она превышала 470 000. Когда русские находились под Смоленском, им было известно, что около 150 000 человек было оставлено под Ригой, против Витгенштейна, под Бобруйском и против Тормасова. Следовательно, русские полагали, что главная армия уменьшилась до 200 000 человек, затем исключили гарнизоны, оставленные на важных этапах и в разных городах, а также больных, убитых, раненых и отставших, общее число которых предполагалось всего лишь в 50 000 человек. В итоге сила главной армии французов определялась русскими всего в 150 000. Правда, и в этом случае на стороне французов сохранялось превосходство сил, но не настолько большое, чтобы мысль о возможности победы над ними была совершенно исключена.

Подсчеты русских не вполне совпадали с действительностью, так как центр Наполеона тогда, т. е. в начале августа, достигал еще 180 000 человек.

Впрочем, такая ошибка простибельна во время войны, где каждый день приходилось совершать марши и когда не было времени собирать в достаточном количестве необходимые данные.

В начале кампании русская армия расположилась на границе тремя главными массами:

1. Первая западная армия под командой генерала Барклая силою в 90 000 человек достигала своим правым крылом (Витгенштейн) Балтийского моря, а левым (Дохтуров) — почти окрестностей Гродно; главная квартира находилась в Вильно — 90 000 человек.

2. Вторая западная армия под командой Багратиона силою в 45 000 человек растянулась от Гродно до Муховца; ее главная квартира была в Волковыске — 45 000 человек.

3. Так называемая резервная армия под командой Тормасова стояла по ту сторону Волынских болот и насчитывала 35 000 человек; ее главная квартира была в Лудке — 35 000 человек.

Сюда же надо добавить 10 000 казаков, большая часть которых с Платовым во главе находилась при армии Багратиона — 10 000 человек.

В первой линии — 180 000 человек.

Во второй линии стояли вдоль Западной Двины и Днестра резервные дивизии, составленные из третьих батальонов и пятых эскадронов; в общем они составляли 35 000 человек, которые вступили в дело в качестве подкреплений, прибывших к Витгенштейну, Рижскому и Бобруйскому гарнизонам, и в качестве корпуса генерала Гертеля; они потому лишь несколько позднее приняли участие в кампании.

Между тем французы и их союзники наступали четырьмя главными массами:

1. Левое крыло под начальством Макдональда в составе 10-го корпуса силою в 30 000 человек перешло через Неман близ Тильзита и предназначалось для действия против Риги — 30 000 человек.

2. Центр под начальством самого Наполеона состоял из:

1-го корпуса Даву	72 000 человек
2-го » Удино	37 000 »
3-го » Нея	39 000 »
4-го » Евгения Богарнэ	45 000 »
6-го » Сен-Сира	25 000 »
Гвардия Мортье	47 000 »
Три резервных кавалерийских корпуса под командой Мюрата	32 000 »
<hr/>	
297 000 человек	

Эти массы переправились через Неман в двух пунктах: у Ковно 230 000 человек и у Пилонь, в 3 милях выше Ковно, 67 000 человек; они были предназначены действовать против Баркляя.

3. К центру надо еще причислить под командой Жерома Бонапарты:

5-й корпус Понятовского	36 000 человек
7-й » Ренье	17 000 »
8-й » Вандама	17 000 »
Кавалерийский корпус Латур-Мобура	8 000 »
<hr/>	
78 000 человек	

Эта армия переправилась у Гродно и предназначена была против Багратиона.

4. Правое крыло — 34 000 человек — под начальством Шварценберга переправилось у Дрогичина через Буг и, повидимому, назначалось против Тормасова — 34 000 человек. Итого 439 000 человек.

Когда остатки французской армии собрались в течение января месяца за Вислой, оказалось, что они насчитывают 23 000 человек. Австрийские и прусские войска, вернувшиеся из похода, насчитывали приблизительно 35 000 человек, следовательно, все вместе составляли 58 000 человек.

Между тем союзная армия, включая сюда и подошедшие впоследствии войска, насчитывала фактически 610 000 человек¹.

Таким образом, в России осталось убитыми и пленными 552 000 человек.

При армии находилось 182 000 лошадей. Из них, считая прусские и австрийские войска и войска Макдональда и Ренье, уцелело 15 000, следовательно, потеряно было 167 000. В армии было 1 372 орудия: австрийцы, пруссаки, Макдональд и Ренье привезли с собою обратно до 150 пушек, следовательно, было потеряно свыше 1 200 орудий.

(К. Клаузевиц, 1812 год.)

¹ Согласно Шамбре, у которого вообще мы заимствовали данные о численности французских вооруженных сил, мы определили численность французской армии при ее вступлении в Россию в 440 000 человек. В течение кампании подошли еще с маршалом Виктором 33 000 человек, с дивизиями Дюрютта и Луазона — 27 000 и других пополнений 80 000 человек, следовательно, около 140 000 человек. Прочее составляют обозные части. — Прим. К. Клаузевица.

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙСКА

К о р п у с ы

1. Маршала Даву	80 000
2. » Удино	45 000
3. » Нея	45 000
4. Вице-короля итальянского:	
итальянской гвардии из итальянских войск . .	15 000
французских войск	20 000
и двух долматских полков	
всего	35 000
5. Короля Вестфальского Иеронима из вестфальских	
и немецких войск	30 000
6. Князя Понятовского из поляков	60 000
7. Генерала Ренье из саксонцев	80 000
8. Маршала Макдональда:	
из французов	15 000
пруссиков	35 000
Рейнский союз	10 000
Всего	60 000
9. Маршала Виктора:	
из французов	30 000
Рейнский союз	15 000
Всего	45 000
10. Под командой герцогов Монсея, Бесиера и Мортье:	
старой французской гвардии	20 000
новой гвардии	15 000
и прежней конной гвардии	5 000
Всего	40 000
11. Маршала Ожро:	
из французов	15 000
датчан	10 000
неаполитанцев	12 000
швейцарцев	4 000
Всего	41 000
12. Австрийский у князя Шварценберга	30 000

В 12 корпусах было пехоты 561 000; у короля неаполитанского Мюрата вся кавалерия с 10 000 легкой пехоты 3 000, при парке легкой артиллерии из 160 орудий с 8 000 зарядными ящиками и при них 4 000 человек. Обаме сии парка были под начальством артиллерии инспектора графа Эбле.

Понтонный батальон из	900
Два батальона пионер	1 800
Команда минеров	300
18 рот больничных сторожей	1 800
Батальон саперов и морских офицеров	900
Три батальона погонщиков	2 500
Команда каменщиков для постройки печей	300
Четыре батальона пекарей	3 000
У провианта около	2 000

Всего находилось во французской армии со свитами императора, маршалов и генералов, короля неаполитанского и вице-короля итальянского с лекарями, аптекарями, служителями и прислужниками 591 500 человек.

При каждом корпусе французской армии был запасный парк из 16 орудий, а всего 176 орудий, и 528 ящиков с амуницией; да сверх того каждая пехотная дивизия имела по 16 пушек; всего в линейных полках было 784 пушки, при которых 1 568 ящиков с амуницией. Императорская гвардия имела 150 пушек.

Всего при всей армии орудий	1 420
Ящиков с зарядами и амуницией	3 296

Во всей армии находилось 49 дивизий, в которых полков находилось 98, не считая гвардии.

(Справка эта заимствована из книги В. Штейнгеля «Записки касательно составления и самого похода Санктпетербургского ополчения против врагов отечества в 1812 и 1813 годах». — *Прим. сост.*).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрантес, герцог — см. Жюно.

Александр I (1777—1825) — русский император.

Александров (псевдоним Н. А. Дуровой) — см. Дурова.

Александров П. — приказчик имения Д. Н. Шереметева «Кусково».

Алябьев А. сенатор, московский домовладелец, отец А. А. Алябьева, композитора, современника А. С. Пушкина.

Алябьев В. Ф. (к нему писал А. Алябьев, который указан выше).

Андрей, князь (Болконский) в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» — в известной мере дает образ брата Льва Николаевича, Сергея Николаевича.

Анна Павловна, великая княжна (1795—1865) — сестра Александра I. Наполеон сватался за нее, но, не дождавшись ответа, нарочито затягиваемого, женился на австрийской принцессе Марии-Луизе.

Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834) — временщик при Павле I и Александре I. Деятельно насаждал военные поселения, жестоко усмирал бунты, вспыхивавшие в связи с этим мероприятием. «Аракчеевщина» вошла в поговорку, как обозначение тупого полицейского деспотизма и грубой военщины. В кампании 1812 года не участвовал.

Ардалыонов — звенигородский помещик.

Архаровы: И. П. — командир Московского гарнизонного батальона во второй половине XVIII века, его солдат звали «архаровцами»; Н. П. (1742—1814) — бывший московский полицеймейстер, затем при Павле петербургский генерал-губернатор. Московские домовладельцы, их дом славился гостеприимством и хлебосольством. Перед наступлением французов эвакуировались в Нижний-Новгород, ныне г. Горький.

Аршеневский Лев — офицер русской армии.

Астахов Григорий (годы неизвестны) — хорунжий в отряде партизана Д. Давыдова в 1812 году. С 1783 по 1788 год был воспитателем — нянькой Н. А. Дуровой, кавалерист-девицы.

Афанасьев — полковник 2-го пионерского полка.

Ауершперг — принц (1784—1847), австрийский фельдмаршал.

Багговут К. Ф. (1761—1812) — во время кампании 1812 г. командовал 2-м пехотным корпусом русской армии. Убит ядром 18 октября (н. ст.) 1812 года при Тарутине.

- Багратион Петр Иванович** (1765—1812), — генерал, полководец, в 1812 году командовал 2-й армией. Славился необычайным хладнокровием в опасностях и затруднениях. Участник ряда крупнейших войн конца XVIII и начала XIX века. Ученик и последователь военной школы Суворова. Противник отступательной стратегии Барклая. Под Бородиным Багратион командовал левым крылом русской армии. Осколок гранаты раздробил ему кость; умер от ранения 7 октября (н. ст.).
- Базиль** — см. Перовский Василий.
- Байрон Джордж Гордон** (1788—1824) — великий английский поэт. Оказал огромное влияние на современное ему поколение.
- Балашев А. Д.** (1770—1837) — министр полиции при Александре I.
- Бараге д'Илье Людовик** (1764—1812) — генерал армии Наполеона. Участвовал в итальянских и африканских походах и походах 1805—1809 годов. Умер в должности губернатора Берлина.
- Барклай-де-Толли Михаил Богданович** (1761—1818) — полководец. В 1810 году — военный министр, в 1812 году назначен командиром западной армии; стоял за отступление перед многочисленными, превосходящими наши силы наполеоновскими войсками.
- «Он выполнил отступление с замечательным искусством, непрерывно вводя в дело то ту, до другую часть своих войск, с целью дать князю Багратиону возможность выполнить свое соединение с ним и облегчить адмиралу Чичагову нападение на тыл неприятеля» (К. Маркс). Под давлением общественного мнения командование было передано Кутузову, который в основном продолжал выполнять стратегический план Барклая. Отличился в Бородинском сражении, участвовал в походе на Париж. «Он был бесспорно лучший генерал Александра, непритязательный, настойчивый, решительный и полный здравого смысла» (К. Маркс).
- Бассано, герцог.** — Этот титул дан в 1811 году французскому деятелю и доверенному Наполеона Маре Гюг-Бернару (1763—1839).
- Батюшков Константин Николаевич** (1787—1855) — поэт. В 1812 году находился в Петербурге. В 1813—1814 годах участвовал в парижском походе. В 1822 году заболел психически. Автор стихотворений и писем, посвященных 1812 году. Поэзия Батюшкова оказала большое влияние на раннее творчество Пушкина.
- Безухов Пьер** — одно из главных действующих лиц романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Лев Николаевич придал Безухову некоторые свои черты.
- Белинский В. Г.** (1811—1848) — великий русский критик.
- Беляев Александр Петрович** (1803—1855) — декабрист, мичман гвардейского экипажа. Проникся свободолобивыми стремлениями во время плавания в Испанию, познакомившись с сторонниками вождя испанской революции 1820 года Риего-и-Нуњес. За участие в восстании 14 декабря 1825 года осужден на каторгу. Автор «Воспоминаний декабриста о пережитом и пережитом». 1805—1850.
- Бенкендорф Константин Христофорович** (1785—1828) — участник войн 1812 года и походов 1813—1815 годов. Брат А. Х. Бенкендорфа — с 1826 года шефа жандармов, одного из самых рьяных слуг николаевского деспотизма.

- Бенningсен** Леонтий Леонтьевич (1745—1826) — русский полководец, генерал. Командовал русскими войсками в войне 1806—1807 годов, после неудачного исхода которой Россия временно оказалась вынужденной заключить союз с Наполеоном.
- «Во время всего этого похода Беннингсен делал ошибку за ошибкой, причем все его поведение представляло странное соединение опрометчивой неосторожности и бессильной нерешительности» (К. Маркс).
- «Во время кампании 1812 года он развернул деятельность по преимуществу в главной квартире императора Александра, где интриговал против Барклая-де-Толли с целью занять его место» (К. Маркс). Был начальником штаба Кутузова. Во время совещания в Филях выступил главным противником Барклая против сдачи Москвы без боя. Участвовал в важнейших сражениях 1813—1814 годов.
- Бернадот** Жан-Батист-Жюль (1764—1844) — французский маршал, участник наполеоновских походов. В 1810 году избран кронпринцем шведским. В 1813 году присоединился к союзникам против Наполеона. С 1818 года король Швеции и Норвегии под именем Карла XIV.
- Бертье** Александр (1753—1815) — французский маршал, князь Невшательский, герцог Ваграмский. В 1812—1814 годах начальник генерального штаба. При реставрации изменил Наполеону, при его возвращении с Эльбы покончил самоубийством.
- Бессьер** Иоанн-Батист (1768—1813) — французский герцог и австрийский маршал. В 1812 году участвовал во всех главных сражениях французской армии; в 1813 году в деле при Вейссенфельсе убит ядром.
- Бестужев** Александр Александрович — член Северного общества декабристов (1797—1837), писатель-романист и критик, более известный под псевдонимом «Марлинский». За участие в заговоре декабристов в 1825 году был сослан в Якутск, в 1829 году переведен на Кавказ рядовым, где убит в стычке. В 1823—1825 годах вместе с К. Ф. Рылеевым издавал альманах «Полярная звезда».
- Бестужев-Рюмин** А. — чиновник сената в Москве. Автор воспоминаний «Вступление французов в Москву». Оставался в Москве во время пребывания в ней французов в 1812 году.
- Бибииков** Д. Г. (1792—1870) — адъютант Милорадовича.
- Богарнэ** Евгений (1781—1824) — пасынок Наполеона, сын Жозефины Богарнэ. В 1812 г. Богарнэ был назначен командующим 4-м корпусом французской армии и участвовал в главных сражениях, в том числе при Смоленске, Бородине, Малоярославце и Красном. По отъезде Наполеона во Францию Богарнэ принял начальство над остатками армии, которые отвел в Магдебург.
- Бонапарт Жером** — см. Жером.
- Бороздин** Николай Михайлович (1777—1830) — кавалерийский генерал; в войнах 1812—1814 годов совершил ряд подвигов.
- Брандт** — офицер армии Наполеона.
- Буксгевден** Федор Федорович (1750—1811) — русский генерал, отличился в битве при Аустерлице в 1805 году.
- Бутурлин** Д. П., гр. (1763—1831). — В его доме в Лефортове (М. Почтовая ул., 2), где помещалась сгоревшая библиотека, бывал ребенком А. С. Пушкин, пользовавшийся этой библиотекой.
- Бухвостов** Никанор — воспитанник Московского военно-сиротского отделения.

- Быстров И. П.** (1797—1850)—библиограф, библиотекарь имп. публ. библиотеки.
- Бюлов Людов., гр.** (1774—1825)—министр финансов Вестфалии.
- Вандам Ж. Д.** (1771—1830)—командир 8-го корпуса армии Наполеона; славился своей жестокостью и корыстолюбием.
- Верещагин** — московский купеческий сын.
- Вертер фон** — майор, прусский улан, офицер армии Наполеона.
- Виктор Клодт-Перрен** (1764—1841) — герцог Боллуно, маршал Франции. Из старой королевской армии. Получил звание маршала за удачное для Франции сражение при Фридланде 1807 года. В 1821 году — военный министр Франции.
- Вильсон Роберт** — английский генерал, находился в 1812 году в русской армии в звании великобританского комиссара. Оставил записки, изданные в Лондоне в 1817 году.
- Винценгероде Фердинанд Федорович** (1770—1818) — кавалерийский генерал. В 1812 году генерал-адъютант русской службы. Защищал дорогу на Петербург. После занятия французами Москвы руководил партизанскими отрядами на Тверской дороге. Помешал маршалу Мортье взорвать Кремль в Москве. Взятый в плен, освобожден отрядом Чернышева. Участник кампании 1814 года.
- Витгенштейн Петр Христанович** (1768—1842)—русский фельдмаршал. Участвовал во всех войнах с Францией с 1805 года. В 1812 г. с 20 тысячами войска заграждал путь на Петербург, успешно действуя на этом второстепенном участке фронта французской армии. Во время отступления Наполеона Витгенштейн не справился с заданием ударить в тыл неприятеля и отрезать ему путь отступления благодаря своей нерешительности и нераспорядительности. В 1814 году тяжело ранен во Франции.
- Вице-король итальянский**, он же принц Евгений — см. Евгений.
- Виченский Герцог** — см. Коленкур.
- Волкова Мария Аполлоновна** (1786—1859) — фрейлина имп. Марии Федоровны, матери Александра I. Оставила любопытные письма из эпохи Александра I.
- Волконский С. Г. князь.** 1788—1865, впоследствии декабрист, выдающийся член Южного общества; был приговорен к смертной казни.
- Вольцоген Л.** (1774—1845) — флигель-адъютант, перешедший на русскую службу в 1807 году, вюртембергский офицер. Находился в 1812 году при штабе Барклая, в 1813—1814 годах — в главной квартире императора.
- Воронцов Михаил Семенович** (1782—1856) — генерал-фельдмаршал. Ранен при Бородинском сражении. В 1813 году сражался под Лейпцигом. Начальник оккупационных войск в Париже.
- Вюртембергский Евгений** (1788—1857) — герцог, племянник матери Александра I, Марии Федоровны. Павел, вследствие семейных неладов, предполагал устранить от престола Александра Павловича и объявить наследником Евгения. В 1812 году — командовал дивизией, потом корпусом. Участвовал в кампаниях 1813 и 1814 годов.
- Вяземский Петр Андреевич** (1792—1878) — поэт и критик. В связи с наступлением Наполеона на Москву, вступил в военное ополчение, в полк Мамонова, и участвовал в Бородинском сражении, где под ним были убиты две лошади. Автор «Воспоминаний о 1812 годе» и нескольких стихотворений, к нему относящихся.

- Гегель Г. Ф. — (1770—1831) — знаменитый немецкий философ.
- Герцен Александр Иванович (1812—1870) — знаменитый писатель, публицист, революционер.
- Глинка Сергей Николаевич (1776—1847) — писатель. С 1808 года основал журнал «Русский вестник», ставший с 1812 года средоточием казенного патриотизма и антифранцузских настроений русского дворянства. Борьба против «галломании» ознаменовала собой поход крепостников против освободительных идей французской философии и Великой французской революции; вместе с тем это была борьба против континентальной блокады, затрагивавшей самые жизненные интересы дворянского землевладения с его хлебным экспортом. Автор «Записок о 1812 году» (1836 год), «Записки о Москве» (1837 год). В 1812 году участвовал в ополчении.
- Глинка Федор Николаевич (1786—1880) — поэт, участвовал в войнах против Наполеона. Впоследствии член тайных обществ, правый декабрист, председатель Вольного общества любителей русского слова, член «Зеленой лампы».
- Голицын кн. — звенигородский помещик.
- Голохвостов — помещик бывш. Звенигородского уезда.
- Грековы — очень распространенная фамилия среди коренного Донского казачества.
- Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) — знаменитый русский писатель.
- Груши Эм., маркиз (1766—1847) — маршал армии Наполеона.
- Даву Луи-Николя (1770—1823) — французский маршал, начальник корпуса, герцог Ауэрштадтский, князь Экмюльский. Ранен под Бородиным. Один из наиболее выдающихся маршалов Наполеона по своим военно-стратегическим способностям и по значительной роли, которую он играл в войне 1812 года.
- Давыдов Денис Васильевич (1781—1839) — в 1812 году полковник ахтырского гусарского полка. Участвовал во всех войнах с 1807 года. Инициатор организации партизанских отрядов из мелких кавалерийских соединений, преимущественно казаков и национальных войск, к которым потом часто присоединялись крестьяне. Относился враждебно к главной квартире и генеральному штабу, а также к господствовавшему там немецко-доктринерскому направлению. Сторонник подвижной и гибкой тактики. В своей литературной и общественной деятельности проявлял умеренную, не четко выявленную оппозицию. Поэт и приятель А. С. Пушкина, автор «Дневника партизанских действий» и многих статей, главным образом по вопросам военно-историческим.
- Даль Владимир Иванович (1801—1872) — беллетрист, этнограф, лексикограф. Самая большая заслуга Даля — его большие труды «Пословицы русского народа» и «Толковый словарь русского языка».
- Данилевский Григорий Петрович (1829—1890) — исторический романист.
- Дарю Пьер-Антуан-Брюно (1767—1829) — французский государственный деятель, генерал-интендант армии Наполеона.
- Дашкова Екатерина Романовна (1743—1810) — сторонница Екатерины II при вступлении ее на престол, участница переворота 1762 г. С 1763 года — директор Академии наук и художеств, затем — первый президент открытой по ее мысли Российской академии.

- Дедем де Гельдер, барон — голландец, офицер армии Наполеона.
- Дельзон — генерал французской армии. При отступлении занял Малоярославец, где и был убит.
- Демидов П. Г. (1738—1821). На его пожертвования учрежден в Ярославле лицей.
- Денисов — в «Войне и мире» Л. Н. Толстой под этим именем вывел Дениса Васильевича Давыдова.
- Депрерадович Николай Иванович (1767—1843) — генерал русской армии. Отличился под Аустерлицем и при Кульме.
- Дмитриев Иван Иванович (1760—1837) — поэт, один из представителей «сентиментализма». В 1812 году был министром юстиции (1810—1814).
- Дмитриев Михаил Александрович (1796—1886) — писатель, консервативный поэт, племянник Ив. Ив. Дмитриева.
- Дмитриев-Мамонов Матвей Александрович (ум. в 1863 году) — крупный помещик, организатор одного из ополченских полков.
- Долохов — в «Войне и мире» Л. Н. Толстой под этим именем изображает Дорохова.
- Домерг — офицер французской армии.
- Домерг Арманд, как французский подданный, был выслан Ростопчиным в августе 1812 года из Москвы, где он был режиссером французской труппы с 1809 года. После года тюрьмы в Макарьеве находился в ссылке в Нижнем-Новгороде еще год. В Москве был проездом в октябре 1814 года, возвращаясь в Париж. О пожаре Москвы узнал по рассказам жены и других свидетелей пожара — французов, оставшихся в Москве.
- Дорохов Иван Семенович (1762—1818) — генерал-майор. В 1812 году, отрезанный от армии, пробился со своей бригадой к Багратиону между французских колонн. Беспощадо преследовал французские войска.
- Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1756—1816) — генерал, участник войн с 1789 года. Отличился в 1805 и 1807 годах. В 1812 году героически отстаивал Смоленск. В Бородинском сражении командовал сперва центром, потом левым крылом. Участвовал в сражениях при Тарутине и Малоярославце, а также в сражениях 1813—1814 годов.
- Друо (1774—1847) — французский артиллерийский генерал. При Бородине командовал артиллерией.
- Дурасов Егор Александрович (1781—1855) — московский обер-полицмейстер.
- Дурова Надежда Андреевна, иначе Александр Андреевич Александров (1783—1866), — кавалерист-девица. Дочь гусарского ротмистра Дурова, с 1799 года служившего рядовым в кавалерии. В 1812 году была на военной службе под фамилией Александрова. Она участвовала во многих битвах, получила «Георгия» и произведена в офицеры. В Бородинском сражении контужена, но в 1813 году принимала участие в заграничном походе. Ее воспоминания напечатал А. С. Пушкин в «Современнике».
- Дюфур Гильом-Анри (1787—1875) — швейцарский генерал на службе во французской армии.
- Евгений Богарнэ (1781—1824) — см. Богарнэ.
- Екатерина Павловна (1788—1819) — четвертая дочь Павла, сестра Александра I. Была замужем за принцем Георгом Ольденбургским, Тверским, Новгородским и Ярославским генерал-губернатором.

- Ермолов** Алексей Петрович (1772—1861) — известный генерал, начал военную службу при Суворове. При Павле I был в опале. Один из передовых генералов русской армии. Во время войны 1812 года — начальник штаба первой армии Барклая. Известна его блестящая атака на занятую неприятелем батарею Раевского во время Бородинского боя. В войне 1813—1814 годов играл большую роль. Вследствие некоторой оппозиции правительству, им проявляемой, его имя было популярно в среде русских дворянских революционеров.
- Жером** или **Иероним Бонапарте** (1784—1860) — брат Наполеона, король Вестфальский. В войну 1812 года командовал одним из корпусов французской армии, но скоро был отослан обратно в Кассель, где он весело жил среди роскоши и блеска, мало заботясь об управлении. Еще до Лейпцигской битвы, положившей конец его царствованию, Жером бежал из своей резиденции от казаков Чернышева и вернулся туда только для того, чтобы вновь бежать в Париж с захваченными драгоценностями и казной.
- Жомини** Анри, барон (1779—1869) — французский военный писатель, в 1804—1808 годах начальник штаба маршала Нея, в 1813 году перешел на русскую службу.
- Жуковский** Василий Андреевич (1783—1852) — поэт.
- Жюно**, герцог д'Абрантес (1771—1813) — французский генерал.
- Загоскин** Михаил Николаевич (1789—1852) — писатель, основатель русского исторического романа. В 1812 году — ополченец, ранен под Полодком.
- Ивашкин** Петр Алексеевич (1762—1823) — московский полицмейстер.
- Иероним** — король Вестфальский — см. Жером.
- Иловайские** — очень распространенная фамилия среди коренного Донского казачества.
- Иорк фон-Вартенбург** (1759—1830) — прусский генерал, в 1812 г. командовал вспомогательным прусским корпусом в армии Наполеона на северо-западном фронте у г. Риги. Первый из немецких генералов перешел к борьбе с Наполеоном, заключив сепаратный мир с русскими.
- И. Р.** — см. Родожичский Илья.
- Итальянский король** — см. Евгений Богарнэ.
- Кадорский герцог** — см. Шампань Ж. Б.
- Кайсаров** Паисий Сергеевич (1783—1844). — В 1812 году, когда дворяне Петербургской губернии избрали Кутузова начальником ополчения, Кайсаров был при нем дежурным генералом. Был с ним в битве при Бородине и участвовал в военном совете в Филах.
- Каменский** Николай Михайлович (1778—1811) — главнокомандующий Молдавской армией в турецкой войне 1810—1811 годов.
- Карамзин** Николай Михайлович (1766—1823) — писатель, историк, вождь так называемого сентиментального направления в литературе, сменившего напыщенное придворно-аристократическое классическое направление XVIII века. Автор «Истории государства Российского», «Писем русского путешественника», повестей «Марфа-посадница», «Бедная Лиза» и др. Его «История государства Российского» доказывала необходимость и неизбежность самодержавия и крепостнического порядка.
- Карфачевский** Андрей — чиновник московского почтамта.

Каховский Петр Григорьевич (1797—1826) — декабрист, член Северного общества. Был сторонником решительных действий, стоял за царевубийство и вызывался его выполнить. Участвуя в восстании 14 декабря 1825 года, убил петербургского генерал-губернатора Милорадовича, полковника Стюрлера и ранил свитского офицера. 13 июля 1826 года повешен в числе пяти декабристов по приговору Николая I.

Кичеев Петр Григорьевич — автор «Воспоминаний о пребывании не-приятеля в Москве в 1812 году», изданных в 1859 году, «Из недавней старины», М. 1870, статей в «Русском архиве», 1865—1866.

Клаузевиц Карл (1780—1831) — прусский офицер генерального штаба, эмигрировавший в Россию, чтобы драться в 1812 году под знаменами русских войск против ненавистного ему Наполеона, разгромившего в 1806 году его родину. Из военно-исторических работ Клаузевица большой интерес представляют «Поход в Россию 1812 года» и «Общий обзор событий похода 1812 года».

В. И. Ленин относился к Клаузевицу не только как к «одному из самых глубоких писателей по военным вопросам» (т. XVIII, стр. 197), но и оценивал его как «одного из великих писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем» (т. XVIII, стр. 249), как «одного из самых знаменитых писателей по философии войн и по истории войн» (т. XXX, стр. 333). Еще в одном месте Ленин рекомендовал «прочитать у старика Клаузевица, одного из великих военных писателей, об итогах уроков истории» (т. XXII, стр. 511).

Ключарев Федор Петрович (1751—1822) — московский почт-директор, писатель, друг Н. И. Новикова и масон.

Коленкур Арман-Огюстен-Луи (1772—1821) — генерал и дипломат. В 1801 году был посланником в Петербурге, в 1812 году сопровождал Наполеона в Россию.

Колошин — звенигородский помещик.

Комаровский Е. Ф., гр. (1769—1843) — автор записок.

Коновницын Петр Петрович (1766—1822) — генерал. В 1812 году командир арьергарда русских войск и начальник дивизии. Во время Бородинского сражения после ранения Багратиона заменил его по командованию второй армией и всем левым крылом русских. Отличился в боях при Тарутине, Малоярославце, Вязьме и Красном. В 1813 году под Люценом ранен; в 1815 году — военный министр.

Констан де Ребекк Бенжамен (1767—1830) — французский политический деятель, выдающийся оратор и писатель.

Константин Павлович (1779—1831) — брат Александра I. В 1812—1813 годах командовал 5-м корпусом, куда входила гвардия. В 1812 году, после столкновений с командующим 1-й армией Барклаем-де-Толли, уехал из армии. С 1815 года командующий польской армией, фактически правитель Царства польского. Один из главных помощников в деятельности своих братьев — царей Александра I и Николая I как жандармов Европы.

- Кордэ Шарлотта** (1768—1793) — французская роялистка. 13 июня 1793 года убила Марата, 17 июля была гильотинирована. Убийство совершила по заданию контрреволюционной партии жирондистов (партии крупной буржуазии).
- Король неаполитанский** — см. Мюрат.
- Кроссар** — полковник русской армии.
- Кругликов Гавриил** — штатный воспитанник Московского коммерческого училища.
- Крылов Иван Андреевич** (1768—1844) — знаменитый русский баснописец.
- Кражев** — директор Московского коммерческого училища.
- Кутузов Михаил Илларионович** (1745—1813) — знаменитый русский полководец. Пользовался очень широкой популярностью в народе. 18 августа 1812 года принял командование всей русской армией взамен Барклая-де-Толли. Изгнание наполеоновской армии из России связано главным образом с его именем. Наполеон высоко ценил стратегическую систему Кутузова.
- Лабом Евгений** (1783—1849) — французский топограф. Кончив инженерное училище, служил картографом в Италии и обратил на себя внимание вице-короля Евгения Богарне. Участвовал в походе в Россию в 1812 году в качестве его ординарца. Среди других сочинений военного характера издал в 1814 году в Париже книгу «Полная реляция о походе в Россию».
- Ланская Варвара Ивановна** (ум. в 1844 г.) — к ней были обращены письма М. А. Волковой.
- Ланской Сергей Степанович** (1787—1852) — с 1855 года министр внутренних дел.
- Ларрей Жан-Доменик** (1766—1842) — военный хирург французской армии в 1812 году.
- Латур-Моур** (1758—1831) — начальник кавалерийского корпуса армии Наполеона.
- Лермонтов Михаил Юрьевич** (1814—1841) — гениальный русский поэт.
- Липранди И. П.** (1790—1880) — генерал, военный историк. Впоследствии следил за кружком петрашевцев и подготовил своими донесениями суровое преследование участников.
- Ложье Цезарь де-Белькур** (1789—1871) — родился на острове Эльба. Вступил в 1807 году простым солдатом в ряды ратников императорской гвардии, отличился в Испании, где был несколько раз ранен. В походе в Россию попал в плен. После падения империи отправился в Неаполь, где вступил в армию Мюрата. Составил книгу «Итальянцы в России», изданную в 1825—1826 годах.
- Лористон А. Я.** маркиз, маршал французской армии (1764—1828). До 1812 г. был послом в России.
- Любецкий С. М.** — писатель по вопросам истории Москвы и ее окрестностей в 60—80-х годах XIX века.
- Макдональд Этьен-Жак-Жозеф-Александр** (1765—1840) — французский маршал, герцог Тарентский. В 1812 году командовал армией, действовавшей в рижском и петербургском направлении. В 1813 году разбит при Каубахе.
- Малиновский Алексей Федорович** (1762—1840) — начальник Московского архива иностранных дел, писатель.
- Мамонов** — см. Дмитриев-Мамонов.
- Маракуев М. И.** (1789—1853) — городской голова в Ростове-Великом, имел крупное торговое дело. В 1812 году посетил Москву.

Маре Г. Б. — см. герцог Бассано.

Мария-Луиза (1791—1847) — вторая жена Наполеона, дочь австрийского императора Франца I.

Мария Федоровна (1759—1828) — жена Павла I, мать Александра I.

Марков Ираклий Иванович — см. Морков.

Меттерних К. Л., кн. (1773—1859) — австрийский министр иностранных дел.

Мизин Сергей — автор письма о московских событиях 1812 года.

Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825) — генерал. В 1812 г. с запасными войсками сражался под Бородиным. Вплотную сталкивался с основными силами Наполеона, будучи начальником арьергарда после Бородинского сражения и начальником авангарда при отступлении Наполеона. Ему поручена была сдача Москвы французским войскам. Будучи петербургским генерал-губернатором, смертельно ранен 14 декабря 1825 года выстрелом декабриста Каховского.

О'Мира (1780—1836) — врач Наполеона, сопровождавший его в изгнании. В настоящем сборнике приведен отрывок из мемуаров, которые Наполеон диктовал своим приближенным на острове св. Елены.

Митаревский Н. Е. — автор записок.

Михайлов Никифор — крестьянин подмосковного села. Послал трех сыновей в ополчение.

Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1790—1848) — военный историк. В 1812 году адъютант Кутузова в петербургском ополчении. Участвовал в сражениях 1813—1814 годов. Написал «Записки 1814—1815 годов», «Описание Отечественной войны 1812 года» и много других.

Мишо А. Ф. (1771—1841) — Полковник русской армии, француз, сардинский дворянин. Сражался против Франции в 1792 и 1796 гг. В 1805 г. перешел в русскую армию. Александр I поручал ему производство рекогносцировок и пр.

Монахин — полковник русской армии.

Монсей Бон-Андриен-Жанно (1754—1842) — французский маршал, участвовал во всех войнах Наполеона.

Монталив Жан-Пьер-Башассон (1766—1823) — французский государственный деятель. Руководил многими из крупных строительных работ во Франции при Наполеоне I, между прочим постройкой Иенского моста и нескольких триумфальных арок.

Мордовцев Даниил Лукич (1830—1905) — писатель, автор ряда исторических романов.

Морков Ираклий Иванович (1753—1828) — генерал, отличился под Измаилом в 1792 году и в Польше в 1794 году. В 1812 году — начальник московского ополчения, участвовал во всех важнейших событиях войны 1812 года.

Мортье Эдуард-Адольф-Казимир-Жозеф (1768—1835) — герцог Тревизский, французский маршал; при занятии Москвы Наполеон назначил его генерал-губернатором Москвы. В 1812 году командовал гвардией. После ухода французов из Москвы по поручению Наполеона взорвал Кремль. В 1834 г. — военный министр Франции.

Муравьев Николай Николаевич (1794—1866) — генерал, в 1854 году взял крепость Карс, брат Александра — будущего декабриста и Михаила — будущего виленского вешателя.

Мусин-Пушкин А. И., гр. (1744—1817) — археолог, президент Академии художеств.

- М ю р а т** Иоахим (1771—1815) — король неаполитанский, французский маршал. В 1799 году — адъютант Бонапарта, участвовал в перевороте 18 брюмера. Женился на сестре Наполеона, Каролине. В 1812—1814 годах в России и Германии командовал кавалерией. При занятии Москвы первый вошел в нее как начальник авангарда французской армии.
- Нагель** — поручик артиллерии русской армии.
- Наполеон** Бонапарт (1769—1821) — с 1804 года французский император.
- Нарбон-Лара** Л., гр. (1755—1813) — сын Людовика XV и m-lle Роман, адъютант Наполеона.
- Находкин** — московский купец, назначенный французскими властями городским головой в Москве при занятии ее армией Наполеона.
- Неверовский** Дмитрий Петрович (1771—1813) — генерал. В 1812 году командовал 27-й дивизией во 2-й армии. Прославился сражением при Красном и отступлением к Московской дороге. Под Бородиным большая часть дивизии Неверовского погибла, и сам он был ранен на Семеновских флешах. В 1813 году во главе сформированного им корпуса участвовал в боях при Кацбахе и Лейпциге, где был смертельно ранен.
- Ней** Мишель (1769—1815) — герцог Эльхингенский, французский маршал. В 1812 году отличился в сражениях под Смоленском и Бородиным. За битву при Бородине получил титул князя Московского. В 1815 году участвовал в битве при Ватерлоо, взят в плен и расстрелян правительством Бурбонов.
- Николай I** (1796—1855) — российский император, сын Павла I. Прозван «Николай Палкин».
- Новиков** Василий — управляющий суконной фабрикой кн. Урусова в селе Охлебинино.
- Норов** Авраам Сергеевич (1795—1869). — В 1812 году — участник войны; в сражении под Бородиным потерял ногу. Писал в стихах и прозе. В 1854—1857 годах — министр народного просвещения.
- Ожеро** Пьер-Франсуа-Шарль (1757—1816) — герцог Кастильено, французский маршал. В 1812 г. начальник корпуса.
- Оленин** Александр Николаевич (1763—1843) — писатель, с 1817 года директор публичной библиотеки в Петербурге.
- Орлов** Владимир Григорьевич, гр. — серпуховский помещик.
- Орлова-Чесменская** Анна Алексеевна, гр. — помещица.
- Остафьев** Никанор — отставной солдат Фанагорийского гренадерского полка, автор песни.
- Остерман**, гр. — звенигородский помещик.
- Остерман-Толстой** Александр Иванович (1770—1857). — В 1812 г. командовал пехотным корпусом, отличился при Бородине и в 1813 году — при Кульме.
- Павел I** (1754—1801) — российский император.
- Павлов** майор — офицер Мамоновского полка Московского ополчения.
- Павлов** Платон — московский купец.
- Перовский** Василий Алексеевич (1794—1857). — В 1812 г. — герой Бородин. Внебрачный сын А. К. Разумовского. Фамилия всем трем сыновьям Разумовского дана по селу Перову — его подмосковной.

- Платов** Матвей Иванович (1751—1818) — генерал от кавалерии. С 1801 года — атаман войска Донского. В 1812 году командовал всеми казачьими полками на границе, прикрывая отступление русской армии. В сражении при Бородине успешно провел вместе с Уваровым операцию по заходу в тыл французской армии. При отступлении французов нанес им поражение у Городни, Гжатска, Царева-Займища, под Духовщиной и др. В 1813 году участвовал в битве под Лейпцигом, в 1814 году взял Намюр.
- Платон**, в миру Левшин (1737—1812) — митрополит.
- Поздеев** Осип Алексеевич (1746—1820) — полковник, масон.
- Понятовский** Иосиф (1763—1813) — племянник польского короля. В 1812 году — командир польского корпуса в армии Наполеона. Отличился в Лейпцигской битве и утонул в реке Эльстер во время отступления. Польский патриот. В сражении при Бородине ему было поручено обогнуть левый фланг русских у деревни Утицы и ударить в тыл. Но эта операция не удалась благодаря исключительной стойкости русских солдат корпуса Тучкова 1-го и других полков.
- Пушкин** Александр Сергеевич (1799—1837) — гениальный русский поэт. Им был начат, но не кончен исторический роман о 1812 году «Рославлев». Этот роман, одноименный с вышедшим из печати романом Загоскина, должен был убедить общество в неправильности утверждения Загоскина, что роль русского народа в войне 1812 года оставалась лишь пассивной и что активность проявляло лишь русское дворянство. А. С. Пушкин как в предыдущих своих исторических работах, так и в последующих проводил всегда мысль, что народ является решающей и действенной силой в больших исторических событиях. В своем «Рославлеве» Пушкин хотел показать, что русский народ в событиях 1812 года был решающей силой и активнейшим участником событий.
- Пушкин** Василий Львович (1770—1830) — поэт, дядя А. С. Пушкина.
- Пушкин** И. И. (1789—1859) — декабрист, друг А. С. Пушкина.
- Пфуль** Карл-Людвиг-Август (1757—1826) — прусский офицер; после Йенской битвы перешел на русскую службу; по поручению Александра I составил план военных действий 1812 года. План оказался несостоятельным еще до его осуществления, и Пфуль был отозван.
- Раевский** Николай Николаевич (1771—1829) — генерал. Герой войны 1812 года. Командуя 7-м корпусом, задерживал французские войска, сутки защищал Смоленск против огромной армии. Особенно прославился защитой центральной батареи, носившей его имя в Бородинском бою. Много содействовал поражению французов при отступлении. Участвовал в главнейших сражениях 1813 и 1814 годов. Пушкин был близок всей семье Раевского, как передовой дворянской семье своего времени.
- Растковский** Ф. — офицер-артиллерист русской армии.
- Рейнгард фон** — штаб-ротмистр, офицер армии Наполеона.
- Родожичский** Илья, псевдоним И. Р. — офицер русской армии; его «Походные записки артиллериста с 1812—1816 гг.» были изданы в четырех томах в Москве в 1835 году.
- Роос** Г. — офицер вюртембергских конных егерей армии Наполеона, автор записок.

- Росгов Петя** — в «Войне и мире» Л. Н. Толстого в известной мере сплсан им с Никиты Муравьева, который, воспитываясь дома, с начала кампании 1812 года ушел из дому, чтобы поступить юнкером в полк. Но родителям удалось его вернуть, и только в 1813 году Муравьев участвовал в походе во Францию.
- Ростопчин Федор Васильевич** (1763—1826). — В 1812 году назначен московским градоначальником и главнокомандующим. Проявил исключительную энергию по набору ополчений, выпускал «афиши», составленные в лже-«народном» стиле, убеждавшие, что в Москве неприятеля не будет, поддерживал патриотические чувства. Позднее возбуждал крестьян против французов, действуя, однако, в интересах помещиков; был крайним консерватором и ярким защитником крепостного права. С главнокомандующим армией Кутузовым был не в ладах.
- Рылеев Кондратий Федорович** (1795—1826) — декабрист, член Северного общества и поэт, служил в армии; с союзными войсками был в Париже в 1815 году. Казнен в числе пяти декабристов.
- Савостьянов Андрей** — крестьянин деревни Фили под Москвой. В его избе происходил военный совет, на котором была решена сдача Москвы армии Наполеона (см. «Война и мир» Л. Н. Толстого).
- Саламатов Иван** — приказчик села Гребнева кн. А. М. Голицына.
- Сантерр А.** (1752—1809) — французский политический и военный деятель, якобинец.
- Свечин** — подполковник, начальник 1-го Егерского полка Московского ополчения.
- Себастьяни Орас** (1775—1851) — французский маршал. Командовал французским корпусом в кампаниях 1812—1814 годов, сражался под Смоленском и Бородиным. В 1815 году — министр иностранных дел Наполеона.
- Сегюр Филипп-Поль** (1780—1873) — французский генерал и военный писатель, участник похода Наполеона в Россию в 1812 году.
- Семенов Герасим** — московский купец.
- Сен-Сир Лоран** (1764—1830) — участвовал в революционных войнах; за действия против Витгенштейна в 1812 году возведен в маршалы Франции. Военный писатель.
- Сеславин Александр Никитич** (1780—1858) — артиллерийский капитан, прославился своими действиями во время войны 1812—1814 годов. Известен своими исключительными по храбрости подвигами. Проникал передетым в армию Наполеона в целях разведок и успешно провел ряд рискованных столкновений с противником. Первым своевременно открыл выступление Наполеона на Калужскую дорогу. Находился впоследствии в оппозиции к правительству.
- Сипягин Николай Мартынович** (1785—1828) — полковник, участник войн с Наполеоном. Организовал Общество любителей военных наук, издававшее «Военный журнал».
- Сиверс Владимир Карлович** (1780—1862) — русский генерал.
- Сокольский** — москвич, автор письма о московских событиях 1812 года.
- Сталь Анна-Луиза-Жермена** (1766—1817) — французская писательница. Ее салон в Париже был центром либерального течения, за что Наполеон изгнал ее из Франции. Много путешествовала по Германии, Италии и России.

- Стендаль — псевдоним французского писателя Анри Бейля (1783—1842). Как романист-психолог, Стендаль явился прямым предшественником Флобера во Франции и Л. Н. Толстого в России. Толстой откровенно признавался, что некоторые страницы «Пармского монастыря» служили ему непосредственным образцом для подражания. В качестве чиновника военного ведомства Бейль побывал с наполеоновской армией в России и видел пожар Москвы.
- Суворов А. В. (1730—1800) — великий русский полководец.
- Сысоев Аполлон Дмитриевич — житель Москвы.
- Тарентский — герцог — см. Макдональд.
- Тирион — автор «Воспоминаний офицера французского кирасирского № 2 полка».
- Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — великий русский писатель.
- Толстой Петр Александрович (1761—1844) — генерал, участник войн против Наполеона. В 1807—1808 годах — посол в Париже, разоблачал замыслы Наполеона и был отозван. В 1812 г. назначен командующим войсками в Поволжье и восточных губерниях; выступил в поход с организованными им дружинами и участвовал во взятии Лейпцига.
- Толь Карл Федорович (1777—1842) — полковник русской армии. Действительный участник войн 1812—1814 годов в качестве генерал-квартирмейстера главной армии, а затем главного штаба.
- Тормасов Александр Петрович (1752—1819). — В 1812 году участвовал в сражениях под Малоярославцем, Вязмой, Красным и с главной квартирой перешел границу России в декабре. Когда Кутузов из-за болезни остался в Бунцлау, Тормасов временно принял главное командование над армией; главнокомандующий Москвы с 1815 года, после Ростопчина.
- Тревицкий — герцог — см. Мортье.
- Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — историк и археолог, друг Карамзина, Жуковского, Пушкина, Вальтер-Скотта, Гете.
- Тургенев Николай Иванович (1789—1871) — декабрист, публицист. Доказывал необходимость отмены крепостного права. С 1819 года действительный участник «Союза благоденствия» и в 1825 году за прикосновенность к событиям 14 декабря заочно приговорен к смертной казни. Живя с тех пор во Франции, напечатал в 1847 году «Россия и русские», где много данных для истории общественного движения при Александре I.
- Тучков Николай Алексеевич (1761—1812). — При сражении у Бородина корпус Тучкова находился сперва в резерве, а затем переведен к деревне Утица, чтобы воспрепятствовать противнику обойти русскую армию по старой Смоленской дороге. Атакованный корпусом Понятовского, Тучков должен был уступить свою позицию, но, подкрепленный дивизией Олсуфьева, решился прогнать неприятеля с занятого им кургана. Атака хотя и удалась, но корпус лишился своего храброго вождя, смертельно раненого в грудь. Умер в Ярославле.
- Тьер Луи-Адольф (1797—1877) — с 1820 года либеральный журналист, историк. В 1848 году — член Национального собрания. Впоследствии — контрреволюционер и мракобес. Известен своей зверской расправой с Парижской коммуной в 1871 году.

- Уваров Федор Петрович (1773—1824) — генерал. В Бородинской битве во главе кавалерийского корпуса и казаков произвел блистательно обход левого фланга французской армии, благодаря чему Наполеону пришлось отложить атаку на центральные укрепления русских на продолжительное время.
- Удино Николя-Шарль (1767—1847) — маршал, герцог Реджио. В 1812 году сражался с Витгенштейном во главе 2-го армейского корпуса. 30 августа, тяжело раненый в одном из сражений под Полоцком, сдал команду, которую вновь принял обратно два месяца спустя. Во время переправы через Березину помог Наполеону спастись, но сам был тяжело ранен.
- Урусов Александр Васильевич — московский домовладелец и фабрикант.
- Усачева — московская купеческая жена.
- Фабер Готгиль-Федор (1768—1847) — чиновник русского министерства иностранных дел, автор книги «Русские люди в 1812 году» и других исследований.
- Фен Агатон-Жан-Франсуа (1778—1837) — частный секретарь Наполеона. Составил «Манускрипты 1812, 1813, 1814 годов».
- Фигнер Александр Самойлович (1787—1813) — знаменитый партизан. Участвовал в русско-турецких войнах. В 1812 году со своим партизанским отрядом беспрестанно совершал нападения на французские войска, обозы, пытался убить Наполеона в Москве; безумная отвага и дерзость особенно проявлены им в Данциге, Дессау и Вестфалии. Погиб на берегу реки Эльбы в битве с Неем.
- Фридрих II (1712—1786) — король прусский.
- Фонвизин М. А. — участвовал в войне 1812 года и в походе 1813, 1814 годов, декабрист.
- Чернышев Александр Иванович (1786—1857) — партизан. Из дунайской армии он был послан с легкой кавалерией для действия в тылу австрийского корпуса Шварценберга. С этого времени начинается его широкая партизанская деятельность.
- Чичагов Павел Васильевич (1762—1849) — адмирал. В качестве главнокомандующего молдавской армией заключил мир в 1812 году, после чего, командуя дунайской армией, действовал сперва против австрийцев и саксонцев Шварценберга, которого отеснил к Варшавскому герцогству, и затем устремился в тыл главной французской армии, к Березине, но не успел остановить и захватить в плен Наполеона. В 1813 году отправился за границу и больше в Россию не возвращался. В свою защиту напечатал в 1817 году «Отступление Наполеона». Его «Мемуары» о войне 1812 года напечатаны в 1855 году в Берлине и в 1862 году в Париже.
- Шамбре — французский военный писатель.
- Шампаньи Ж. Б. (1756—1834) — герцог Кадорский. Французский политический деятель.
- Шапилов — дворянский заседатель Подольского земского суда.
- Шатров Иван Михайлович (1765—1841) — писатель.
- Шварценберг Карл-Филипп (1771—1820) — начальник австрийского вспомогательного корпуса против России в 1812 году; в 1813 году — генералиссимус союзных войск против Наполеона.

- Ш и ш к о в Александр Семенович (1754—1841) — адмирал; с 1812 по 1814 год — государственный секретарь. Ему поручалось составление манифестов и приказов во время войны с Наполеоном. Реакционный писатель, основатель «Беседы любителей русского слова», литературный враг карамзинистов, боровшийся за сохранение в русском языке церковно-славянских форм и архаической «простоты» слова.
- Ш т е н г е л ь В. И., барон (1783—1862) — декабрист, автор записок «Касательно составления и самого похода Санктпетербургского ополчения против врагов отечества 1812 и 1813 гг.».
- Щ е р б и н и н А. А. (1791—1876) — офицер квартирмейстерского корпуса русской армии. Автор записок о войне 1812 года.
- Я з ы к о в Николай Михайлович (1803—1843) — поэт, примыкавший в молодости к литературной группе Пушкина, впоследствии славянофил.
- Я к о в л е в Иван Алексеевич (1767—1846) — отец А. И. Герцена.
- Я к у ш к и н Иван Дмитриевич (1793—1857) — декабрист, член Северного общества, вызвавшийся убить Александра I. Был сослан на каторжные работы в Сибирь, откуда возвращен в 1856 году. Автор «Записок».
- Я р о с л а в о в — звенигородский помещик.
- Э б л е Ж. Б., гр. (1758—1812) — инспектор артиллерии армии Наполеона.

ПАРТИЗАНЫ 1812 г.

(Указатель)

- Абросимов Алексей — дворовый человек кн. Голицына, Звенигородского уезда.
- Алексеев Егор — крестьянин сельца Иваткина Звенигородского уезда.
- Андреев Иван — голова экономической Вельяминовской волости Звенигородского уезда (ныне входящей в Истринский район).
- Андреев Михаил — крестьянин деревни Дурнихи Бронницкого уезда.
- Анкудинов Гаврила — крестьянин-партизан (Алябьевых).
- Анофриев Федор — бурмистр (староста), крестьянин Масальского уезда.
- Астахов Григорий — см. именной указатель.
- Афанасьев Владимир — крестьянин села Михайловская Слобода Бронницкого уезда.
- Бедрыга 3-й — штаб-ротмистр Ахтырского гусарского полка, партизан в отряде Д. Давыдова.
- Бекетов — поручик-партизан в отряде Д. Давыдова.
- Борисов Борис — волостной голова Серединской волости Волоколамского уезда.
- Борисов Василий Борисович — крестьянин села Середы Волоколамского уезда.
- Васильев Егор — староста деревни Сельвачевой Бронницкого уезда.
- Горяинов Иван — звенигородский мещанин.
- Давыдов Д. В. — см. именной указатель.
- Демьянов Аним — староста села Семеновского, Серпуховского уезда, гр. В. Г. Орлова.
- Дмитриев Алексей — служитель звенигородского помещика Колошина.
- Дмитриев Федор — крестьянин села Яганова Бронницкого уезда.
- Ермолаев Иван — волостной староста деревни Бурцова Волоколамского уезда.
- Иванов Дмитрий — дворовый человек сенатора Алябьева, помещика Волоколамского уезда.
- Иванов Иван — крестьянин деревни Дурнихи Бронницкого уезда.
- Иванов Павел — сотенный села Лучинского помещика Голохвостова Звенигородского уезда (ныне Истринского района).
- Иванов Устин — староста сельца Иваткова Звенигородского уезда.
- Игнатьев Прохор — служитель звенигородского помещика Колошина.
- Ильин Иван — приказчик села Хатуни, Серпуховского уезда гр. А. А. Орловой-Чесменской.
- Катомин — фельдфебель-артиллерист, партизан в отряде Фигнера.
- Кириллов Василий — крестьянин деревни Дурнихи Бронницкого уезда.

- Кожина Василиса—крестьянка, знаменитая «баба Василиса», старостиха (т. е. жена сельского старосты), партизанка 1812 года.
- Кондратьев Яков — крестьянин села Михайловской Слободы Бронницкого уезда.
- Крючков — урядник, партизан в отряде Д. Давыдова.
- Кузьмин Кузьма — крестьянин деревни Подсухиной Волоколамского уезда.
- Курин Герасим — крестьянин Богородского уезда Московской губернии, партизан, предводитель отряда крестьян в 5 тысяч пеших и 500 конных. Взял в плен множество отступавших французов, 3 пушки, обоз с хлебом и прочим добром.
- Леонтьев Василий — староста села Яганова Бронницкого уезда.
- Макаров — поручик-партизан в отряде Д. Давыдова.
- Михайлов Николай — дворовый человек сенатора Алябьева, помещика Волоколамского уезда.
- Михайлов Филипп—крестьянин села Середы Волоколамского уезда.
- Немчинов — отставной рядовой из крестьян Волоколамского уезда.
- Новиков — отставной унтер-офицер из крестьян Волоколамского уезда.
- Овчинников Николай — мещанин г. Звенигорода.
- Пентюхов — воскресенский купец.
- Петров Яков — староста села Починок Бронницкого уезда.
- Половцев Василий — дворовый человек Масальского уезда.
- Рагозин В. Г. — дьячок.
- Савельев Никифор — староста села Горок Серпуховского уезда помещика Орлова.
- Самусь Федор Потапов — гусар (рядовой) Елисаветградского полка.
- Селецкий — поручик артиллерии, партизан отряда Фигнера.
- Семенов Герасим — крестьянин деревни Подсухиной Волоколамского уезда.
- Сергеев Федор — служитель звенигородского помещика Ярославова.
- Сеславин А. Н. — см. именной указатель.
- Стулов — крестьянин Богородского уезда Московской губернии.
- Талаев — хорунжий, партизан в отряде Д. Давыдова.
- Тимофеев Сидор — крестьянин села Михайловская Слобода Бронницкого уезда.
- Тихонов Семен — староста села Константинова Бронницкого уезда.
- Федоров Аким — крестьянин села Середы Волоколамского уезда.
- Федоров Михаил — волостной писарь Серединской волости Волоколамского уезда.
- Ферапонтьев Федор—дворовый человек сенатора Алябьева, помещика Волоколамского уезда.
- Фигнер А. С. — см. именной указатель.
- Храповицкий — майор Вольнского уланского полка, партизан.
- Чернышев А. И. — см. именной указатель.
- Четвертаков Ермолай — солдат французского полка, из крестьян.
- Шлиппенбах барон—поручик-артиллерист, партизан отряда Фигнера.
- Щербатый Тихон — мужик, выведен как партизан в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».
- Яковлев Егор — вотчинный староста Остермана, помещика села Ильинского Звенигородского уезда.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Азарово — деревня Смоленской губернии¹ Гжатского уезда.
- Александров день — 30 августа, день именин Александра I.
- Алексеевское в Москве — древнее село. Известно с 1586 года. В черту города включено в 1917 году.
- Алексинки — деревня на реке Колоче, в 2 километрах к юго-западу от Бородина.
- Апраксинский дворец в Москве — дом С. С. Апраксина на бывш. Знаменке, ныне улица Фрунзе, д. № 19, где в настоящее время находится Народный комиссариат обороны СССР. Дом постройки Кваренги сохранился до наших дней.
- Арсенал в Москве — здание в Кремле. Сохранилось с незначительными переделками до наших дней. Построено в 1702 году.
- Архив иностранной коллегии в Москве помещался в Колпачном переулке, д. № 9, где теперь помещается Государственная нотная фабрика им. Чайковского.
- Аустерлиц — город в Меравии; под ним 2 декабря 1805 года Наполеон разбил русские и австрийские войска.
- Балчуг — улица в Москве, соединяющая правый берег р. Москвы с левым берегом Водоотводного канала, составляя продолжение Москворецкой улицы и вливаясь в Пятницкую улицу.
- Беззубово — деревня в 12 километрах к северо-западу от Бородина.
- Белый город — часть Москвы, окружающая Кремль и Китай-город. Название получил после окружения его крепостной каменной стеной в 1587—1593 годах русским мастером Федором Конем.
- Березина — река, левый приток Днепра. Известна гибелью, при переходе ее, остатков армии Наполеона в ноябре 1812 года.
- Биржа — в Москве, находилась на углу Рыбного переулка и бывш. Ильинки, ныне улицы Куйбышева. На ее месте в настоящее время Государственная торговая палата СССР. Здание новое.
- Божедомка. — Кроме двух улиц, это название носила и вся местность между Садовой-Самотечной и нынешней площадью Коммуны. Здесь было много садов: так называемый Корсаков сад, ныне застроенный, Салтыковский сад, ныне сад ЦДКА, и др.
- Борис-Городок — село Московской губернии, Можайского уезда. Был построен Борисом Годуновым на реке Протве, между Вереей и Можайском.

¹ Указано административное деление, существовавшее в России в первой четверти XIX века.

- Борисов** — уездный город Минской губернии, на реке Березине, в 12 километрах от переправы наполеоновской армии при ее отступлении из России в ноябре 1812 года.
- Боровицкие ворота** Кремлевской стены в Москве. — Устроены одновременно с постройкой стены в 1485—1495 годах.
- Боровск** — город бывш. Калужской губернии, ныне районный центр Московской области.
- Боровская дорога** — соединяла Москву с городом Боровском Калужской губернии. Близ Москвы отходит от Калужской дороги (ныне шоссе) у Семеновского, за Ленинскими горами.
- Боровский перевоз** — на реке Москве при пересечении с Рязанской дорогой, между селами Мячиковым и Заозерьем, близ Москвы. Ныне название утрачено.
- Бородино** — село близ города Можайска, в 120 километрах от Москвы. Здесь 26 августа (ст. ст.) 1812 года произошло сражение между русской армией под начальством Кутузова (120 тысяч) и армией Наполеона (130 тысяч). Бой носил чрезвычайно кровопролитный характер. Ночью русская армия продолжала свое отступление к Москве.
- Брест-Литовск** — ныне главный город Полесского воеводства в Польше, в 1812 году уездный город Гродненской губернии.
- Бульвар**, упоминаемый Стендалем, вероятно, Тверской, первый из бульваров, разбитых с 1793 года, после разборки стены Белого города. В 1812 году существовали также Пречистенский, Никитский и Петровский бульвары. Остальные в ту пору еще назывались проездами Белого города.
- Бульвар**. — Здесь идет речь о Тверском бульваре — единственном благоустроенном бульваре, разбитом на месте разобранной части стены Белого города. На бульваре происходили модные тогда гулянья москвичей.
- Бутырки** — местность северной части Москвы, включенная в городскую черту во второй половине XIX века. Известна с конца XVI века.
- Ваграм** — деревня под Веной на Дунае, где 5(17) и 6(18) июля 1809 года Наполеон разгромил австрийцев.
- Вал Воронцова** поля, ныне называется Земляной Вал — улица. Следы прежнего вала были уничтожены только в 1816—1830 годах.
- Вал Красных ворот**, ныне Садовая-Черногрозская — улица. Следы прежнего вала были уничтожены в 1816—1830 годах.
- Валуево** — село на Смоленской дороге и на левом берегу реки Колочи, в 4 километрах к западу от Бородина.
- Варварка** — улица в Москве, ныне улица Разина.
- Василий Блаженный** — собор на Красной площади в Москве. Построен в 1555—1560 годах русскими мастерами Постником и Бармою. Замечательный памятник русской архитектуры.
- Ведеты** — военный термин: ближайшие к неприятелю часовые в передовой цепи.
- Вешняково** (оно же Вишняково) — село в 15 километрах к западу от города Бронниц.
- Вешняковская церковь** — южнее села Кускова, ныне близ станции Вешняки Ленинской железной дороги, в 14 километрах от Москвы.

- Вильна** — главный город Виленского воеводства в Польше, бывший губернский город царской России.
- Винный двор в Москве** — у Каменного моста. Был основан в первой половине XVIII века. Ныне на этом участке выстроен Дом правительства (на улице Серафимовича).
- Витебск** — бывш. губернский город на Западной Двине, ныне — окружной центр БССР.
- Владимир** — бывш. губернский город, ныне Ивановской области.
- Владимирская дорога**. — Упомянутое место соответствует нынешней Дангауэровской слободке на шоссе Энтузиастов.
- Владимирская застава** — в Москве, ныне застава Ильича.
- Влахернское**, ныне Кузьминки, называлось также Мельницей, — в 10 километрах от бывш. Покровской, ныне Абельмановской заставы.
- Воздвиженка** — улица в Москве, ныне улица Коминтерна.
- Волоколамск** — бывш. уездный город Московской губернии, ныне районный центр Московской области, в 126 километрах от Москвы.
- Воробьевы горы** — в Москве, на правом берегу реки Москвы, ныне Ленинские.
- Воронovo** — село Московской губернии Верейского уезда, на старой Калужской дороге. Принадлежало Ф. В. Ростопчину.
- Воронцова поля вал** — см. Вал Воронцова поля.
- Воря** — река правый приток реки Угры, притока Оки.
- Воскресенск** — город Звенигородского уезда, ныне город Истра.
- Воскресенское село** — в 10 километрах к западу от города Бронниц.
- Воспитательный дом в Москве** — ныне Дворец труда, на Москворецкой набережной. Построен в 1764—1770 годах архитектором Бланком для Воспитательного дома. В пожар 1812 года уцелел.
- Вотчинный департамент** — учрежден временно в Москве в 1786 году для окончания оставшихся от Вотчинной коллегии дел. Коллегия была открыта в 1722 году и ведала справками о землях и земельными процессами.
- Вохрино** — деревня, вероятно, Выхино, в 9 километрах от бывш. Покровской, ныне Абельмановской заставы.
- Всехсвятское** — село близ Москвы, ныне входит в территорию города, представляя собой участок Ленинградского шоссе от Invalidного переулка до поселка «Сокол».
- Выткарино** — см. Лыткарино.
- Вышгородская волость** — Верейского уезда Московской губернии.
- Вшивая горка** — местность в Москве между нынешними Интернациональной улицей, Котельнической и Подгорской набережными.
- Вяземский уезд** — Смоленской губернии.
- Вяземы** — древнее село Московской губернии, в 44 километрах от Москвы.
- Вязьма** — бывш. уездный город Смоленской губернии. 22 октября (ст. ст.) 1812 года в ней произошел упорный бой с французскими войсками во время их отступления из Москвы.
- Вязьма (селение)**, вероятно, Вяземы, — село Московской губернии, на Можайской дороге, в 40 километрах от Москвы; здесь ночевал Наполеон с 1 на 2 сентября.

- Гверильясы — партизаны в Испании; особое значение имели во время войн с французами в 1808—1813 годах.
- Георгия церковь — в Грузинах, в Москве. Ныне на Георгиевской площади, близ Зоологического сада.
- Гжатск — бывш. уездный город Смоленской губернии.
- Гжать — река, приток Вазузы, притока Волги.
- Гжель — село Бронницкого уезда, в 58 километрах к востоку от Москвы, по Куровской ветке Ленинской железной дороги. Известно по фарфоровому производству с 1802 года.
- Горки — селение в 1 километре восточнее Бородина, на Можайской дороге.
- Госпожинки, вернее — «Спожинки», т. е. дни, идущие за окончанием жатвы, приблизительно с 1 августа, и продолжающиеся до 15 августа.
- Гостиный двор — в Москве на Красной площади, иначе назывался «Торговые ряды» и просто «Ряды». После пожара 1812 года перестроен дважды. Ныне известен как здание б. ГУМ.
- Грановитая палата — в московском Кремле, построена итальянцами Марком Руфом и Петром Антонием в 1487—1491 годах.
- Гребнево — село в 5 километрах к востоку от Щелкова (Щелково — в 36 километрах от Москвы по Северной железной дороге).
- Гриднева — деревня в 16 километрах западнее Бородина, по Смоленской дороге.
- Десна — река, правый приток реки Пахры.
- Дом Баташева — ныне занят больницей им. Медсантруд, на Интернациональной улице (д. № 7). Выстроен в 1798 году.
- Дом гр. Бутурлина, в Немецкой слободе, в пожар 1812 года только обгорел; находится на Почтовой улице (д. № 2), во дворе, ныне занят общежитием.
- Дом генерала-губернатора в Москве — ныне здесь помещается Моссовет и Мособлисполком, улица Горького, д. № 31. Построен в 1782 году архитектором М. Ф. Казаковым.
- Дом Голохвостова — на Тверском бульваре в Москве, ныне дома № 15, 15а, 15б, не сохранился.
- Дом губернатора — на Петровке в Москве, ныне дом № 6, на углу Кузнецкого Моста. Перестроен.
- Дом Грузинского Якова Леоновича, князя, — на Камер-Коллежском Валу в Москве. Владение тянулось от Вала до Малой Грузинской по Охотничьему переулку.
- Дом Корсаковых. — Дома Корсаковых в Москве были: И. Н. Корсакова — на Тверском бульваре, № 24—26, М. И. Корсаковой — на Пушкинской площади, № 3, и др.
- Дом Одоевского Петра Ивановича — на Камер-Коллежском Валу в Москве. Владение тянулось между Красной Пресней, Пресненским Валом и Охотничьим переулком.
- Дом Поздников в Москве — не сохранился, находился на углу улицы Герцена и улицы Станиславского (бывш. Леонтьевского переулка), № 26. В нем устраивались спектакли французской труппы при Наполеоне, после пожара Арбатского театра.
- Дом Ростопчина — на Лубянке в Москве. Ныне участок занят вновь выстроенным универсамом на углу улицы Дзержинского и Фуркасовского переулка.

- Дом П. Салтыкова находился на внешнем проезде Пречистенского, ныне Гоголевского, бульвара, № 31. Не сохранился.
- Дом Трубеевского на Покровке — дом № 22, ныне занят школой № 21 Красногвардейского района. От пожара 1812 года не пострадал.
- Дом Урусова помещался на Большой Дмитровке (ныне Пушкинская улица), № 9—11. В нем впоследствии было училище колонновожатых, учрежденное Н. Н. Муравьевым.
- Дом княжны Хованской — в Москве, на Поварской, угол Трубниковского переулка, № 29.
- Донской монастырь в Москве — ныне здесь Музей архитектуры. Его постройки относятся к XVI, XVII и XVIII векам.
- Дорогомиллово, Дорогомилловская застава, Дорогомилловский мост — местность в Москве на правом берегу реки Москвы, расположена на Можайской дороге, служащей продолжением Арбата и Смоленской улицы. Известна по актам с 1412 года. Застава учреждена с начала XVIII века при постройке вокруг города Камер-Коллежского Вала. Иначе называлась Драгомилловской заставой.
- Дорогомилловская слобода или Дорогомилловская ямская слобода в Москве — ныне Дорогомиллово Киевского района.
- Дровяной рынок — у Дорогомилловского (т. е. Бородинского) моста через реку Москву. Примыкающие к реке Москве переулки носят название Николо-Щеповских, по бывшему здесь в XVII веке государеву Щепному двору.
- Дубна — село Серпуховского уезда Московской губернии, в 25 километрах к северу от Серпухова.
- Дурниха — деревня между Рязанской дорогой и рекой Москвой, в 3 километрах к югу от слободы Михайловской.
- Епифань — уездный город Тульской губернии.
- Жданская — деревня в 16 километрах к западу от города Бронниц.
- Жирошкина — деревня в 10 километрах к юго-западу от города Бронниц.
- Залесье — село Бронницкого уезда, в 18 километрах к западу от города Бронниц.
- Замоскворечье — часть города Москвы, отделенная от центра — Кремля рекой Москвой.
- Звенигородская дорога — за Пресненской заставой. Ныне застроена, носит название Звенигородского шоссе.
- Звенигородская застава, в Москве — Пресненская застава.
- Здвиженский дом, т. е. Воздвиженский дом, — дом Шереметевых на бывш. Воздвиженке, ныне улице Коминтерна (№ 8). Построен в 1770 году, вероятно, арх. Кваренги. От пожара 1812 года уцелел.
- Земляной город — одна из частей города Москвы, окружавшая Белый город, а с юга — Кремль и Китай-город (в Замоскворечье). В 1592—1593 годах был заключен в деревянные крепостные стены.
- Зерна или Озерна — река, правый приток реки Рузы, приток реки Москвы.
- Знаменка — улица в Москве, ныне улица Фрунзе.
- Егорьевское — село Медынского уезда Калужской губернии, в 27 километрах к северу от Медыни.

- Иван Великий — колокольня для всех соборов в Кремле. Построена в 1508 году итальянцем Боном. В 1812 году сильно пострадала от взрыва, особенно в центральной части.
- Иверская часовня — в Москве, до сноса находилась в так называемых Воскресенских воротах.
- Измаил — крепость, ныне город Измаил в Бессарабии, пристань на Дунае. Во время русско-турецкой войны 1787—1791 годов крепость была взята 11 декабря 1790 года Суворовым.
- Ильинское — село Звенигородского уезда на реке Истре, близ города Воскресенска.
- Инсар — город Пензенской губернии, ныне село Мордовской АССР.
- Исправник — начальник полиции в уезде.
- Казанская дорога. — Здесь имеется в виду Владимирская дорога, т. е. теперешнее шоссе Энтузиастов.
- Какузеева, или Какузина, — деревня между Рязанской дорогой (в 8 километрах) и рекой Пахрой (в 5 километрах).
- Калуга — бывш. губернский город на реке Оке.
- Калужская дорога — ныне Калужское шоссе, идет по тому же направлению.
- Калужские ворота в Москве — стояли на месте теперешней Октябрьской площади Ленинского района и находились в стене Земляного города XVI века.
- Калужская улица в Москве, ныне Большая Калужская улица Ленинского района.
- Каменный мост в Москве через Москва-реку. Построен первоначально каменным в XVII веке. Современный построен в 1859 году.
- Камер-Коллежский Грузинский Вал в Москве. — Камер-Коллежский Вал построен в 1742—1752 годах в таможенных целях и окружал весь город. Ныне называется Валом.
- Каретный ряд — улица в Москве; название сохранила до наших дней.
- Касимов — бывш. уездный город Рязанской губернии.
- Китай-город в Москве. — Окружен каменными крепостными стенами в 1534—1538 годах. Стены снесены в различное время (на Театральном проезде, Новой и Старой площадях — в последние годы). Частично стены сохранились.
- Клин — бывш. уездный город Московской губернии.
- Клименты церковь — на Пятницкой улице в Москве, сооружена архитектором Евлашевым в 1756—1774 годах в стиле барокко.
- Ковно — город на реке Немане.
- Клуб, упоминаемый Стендалем, может быть только Английский клуб, существовавший в 1812 году и находившийся тогда в бывш. доме Гагарина на углу Нарышкинского проезда и Петровки, где в настоящее время помещаются клиники 1-го Московского медицинского института (2-я клиническая больница). Дом и клуб в пожар 1812 года выгорели внутри.
- Коломенская дорога, т. е. дорога в город Коломну. Теперь по ней проходит Рабочая улица, которая вместе с 16 переулками раньше называлась Коломенской.
- Коломенская застава в Москве или Рогожская застава — ныне застава Ильича, Таганского района.
- Коломна — бывш. город Московской губернии.

- Колоцкий монастырь** — Смоленской губернии Гжатского уезда, в 9 километрах к западу от Бородина, близ Смоленской дороги, в 2 километрах от реки Колочи. Основан в 1413 году. В 1812 году был сильно опустошен французами.
- Колоча** — река, правый приток реки Москвы.
- Коммерческое училище** в Москве, на Остоженке, ныне Метростроевской улице, дом № 38; бывш. дом Еропкина, построен в 1771 году, до 1936 года был занят рабфаком им. Свердлова, ныне — школами № 36 и № 50.
- Комиссариат**. — Здание сохранилось до наших дней, выходит на Садовническую набережную (д. № 53) и Садовническую улицу. Построено для военных вещевых складов (что и значило тогда «комиссариат») в 1780 году архитектором М. Ф. Казаковым.
- Константиново** — село к югу от Мячкова, в 12 километрах, на правом берегу реки Пахры.
- Красная Пахра** — село в 45 километрах от Москвы по Калужскому шоссе, на пересечении бывш. Калужской дороги с рекой Пахрой.
- Красная площадь** — в Москве.
- Красное** — надо читать город Красный Смоленской губернии.
- Красный** — бывш. уездный город Смоленской губернии. В 1812 году под Красным были битвы с французами 2 августа (при наступлении) и 3—6 ноября (при отступлении). В последней битве арьергард французской армии был совершенно уничтожен русскими.
- Красные ворота** — в Москве, стояли в центре нынешней Красноворотской площади.
- Красных ворот вал** (Садовая-Черногрязская) — см. Вал.
- Кремль** — в Москве, древняя цитадель Москвы. Ядро, из которого развился город.
- Кремлевский дворец** в Москве. — Сохранился во внешнем виде со времени его постройки в 1838—1849 годах архитектором Тоном. В 1812 году на его месте был старый, построенный архитектором Растрелли в 1753 году, в котором жил Наполеон. Дворец в пожар 1812 года сгорел.
- Крымский брод** в Москве — на реке Москве, где ныне Крымский мост. Первый деревянный мост на Крымском броде был построен в 1783 году, а до этого здесь была переправа вброд.
- Кузни близ Варварки** (ныне улица Разина). — Кузни размещались в XVII веке за Варварскими воротами, направо, где в настоящее время проходит Китайгородский проезд.
- Кулакова** — деревня близ Рязанской дороги, в 35 километрах от Москвы, влево после пересечения Москва-реки.
- Кусково** — село и имение Шереметевых между Владимирской и Рязанской дорогами, в 10 километрах от Москвы.
- Левшино** — сельцо Сычевского уезда Смоленской губернии (в 15 километрах от Сычевки).
- Лефортовская застава** в Москве — то же, что Проломная.
- Логинова** — деревня в 2 километрах к северу от Бородина.
- Лопасня** — селение бывш. Серпуховского уезда на Серпуховской дороге, в 75 километрах от Москвы.

- Лублино — село, надо читать Люблино — между Рязанской и Серпуховской дорогами, в 10 километрах от Москвы.
- Лубянка Большая — улица в Москве, ныне улица Дзержинского.
- Лучинское — село бывш. Звенигородского уезда, на Волоколамской дороге, близ города Воскресенска (ныне город Истра), в 61 километре от Москвы.
- Луцк — город, ныне Волынского воеводства в Польше.
- Лыткарино — село на левом берегу реки Москвы, в 5 километрах от Рязанской дороги.
- Малоярославец — бывш. уездный город Калужской губернии. Отмечен боями в 1812 году.
- Мамонново — деревня на Можайской дороге, в 20 километрах к западу от Москвы.
- Маросейка — улица в Москве, сохранила свое название поныне.
- Маслова — деревня в 5 километрах к северо-востоку от Бородина, на реке Москве. Крайне-правый пункт расположения русских войск перед началом сражения при Бородине. Здесь были сооружены значительные военные укрепления; однако непосредственно в деревне Масловой военные действия не происходили.
- Медынь — бывш. уездный город Смоленской губернии. В 1812 году здесь русские разбили авангард князя Понятовского.
- Мемель — город в Восточной Пруссии.
- Милиция — см. Ополчение.
- Миусская застава в Москве — иначе Бутырская.
- Михайловская слобода — село на правом берегу реки Москвы и на левой стороне Рязанской дороги, в 2 километрах от деревни Кулаковой и в 37 километрах от Москвы.
- Можайск — бывш. уездный город Московской губернии.
- Можайская дорога — ведет в Москву. По ней наступали войска Наполеона.
- Мосальск — бывш. уездный город Калужской губернии.
- Москательный ряд в Гостином дворе в Москве. — В нем сосредоточивалась торговля москательными, легко воспламеняющимися в большинстве товарами.
- Москворецкий мост — перекинут через р. Москву между Москворецкой улицей и Балчугом. В 1812 году был деревянным.
- «Московские ведомости» — газета, издавалась Московским университетом с 1756 года. В 1812 году являлась официальным изданием и выходила два раза в неделю.
- Мостовое — село на реке Десне, в бывш. Подольском уезде Московской губернии, в 15 километрах к северо-западу от Подольска.
- Моховая улица — в Москве, сохранила поныне свое название.
- Мясницкая улица — в Москве, ныне улица Кирова.
- Мячково — село Верхнее и Нижнее — на обоих берегах реки Москвы, близ впадения в нее реки Пахры.
- Нара — река, левый приток реки Оки.
- Нара — в 1812 году города Нары не было; село Фоминское на пересечении Калужской дороги с рекой Нарой получило название Наро-Фоминское во второй половине XIX века.
- Неглинная улица — в Москве, сохранила свое название поныне. В 1812 году проходила по правому берегу реки Неглинки, еще не заключенной в трубу.
- Неман — река, впадает в Балтийское море, составляла границу между Россией и Германией. Ныне служит границей между Латвией и Германией.

Нижний-Новгород — ныне город Горький.

Никола Явленный — церковь на Арбате в Москве, стояла на правом углу Серебряного переулка.

Никольские ворота в Кремлевской стене. — После взрыва 1812 года верхняя часть башни обрушилась. Отстроены заново в 1816 году совершенно в другом стиле (готическом), чем все прочие.

Никольское — село Волоколамского уезда, в 40 километрах к западу от Волоколамска.

Никольская улица — в Москве, ныне улица 25 Октября.

Новинское — предместье в Москве. Так называлась местность между современным Новинским бульваром и рекой Москвой.

Новое — село в 2 километрах к северо-востоку от Бородина, на левом берегу реки Колочи.

Новые ряды у Вишней Горки в Москве. — Ошибка автора: таких в этой местности не было.

Новый Иерусалим — монастырь Звенигородского уезда, ныне находится в городе Истре; в нем размещен музей.

Ополчение или милицию начали организовывать в 31 губернии после манифеста 30 ноября (12 декабря) 1806 года.

Ораниенбаум — заштатный город Петербургской губернии.

Ордынка Большая — улица в Москве. Сохранила свое название до наших дней.

Остреиц — искаженное Аустерлиц.

Оружейная палата в московском Кремле. — В 1813 году Оружейная палата помещалась в здании, которое носит название «казарм» (между Троицкими воротами и Царь-пушкой). В теперешнее помещение палата переведена в 1849 году, строил ее архитектор Тон.

Орша — уездный город Могилевской губернии.

Останкино под Москвой (ныне Пушкинское). — В 1812 году представляло собой одну из подмосковных графа Шереметева. Отстояло от тогдашней черты города в 4 километрах и отделялось значительным перелеском, так называемой Марьиной рожей.

Панки — село в 15 километрах от Москвы. Находилось на Рязанской дороге, ныне в 1 километре от города Люберцы.

Палерояль — дворец с садом, построенный Ришелье в XVII веке. Под окружавшими его арками помещались многочисленные магазины и рестораны.

Перервинский монастырь и Перерва — ныне местность у станции Люблино Дзержинской железной дороги.

Песочная — деревня близ Воскресенска, ныне город Истра.

Петровский дворец в Москве на Петербургской дороге — ныне Ленинградском шоссе. Здание уцелело от пожара 1812 года. Было построено в 1775—1782 годах арх. М. Ф. Казаковым. В настоящее время в этом здании помещается Военно-воздушная академия им. Н. Е. Жуковского.

Петровский парк в Москве. — В 1812 году никакого парка на этом месте не было. Земля принадлежала Петровскому монастырю и стояла незастроенной. Парк устроен лишь в 30-х годах XIX века.

Петровско-Разумовское — предместье Москвы в 4 километрах от муниципальной границы. Ближайшая дорога — Дмитровская. Кроме нее, в 1812 году существовала специальная дорога, проложенная к западной части Бутырок, где она выходила на Дмитровскую дорогу. В настоящее время здесь проходит Старое шоссе.

Пионерные войска — инженерные.

Поварская — улица в Москве, ныне улица Воровского.

Подольск — заштатный город Московской губернии Звенигородского уезда.

Подсухина — деревня Волоколамского уезда, на реке Малая Иночь, в 35 километрах от Волоколамска.

Поклонная гора — возвышенность на Можайской дороге за Дорогомиловской ямской слободой.

Покровка — улица в Москве; сохранила свое название до наших дней.

Покровская часть города Москвы — соответствует частично нынешнему Бауманскому району.

Полевой двор — в Москве. Полевой артиллерийский двор находился тогда на месте теперешнего вокзала Ярославской железной дороги на Комсомольской площади.

Пороховой магазин — см. Пороховые погреба.

Пороховые погреба — у Симонова монастыря в Москве.

Порхов — деревня в 6 километрах к югу от Волоколамска.

Починки — село в 10 километрах к юго-западу от города Бронниц.

Почтамт Московский — в 1812 году помещался на том же месте, что и ныне (улица Кирова, д. № 26).

Пресненская застава — в Москве, находилась там же, где в настоящее время.

Пресненские пруды в Москве занимали нынешнюю территорию Зоопарка (пруд сохранился) и территорию стадиона «Искра» союза работников полиграфической промышленности, устроенную в советское время путем засыпки так называемого Нижне-Пресненского пруда. На Пресненских прудах в начале XIX века происходили такие же гулянья москвичей, как и на Тверском бульваре.

Пречистенка — улица в Москве, ныне улица Кропоткина.

Провиантские магазины — нынешнее здание на углу Метростровской улицы и Zubовского бульвара, выстроено после пожара 1812 года, в 1830-х годах, вероятно, арх. Жиларди.

Пятницкая улица — в Москве, поныне сохранила свое название.

Редуты (флешы) Багратиона. — Редуты — военно-инженерный термин, обозначающий замкнутые со всех сторон полевые укрепления.

Рогачев — деревня в 12 километрах к западу от города Бронниц.

Рогожская застава — в Москве, ныне застава Ильича.

Рославль — уездный город Смоленской губернии.

Ртищево или Артищево — село Серпуховского уезда, на Калужской дороге, в 65 километрах от Москвы.

«Руга» — хлеб зерном, позже — деньги, выдававшиеся в виде регулярного пособия, либо жалованья монастырям, церквам и служителям культа.

Руза — уездный город Московской губернии.

- Рюховское — село Волоколамского уезда, в 10 километрах к югу от Волоколамска.
- Рязанская застава в Москве — ныне Абельмановская застава.
- Рязанская дорога начиналась от нынешней Абельмановской заставы и шла через Хохловку и Карачарово, расположенные по Нижегородской улице и ее продолжению.
- Сельвачева — деревня в 18 километрах к западу от города Бронниц.
- Семеновское — село Серпуховского уезда, на реке Лопасне, между Серпуховской и Каширской дорогами, в 75 километрах от Москвы.
- Семеновское — селение в 2 километрах к югу от Бородина через реку Колочу.
- Сенатская площадь в московском Кремле — ныне площадь возле здания бывшего Арсенала.
- Сенатское здание в Кремле в Москве или Сенат. — Здание было выстроено для Сената в 1776—1784 годах арх. М. Ф. Казаковым. Здание сохранилось.
- Середа — село Волоколамского уезда, на реке Мутне, притоке Рузы, в 28 километрах к западу от Волоколамска.
- Сивково — село, вероятно Савково, отстоящее от Бородина и от Борисова Борodka в 9 километрах.
- Симонов монастырь в Москве. — Ныне вместо зданий монастыря выстроен Дворец культуры ВЦСПС.
- Скаковой круг в 1812 году не существовал.
- Скугарево — село Медынского уезда Смоленской губернии.
- Слободской дворец в Москве — ныне занят Краснознаменным Московским механико-машиностроительным институтом им. Н. Э. Баумана (2-я Бауманская ул., д. № 5). Здание построено в 1788 году арх. М. Ф. Казаковым. В 1812 году сгорел, после чего отстроен в 1830 году арх. Д. И. Жиларди; в советское время надстроен.
- Смоленск — губернский город.
- Смоленская дорога служит продолжением Можайской, начинающейся в Москве от Дорогомиловской заставы. Иногда Можайскую дорогу называют Смоленской.
- Смоленская застава — в Москве, ныне Дорогомиловская.
- Смоленское шоссе — т. е. Можайская дорога близ Дорогомилова в Москве.
- Солянка — улица в Москве, сохранила свое наименование до наших дней.
- С.-Петербургское шоссе в Москве — ныне Ленинградское шоссе.
- С.-Петербургская дорога — ныне Ленинградское шоссе.
- Сражение под Москвой, Московская битва — Бородинская битва, сражение 7 сентября (26 августа).
- Старообрядческое кладбище в Москве — ныне Рогожское кладбище на Старообрядческой улице.
- Страстной монастырь в Москве — до 1937 года стоял на Пушкинской площади.
- Стромилово — селение Серпуховского уезда между Тульской и Калужской дорогами, в 15 километрах от села Тарутина.
- Студенка — урочище близ города Борисова Минской губернии.

Сычевка — уездный город Смоленской губернии.

Таруса — уездный город Калужской губернии.

Тарутино — село Калужской губернии Боровского уезда.

Тарутинский лагерь — в 1812 году 6 октября произошел бой между войсками Кутузова и Мюрата, окончившийся отступлением французов.

Татариново — село в 4 километрах к востоку от Бородина по Смоленской дороге.

Тверская площадь — ныне Советская площадь в Москве.

Тверская улица в Москве — ныне улица Горького.

Тверской бульвар — см. Бульвар.

Тверская застава — в Москве, сохранила свое наименование до наших дней.

Тверь город — ныне город Калинин.

Тильзит — город в Пруссии, где в 1807 году Александр I имел свидание с Наполеоном и заключил с ним мирный договор.

Троица в Голенищеве — ошибочно обозначено село Троицко-Голенищеве на правом берегу реки Сетуни за Ленинскими (бывш. Воробьевскими) горами, близ Москвы. Расстояние от Троицкого Голенищева до Бутырок Герцен преувеличил: между ними не 40 верст, а всего верст 10.

Троицкая дорога — ныне Ярославское шоссе от Москвы.

Тульская дорога — здесь имеется в виду Серпуховская дорога.

Тюильри — дворец в Париже, построенный во второй половине XVI века.

Уварово — село на Смоленской дороге.

Ульм — город в Вюртемберге (Германия). В 1805 году Наполеон заставил капитулировать здесь австрийцев.

Университет Московский. — Здание построено в 1786 году арх. М. Ф. Казаковым, сгорело в 1812 году и вновь отстроено в 1817 году арх. Д. Жиларди.

Университетский благородный пансион помещался в здании, вместо которого ныне выстроен Народный комиссариат связи — улица Горького, д. № 17.

Успенский собор в московском Кремле; построен Аристотелем Фиоранти в 1475—1479 годах. Сохранился до наших дней.

Утица — деревня в 4 километрах к югу от Бородина.

Фили — село под Москвой, ныне входит в Киевский район города Москвы. В 1812 году село было расположено ближе к Можайской дороге, на Поклонной горе.

Флеши (Багратиона) — фортификационное сооружение, состоящее из укреплений на углах гласиса — земляной насыпи перед рвом.

Фоминское село — на пересечении Калужской дороги с рекой Нарой. Ныне называется Наро-Фоминское.

Фомкино — деревня на реке Колоче, в 4 километрах к западу от Бородина.

Фридляндское сражение произошло в 1807 году в Пруссии, когда Наполеон разбил русские и прусские войска под начальством Беннигсена.

- Хату́нь — село Серпуховского уезда, на реке Лопасне, между Тульской и Каширской дорогами, в 80 километрах от Москвы.
- Хороше́во — село близ Москвы, в 7 километрах за Пресненской заставой, на левом берегу реки Москвы.
- Царево-Займи́ще — селение Смоленской губернии, на Смоленской дороге, в 15 километрах западнее Гжатска.
- Целова́льник — в XVI—XVII веках должностное лицо, целовавшее крест, дававшее специальную присягу на исполнение ответственных должностей, например таможенные и кабацкие целовальники при головах, губные — при губных старостах для поимки и казни преступников и т. п.
- Чану́сова, или Танусово, — деревня в 12 километрах к юго-западу от города Бронниц.
- Черепко́во — деревня близ Москвы на правом берегу реки Москвы, против Хорошева.
- Чугу́нный завод купца Расторгуева — в Москве, находился в Грузинах, в нынешнем Расторгуевском переулке, который назывался по владельцу завода.
- Чулко́ва — деревня близ Рязанской дороги, в 1 километре от деревни Кулаковой.
- Шанский завод — селение Калужской губернии.
- Шеварди́но — село в 3 километрах к югу от Бородина, впереди села Семеновского.
- Шереметевский госпиталь (больница) — ныне Институт травматологии и неотложной медицинской помощи им. Склифасовского на Большой Колхозной площади (д. № 3). Построен в 1803 году арх. Е. Назаровым и дополнен Кваренги.
- Шубинская волость — Бронницкого уезда.
- Шу́бино — село в 18 километрах к юго-западу от города Бронниц.
- Шелко́во — деревня, ныне крупный промышленный центр, в 36 километрах от Москвы по Северной железной дороге.
- Щербинки — подмосковная Лобановых, в 25 километрах от заставы (Серпуховской).
- Эйлау — город в Пруссии, где в 1807 году Наполеон разбил войска Беннигсена и Лестока.
- Эрфу́рт — город в Саксонии (Германия). В 1807 году в нем произошел съезд германских князей и дипломатов, созданный по инициативе Наполеона, а в 1808 году произошло свидание Наполеона с Александром.
- Юхновский уезд — Смоленской губернии.
- Юхно́в — уездный город Смоленской губернии.
- Ягано́во, оно же Егано́во, — село, расположенное по другую сторону Рязанской дороги, против Михайловской слободы.
- Яри́ло — местность близ Поклонной горы, на Можайской дороге.
- Яу́зский мост в Москве — ныне Астаховский мост, соединяющий Яузскую улицу с Таганской улицей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Дж. Байрон — Собрание сочинений.
К. Н. Батюшков — Сочинения.
А. Бестужев-Рюмин — Краткое описание происшествий в Москве в 1812 г. Чтения Моск. ун-та, 1859 г., кн. 2.
«Бумаги, относящиеся к войне 1812 г.». Собрал и издал П. И. Щукин, части I/X. М. 1896—1908 гг. Из этих сборников приведены: Журнал исходящих бумаг московского главнокомандующего Ф. В. Ростопчина с августа по декабрь 1812 г. Статистические сведения о состоянии Москвы в 1812 г. Письма московских жителей С. Мизина, Сокольского, Тихонина, Алябьева, капитана Колобкова. Письмо чиновника А. Карфачевского. Донесение приказчика кн. А. М. Голицыну. Донесение приказчика гр. Шереметеву. Рассказ о подвиге солдата Самуся.
В. Н. Гартвельд — 1812 г. в песнях, Москва 1912 г.
А. И. Герцен — Собрание сочинений, под ред. М. К. Лемке, СПб. 1918.
Г. П. Данилевский — Сожженная Москва (исторический роман), М. 1886 г.
Д. Давыдов — Дневник партизанских действий, М. 1836 г.
Д. Давыдов — Стихотворения, М. 1832 г.
Вл. Даль — Сборник пословиц, поговорок, речений, П.—М. 1914 г.
Де-ла-Флиз — Поход Наполеона в Россию в 1812 г., М. 1911 г.
Н. А. Дурова — Кавалерист-девица. Записки, Москва 1836 г.
А. П. Ермолов — Записки, М. 1863 г.
Загоскин М. Н. — Рославлев или Русские в 1812 г.
И... Р... — Походные записки артиллериста, часть 1, М.
«Интернациональная литература», журнал № 4—5 за 1932 г. Отсюда приведен дневник Стендаля.
В. В. Каллаш — Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников, М. 1912 г. Из этого сборника приведены: С. Н. Глинка — Записки о 12-м годе. М. А. Дмитриев — Смерть Верещагина. П. А. Вяземский — Воспоминания о 1812 годе. Ф. Ростопчин — Записки. А. П. Беляев — Воспоминания декабриста. И. Д. Якушкин — Записки. К. Н. Батюшков — Письма П. А. Вяземскому. М. А. Волкова — Письма к В. И. Ланской. А. И. Тургенев и П. А. Вяземский — Переписка. П. Каховский — Письмо Николаю I. А. Бестужев — Письмо Николаю I. Н. М. Карамзин — Письма к И. И. Дмитриеву.
П. Г. Кичеев — Воспоминания о пребывании неприятеля в Москве в 1812 г., М. 1858 г.
К. Клаузевиц — 1812 год, Воениздат, М. 1937 г.
Б. М. Колюбакин — 1812 г. (воспоминания офицера французского кирасирского № 2 полка), СПб ¹.
И. А. Крылов — Басни.
М. Ю. Лермонтов — Собрание сочинений.

¹ Хотя автором этой книги указан Б. Колюбакин, но на деле он является лишь автором предисловия к книге французского офицера Тириона.

- Ц. Ложье — Дневник офицера великой армии в 1812 г., М. 1912 г.
- С. Любецкий — Москва в 1812 г., М. 1872 г. Отсюда приведен ряд поговорок и песен.
- Н. Е. Митаревский — Воспоминания о войне 1812 г. (записки артиллерийского офицера), М. 1871 г.
- Д. Л. Мордовцев — Двенадцатый год, I, II и III части, СПб. 1890 г.
- «Москва в истории и литературе» под редакцией М. Н. Коваленского, СПб. 1912 г. Из этого сборника приведены: Дж. Байрон — Стихотворение. Наполеон — О пожаре Москвы. Домерг — Россия во время войн 1805—1815 гг.
- «Полное собрание анекдотов достопамятнейшей войны россиян с французами», М. 1814 г. Приведено несколько рассказов о действиях партизан в окрестностях Москвы.
- А. С. Пушкин — Собрание сочинений.
- Ф. Растковский — Об Отечественной войне, СПб. 1876 г.
- Г. Роос — С Наполеоном в Россию, М. 1912 г.
- «Россия и Наполеон» — сборник (составители: Н. Л. Бродский, С. П. Мельгунов, К. В. Сивков, Н. П. Сидоров), М. 1912 г. Из этого сборника приведены письма П. Поздеева к С. Ланскому.
- И. Руа — Французы в России, СПб. 1912 г.
- «Русский архив» за 1868, 1871, 1876, 1885, 1902 и 1907 гг. Из этого журнала приведены: Вл. Бр-н — Рассказы из истории 1812 г. Макашев — Записки ростовца. Н. Н. Муравьев — Записки. А. Н. Оленин — Из тетради. Ф. В. Ростопчин — Письма к П. А. Толстому. С. Уклонский — Василий Григорьевич Рагозин — дьячок-партизан и разведчик. Рассказ дворовой женщины о двенадцатом годе. Г. Ф. Фабер — Письма из Петербурга.
- К. Ф. Рылеев — Собрание сочинений.
- Сегюр — Поход в Москву в 1812 г., М. 1911 г.
- Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году, I и 2 части, М. 1814 г.
- Л. Н. Толстой — Война и мир.
- Т. Н. (Толычева) — Рассказы очевидцев о двенадцатом годе, М. 1873. Из этого сборника приведены рассказы А. П. Полуярославцевой и В. Сысоева.
- Н. И. Тургенев — Россия и русские, М. 1912 г.
- 1812 год — Песни о нашествии Наполеона в Россию.
- «Французы в России», сборник (составители: А. М. Васютинский, А. К. Дживелегов, С. П. Мельгунов), М. 1912 г. Из этого сборника приведены: Е. Лабом — Отчет о кампании в России. Дедем — Мемуары. Гриуа — Мемуары.
- В. Харкевич — 1812 г. в дневниках, в записках и воспоминаниях современников (материалы военно-ученого архива главного штаба), I, II, III и IV вып., Вильно 1900 г. Приведены записки А. Щербинина.
- В. Штейнгель — Записки касательно составления и самого похода Санкт-Петербургского ополчения против врагов отечества 1812—1813 гг., СПб. 1814—1815 г.
- Н. М. Языков — Стихотворения, СПб. 1858 г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	1
МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА, ДОКУМЕНТЫ	1
Глава первая. Перед вступлением наполеоновской армии в Москву	3
Глава вторая. Русская армия и население покидают Москву	18
Глава третья. Наполеоновская армия в Москве	33
Глава четвертая. Пожары и грабежи в Москве	50
Глава пятая. В окрестностях Москвы	78
Глава шестая. Партизанское движение	87
Глава седьмая. Изгнание наполеоновской армии	119
Глава восьмая. Общественные настроения после войны .	142
НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕ- НИЯ	147
СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ О ВОЙНЕ 1812 г.	249
ПРИЛОЖЕНИЯ	341
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	346
ПАРТИЗАНЫ 1812 г. (УКАЗАТЕЛЬ)	362
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	364

scan waleriy

Ответственный редактор
ЧЕРНЯК Я. М.

Художник
ЛОБАНОВ Н. М.

Технический редактор
ТИХОНОВ Н. И.

Сдано в производство 2/XII 1937 г. Подписано
к печати 17/IV 1938 г. Московский рабочий № 161
Мособлгортлит № Б-3625. Тираж 10000 экз.
Формат бумаги $62 \times 94\frac{1}{4}$. Объем $25\frac{1}{4} + 2\frac{1}{2}$ печ. л.
Учетн. авт. лист. 31,6 Заказ 1.43

Цена книги 6 руб. 75 коп.
Переплет 2 руб. 25 коп.

13-я тип. и шт.-граверная Мособлполиграфы,
Петровка, 17.

